БД
40
Л-36
Р. Левинсон
Перемещ.
капиталов
Л, 1926

РИХАРД ЛЕВИНСОН
(МОРУС)

БД
40
Л36

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ КАПИТАЛОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

«ПРИБОЙ» ЛЕНИНГРАД – 1926

РИХАРД ЛЕВИНСОН (МОРУС)

БД
40
Л36

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ КАПИТАЛОВ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

ПЕРЕВОД
С НЕМЕЦКОГО

2963/2

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД :: 1926

38
3389

ТИПОГРАФИЯ
РАБОЧЕГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
„ПРИБОЙ"
имени
ЕВГ. СОКОЛОВОЙ
пр. КРАСН. КОМАНДИРОВ 29
ЛЕНИНГРАД.

Н. П.
Кабинет истории
ЗАПАДА
412

Государственная публичная
БИБЛИОТЕКА
478424
Историческая

Ленинградский Гублит № 5266. Тир. 4.125—17 л. Зак № 953.

ПРЕДИСЛОВИЕ

О периоде инфляции и его героях написано не мало книг. Особенной известностью пользуются работы Пиннера («Вожди германского хозяйства») и Уфермана и Хюглина («Герои инфляции»). Автор предлагаемой читателю книги не обнаруживает ни художественного таланта первого, ни исключительной осведомленности вторых. Тем не менее она представляет собою несомненный интерес и русскому читателю может дать очень многое.

Работы Уфермана и Хюглина (как и издание Всегерманского союза металлистов—«Концерны металлической промышленности») представляют собою чрезвычайно тщательно выполненное исследование возникновения и развития отдельных, самых крупных, правда, концернов послевоенного периода. Книга Пиннера является собранием блестящих фельетонов, посвященных не столько экономике инфляции, сколько ее психологии. Ее предметом является не организационная структура современного капитализма, но сам капиталист, рвач, спекулянт, сделавший свою карьеру на обесценении денег и всеобщим обнищании,—нечто вроде того, что дал для довоенного, и в особенности для ранне-капиталистического периода, Зомбарт в своей известной книге «Der Bourgeois». Левинсон же пытается изобразить самый экономический процесс перемещения и новообразования капиталов.

Это не значит, однако, что сильная сторона книги в ее теоретических рассуждениях. Напротив, теоретический анализ Левинсону весьма и весьма не удается. Все, что он говорит о причинах и законах инфляции, или невыносимо банально, или крайне односторонне, или попросту неверно. То же самое приходится сказать и относительно его рассуждений о том, «что есть капитал» (в 8 главе), которые сводятся в последнем счете к тому, «что нужно себе представить ненормальные психические предпосылки нашего кредитного дела, если хотят напасть на след действительных оснований той нехватки капиталов, на которую теперь так много жалуются» . . . Но ко всякому буржуазному и социал-демократическому экономисту, в конце концов, приложима известная французская

поговорка: «самая красивая девушка не может дать больше того, что у нее есть».

Шедевром мелкобуржуазной глупости является декламация Левинсона о налоге на инфляционные барыши (в той же 8 главе). «Государство должно будет задать гражданам вопрос: что вы выиграли или потеряли в последние десять лет. Кто из вас обогатился, в то время, как миллионы других обеднели и терпели жесточайшую нужду. Должен быть введен единый и суровый налог на инфляционные барыши конфискационного характера». Это пишется в книге, изданной уже в 1925 г., когда все воробьи на крышах прокричали, что больше чем на 65% германский бюджет строится на налогах, выжимаемых у пролетарских и полупролетарских масс населения, а из выжатого, таким образом, более чем миллиардного излишка, до 700 миллионов марок было п о д а р е н о правительством Маркса-Штреземана рурским горнопромышленным и металлургическим магнатам, т.-е. как раз тем, которые больше всего нагрели себе руки на инфляции. И надо быть мелкобуржуазным демократом, чтобы от т а к о г о государства ожидать введения «единого», «сурового», да еще с «конфискационным характером» налога на инфляционные барыши.

Вся эта «теоретическая» часть книги—глубокомысленные рассуждения Левинсона о природе капитала и прибыли,—выпущена нами в переводе без всякого ущерба и для книги и для читателя. Само собой разумеется, что буржуазная ограниченность автора сказывается каждый раз, когда он пытается от описания перемещения капиталов внутри одной группы буржуазии или между различными ее группами перейти к анализу явления капиталистического хозяйства в целом. Правда, Левинсон в далекое плавание здесь и не пускается. Он понимает, что факт концентрации капитала в некоторых отраслях промышленности сам по себе еще ничего не говорит ни о состоянии капитализма в данный период, ни о тенденциях развития капиталистического хозяйства. Всякие решительные выводы были бы преждевременны даже в той сравнительно узкой сфере вопросов, которые затронуты автором. В самом деле, едва книга его вышла в свет, как зловеще затрещала и стала рассыпаться огромная махина, сооруженная Стинесом на развалинах прежней Германии. Однако, крах Стинеса так же мало говорил сам по себе о действительных тенденциях германского капиталистического хозяйства, как мало говорила о них и его чудовищная карьера. Чтобы судить о том, куда идет капитализм, и была ли инфляция только преходящим эпизодом, или одним из симптомов смертельной болезни буржуазной Европы, — надо брать не отдельных капиталистов и не представителей отдельных классов, а все хозяйство в целом, все классы современного общества, с их противоречиями, сталкивающимися интересами и борьбой. Автор этого не делает. Он только мимоходом указывает на такие, напр., явления, как на огромную, никак не рассасы-

вающуюся безработицу в Англии, или на задолженность всей западной Европы у Соед. Штатов, — делающую уже и сейчас страны Срединной Европы колонией Америки. Только в связи с общим положением мирового хозяйства можно судить по настоящему о значении нынешней дефляции и об относительной, — весьма относительной! — устойчивости международной валюты. Ставить знак равенства между стабилизацией марки и фунта (о франке говорить еще рано) и стабилизацией капитализма значит обнаруживать буржуазную близорукость. Самое большее, что можно сказать — это то, что капитализму временно удалось заделать наиболее угрожающие пробоины, нанесенные ему войной и послевоенным мировым кризисом и таким образом отсрочить на некоторое время момент своей окончательной гибели. Чтобы доказать обратное, надо было бы показать, что европейский капитализм справился не только с валютной бедой (не силами внутреннего оздоровления, а при помощи американского золота!), но что ему удалось устранить основные противоречия, которые десять лет назад привели к войне и которые теперь тоже ведут прямым путем к войне. Надо было бы поставить и вопрос о кризисе сбыта, от которого остро страдает Англия, и о все обостряющемся столкновении интересов капиталистических держав (Франция — Англия, Соед. Штаты—Япония и т. п.) и об экономической анархии, созданной в значительной части буржуазной Европы, и о растущей нищете рабочего класса, и о колониях (Марокко, Китай!), об укреплении рядом с буржуазным обществом Союза Советских Республик, и еще о многом другом, чего Левинсон весьма благоразумно не касается. Замалчивая все это, Левинсон кончает свою книгу, в которой столько нелестных для буржуазного хозяйства страниц, победительным монологом, имеющим назначение успокоить буржуазного читателя: война не разрушила хозяйство Европы, она только произвела перемещение капиталов. На Шипке, в общем, все спокойно. Так в американских фильмах для буржуазного потребителя все несчастья и приключения обязательно кончаются торжеством добродетели и соединением любящих сердец. Буржуазная душа не переносит окончательных катастроф даже на экране.

Этот оптимистический хвостик приделан в книге Левинсона чисто искусственно и из описанных им фактов нисколько не вытекает. Сделано это, впрочем, настолько неискусно, что ни одного внимательного читателя не обманет. Точно также только улыбку читателя вызовет попытка Левинсона разделить капиталистов на два разряда: на хороших капиталистов, вроде Отто Вольфа, занимающегося будто бы только своими коммерческими делами, и плохих капиталистов, вроде Гуго Стинеса, который и в политику вмешивался.

Эти и еще многие другие неизбежные у буржуазного экономиста рассуждения, однако, искупаются собранными и систематизиро-

ванным в книге фактическим материалом. Он представлен у Левинсона полнее, чем в других работах того же типа, во-первых, потому, что здесь взята не только Германия, но и другие страны Центральной и Западной Европы, во-вторых, потому, что влияние инфляции на перемещение капиталов прослежено не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. В книге очень хорошо рассказана позорная история «аграрной реформы» буржуазных правительств центральной Европы, которая в Германии, напр., отняла до сих пор у крупных помещиков менее $^1/_{50}$ части их латифундий; ярко показано непосредственное использование буржуазией государственного аппарата для своего обогащения — этот старый как капитализм метод «первоначального капиталистического накопления»; очень хорошо и колоритно описано, наконец, самое действие инфляционного процесса — экспроприация, через печатный станок средних и пролетарских слоев крупным капиталом. И ради этого прочесть книгу Левинсона полезно.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЕРМАНИЯ

Глава I

ИСТОРИЯ ИНФЛЯЦИИ

Назревание финансового кризиса в Германии можно сравнить с развитием тяжелой болезни. Германия уподобилась больному, который, ничего не замечая, хищнически растрачивает свои силы, избегая врачебной помощи. Когда же врачебное вмешательство в ход болезни хозяйственного организма Германии стало неизбежным, привлеченные специалисты не могли сразу правильно поставить диагноз болезни и заявили раньше всего о невозможности лечения без иностранных целебных средств. Но как раз этих средств не было. Болезнь стала принимать затяжной характер, и страна вскоре дошла до полного финансового распада.

Границы периода инфляции можно определить довольно точно. Правда, нельзя назвать с точностью до одного дня его конец. Во всяком случае это не день 15 ноября 1923 года, когда Государственный банк прекратил выпуски банкнот на основах векселей государственного казначейства и начал свою деятельность Рентный банк; так как и после 15 ноября государство продолжало получать весьма значительные кредиты с помощью печатного станка. Разница была лишь в том, что вместо государственных банкнот печатались рентные марки.

Но день начала инфляционного периода можно назвать. Это — 4-е августа 1914 года, день законодательной отмены обязательного размена казначейских знаков на золотую валюту и вотирования Рейхстага правительству первого 5-ти миллиардного военного кредита. 4-е августа является памятным днем для германских патриотов, так как все народные представители, включая и социал-демократов, за исключением пары неисправимо «лишенных отечества людей», которые оставили зал перед голосованием, безоговорочно пошли за правительством.

Именно поэтому, как в воспоминаниях широких народных масс, так и в современной исторической летописи совершенно стерлось то, что уже этот первый грандиозный финансово-поли-

тический акт начался с обмана народных представителей правительством.

Согласие Рейхстага на государственный заем было испрошено правительством, путем внесения дополнительной сметы, при чем условия этого займа оговорены не были. В сопроводительном отношении к докладной записке правительство упоминало, что мотивировка будет доставлена вместе с законопроектом; но ее не было. Этого обстоятельства, впрочем, народные представители не заметили или не пожелали заметить.

В самом деле, стоило ли задумываться над отдельными деталями, когда все шло так гладко? Подобно военной мобилизации, финансовая мобилизация страны, казалось, протекала словно по программе. Все было заранее предусмотрено, все точки поставлены над «и», даже необходимые бланки лежали наготове — о чем же следовало еще беспокоиться? Начальником Генерального штаба, которому Германия всем этим была обязана, был президент Государственного банка, Гавенштейн; еще во время первого кризиса в Марокко он разработал в согласии с военными властями план финансовой мобилизации: отмена золотого покрытия и обязательного размена для банкнот, учреждение ссудных касс для того, чтобы предупредить замешательство путем широкого развития государственных кредитных операций. Через несколько недель после начала империалистической войны, Гавенштейн, будучи до того времени совершенно неизвестным человеком в широких массах, сделался одним из самых популярных людей в Германии, и даже военные официозы, пропагандируя войну, дали ему почетный титул денежного маршала.

Достижения Гавенштейна превзошли всякие ожидания, для чего, впрочем, требовалось немного, ибо широкая публика, следя с напряженным интересом за военными снаряжениями, почти не заглядывала в далекое будущее финансовых операций. Известна была лишь несколько романтичная история о том, что в Юлиановской башне в Шпандау хранилось на несколько миллионов золота, как обеспечение на случай войны. Финансовая мобилизация оказалась в действительности делом и более грандиозным и более простым, но вместе с тем и более загадочным. Но в конце концов к чему было утруждать себя размышлениями о том, что делают стоящие наверху? Всякий гражданин, оставаясь на своем посту, выполнял свой долг перед отечеством, получая от него все, что ему полагалось, и даже больше. Усиленное выбирание вкладов в дни мобилизации вызвало, было, опасение, что запас денег и товаров иссякнет, но это опасение быстро рассеялось. Правда, цены на товары несколько повысились, но наличные деньги и кредит имелись в совершенно достаточном количестве.

Государство подписывает векселя

Каким образом правительство проделало это чудо? Способ оказался очень простым. Государство выписывало векселя, учитывая их в Госбанке, а Госбанк выдавал государству взамен его обязательств новые красиво отпечатанные банкноты. Некоторое время можно было существовать таким образом. И только когда краткосрочные государственные обязательства достигли двух миллиардов марок, правительство решилось подвести более прочный фундамент под финансирование войны. Для этой цели в сентябре 1914 года был выпущен первый военный заем; подписка на него превзошла все ожидания. Благодаря этому займу правительству удалось выкупить свои же, находившиеся в обороте обязательства на 2,6 миллиардов марок. Сверх того, заем дал еще дополнительно 1,9 миллиардов марок. Таким образом, заем фактически почти на половину был покрыт средствами народного достояния, и дополнительная покупательная способность, созданная в первые недели войны, была до конца исчерпана.

В отношении иностранных держав метод германского финансирования войны, казалось, вполне оправдал себя. В первые недели войны курс германской марки стоял так высоко, что даже в сравнении с наиболее устойчивой золотой валютой нейтральных держав — шведской кроной — размен давал лаж[1] в пользу марки. Но уже, начиная с октября, т.-е. после сражения на Марне, картина несколько меняется. Марка по сравнению с курсами иностранной валюты, начинает падать, и в феврале 1915 года дизажио уже достигает 10%. Широкие массы населения пока этого не замечали, и даже в кругах специалистов, за исключением тех, которые непосредственно были причастны к внешней торговле, это явление не обращало на себя внимания. Собственно говоря, начинающееся падение марки мало кого и интересовало; большинство совершенно не поняло произнесенную только что перед тем назначенным министром финансов, д-ром Гельферихом, парламентскую речь от 10 марта 1915 года, в которой он, с поразительной откровенностью заявил: «Господа, после всех этих благоприятных моментов, я не могу обойти молчанием один пункт, который больше всего используется враждебной, а отчасти и нейтральной печатью за границей, чтобы дискредитировать нашу финансовую мощь. Этот пункт — неблагоприятное состояние наших заграничных вексельных курсов. В последнее время я имел случай неоднократно беседовать с финансистами сочувствующих нам нейтральных держав. Я принужден был установить, что состояние нашего вексельного курса, которое пони-

[1] Прибавка при обмене одного вида денег на другой. *Прим. пер.*

мается иностранцами, как обесценение марки, смущает этих деловых людей. Нельзя, конечно, отрицать того факта, что сегодня мы вынуждены дороже, чем это было в довоенное время, оплачивать нашими немецкими деньгами швейцарский франк, голландский гульден, скандинавскую крону и американский доллар. Не будем обманывать себя и попытаемся выяснить вопрос во всей его сложности».

Ошибка Гельфериха

Весьма поучительно, как смотрел на создавшееся положение руководитель финансовой политики страны. «Господа, — сказал Гельферих, — движение иностранных вексельных курсов стоит, по моему мнению, вне всякой связи с внутренней крепостью нашего финансового положения. Оно покоится только на определенных технических моментах нашего заграничного оборота». В дальнейшем знаменитый теоретик денежного обращения и весьма ценный банковский практик раз'ясняет, какие именно технические моменты здесь играют роль. Раньше Германия покрывала пассив своего торгового баланса процентами с германских капиталов, помещенных за границей. Во время же войны это оказалось невозможным. Другими словами, падение марки имеет своим источником не искусственное делание денег, которым пытались заполнить дыру в государственном бюджете, а основано на пассиве платежного баланса.

Здесь мы обнаруживаем впервые то самое ошибочное представление о причинах обесценения денег, которое еще долгие годы, вплоть до полного краха марки, господствовало в правящих кругах и которое служило препятствием всем попыткам положить предел дальнейшему падению марки, — переоценка значения платежного баланса для устойчивости валюты и недооценка значения баланса государственной росписи. С тех пор, как Гельферих стоял у кормила правления, правительству стала совершенно ясна и та проблема, которая в то время для Германии представляла нечто совершенно новое. Однако, решение этой проблемы, к достижению которого правительство стремилось, было неправильным. Классическое подтверждение этого положения мы находим в речах того же Гельфериха. «Мы придерживаемся того мнения, что усиление нашего золотого запаса в настоящее время важнее, чем поддержание курса марки за границей». Это кардинальное положение, выставленное Гельферихом еще в марте 1915 года, отражало не столько его собственное понимание ценности золота, сколько круг представлений Гавенштейна, своенравного, упрямого председателя Госбанка, которых он придерживался вплоть до наступления фантастического царства нулей. Усиление эмиссии бумажных денег не имеет существенного влияния, лишь бы сохранить золотой запас до наступления лучших времен.

Правительство действовало в этом духе. Всеми возможными средствами оно старалось из'ять из обращения чеканное и нечеканное золото и сосредоточить его в Государственном банке. Успех был достигнут значительный. Золотая наличность Госбанка, доходившая до начала войны до 1¼ миллиарда марок, к концу 1915 года удвоилась. Но с огромной массой бумажных денег, выбрасываемых в оборот, этот золотой запас, само собою разумеется, не находился в соответствии, не говоря уже о том, что, начиная с 4-го августа 1914 года, необходимое соотношение между бумагой и золотом было нарушено.

Бумажный поток начинается

Независимо от политики накопления золотого запаса, проводимой Госбанком — финансирование войны продолжалось по указанному методу. Каждые шесть месяцев Рейхстаг одобрял большие военные кредиты. Затем, выпускались военные займы,— материальный успех которых, казалось, служил лучшим доказательством неиссякаемой финансовой силы страны. Действительно, все шло почти гладко, вплоть до выпуска 4 военного займа. Выданные раньше казначейские обязательства возвращались обратно в казну, и благодаря этому обратному притоку средств влияние инфляции до известной степени сдерживалось. Правда, в обращении было значительно больше денег, чем в нормально время, но, благодаря военным займам, их скопление в сфере циркуляции, по меньшей мере, было затруднено.

Такое положение вещей изменилось с выпуском весною 1916 года 5 военного займа. С первого взгляда покрытие этого займа пошло так же блестяще, как и предыдущих: свыше 10 миллиардов марок притекло в казну, но из находившихся в обращении на 12,8 миллиардов казначейских обязательств больше двух миллиардов осталось не выкупленными правительством. Таким образом, созданные для финансирования войны денежные средства оставались в обращении, неестественно увеличивая покупательную силу страны. Ведь денежное обращение не соответствовало товарному; наоборот, обнаруживалось некоторое уменьшение товарной наличности, что, конечно, имело последствием рост цен на товары. С каждым новым выпуском военного займа положение дел ухудшалось. Подписка на займы держалась почти на одинаковом уровне от 10 до 15 миллиардов марок, выпуск же казначейских обязательств беспрерывно увеличивался. Так в 1916 году казначейские обязательства находились в обращении на 10 миллиардов, а к концу войны выпуск их дошел до суммы в 50 миллиардов марок.

Последствия этого неимоверного увеличения якобы консолидированного и совершенно неконсолидированного долга сказались очень быстро. Беспрерывно, хотя и не в таком быстром

темпе, как выпуск казначейских обязательств, увеличивалось и производство банкнот. Обязательного золотого обеспечения банкнот более не существовало, хотя формально еще провозглашался принцип покрытия. Гарантией теперь служили также и свидетельства ссудных касс, выпуск которых мог свободно увеличиваться, не будучи достаточно обеспеченным. Постановлением Союзного Совета от 11 ноября 1924 года выпуск свидетельств ссудных касс был ограничен до трех миллиардов марок, но впоследствии это постановление не соблюдалось. Без законной санкции на увеличение суммы выпуска свидетельств ссудных касс, эти последние находились в обращении к концу войны на 8 миллиардов марок, при чем оборот банкнот Государственного банка достигал 15 миллиардов. Таким образом, общая сумма циркулировавших бумажных денег увеличилась в сравнении с состоянием их к началу войны в восемь раз. В отношении увеличения оборота бумажных денег Германия шла впереди других воюющих держав, за исключением России, бумажный оборот которой к началу Революции увеличился в десять раз.

Можно спорить: является ли это необычайное напряжение работы печатного станка — инфляцией в строгом смысле этого слова, т.-е. хозяйственно необоснованным вздутием бумажной эмиссии, или нет?

Несомненно, ведение войны, содержание войск и другие военные расходы вызывали необходимость увеличения денежной наличности, тем более, что благодаря военным оккупациям, сфера оборота германских денег значительно расширилась. Короче говоря, требовалась немедленная мобилизация капитала в широком об'еме и там, где этого нельзя было достигнуть путем кредита, поневоле приходилось прибегать к помощи печатного станка. В то же время, нельзя не признать, что выпуск бумажных денег во время войны в значительной степени был продиктован нуждами фиска. Оборот бумажных денег не обусловливался подобно тому, как это бывает при нормальных условиях, товарным оборотом, а вызывался потребностями самого государства. Государство печатало столько денег, сколько ему было необходимо на оплату войск, чиновников, на уплату за военные поставки и возмещение всех других чрезвычайных расходов, вызванных обстоятельствами военного времени. В последние годы войны, однако, государство покрывало значительную часть своих обычных расходов из того же источника.

За границей вскоре заметили, что Германия на покрытие своих заказов употребляет деньги, количество которых увеличивается по мере потребности, и ценность которых падает со дня на день. Учитывая это обстоятельство, за границей повышали цены на продаваемые на германскую валюту товары, т.-е. понижали курс марки. Таким образом, курс бумажной марки упал в марте 1917 года на $^1/_3$, а осенью того же года на $^1/_2$ довоенной

ее стоимости. В отношении американского доллара, который сам во время войны потерял 20% своей ценности и осенью 1918 года еще не дошел до паритета, английский фунт к концу войны упал на 2%, французский франк почти на 5% и германская марка до 40%.

«Никаких военных налогов»

Возникает вопрос, возможно ли было избегнуть столь значительного падения курса германской валюты? Конечно, финансирование войны в Германии так же, как и в других воевавших странах, не могло быть проведено без выпуска крупных займов и мобилизации народно-хозяйственного капитала путем бумажной эмиссии. При покрытии военных расходов, во всех больших войнах, а тем более в величайшей из всех войн, налоги могли иметь лишь второстепенное значение. Но военные налоги могли быть важным дополнением к военным займам, так как обратный приток в казну краткосрочных денежных обязательств не достигался в полной мере, и денежный оборот страны закупоривался. Затем, не следует преуменьшать психологического значения военных налогов за границей. Кроме того, военные налоги в гораздо большей мере, чем военные займы, служили бы регулятором и мерой платежеспособности страны. И наконец, путем энергичного и своевременного введения налогов на военную прибыль, возможно было бы избежать того внутриобщественного, или вернее, противообщественного перемещения капиталов, о котором речь идет ниже.

Но германское правительство и в этом вопросе придерживалось принципа: «Все или ничего». Так как налогами нельзя покрыть расходы на войну, то, по мнению Гельфериха, надо было совсем от них отказаться. Ответом на все возражения служила фраза: «враг заплатит за все». Еще в марте 1915 года правительство заявило Рейхстагу: «мы твердо надеемся, что при заключении мира мы сможем пред'явить счет за эту навязанную нам войну нашим противникам». Все было рассчитано на победный конец. Если бы случилось иначе, все было бы потеряно, и тогда нечего заботиться о валюте.

Население ничего не знало

Финансовая, или валютная, политика правительства почти совсем не подвергалась критике. Пресса принуждена была молчать, а ученые экономисты, единственно компетентные люди в вопросах обеспечения денег, инфляции и валюты, только козыряли по-унтер-офицерски: «слушаюсь, так точно». В академических кругах только некоторые смельчаки, подобно Роберту Лифману, и без того прослывшему научным диллетантом, отваживались на критику.

Широкая публика вначале совершенно не отдавала себе отчета в валютной политике. Поколение, которое могло бы помнить валютные колебания из эпохи серебряной валюты, уже вымерло или забыло об этом времени. Понятие «колеблющейся валюты» казалось человеку, непосвященному в вопросы денежного обращения, совершенно парадоксальным. Разве «валюта» не означала непоколебимое, постоянное, незыблемое мерило всех вещей? «Марка равна марке» — ведь это само собой понятно. На рост цен смотрели поэтому не как на явление, которое в первую очередь исходит от падения денег, а только как на результат недостатка товаров, или спекуляции. Это удивительное непонимание настоящего положения вещей об'ясняется двумя причинами. Во-первых, вследствие военной блокады Германия оказалась на положении замкнутого торгового государства. Следовательно не было повода интересоваться иностранной валютой. Во-вторых, благодаря, введенной во время войны, системе принудительного хозяйства, утратилось понятие о действительной цене товаров. Имелись двоякого рода цены, обе не соответствовавшие действительности. С одной стороны, правительственная такса, которая, по общему мнению, была слишком низка, с другой — спекулятивные цены торговцев из-под полы — явно ростовщические. Единственным достоверным фактом было то, что все предметы вздорожали. Об'ективно говоря, вздорожание обозначает только уменьшение покупательной способности населения. Суб'ективно же, мысль о вздорожании возникает и тогда, когда имеется лишь на лицо цифровое повышение стоимости предмета, без уменьшения покупательной способности, то-есть, когда повышение цен и номинальный доход населения развиваются равномерно. В течение ряда лет, даже и тогда, когда население уже постигло сущность инфляции, природа вздорожания цен оставалась все-таки совершенно непонятной.

Влияние революции

Между тем фактически обесценение денег, т.-е. понижение курса германской марки на иностранном денежном рынке, протекало усиленным темпом. Любопытно, однако, отметить, что неблагополучный исход войны и революции не имели непосредственного влияния на усиление этого процесса. Часто утверждали, что революция ускорила падение валюты. Действительно, если бы в результате диктатуры социалистов после революции марка упала, это было бы в порядке вещей. Но этого как раз не произошло. Возможно, всеобщая надежда на то, что конец войны устранит такие ненормальные явления, как падение валюты во всех странах и даже в побежденной Германии, до известной степени парализовало то влияние, которое могли иметь на падение марки вышеуказанные события. Опыт показал, что и

в дальнейшей истории германской инфляции чисто политические моменты оказывали только очень малое влияние на судьбу валюты.

Падение марки продолжалось осенью 1918 года и в первые месяцы 1919 года в таком же темпе, как и в последний период войны. В апреле 1919 года марка понизилась до $^1/_3$ своей довоенной стоимости, а в июне того же года дошла до 30%.

Усиленное падение марки во второй половине 1919 года публика охотно ставит в связь с подписанием Версальского договора. Такое же об'яснение мы находим в меморандуме германского правительства, внесенном в комиссию иностранных экспертов в феврале 1924 года. Но мы считаем это об'яснение в корне неправильным. Сильнейшее падение наблюдалось тогда не только у германской марки, но, если взять за сравнение американский доллар, и у французского франка и в несколько меньшей степени— у английского фунта. Доллар стал тогда «стандартной» валютой, и об'яснялось это тем, что, истощенная до последнего предела товарным голодом, Европа набрасывалась на американские запасы, не имея при этом достаточно средств для их закупки. В течение 1919 года золотой запас Государственного банка уменьшился более чем на половину. Это была первая большая уступка со стороны Гавенштейна, который, наконец, решился затронуть золотую наличность, но она ни к чему не привела. К концу 1920 года марка не превышала уже и 10 довоенных пфеннигов.

Такое сильное падение марки не имело бы места, а экспорт золота для уравнения пассива торгового баланса, вероятно, вовсе не понадобился бы, если бы германское правительство не продолжало и после войны своей губительной политики займов. Одним из самых тяжких преступлений нового республиканского правительства было то, что оно ничего, решительно ничего в этом направлении не делало. Не было предпринято ни одной серьезной попытки привести в равновесие государственный бюджет. Правда, устанавливались новые налоги, частью даже слишком высокие, делались запоздалые попытки обложения военной прибыли, но все эти финансовые мероприятия и налоговые реформы совершенно не учитывали усиливающегося обесценения денег.

Так как доходы от налогов не покрывали всех государственных расходов, к которым с реформой Эрцбергера присоединились также и расходы на нужды местного хозяйства, то государство, для покрытия всех потребностей страны, продолжало выписывать свои векселя, а печатный станок продолжал усиленную работу. Неконсолидированный долг, который к моменту окончания войны составлял 50 миллиардов марок, к концу 1919 года достигал уже 86 миллиардов, и в конце 1920 года — 153 миллиарда марок. Находившиеся к началу революции в обращении банкноты Госбанка и свидетельства ссудных касс на сумму 23 миллиарда марок дошли в конце 1919 года до 46 миллиардов, а

К.К.П. Кабинет истории ЗАПАДА

в конце 1920 года—92 миллиардов марок. Одновременно с этим, соответственно возрастали вкладные операции Государственного банка; но вклады в любую минуту могли быть взяты обратно и превращены в банкноты. Они оказывали такое же инфляционное давление на рынок, как и бумажные деньги.

Открытие американского доллара

Обесценение денег в 1919—1920 г.г. продолжало быстро возрастать. В течение трех месяцев марка понизилась до $^1/_3$. Сначала деловые, а потом и широкие круги общества забили тревогу. То, что до сих пор было доступно пониманию только немногих, постепенно проникало в сознание широких слоев населения: немецкая валюта не гарантирует сохранения капитала, немецкие деньги потеряли прочность. Чтобы спасти свой капитал, необходимо поместить его в иную валюту. К этому же времени относится начало бегства капитала за границу, превращение бумажных марок в девизы и помещение последних для большей безопасности в иностранных банках. Это в свою очередь неблагоприятно влияло на курс марки. Внутри страны все стремилось поскорее превратить марки в товары. Люди старались приобретать материальные ценности, которые не боялись обесценения.

В это время население уже понимало, что такое валюта, и общество начало интересоваться курсом доллара. Биржа, где «делается» валюта и где котируются все ценные бумаги, в которых оказались заинтересованными все более широкие слои населения, привлекает к себе всеобщее внимание. С начала 1920 года на берлинской бирже вводится официальная котировка доллара, и вскоре курс доллара в Берлине и курс марки в Нью-Йорке завоевывают себе почетное место в биржевом отделе газет, которые в бюллетенях эти курсы выделяют жирным шрифтом. Весною 1920 года даже те газеты, которые издавались не для коммерческих кругов, вводят у себя подробный бюллетень биржевых котировок.

13 марта 1920 года, во время заговора Каппа дела обстоят так, что население более всего опасается, как бы военно-политический мятеж не повлиял на курс марки. Однако, события того времени, как вообще крупные политические события инфляционного периода [1], особенного влияния на обесценение денег не имели. Скорее можно констатировать некоторое укрепление курса марки, продолжавшееся затем в течение нескольких последующих месяцев. Причину этого явления следует искать в заграничной вексельной политике правительства. Ввоз предметов роскоши, который до того беспрепятственно и в широком об'еме

[1] Инфляционным называется период неограниченного выпуска бумажных денег. *Прим. пер.*

проходил через западную границу, в это время прекращается, так как именно во время выступления Каппа, Антанта согласилась поддержать меры охраны, предпринятые Германией, в оккупированных областях.

Этот блестящий период продолжается только два-три месяца, так как финансовое ведомство ограничилось недостаточным повышением некоторых налоговых ставок применительно к падению курса денег и не предприняло никаких серьезных мер. Оно не воспользовалось передышкой для приведения в порядок всего бюджета, как обыкновенных, так и чрезвычайных расходов. Неконсолидированный долг и выпуск бумажных знаков все увеличивались, не позволяя марке остановиться. Впрочем, валютная политика правительства в то время стремилась вообще не к стабилизации марки, а лишь к улучшению ее курса. Все же правительству удалось, не жертвуя при этом золотым запасом, удерживать без особых колебаний курс марки в течение целого года на 7—9 золотых пфеннигах.

Репарационные платежи

Весною 1921 года тяжелые тучи нависли над Германией. На основании Версальского договора до 1 мая 1921 года необходимо было определить те суммы, которые Германия должна была уплатить Антанте в виде репараций. Предложение Германии вносить по одному миллиарду золотых марок ежегодно было отклонено. Взамен этого был предъявлен лондонский ультиматум об уплате в первый же год $3^1/_4$ миллиардов золотых марок. Этому ультиматуму Германия должна была подчиниться. Вначале отмечалось даже некоторое укрепление курса марки, но как только биржа узнала, что правительство, с целью исполнения своих репарационных обязательств, продает марки и приобретает девизы, началась спекуляция на понижение курса в широком масштабе, которая, конечно, ускорила обесценение денег. Марка стала падать с неимоверной быстротой. В течение нескольких месяцев она подешевела в пять раз, вызывая панику у населения.

Оппозиционным партиям и, к сожалению, самому правительству легко было теперь оправдать падение валюты: все сваливалось на репарационные платежи. Пока существовал в своей первоначальной редакции лондонский план уплаты репараций — это положение до известной степени было правильным. Однако, при этом в обществе все более укреплялось убеждение, что до полной уплаты репараций о поднятии валюты собственными средствами не может быть и речи. При безнадежно пассивном состоянии платежного баланса нет никакой возможности остановить стремительное падение марки. При этом совершенно упускалось из виду, что самым главным условием для прекращения бумажной

эмиссии и для стабилизации марки было урегулирование государственной росписи.

Первая попытка правительства — она исходила от статс-секретаря министерства государственного хозяйства профессора Юлиуса Гирша [1] — решительными мерами привлечь реальные ценности к участию в репарационных платежах и тем самым обеспечить покрытие государственных расходов из обыкновенных доходов, — эта попытка потерпела крушение, благодаря определенным капиталистическим кругам. Осенью того же года дело дошло до того, что повсюду в Германии стали требовать принятия самых решительных мер против дальнейшего падения марки. Предполагалось отчудить в пользу государства от 10 до 20% имущества, принадлежащего промышленному, сельско-хозяйственному и финансовому капиталу, и доходы от этого имущества обратить на репарационные платежи. Промышленность предупредила намерения правительства, предложив «авансировать» 1 миллиард марок золотом на покрытие репарационных платежей. Правительство согласилось принять предложенный германской промышленностью кредит, но когда оно приступило к осуществлению кредитного плана, то промышленные круги с Гуго Стиннесом во главе неожиданно потребовали предоставления «хозяйственным сословиям», то-есть в первую очередь промышленникам, в виде компенсации, самого ценного достояния государства — железных дорог. Это требование сорвало всю сделку.

Взамен неудавшегося кредита государство решило выпустить принудительный заем, тоже на 1 миллиард золотых марок. Это был первый большой прямой налог, выраженный в золотой валюте. Стало ясно, что при уплате налогов бумажными деньгами, государство все больше остается в убытке. Однако, при проведении этого принудительного займа, благим намерениям правительства снова не суждено было осуществиться. Заем все же покрывался бумажными деньгами, и в результате, вместо предполагаемого золотого миллиарда, правительство получило едва 50 миллионов золотом.

Толки о стабилизации

Весной 1922 года, в ожидании Генуэзской конференции, в Германии широко обсуждался теоретический вопрос о стабилизации марки, так как валютный вопрос, на-ряду с репарациями стоял в порядке дня этой конференции. Почти все сходились на том, что причиной всех бед является пассивность платежного баланса. Стабилизация марки казалась возможной лишь при введении моратория для репараций и при получении иностранного займа.

[1] Юлиус Гирш. «Германский валютный вопрос». Июльские доклады, вып. 9. Иена, 1924 г.

Правда, на конференции, где тон задавали английские экономисты, твердо стоящие на классической теории бюджета, совершенно ясно было сказано, что валютная реформа невозможна «до тех пор, пока в государстве существует дефицит, покрываемый выпуском бумажных денег и банковским кредитом». Но при этом экспертами по валютному вопросу было признано также, «что в некоторых странах баланс настолько нарушен, что равновесие во всем народном хозяйстве едва ли мыслимо без помощи иностранного займа» [1].

Эти речи служили утешением для официальных представителей Германии, еще более утверждая в них мнение, что ожидать какого-либо успеха от реформ не приходится.

Все таким образом остается на точке замерзания. Есть теоретическая дискуссия, есть две программы реформ: июльская — министерства государственного хозяйства, базирующаяся на внутреннем золотом займе, и ноябрьская, предложенная некоторыми иностранными, дружественными Германии специалистами, приглашенными в то время в Берлин. Но дела нет никакого. Единственное, что было предпринято правительством, скорее для успокоения населения, чем для действительного предотвращения дальнейшего падения марки — это целая груда мероприятий, касающихся иностранной вексельной политики. По официальным данным, в 1922 и 1923 г.г. было издано не менее 44 законов и постановлений по этому вопросу. Все эти мероприятия имели целью извлечь экспортные девизы, учесть девизы, находившиеся в обращении на внутреннем рынке, и воспрепятствовать махинациям с девизами и дальнейшему отливу отечественного капитала. Этими чисто симптоматическими средствами было достигнуто чрезвычайно мало, так как главная причина болезни — дефицит государственного бюджета — лечению не подвергалась. При постоянном росте угрожающего долга и выпуске бумажных денег, марка с неимоверной быстротой докатилась уже во второй половине 1922 года до $^1/_{25}$ части своей прежней стоимости. В середине августа доллар впервые шагнул за 1.000 марок, а в конце этого же года уже равнялся 7—8 тысячам бумажных марок. Убийство Ратенау может быть и ускорило это движение, но решающего значения не имело, так как повышение доллара началось еще за несколько недель до этого события.

Финансирование борьбы за Рур

Окончательный крах марки относится к началу 1923 г. Непосредственным поводом к этому служила оккупация Рурской области. Вследствие оказанного населением пассивного сопротивления — миллионы людей остались без куска хлеба и легли бре-

[1] Официальный отчет Генуэзской конференции, стр. 73.

менем на государство. По истечении нескольких месяцев, из 12 миллионов жителей в ранее и позже оккупированных областях, подавляющее большинство прямо или косвенно перешло на содержание государства. Но расходы по их содержанию покрывались не прямыми доходами государства или, как это имело место в военное время, не при помощи чрезвычайных займов, а исключительно при помощи дальнейшего выпуска бумажных денег. Неконсолидированная задолженность возросла до фантастических цифр. В январе она составляет 2 биллиона, в апреле — 8, в июле — 57, а в августе 1.200 биллионов марок. Точно также возрастает оборот банкнот с 2 биллионов в январе до 3.200 биллионов к концу августа. Текущие доходы покрывают в начале года третью часть, в апреле только седьмую, а в сентябре, при ликвидации борьбы за Рур — едва сотую часть всех расходов. Значительную часть этих доходов составляют косвенные налоги. Доход от прямого обложения сокращается до минимума, в виду того, что министр финансов д-р Гермес считает технически совершенно невыполнимым установление налогов в золотой валюте или по какому-либо другому твердому индексу. Подоходный налог на 90% уплачивается исключительно рабочими и служащими, так как этот налог удерживается у них из заработной платы.

Долгое время социалистические депутаты Рейхстага выступали с протестом исключительно против несправедливостей налоговой системы. Но постепенно проникает сознание, что несравненно хуже, несравненно несправедливее, чем частности формального налога, тот фактический и действительно уплачиваемый инфляционный налог, который несет население вследствие необходимости принимать от государства бумажные деньги, на завтра теряющие часть своей ценности. Джон Мейнард Кейнс удачно формулировал это положение: «Квитанцию об уплате подоходного налога, которую мы в Англии получаем от финансового ведомства, мы можем смело бросить в корзину, в Германии же эти квитанции называют банкнотами и носят их в бумажнике, а во Франции они называются «рентой» и сохраняются в семейном денежном шкафу» [1].

Девять лет понадобилось для того, чтобы специалисты поняли, что покрытие государственных расходов при помощи печатного станка является тоже своеобразным налогом, при чем в самой дикой и несправедливой его форме. Этот способ финансирования государственных расходов давал еще некоторое облегчение до тех пор, пока заграница принимала немецкие бумажные деньги, и таким образом участвовала в уплате инфляционного налога. Впрочем, за привлечение иностранных государств к уплате инфляционного налога, Германия поплатилась своим добрым именем, так как создалось мнение, будто она, с целью

[1] Трактат о валютной реформе. Мюнхен и Лейпциг, 1924 г., стр. 64.

получения иностранной помощи, ведет себя как злостный банкрот, сознательно ухудшая свою денежную единицу. Но после стремительного падения марки в конце лета 1922 года, немецкие бумажные деньги почти совсем перестали приниматься за границей. С того времени немецкий народ, совершенно не отдавая себе в том отчета, сам выносил всю тяжесть уплаты инфляционного налога на своих плечах.

Однако, и этого было недостаточно, чтобы побудить правительство к скорейшему проведению финансовой реформы на основе реформы валюты. Валюте суждено было до конца пройти свой крестный путь. Безграничная инфляция, вызванная борьбой за Рур, имела, конечно, своим последствием новое тяжелое падение марки. Но ведь борьба за Рур была своего рода войной, и необходимо было поддержать дух населения. При содействии Гельфериха, состоявшего финансово-политическим советником при правительстве Куно, доктором Гермесом и Гавенштейном было проведено важное мероприятие для поддержания курса марки. Банкирскому дому Мендельсон в Амстердаме, управляемому д-ром Мангеймером, удалось искусным маневром свести курс доллара с 50.000 марок на 20.000. Но повысить курс марки было легче, чем удержать ее в таком состоянии. Государственный банк затратил на это почти все свои девизы и затронул часть золотого запаса, но и это не помогло. В середине апреля марка снова потерпела крушение, после того, как берлинская фирма Гуго Стиннеса, скупая огромные количества девизов, вызвала новое повышение курса доллара. В последующие месяцы Государственный банк продолжал свои попытки поддержать курс марки, затратив на это дело половину золотого запаса, т.-е. ½-миллиарда золотых марок. Но так как печатный станок, не уставая, продолжал свою работу, все усилия были напрасны. Марка упала в мае до одной десятитысячной, в июле до одной стотысячной, в августе до одной миллионной доли своей довоенной стоимости, и в конце концов дошла до одной миллинной части одной миллионной доли.

Последние месяцы инфляционного периода

Будущие поколения вряд ли смогут себе представить, что испытал немецкий народ в последние месяцы инфляционного периода. Население совершенно потеряло голову. Не только рабочие, но и служащие, обыкновенно оплачиваемые раз в месяц или по-квартально, стали получать жалованье 4—5 раз в неделю. Полученная в понедельник огромная сумма бумажных марок к среде совершенно теряла свою платежную силу. Вечно надо было торопиться, так как в послеобеденные часы в магазинах товары продавались уже по новому курсу доллара. Делались попытки как-нибудь сорганизовать эту бешеную скачку цен. В Берлине, например, было запрещено магазинам, торговавшим продуктами пита-

ния, до 4 часов рассчитываться по новой котировке и повышать цены на товары более одного раза в сутки. В больших магазинах выставлялись особые таблицы «основных» цен, помноженных на текущий множитель. Вообще, таблицы с переводом доллара на марки, индексы оптовой и розничной торговли и разные другие придуманные вспомогательные таблицы стали предметом домашнего обихода, так как сами деньги давно утратили свое свойство мерила цен.

Начиная с августа 1923 года, бумажная марка стала утрачивать также и свое второе основное свойство. Она перестала быть платежным средством. В оптовой торговле, особенно в тех отраслях ее, которые были связаны с импортом, немецкие деньги давно уже сошли со сцены. Несмотря на все запреты правительства, с 1922 года все расчеты там производились исключительно в девизах. Точно также обстояло дело в пограничных местностях и в оккупированных областях, где более устойчивые деньги соседних государств быстро вытеснили марку из денежного оборота. Мало-по-малу это явление стало проникать в глубь страны. Запродавая свой товар, держатель его, требовавший раньше некоторую надбавку, как гарантию против дальнейшего обесценения денег, теперь вовсе отказывался отдавать свой товар за бумажные деньги. Деревня, в первую очередь, отказывалась от приема бумажных денег, и городам таким образом грозила непосредственная опасность внутренней валютной блокады.

Это обстоятельство послужило главным поводом к тому, что правительство решилось, наконец, вопреки всем своим теоретическим догматам приступить к скорейшему проведению денежной реформы. Другим непосредственным толчком к этому послужила августовская забастовка печатников. В Государственной типографии в Берлине свыше 10.000 рабочих были заняты печатанием бумажных денег. В помощь им работали еще десятки типографий по всей стране. Приостановка печатания денег, при полном их обесценении в течение нескольких дней привела к совершенному замешательству и окончательной хозяйственной разрухе. Рабочие заволновались, и в целом ряде городов были разгромлены хлебные лавки. Курьезный вид имели те места, где находились учреждения, ведавшие хранением и выдачей денег. Так, перед отделениями Государственного банка располагались целые армии артельщиков, вооруженные ящиками, корзинами и телегами, ожидая целыми ночами очереди на получение нескольких центнеров бумажных денег для выдачи зарплаты.

Правительство ясно видело, что это — конец. Вторая подобная забастовка означала бы социальную революцию. В будущее, правда, никто не мог заглянуть, но всем было очевидно, что такое положение вещей дальше продолжаться не может. Стабилизация марки путем упорядочения финансовой системы была уже неосуществима по психологическим причинам. Необходимо было

создать новую валюту, которая была бы принята народом хотя бы временно. После долгого, слишком долгого обсуждения решено было, наконец, остановиться на «рентной марке», теоретически весьма спорной и технически очень рискованной. Новая реальная валюта была обеспечена ипотеками на недвижимое имущество. Реформа удалась, и неожиданно установился высокий курс рентной марки.

Но, не обеспеченная никакими реальными ценностями и золотым покрытием, бумажная марка держалась так же хорошо. Такого же успеха вероятно можно было бы добиться и с раковинами «Каури» [1].

Существенным достижением этой реформы было то, что в течение нескольких месяцев удалось, без особого напряжения уравновесить государственный бюджет, приостановить печатный станок и снова сделать из денег вместо добра, которого можно испечь сколько угодно, довольно редкую ценность.

Хозяйство без мерила ценности

Необходимо ясно представить себе все эти события, изложенные здесь в общих чертах, так как они легли в основу того общего перемещения капиталов, которое наблюдается в течение последнего десятилетия. Подобного перемещения капиталов не знает история Европы, за исключением России, где великая социальная революция произвела еще более грандиозный переворот. Следует отметить, что и в России необычайное обесценение денег сыграло немаловажную роль. Благодаря постоянному изменению цены денег в Германии и в других подвергшихся инфляции странах, в течение долгого времени было совершенно невозможно установить размер капитала отдельной хозяйственной единицы, лица, общества, концерна, вообще всякого хозяйства. То, что сегодня имело одну ценность, завтра имело уже другую. Бумажная марка перестала быть мерилом ценности. Все, что было выражено в твердых знаках — в долларе, фиктивной золотой марке или в индексе, подвергалось, при каждом изменении курса бумажной марки, большим колебаниям.

Наиболее резко испытывали это на себе те части имущества, которые выражались в наличных деньгах. Потери, однако, были при этом сравнительно не так велики, так как ценность обращавшихся бумажных марок, при прогрессирующей инфляции, чрезвычайно уменьшалась. Выяснилось, что увеличить по желанию можно только денежную бумажную массу, а совсем не ценность денег. Чем больше печаталось бумажных денег, тем больше падала ценность не только отдельного денежного знака, но также всей совокупности выпущенных ранее бумажных денег.

[1] Раковины Каури служат в Судане и в других частях Африки ходячей монетой. *Прим. пер.*

До войны банкнотов Госбанка было в обороте на сумму 2,6 миллиарда марок, а денег в монете—на сумму 3,5 миллиарда. В последние годы инфляции общая сумма бумажных денег составляла на доллары только несколько сотен миллионов золотых марок, а к концу этого периода всего 50 миллионов золотых марок и даже еще меньше. Ведение хозяйства с таким малым по своей ценности количеством денег возможно было только потому, что деньги стали оборачиваться с невероятной быстротой. Никто не хотел держать у себя бумажных денег, каждый старался сбыть их возможно скорее.

Кредиты в бумажных деньгах

Очень большие убытки, но и очень большие барыши получались при кредитных операциях в бумажных деньгах. Здесь-то и следует искать главную причину перемещения капиталов. Мы неоднократно уже указывали на тот долгий срок, который понадобился не только для широких слоев населения, но и для деловых кругов, чтобы понять истинное положение вещей при наполнении страны бумажными деньгами. Понятие «марка равна марке» слишком крепко сидело в умах, и никого не беспокоило предоставление долгосрочных кредитов в бумажных деньгах даже тогда, когда падение марки стало бить в глаза. И лишь в дальнейшем, устанавливая более высокий учетный % кредиторы начинают страховать себя от потери на обесценении денег. Правда, понижающе действовал низкий учетный процент Государственного банка, который держался на военной норме, т.-е. 5% вплоть до 1922 г., когда марка упала уже до одной сотой своей стоимости. Но после стремительного падения марки летом 1922 года, частная торговля, не считаясь с учетной деятельностью Госбанка, ввела у себя высокие учетные %%. Упрямство Госбанка привело только к тому, что люди, сумевшие учесть свои векселя в этом банке, получали огромные барыши.

Искусство зарабатывать деньги сводилось к тому, чтобы получать кредиты в бумажных знаках. Постепенно это стало общеизвестной истиной: кто получал кредиты — выигрывал, а тот, кто их предоставлял — терпел убытки. Несмотря на это, вплоть до начала 1923 года многие банки продолжали предоставлять в большом размере кредиты в бумажных деньгах, иные по старой привычке, другие потому, что все еще находились люди, которые не теряли надежды на улучшение курса марки. При этом крупные денежные кредиторы, а в особенности банки, перекладывали свои потери на Госбанк, который попрежнему предоставлял свои деньги за юмористически малые проценты. Те финансовые круги, которые, кредитуясь в Госбанке, не предоставляли подобно банкам свои деньги, в виде кредита другим лицам, а употребляли их на приобретение реальных ценностей и девизов, заработали мил-

лиарды золотом на этом деле, за счет населения, покрывавшего потери банка инфляционным налогом.

Но против непрерывно растущего обесценения денег бессильны были и высокий учетный % и любая премия за риск. Для кредиторов осталось лишь одно средство — при предоставлении кредита исходить из расчета на доллары или фиктивную золотую марку, а не из бумажных денег. Таким образом, к концу 1922 года частное хозяйство переходит к так называемому золотому расчету, т.-е. сумма бумажных денег, получаемая должником, исчисляется по официальному берлинскому курсу доллара в золотых марках, а в день уплаты расчет производится в бумажных деньгах по курсу доллара того дня. Но кредиторы при этом все же несли некоторый риск, так как официальная котировка девизов очень часто искусственно понижалась Госбанком. Все же этот способ служил гарантией от значительных потерь.

Не желая официально признать обесценение бумажных денег, законодательство всеми силами стремилось воспрепятствовать узаконению золотого расчета. Несмотря на это, летом 1923 года золотой расчет прочно установился в кредитном обороте. Банки в своих условиях включали особые оговорки об обеспечении или расчете золотом, при этом они, однако, как будто забывали понизить повышенный при бумажном расчете учетный и комиссионный %%. Точно так же, вопреки всем правительственным постановлениям, и торговля к концу августа 1923 г. перешла повсеместно на золотое исчисление. Только одно учреждение боролось с этим до конца: это Государственный банк. Гавенштейн сделал только одну уступку, а именно сократил учетный срок векселей до 10 дней. Государственный банк, вплоть до последнего момента инфляционного периода, считал совершенно невозможным из технических соображений и из боязни риска перейти на вексельный кредит в твердой валюте.

Открытое государственное банкротство

Для краткосрочных ссуд, в особенности для вексельного кредита, удалось, хотя и с запозданием и не без тяжелых потерь, несколько смягчить обесценение денег. Совершенно иначе обстояло дело с капиталами, вложенными в долгосрочные займы, прежде всего, с публичными займами и ипотеками, затем с облигациями и закладными. Здесь законом были установлены твердые нормы, без отмены которых ничего нельзя было сделать. Положение еще более осложнилось тем, что государство, которое должно было итти навстречу изменению закона, оказалось в высокой степени заинтересованным лицом, оно было самым крупным должником, так как к 4½ миллиардам марок довоенных займов прибавилось еще на 89 миллиардов займов военного времени. Интересы госу-

дарства шли в разрез с каким бы то ни было приспособлением долгосрочных кредитов к обесценению денег.

Консолидированный долг союзных государств и общин, составлявший в совокупности в довоенное время около 24 миллиардов, тоже значительно вырос, хотя и не в такой мере, в военное и в послевоенное время. Правда, начиная с 1919 года, государственный долг постоянно уменьшался, так как государство часть военных займов успело выкупить обесцененными деньгами. Но, несмотря на это, к сентябрю 1923 года оставалось консолидированного военного долга еще на 60 миллиардов (государственные займы, выигрышные займы и процентные казначейские обязательства).

Возникал вопрос о судьбе этого огромного долга. О нормальной уплате %% и о погашении в золотых марках нечего было и думать, так как государство должно было бы тогда платить по своим %% не менее 3½ миллиардов золотом ежегодно, каковую сумму без посягательств на основной капитал страны совершенно немыслимо было достать. Кроме того, Антанта до полной уплаты репараций никогда не дала бы своего согласия на признание государством своего военного и довоенного долга в золотых марках. Переоценка публичных займов на 100% была бы также несправедлива, уже по одному тому, что акции находились большей частью не в руках первоначального держателя, уплатившего за них золотой или только слегка обесцененной маркой, а переходили из рук в руки. Переоценка повела бы только к неимеющей никакого оправдания валютной наживе. Всем разговорам за и против переоценки публичных займов правительство раз навсегда положило конец своим третьим постановлением о налогах в феврале 1924 года, в котором все фиксированные долги государства, отдельных областей и общин были исключены из переоценки. Это значило открыто признать государственное банкротство. Хотя этим был только подтвержден давно известный факт, все же официальное признание своей несостоятельности произвело удручающее впечатление. Можно поэтому допустить, что последнее слово здесь еще не сказано. Но во всяком случае, если и будут впоследствии даны какие-нибудь компенсации, вроде, например, конверсии старых ценных бумаг в новые, держателям их на многое рассчитывать не приходится.

Постепенное обесценение и, наконец, официальное аннулирование займов привели к большим материальным убыткам. Размер этих потерь не поддается точному цифровому учету. Нельзя сказать, что частный капитал уменьшился на всю сумму аннулированного долга, наполовину или на $^1/_3$ его. Займы приобретались в военное время, когда благодаря государству искусственно повысилась покупательная способность населения, а потому потери населения в займах не являются потерями в основном капитале. Уничтожение займов повлекло также за собой перемещение капи-

талов, при чем в выигрыше оказались исключительно государства, области и общины. Но так как полученные по этим займам деньги были употреблены на такие непроизводительные цели, как военные и текущие расходы, то о каком-либо существенном барыше казны, за исключением отдельных общин, говорить не приходится. Потери кредиторов по займам являются как бы особым налогом на заем, или вернее особо неравномерной разновидностью инфляционного налога.

Ипотечные долги

Совершенно иначе обстоит дело с долгосрочными займами в частном хозяйстве. Здесь потери стоят на-ряду с явными барышами, так что здесь мы имеем дело со случаем инфляционного перемещения капиталов. За переоценку этих займов велась гораздо более энергичная борьба, чем за публичные займы. Главным образом боролись за переоценку ипотек, так как здесь шла речь о колоссальных суммах. Стоимость одних земельных ипотек равнялась до войны 15 миллиардам золотых марок. И тут особенно остро сказывалось обесценение денег. До войны ипотечными долгами были обременены земельная недвижимость на 40% своей стоимости и городская на 80—90%. Собственник, получивший кредит в золотых марках, мог отделаться от своего ипотечного долга несколькими золотыми пфеннигами.

Законодательство и суд были совершенно беспомощны. Некогда совершенно правильное, а теперь потерявшее всякий смысл, постановление 1910 года о том, что есть только одна монетная единица — марка, продолжало оставаться в силе до конца инфляционного периода. Но под конец взбунтовался и суд. Сначала окружный суд в Дармштадте, а затем имперский суд в своем решении от 28 ноября 1923 года признали, что применение старого валютного закона при изменившихся обстоятельствах, было бы нарушением основного принципа «верности слову», каковой должен быть соблюдаем при всех условиях. Вследствие этого суд не признал претензию собственника на погашение ипотечного долга. Отрицательное по существу постановление высшей судебной инстанции обострило вопрос о переоценке ипотечных долгов. В действительности дело обстояло не так просто, как это кажется с первого взгляда. Самым главным возражением собственников против уплаты ипотечных долгов в золотых марках было то, что доходы их сократились до минимума, благодаря продолжавшим действовать законам военного времени о твердой арендной плате. Государство же не хотело допустить повышения арендной платы до норм довоенного времени, не обеспечив себе при этом значительную часть дохода в виде налога на получаемую квартирную плату. Третьим постановлением о налогах и этот вопрос был разрешен если и не совсем в идеальном, то все же в твердом право-

вом порядке. Ипотечные бумаги были подняты на 15%, однако только с 1922 года. Таким образом, потери на ипотечном кредите, вызванные инфляцией, в настоящее время компенсированы процентов в восемь.

Перемещение капиталов, происходившее от обесценения ипотечных долгов, санкционированное отныне законом, чрезвычайно значительно. Усиленная уплата ипотечных долгов обесцененными деньгами началась с 1921 года. До конца инфляционного периода большая часть недвижимости стала свободной от долгов. В наиболее выгодном положении оказалась земельная недвижимость, так как на нее не распространялись законы о принудительной арендной плате, а доходы стали достигать норм довоенного времени. Так как деньги под земельные закладные большей частью составлялись прямо или косвенно, — через кредитные учреждения — из городских капиталов, то благодаря ликвидации ипотечных долгов создалось перемещение капиталов городского хозяйства в пользу сельского.

Экспроприация домовладельцев

Другое значительное перемещение капиталов в области недвижимостей произошло в городах благодаря понижению цен на дома. Закон о принудительном найме жилищ лишал собственника свободы распоряжения своим имуществом, а установление твердой квартирной платы лишало домовладельца всякого дохода. Даже во время наибольшего обесценения денег ставки на квартиру едва повышались и составляли в 1921—1922 г.г. не более $^1/_{30}$ или $^1/_{40}$ части довоенных норм. В 1923 году эти ставки составляют еще более мелкие доли «основной квартирной платы». По меткому выражению лондонского журнала «Экономист» в Германии городские домовладельцы были экспроприированы квартиронанимателями. Совершалось это как будто во имя социальной справедливости: правительство не желало допускать, чтобы у ослабевшего и обедневшего, вследствие лишений военного и послевоенного времени, населения было отнято его последнее достояние, то-есть, квартира. Но на самом деле искусственное удержание низких цен за квартиру было главным образом на руку экспортной промышленности, которая благодаря этому получила возможность выплачивать более низкую зарплату, хотя цены на экспортные товары понижала лишь незначительно в сравнении с уровнем цен на мировом рынке.

Продолжавшаяся в течение многих лет бездоходность городских домов вызвала, наконец, стремительное падение цен на городскую недвижимость. В первые годы после войны смирнский ковер или хороший рояль стоили значительно больше, чем хороший городской дом, постройка которого в свое время обошлась в сотни тысяч. В то время, как на рынке продажная цена товара

при падающей марке устанавливалась соответственно фактической стоимости воспроизводства товара, цены на дома устанавливались вне всякого отношения к стоимости их воспроизводства. Дома не восстанавливались и не строились. Постоянное население оставалось в своих квартирах, вновь приезжие находили себе пристанище по очень высокой цене, и только тогда, если могли уплатить значительное отступное. Эти отступные за 5—6-комнатные квартиры превышали большей частью продажную цену за весь дом. Только в последний год инфляционного периода картина несколько изменилась. Прежде всего повысились в цене виллы, так как на них был большой спрос со стороны вновь разбогатевших людей. С ослаблением законов о квартирной плате повысились также цены на доходные дома. В аристократических кварталах, не взирая на низкую доходность, за дом охотно уплачивались большие суммы. В рабочих же частях города большие дома можно было приобрести за 5—10 тысяч марок золотом, даже в период стабилизации марки.

В этой революции цен выиграли те круги, которые во время господства бумажных денег имели возможность приобрести полноценные девизы и затраченные, таким образом, деньги отложить на неопределенный срок в виде мертвого капитала. Прежде всего, это были иностранцы, которые сумели воспользоваться тем временем, когда Германия вследствие отставания повышения цен на товары от действительного обесценения денег была самой дешевой страной в мире. Масса иностранцев с незначительными золотыми денежными средствами приобрела тогда огромные вещественные ценности. В 1921 году, когда «распродажа Германии» достигла высшей точки, в больших немецких городах многие тысячи домов были проданы за минимальную цену иностранцам и различным спекулятивным обществам, учрежденным с этой специальной целью. В Берлине, согласно официальным данным, четвертая часть домов перешла в руки иностранцев. В 1922 году эта скупка домов иностранцами была ограничена требованием специального разрешения властей. Но тем не менее это явление продолжалось, только под другой фирмой: дома скупались обществами с ограниченной ответственностью, за которыми скрывались те же иностранцы. Однако, с конца 1923 года иностранцы, из политических соображений, начинают снова сбывать свои приобретенные дома, довольствуясь только полученной разницей и не выжидая дальнейшего повышения. Следует отметить, что в купле-продаже обесцененной городской недвижимости принимали также участие с большим успехом для себя и некоторые немецкие новые капиталисты, о чем речь будет впереди.

Облигации и вклады в сберегательных кассах

Подобно ипотекам на городскую и земельную недвижимость оказались обесцененными также облигации разных обществ. С 1922 года начинается уплата полученных кредитов в совершенно обесцененных деньгах. Некоторые общества заявили о своей готовности дать наиболее обездоленным кредиторам небольшое возмещение, частью путем обмена облигаций, на новые акции, частью же признанием за своими обязательствами известной ценности. Третьим постановлением о принудительных налогах была произведена переоценка облигаций в соответствии с ипотеками. При этом был введен новый 2-х-процентный налог на облигации. Таким образом, промышленные общества получили как бы в подарок 90% суммы предоставленных им довоенных кредитов. Так как в Германии до войны было выдано облигаций на сумму около 5 миллиардов золотых марок, то можно себе представить, какое грандиозное перемещение капиталов произошло в результате обесценения денег. При этом, крупные капиталы оказались в выигрыше за счет средств средних классов населения.

На-ряду с держателями займов в наиболее невыгодном положении оказались вкладчики сберегательных касс, вклады которых переоценивались только в том случае, если сберегательные кассы в свою очередь получали возмещение за свои капиталы, помещенные в ипотеке и облигациях. Но в общем эта переоценка давала не более 1% золотой марки. Впрочем, большого значения обесценение денег здесь не имело, так как вкладчики сберегательных касс большей частью успели взять обратно свои вклады.

Развитие биржевых операций

Биржа начинает привлекать все более и более широкую публику, которая надеется при помощи биржевой спекуляции вернуть свое утраченное, от обесценения государственных процентных бумаг, имущество и получить, наконец, некоторое возмещение за все понесенные до сих пор убытки. Немецкий обыватель, за исключением относительно тесного круга деловых людей, не решался до войны принимать участие в фондовой бирже. Перед обывателем стояла альтернатива: «Кто желает хорошо есть — покупает акции, кто желает хорошо спать — тот приобретает ренту». Большинство мелких капиталистов предпочитали последнее. Даже при совершенной обеспеченности некоторых ценных бумаг отпугивала обывателя необеспеченность дивидендов. Обыватель хотел наперед знать, каков будет его доход в будущем году и боялся всяких колебаний рыночной коньюнктуры. Война сначала ничего не изменила в этой привычной пси-

хологии, напротив, укрепила ее. Военный заем, как твердая рентная бумага, стал козырем поэтому в руках правительства. Еще до мобилизации, то-есть, до 28 июля 1914 года, германская биржа была закрыта так же, как и парижская, лондонская и даже нью-йоркская. Этим имелось в виду предотвратить паническое падение курсов, как это обычно наблюдается при об'явлении войн. Но в то время, как другие биржи вскоре открыли свои действия, германская биржа, несмотря на все протесты со стороны заинтересованных кругов, а также и части прессы, оставалась все время закрытой. Правительство, не допуская официальной котировки, стремилось к двум целям. С одной стороны, правительство хотело сконцентрировать интересы денежного рынка на военных займах, с другой стороны — уничтожить спекуляцию, хотя бы для того, чтобы предупредить отражение на бирже возможных военных неудач.

Что касается профессиональной спекуляции, то цель правительства не была достигнута. На место официальной биржи возникла черная биржа, на которой колебания курсов приняли более значительный характер, чем это было прежде. Эта черная биржа военного времени, вопреки опасениям правительства, имела тенденцию не понижать, а, наоборот, повышать бумаги. Первые же дивиденды, выданные обществами, занятыми большими военными поставками, усилили спрос. Денег для спекуляции было в изобилии. Конечно, при этом никто не заметил, что тенденция к повышению содержала в себе первые признаки наступающей инфляции. Для уяснения того, как публика представляла себе все эти события, достаточно вспомнить характерное выражение крупного берлинского банкира: «Биржа, которая, как зеркало, всегда отражает хозяйственное, финансовое и политическое положение страны, в настоящее время наиболее ярко выражает развитие органических сил нашего отечества» [1].

3 декабря 1917 года вновь была дозволена официальная котировка. Но последний год войны протекал все же под знаком депрессии, которая выразилась после революции в сильном понижении курса. Так, курсы, вздутые в два раза во время войны, упали на 50%. Опасались социализации и неблагоприятного влияния военного поражения на промышленность, торговлю и банки. Не было уверенности в завтрашнем дне. Несколько раз, хотя и всего на несколько дней, берлинская биржа закрывалась из-за революционных боев на улицах Берлина. Но в течение 1919 года вновь установилась высокая коньюнктура: правда, акции держатся лишь немногим выше, чем в довоенное время, а марка падает до ¼ своей прежней стоимости, ценные бумаги идут зато вверх, и это является решающим моментом для биржи. На биржу устремляется публика, которая надеется там без особого труда нажить крупные барыши.

[1] «Фоссише Цейтунг», 7 августа 1915 г.

Публика спекулирует

В следующем году в биржевой спекуляции начинают принимать участие широкие круги населения. Публика в то время не научилась еще при спекуляциях с акциями считаться с курсом доллара, но великолепно уже приметила разницу между стоимостью марки и повышением курса бумаг. Для всех стало ясно, что на Бургштрассе, то-есть, на бирже заработать можно. Публика хотела не только хранить капитал и обезпечить его от дальнейшего обесценения, — она хотела на бирже и приумножить свои средства. Сдержанность довоенного времени исчезла. Займы теряли ценность, это было ясно всем. Надежды на ренту тоже рухнули, а потому приходилось искать новых путей к наживе. Между тем, на бирже все шло почти без всякого риска. Акции повышались почти беспрерывно, подвергаясь лишь самым незначительным колебаниям. Отчего же не принять участие в общей игре? Само собой разумеется, что у новых биржевиков не было склонности сохранять за собой на долгое время приобретенные бумаги, вопрос о дивидендах мало кого интересовал. Бумаги покупают для того, чтобы их перепродать.

Желание торговать и спекулировать овладевает всеми, даже теми слоями населения, которые раньше в этом видели нечто безнравственное, во всяком случае, считали себя слишком глупыми или слишком честными, чтобы участвовать в спекуляции. Чиновники, служащие, ремесленники, мелкие рантье, все стали «ходить на биржу». Вся биржевая «игра» этих людей заключалась в том, что банковский чиновник или знакомый, сам изучивший это искусство всего пару дней назад, советовал им, что надо купить. Новый спекулянт даже не имел представления, в какой отрасли помещены его капиталы, куплены ли им акции сахарного завода, кожевенной фабрики, или лесопилки. Знание дела не играло роли — важно было лишь урвать куш. По-настоящему, биржевая горячка охватила всех только с осени 1921 года, когда курс доллара в течение нескольких месяцев вскочил с 60 до 300 марок, а курсы акций удвоились и даже утроились. И когда 1 декабря 1921 года девизы и акции вдруг стремительно полетели вниз, то этот «черный четверг» был буквально днем национального траура. Конечно не следует упускать из виду, что и тогда и еще позже во время самой бешеной спекулятивной горячки миллионы и десятки миллионов немцев не имели никакого отношения к биржевой игре: это весь рабочий класс Германии и подавляющее большинство крестьян. Но сотни тысяч народа, которые раньше не понимали, что означает акция, всецело вошли в биржевую игру, и этого было достаточно, чтобы биржа стала злобой дня.

Биржевой погром первого декабря не остановил публику, точно также и другие биржевые удары, имевшие место в мае

1922 года, в феврале 1923 года и, наконец, последний «черный день» инфляционного периода, 5 ноября 1923 года. Само собой разумеется, что когда обесценение денег стало общеизвестным фактом, приобретение акций было использовано как средство сохранения капитала. Акции были в конечном счете реальными ценностями, и они до известной степени гарантировали от обесценения денег, хотя с наполнением рынка акциями и выпуском дополнительных акций, ценные бумаги подвергались той же опасности, что и банкноты при усилении бумажной эмиссии. Однако, сохранение целости капитала играло лишь второстепенную роль в биржевой спекуляции. Главным стимулом биржевой спекуляции оставалась нажива на разнице. При этом профессионал-биржевик играл на разнице курсов акций и девизов, а обыватель на разнице повышением курса ценных бумаг и вздорожанием жизни. В течение целых двух лет получаемые от спекуляции барыши давали возможность существовать обедневшему, благодаря обесценению денег, рантье и плохо оплачиваемому чиновнику. Слишком поздно эти слои населения узнали, что при этой биржевой игре они часто теряли свое последнее добро и что в действительности они все время проедали свой основной капитал. В сравнении с долларом и с индексом стоимости жизни курс ценных бумаг всегда почти оставался позади.

В среднем, годовые индексы равнялись:

Годы.	Индекс стоимости жизни.	Индекс акций в Берлине.
1913 г.	1	1
1920 »	10,44	2,05
1921 »	13,37	4,32
1922 »	150,04	20,59

И, наконец, в 1923 году, когда товарный индекс, исчисленный в золотых марках (бумажное исчисление потеряло уже свой смысл) стоял только на 10% дороже, чем до войны, индекс ценных бумаг также в золоте составлял только $^1/_8$ часть довоенной стоимости. Таким образом, те, которые удержали свои акции до конца инфляционного периода, не только ничего не выиграли, но и потеряли значительную часть своего состояния.

Капитал прежних рентодержателей, выброшенный и утерянный ими на биржевой игре, попал в руки профессиональных спекулянтов, а также тех новоиспеченных капиталистов, которые

нажились в последние годы войны и революции, и которые сумели дать этому капиталу другое применение. Этот капитал послужил для дешевого приобретения земельных участков, для покупки разного рода предметов потребления и иногда для сооружения производственных предприятий. Не малая часть выигранных на бирже денег была превращена в девизы и другие иностранные ценности. Иностранцы, принимавшие участие в биржевой игре в Германии, почти все, за исключением только некоторых, которым удалось занять укрепленные позиции в немецком хозяйстве, потерпели убытки.

Крупные спекулянты имели, конечно, то преимущество пред мелкими любителями-спекулянтами, что они знали свое дело, были предусмотрительны и давали тон игре, но главное их преимущество было в том, что они пользовались большим кредитом. Мелкий спекулянт должен был всюду выкладывать наличные деньги, и мог пользоваться кредитом на очень невыгодных для него условиях. Крупный же спекулянт до последнего времени мог, спекулируя чужими капиталами, платить свои долги обесцененными деньгами.

Банки, которые во время расцвета инфляции оперировали с огромным количеством обесцененных денег, после окончания «царства нулей» очутились с пустыми руками, что послужило для них поводом к заявлению, что они больше всех понесли потери, так как публика, будто бы, спекулировала за их счет. На деле это было несколько иначе. В действительности во время инфляции банки еще более, чем когда-либо, оперировали чужими деньгами. К банкам, как к биржевым посредникам, стекались те суммы, которые раньше откладывались в сберегательные кассы и держались в несгораемых шкафах. Вся жертва банков состояла по существу в том, чтобы полученные от мелких вкладчиков деньги отдавать за большие учетные и комиссионные проценты крупным дельцам. Нельзя отрицать того, что некоторые банки в инфляционный период ощутительно пострадали. Потери банков можно об'яснить тем, что некоторые из них так же, как и обыватель, слишком поздно дали себе отчет в последствиях обесценения денег и ни в коем случае нельзя их ставить в связь с банковскими операциями в собственном смысле этого слова.

Имущество средних классов

За последние десять лет умение во-время предугадать судьбу марки и сделать соответствующие выводы имело для частного хозяйства решающее значение в Германии. Речь идет не о том, чтобы своевременно понять природу наполнения страны бумажными деньгами, а о том, чтобы суметь учесть все колебания валюты, не обманываться при случайном повышении марки в основной тенденции ее к понижению и, поскольку возможно, использовать спорадическое повышение денег. В период инфля-

ции пострадали не только капиталы довоенного времени, но уничтожались в течение нескольких месяцев и вновь образовавшиеся капиталы военного и послевоенного периода.

Широко распространено мнение, будто вследствие обесценения денег произошло не только большое уничтожение и перемещение капиталов, но и колоссальная их концентрация. Трудно еще сказать, в какой мере это верно. Часто говорят, что средние классы в Германии постепенно уничтожаются и общее впечатление за последние годы как будто это подтверждает, но в действительности вопрос этот по меньшей мере остается спорным. Достоверно известно, что среднее крестьянство, о котором речь будет ниже, не только удержало свои позиции, но еще больше укрепило их. Уничтожение средних городских капиталов тоже еще недоказано. Несомненно, старый средний капитал под влиянием обесценения денег сошел на-нет, но его место заступил капитал нового нарождающегося среднего класса. Характер нового капитала, его размеры, будет ли он выполнять ту же функцию, что и старый довоенный капитал средних классов — об этом можно будет судить, лишь когда станут известными результаты первого поимущественного налога в золотых марках. Но и тогда картина не будет полной, вследствие, во-первых, упадка «налоговой честности», которая еще долго будет давать знать себя, и, во-вторых, вследствие недостаточных, большей частью, слишком низких норм для оценки недвижимого имущества и доходных бумаг.

Крупные состояния

Единственое, что уже сейчас с совершенной ясностью вырисовывается из темного хаоса инфляции — это образование огромных состояний, размеры которых также не поддаются точному цифровому учету. Эти капиталы наиболее выразительно указывают на изменения, происшедшие в германском народнохозяйственном капитале и на то, каким образом эти изменения произошли. Само собой разумеется, что и здесь образование капитала имело свои индивидуальные различия. Не следует также упускать из виду, что даже при нормальных условиях в сильно развитых капиталистических странах в течение одного десятилетия обычно происходили изменения крупных капиталов. Так, при сравнении 1890, 1900 и 1910 годов мы находим большие перемещения капиталов. Крупные состояния распадаются хотя бы уже при дележе наследства, из ничего возникают новые состояния, большие капиталы превращаются в еще большие. Примером к тому может служить сравнение четырех самых крупных немецких состояний на основании декларации подоходного налога [1] в довоенное время.

[1] Рудольф Мартин. Ежегодник капиталов и доходов миллионеров. Берлин. 1923 г. стр. 15.

Состояния в миллионах марок

Годы.	Ротшильд.	Крупп.	Князь Генкель.	Гогенлоэ Эринген.
1896	216	122	62	58
1899	266	148	85	54
1902	139	187	96	59
1905	113	214	120	100
1908	107	187	177	151

Даже о тех лицах, которые выдвинулись в первые ряды народного хозяйства и больших состояний только с начала войны — даже о них нельзя сказать с полной определенностью, что их состояния возникли на основании исключительных возможностей обогащения военного и послевоенного периода. Из этих сверхбогачей нет ни одного, который разбогател бы исключительно на войне или исключительно на инфляции, или на том и другом вместе. Большинство из них пробили бы себе дорогу и при нормальных условиях. И все-таки при образовании этих капиталов мы можем найти некоторые общие формы развития, типичные для специального перемещения последнего десятилетия.

Три причины способствовали перемещению капиталов: война, инфляция и непосредственные последствия Версальского договора. На-ряду с крупными барышами промышленности, сельского хозяйства и отчасти банков, потери среди крупных капиталистов сравнительно невелики. Те убытки, которые имеются на-лицо к концу войны, происходят главным образом от потерь вследствие инфляции, хотя в то время в этом еще не отдавали себе отчета. Во время расцвета инфляции, наступившей после войны, крупные промышленники, особенно получившие большие военные прибыли, скупают реальные ценности в огромных количествах по очень низкой цене или совсем в кредит, покрываемый впоследствии обесцененными деньгами. Сельские хозяева имеют возможность сохранить свое имущество и даже при погашении своих старых долгов умножают свои капиталы. Финансисты, как обладатели движимого капитала, находятся в менее выгодных условиях. Только некоторым банковским деятелям и биржевикам удается, благодаря удачным спекуляциям и использованию долгосрочных кредитов, обеспечить себе материальные ценности и тем самым вступить в ряды лиц, выигравших на инфляции.

Но еще до того, как инфляционные перемещения достигают своей высшей точки, в пограничных местностях, которые на основании мирного договора совсем или частично отпадают от

Германии, происходят крупные перемещения капиталов. Кроме того, народное хозяйство Германии несет еще большие убытки вследствие утраты немецких владений за границей. Правда, здесь нет речи об окончательных потерях для частного хозяйства, так как согласно мирному договору государство обязано частным владельцам возместить убытки. Но и здесь инфляция играет решающую роль. Большая часть возмещений уплачивается обесцененными деньгами. Только очень немногие получают от государства хоть сколько-нибудь значительные суммы. Здесь нет абсолютных барышей, но размер убытков так различен, что благодаря этому одному факту уже мы имеем на-лицо значительное перемещение капиталов.

Каким образом эти три крупных фактора, — война, инфляция и мирный договор, — влияли на перемещение капиталов, мы постараемся показать на истории некоторых больших состояний. К этому надо прибавить еще одну форму перемещения капиталов. Она касается небольшой, но не лишенной интереса группы крупных германских капиталистов. Речь идет о судьбе состояний бывших монархов и членов разных династий после политического переворота.

Глава II

ВОЕННАЯ ПРИБЫЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Отто Вольф)

Война в Германии оказала решительное влияние на об'ем и характер крупных капиталов. Все промышленники так или иначе приняли участие в войне. Некоторые из них при этом потеряли, но большинство значительно увеличило свои капиталы. Прежде всего, это относится к тем крупным капиталистам, которым правительство, вследствие их предприимчивости, доверяло в первую очередь военные поставки. В конце концов все население и хозяйство страны оказались втянутыми в войну и вынуждены были к ней приспособиться. Большинство населения от этого пострадало, — промышленники выиграли. При этом старинность фирмы, имя и положение решающего значения не имели. Отдельные смельчаки и ловкие дельцы быстро выдвинулись вперед, сумев использовать те огромные возможности, которые предоставляла им война, что, конечно, совершенно было бы немыслимо в нормальное время. В Германии двадцатилетний Яков Михаэль, а в Австрии двадцатилетний Зигмунд Бозель быстро делают карьеру как военные поставщики, закладывая основание своим капиталам. Началось перемещение и образование новых миллионных капиталов, совершенно неизвестное в мирное время даже в Германии, этой наиболее американизированной из всех европейских стран. Точно такую же картину мы наблюдали и в прежние войны, известным примером чему служат прибыли лондонского дома Ротшильда в освободительные войны.

Рост дивидендов

С самого начала большая часть тех миллиардов, которые правительство получало от народа в виде военных займов, попадала в руки промышленности. Это уже ясно доказали итоги первых лет войны. Чистая прибыль возрасла у Круппа с 33,9 миллионов в 1913 г. до 86,4 миллионов в 1914 году; у Людвига Леве

с 1,7 миллионов в 1913 г. до 2,9 милл. в 1914 г. и 4,3 милл. в 1915 г. Кельн-Ротвейльские пороховые заводы получили чистой прибыли в 1913 году 4,4 милл., в 1914 г. 6,6 милл. и в 1915 г. 14,5 миллионов. Некоторые железоделательные и стальные заводы в первые месяцы войны, вследствие призыва рабочих на военную службу и прекращения заграничных заказов, терпят значительные убытки Заключительный баланс этих предприятий за 1914 год был хуже, чем за предыдущий, но зато в 1915 году они с лихвой возмещают свои потери. Так, Верхне-Силезское акционерное общество для снабжения железных дорог получило чистой прибыли в 1913 году 2,7 милл. марок, в 1914 году лишь 1,7 милл., зато в 1915 году прибыль повысилась до 6,3 милл. марок. Соответственно этому дивиденды этого общества, пониженные в 1914 году с 4% до 2% — в 1915 году возросли до 10%. Те предприятия, как, например, Магдебургский машиностроительный завод Шрубе, дела которых непосредственно перед войной шли плохо, вновь оживились и в короткое время уже получали большие прибыли. Ниже приведенная таблица показывает доходы военной промышленности в первые два года войны.

Отрасли промышленности, торговли и прочие.	Число акционерных обществ.	Акционерный капитал в 1.000 м.	Чистая прибыль в процентном отношении к Акционерн. капиталу.	
			1914 г.	1915 г.
Кожевенная промышленность	46	114.018	20,28	37,70
Химическая промышленность	114	545.576	19,22	31,14
Производство одежды	30	28.081	15,01	26,33
Жиры и масла	11	23.365	17,10	24,07
Текстильное производство	217	412.154	14,72	23,83
Металлургическое производство	375	1.156.939	12,61	23,20
Горная и горнозаводская промышл.	122	1.089.210	10,55	16,56
Торговля за исключением банков	47	98.141	11,20	14,93
Пищевкус	1.351	493.884	11,70	14,57
Банки	492	4.032.101	12,41	12,69
Гостиницы и рестораны	74	57.276	6,09	11,38
Деревообделочная промышленность	40	47,963	5,48	10,06
Бумажное производство	54	104.665	7,62	9,22
Полиграфическое производство	59	42.784	6,55	8,94
Электрич. и газов. общество	88	580.769	9,20	8,72
Строительство	232	380.350	1,47	4,15
Транспорт	263	996.474	4,92	3,51
Камен. и землян. работы	245	369.276	9,33	1,88
Прочие	104	36,730	7,45	9,28

Следует при этом отметить, что в то время прибыль исчислялась в золотых марках. Поэтому, если экипажное производство Эйзенаха и автомобильная фабрика Оберурзиля увеличили свою чистую прибыль в шесть раз, то это были суммы солидные. Уже в 1915 году чистая прибыль некоторых обществ достигала нарицательной стоимости их основного капитала. С выдачей дивидендов крупные предприятия соблюдали чрезвычайную осторожность. Вся полученная сверх-прибыль шла преимущественно на пополнение резервного капитала и, прежде всего, на улучшение и расширение производства. Тем не менее выдача дивиденда в тройном и четверном размерах против мирного времени была обычным явлением. А Майнцкое акционерное общество газовых аппаратов и чугунных изделий, получившее при акционерном капитале в 1,3 милл. марок чистую прибыль в 3,6 милл. марок, выдало даже дивидендов в размере 125%. Но это был, разумеется, исключительный случай.

Программа Гинденбурга

Все это только скромное начало, а по настоящему эпоха военных прибылей началась лишь с так называемой программы Гинденбурга. Полная перетасовка и приспособление промышленности для нужд войны было одной из первых задач Гинденбурга и Людендорфа, ставших в августе 1916 года во главе армии. Был брошен лозунг: «все силы хозяйства для войны!» Для этой цели при прусском военном министерстве было образовано особое военное учреждение, на которое, с одной стороны, было возложено снабжение сырьем, оружием и снарядами; с другой стороны, оно должно было ведать и снабжать продовольствием рабочих, занятых в военной промышленности. Это учреждение стало центральным ведомством всей военной промышленности. Ему же были подчинены отделение военного сырья, учрежденное Вальтером Ратенау в начале войны и так называемое «Вумба», — отдел снабжения оружием и снарядами (Waffen-und Munitionsbeschaffungsamt). На-ряду со строжайшей охраной и контролем над расходованием наличных запасов, важнейшей задачей нового ведомства было содействие повышению национального производства. Закрытые рудники были пущены в ход, создана новая отрасль промышленности, занимающаяся производством всякого рода суррогатов. При этом, государство платило какие угодно высокие цены, лишь бы предприниматель согласился взять на себя поставку. Это имело конечно огромное влияние на образование новых капиталов.

Людендорф в своих «Мемуарах» сам признал: «Деньги никакой роли не играли». Еще яснее выразился также небеспристрастный к дельцам министр финансов доктор Шиффер, который в Национальном собрании в 1919 году сказал: «Новым фактором

в то время явилась программа Гинденбурга, которую я не буду, конечно, критиковать с военной стороны. С хозяйственной же точки зрения — это была программа отчаяния, причинившая огромные бедствия. Началось дикое разбрасывание денег. Расходы никого не интересовали. Платили столько, сколько требовали поставщики, получавшие возможность, благодаря высоким доходам, сманивать рабочих из одного производства в другое. Вместо организации хозяйства была самая беспринципная система, от которой мы до сих пор еще страдаем. Это причинило огромный нравственный и хозяйственный вред». Любопытно, что в большинстве воспоминаний об этом времени ярче всего сохранилась память о высокой заработной плате. Несомненно, что женщины и подростки, занятые военной промышленностью, получали в то время совершенно небывалую раньше в Германии высокую оплату своего труда. Но в сравнении с доходами предпринимателей это повышение зарплаты более, чем скромно. Доля заработной платы в продажной цене товара начинает падать уже тогда. Так, в Бохумском об'единении расходы на зарплату с 38% в 1912/1913 г. упали до 25% в 1915/1916 г., а в горнозаводском обществе «Добрая Надежда» — с 37 до 20%. Прибыли предпринимателей в последние годы войны точному учету не поддаются, так как деньги были обесценены, а балансы все больше фальсифицировались и становились все туманнее. Прибыль употреблялась на расширение предприятий или попросту скрывалась. Покупать новые предпрятия или об'единять существующие становилось все труднее, так как дела даже небольших и средних предприятий шли необыкновенно хорошо. Промышленность все более и более освобождалась от опеки банков, которые, в качестве кредиторов, сделались до войны фактическими хозяевами промышленности. В 1916 году правление Верхне-Силезских соединенных железоделательных заводов «Король» и «Лаура» сообщило своим акционерам, что предприятие в первый раз за свое существование освободилось от долгов, имея при этом значительный вклад в банках. Дивиденды крупных предприятий продолжают колебаться в пределах от 10 до 30%, что, впрочем, принимая во внимание обесценение денег, можно скорей рассматривать, как шаг назад.

10 миллиардов об'явленной прибыли

Опасаясь введения налога на военную прибыль, акционерные общества с большой осторожностью распределяли свою чистую прибыль между акционерами. В то время, как в Англии уже в 1915 году акционерные общества вынуждены были отдать государству 50%, в 1916 году — 60%, а в 1917 году — 80% своей сверх-прибыли, при чем отдельные лица, выигравшие на войне, также подлежали обложению — в Германии только в июне

1916 года решились на введение налога на военную прибыль. Сверх-прибыль акционерных обществ была обложена от 30% до 50%, а приращение капитала частных лиц (по сравнению с 31 декабря 1913 года) 10—50% по прогрессирующей шкале. Этот налог до 1 апреля 1918 года дал казне 4,9 миллиардов марок. Если принять за среднюю ставку обложения 30%, получится круглая сумма в 15 миллиардов марок декларированной военной прибыли, или в переводе на золото по курсу марки того времени — 10 миллиардов марок золотом — сумма солидная. После повышения налоговых ставок в 1917 году для успокоения населения было предложено в 1918 году ввести чрезвычайный военный налог, ставки которого должны были бы сократить всякую прибыль на половину. А еще годом позже, в сентябре 1919 года, был издан удивительный закон, по которому вообще вся военная прибыль свыше 172.000 марок должна была вернуться в казну в виде особого налога. Но в сущности оба эти закона никакого успеха не имели: во-первых, слишком низко пала налоговая честность, а во-вторых, с обесценением денег доходы уже стали превращаться в иллюзию.

В предшествовавших войнах можно было выделить и рассматривать отдельно перемещение капиталов военного периода. В нынешнюю войну этого сделать нельзя вследствие обесценения денег. Несомненно непосредственно после войны мы имели в Германии ряд миллионеров, которые уже через год-два обладали лишь средним состоянием, а в настоящее время обеднели окончательно. Ряд возникших во время войны новых крупных капиталов, в особенности чисто торгового характера, быстро растаял, так как владельцы их во-время не сумели вложить свою военную прибыль в реальные ценности. Промышленные капиталы спаслись от этой судьбы потому, что значительная часть военных прибылей шла на расширение предприятия, новые постройки и т. д. Но так как эти новые сооружения предназначались для продукции военного характера, то и здесь мы наблюдаем, как, например у Круппа, большие убытки. Выиграли на войне только те, которые во-время сумели учесть все последствия инфляции. Характерной фигурой для этой категории людей является Отто Вольф.

Отто Вольф — военный поставщик

Отто Вольф и его компаньон Оттомар Штраус начали оба буквально с грошей. Молодыми людьми оба работали в железной оптовой торговле Пельцера в Кельне. Вольф — сын органиста из Нижне-Рейнских провинций, а Штраус — сын торговца железом из Мюльгаузена в Эльзасе. Первому было 23 года, второму — 26 лет, когда они в 1904 году сообща открывают в Кельне торговлю железом. Они торгуют старыми металлами и ломом, интересуясь также и новой белой жестью. Искусство этих молодых

людей заключается в умелом сортировании старых материалов, но у них есть также ценная способность находить и укреплять связи с влиятельными людьми. Благодаря этому качеству, оба компаньона за два десятилетия сумели выдвинуться в первые ряды хозяйственной жизни Германии. Сначала они стараются завязать прочные связи с влиятельными представителями Рейнско-Вестфальской металлопромышленности, как, например, с доверенными лицами об'единения стальных заводов, с управляющим заводов Феникса и прежде всего Круппа. Вскоре фирма Отто Вольф получает представительство на продажу крупповских рейнгаузеновских фабрикантов. С помощью Круппа Вольф и Штраус расширяют свое предприятие, покупают кельнскую железную торговлю Банцафа, принимают участие в одном лондонском и антверпенском экспортирующем торговом доме и в конце концов приобретают в Англии фирму «Левис Лацарус Сыновья», торгующую металлами. На-ряду с экспортом компаньоны интересуются также и внутренней торговлей. В ряде немецких городов открываются отделения, и к началу войны Отто Вольф и К° с полным правом могут себя назвать крупной оптовой торговлей железом. Но решающего значения в своей отрасли, несмотря на девятилетнее существование, фирма не имеет. Сомнительно также, были ли владельцы фирмы, как это потом утверждали, миллионерами уже до войны.

Крупный рост фирмы начинается только со времени войны. Правда, один из компаньонов, Оттомар Штраус, призван в войска, но он оказывается не способен к строевой службе и должен служить в тылу: для фирмы «неприятность» оборачивается счастливым случаем. Штраус после многих этапов получает назначение в морское министерство в Берлине, где быстро находит общий язык с теми властями, от которых зависят поставки железа. Он быстро специализируется на поставках материалов для армии союзных с Германией государств и его прикомандировывают к турецкому посольству в Берлине в качестве своего рода атташе по снабжению. Там он быстро завоевывает себе доверие, а доверие оказывается доходной статьей. Заказы на поставки сыплются, как из рога изобилия, и даже летом в 1918 году, то-есть, уже «под занавес», фирма Отто Вольф получает ряд поставок для Турции на многие миллионы.

Тайный советник Штраус

Неблагоприятный исход войны и революция дали деятельности Вольфа и Штрауса другое направление, но система работы у них осталась та же. Им не надо было перестраивать, подобно фабрикам и заводам, выделывавшим пушки и снаряды, все свое производство. Достаточно было завязать новые связи, чтобы дело снова расцвело. Со свойственной им ловкостью и умением

приспособляться к обстоятельствам, оба компаньона сумели втереться в доверие республиканских правителей. Это не значит, конечно, что они записались в революционеры и стали проповедывать коммунизм. Напротив, их тянет туда, где устанавливается порядок — порядок, конечно, в духе новых деятелей демократического государства. Правильнее сказать, они стараются проникнуть туда, где старое переплетается с новым, где новые люди правят по старым образцам.

Отто Штраус остается в Берлине, сближается с Эрцбергером, который проводит его в комиссию по проведению перемирия и знакомит с новым правительством Пруссии, где жизнь скорее всего вошла в норму. Деньги при этом роли не играют. В своей кампании против Эрцбергера Гельферих, не сумев, впрочем, доказать это на суде, заявлял, что Штраус открыто предлагал взятки правительству. Но это неправда, в революционное время имелось достаточно возможностей для того, чтобы и без грубого подкупа оказывать услуги правительственным лицам, входя этим в их доверие. У Штрауса был всегда открытый кошелек для тех «государственных мер», о которых неохотно разговаривают прежде, чем они осуществлены. Так, например, он финансирует гвардию Рейхстага, которая зимой 1918—1919 года несет полицейскую охрану против коммунистов. Он доставляет средства для учреждения прусского государственного комиссариата общественного порядка. Это учреждение, во главе которого стоит прежний прусский посланник в Дрездене фон-Бергер, служит своего рода личной опорой для самого Оттомара Штрауса. Он получает чин тайного советника и отныне «тайный советник Штраус» становится личностью, с которой считаются в республике.

Точно так же, как и во время войны, его окружает в берлинском отеле «Кайзергоф» целая свита. В Потсдаме он дает блестящие обеды, на которых часто присутствуют такие лица, как прусский министр — президент Пауль Гирш, начальник берлинской полиции. Тут же ряд людей, которые еще долгие годы играют роль и на открытой политической сцене и за кулисами ее. Среди них преемник фон-Бергера, главный прокурор Вейсман и советник министерства иностранных дел д-р Шварц. Оттомар Штраус остается на своем месте в комиссариате до переворота Каппа. Тут его позиция в отношении республики становится двусмысленной: он ведь не знал, чем все это кончится. Несмотря на свою службу в комиссариате Штраус все время оставался компаньоном фирмы Отто Вольф. И эта двойная служба, как в свое время военная служба Штрауса, приносила не мало выгод фирме. При такой персональной унии, все двери сами раскрывались, «как только перед ними появлялась столь великолепно представленная и кредитоспособная, фирма» [1].

[1] Феликс Пиннер. Вожди германского хозяйства. Шарлотенбург, 1924 г., стр. 44.

Приобретение «Феникса»

В то время, как Оттомар Штраус, на ролях дипломатического представителя фирмы Отто Вольф, работает в Берлине при старом и новом правительстве, сам Отто Вольф прекрасно управляет в Кельне своей фирмой, все время ее расширяя. Будучи только коммерсантом, Вольф не стремится раздуть свою фирму, подобно тому, как это делала военная промышленность. Но огромные суммы, заработанные фирмой на войне, требовали своего применения, и у Вольфа явилось желание принять участие в ряде огромных промышленных предприятий, с которыми он давно стоял в деловых отношениях. О вступлении в фирму Круппа, носившую чисто семейный характер, нечего было и думать. Легче было заполучить «Феникс», акционерный капитал которого был раздроблен. Замысел все же с первого взгляда казался фантастическим. Неслыханной дерзостью казалось, что какой-то торговец железом отважился мечтать о приобретении наиболее крупного и обеспеченного горного предприятия всего Вестфало-Рейнского округа. Но Отто Вольф решился на это.

С 1917 года планомерно, мало-по-малу, Вольф начинает скупать все акции «Феникса», находящиеся на рынке. Впоследствии он приобретает уже целые пакеты акций. Только через три года он открыто выступает в качестве крупного акционера «Феникса». На общем собрании акционеров 29 октября 1920 года Вольф впервые появляется сам, представляя акционерный капитал в 10 миллионов номинальной стоимости. А вместе с примыкающей к нему группой Вольф из представленных 68½ миллионов акционерного капитала располагал 46,6 милл. марок, то-есть имел абсолютное большинство. То, что Вольф усиленно скупает акции, заметили в обществе только зимой 1919/1920 г.г., при чем люди ломали себе голову, для кого эта, мало известная на бирже, кельнская торговая фирма делает свои закупки. Предполагали, что здесь скрывается Крупп, Тиссен, Ганиель, Всеобщая Компания электричества, но никто не подозревал, что Вольф приобретал для себя. Вольф точно ворвался в «Феникс». Это было полной неожиданностью для его правления и наделало много шуму в обществе. В действительности же вступление Вольфа в «Феникс» подготовлялось давно. Лучше всего это видно из данных о посещениях общих собраний акционеров «Феникс» в 1919/1920 г.г. Были представлены (в тысячах марок):

Акционеры.	20.10.17	23.10.18	8.12.9	29.10.20
Германский банк	16.443,4	14.661,4	10.721,0	7.574,0
Дармштадтский банк	5.561,0	5.973,8	4.475,0	1.996,6
Дисконтный банк	9.593,0	8.427,6	6.145,0	4.443,8
Шефгаузенск. союз банков . .	1.657,6	1.589.6	1.248,6	1.270,6
Соломон Оппенгейм мл. и К°.	960,6	1.454,4	1.054,6	1.207,6
Дрезденский банк	6.604,0	6.850,6	3.692,8	2.445,0
Эссенское кред. учреждение .	1.587,4	1,513,4	1.157,2	—
Нац. германский банк	2.547,0	1.813,6	—	1.174,2
Маркус Каппель	1.660,6	2.004,6	—	—
Коммерч. сов. Л. Гаген . . .	1.656,2	1.624,4	1.016,0	46.618,6
Вольф и голландские группы.	—	—	—	
Мелкие акционеры	2.762,4	1.325,0	1.077,8	1.822,2
Всего	50.060,2	47.238,4	30.588,0	68.552,6

Тут мы ясно видим, каким образом в военное и послевоенное время скупались акции «Феникса», как мало-по-малу банковский акционерный капитал, фактически находившийся в руках мелких акционеров, таял, переходя к новому блоку. В течение двух лет, не возбуждая внимания общества, Германский банк отдал шесть милл. марок, дисконтный банк — 3½ милл. марок, Дрезденский и Национ. банки — 2½ милл. марок, Эссенское кредитное о-во, Шафгаузенский союз банков и кельнский банкир Гаген по ½ милл. марок номинального акционерного капитала. В общем, за это время на 17½ милл. марок акций перешло в другие руки. Самое любопытное, что новые акционеры «Феникса» совершенно не появлялись на общих собраниях. Так, на общем собрании акционеров в 1917 году акционерный капитал представлен лишь в размере 50 милл. марок, в 1919 году в 30 милл. марок, и только в следующем году, когда банковская группа потеряла акций еще на 8½ милл. марок, загадка раз'ясняется, — новый крупный акционер выступает на сцену.

«Феникс» становится голландской собственностью

Уже тогда общественное мнение было заинтриговано не вполне ясным для него участием голландского капитала в руководимой Отто Вольфом группе большинства. Известно было лишь, что наиболее крупное количество акций группы Вольфа, на 30 миллионов марок, находится в руках «Королевской нидерландской компании доменных печей и стальных заводов». Это общество, в котором принимало участие также голландское государство, приняло на себя $^3/_4$ всех акций «Феникса», скупленных Отто Вольфом. Казалось, что сущность этой сделки заключается в обеспечении сбыта товаров Вольфа за границу. В действительности же, соединяясь с этой, хорошо обеспеченной иностранной валютой, фирмой, Отто Вольф стремился гарантировать себя от риска потери на обесценении денег. Но в первое время инфляции этого обстоятельства никто не учел, и оно обнаружилось лишь впоследствии при двух больших финансовых операциях голландцев. В июне 1923 года акционерный капитал «Феникса» увеличился с 300 миллионов до 600 миллионов марок. Весь новый портфель был передан голландской группе, во главе которой стоял «голландский Стинес» — Креллер, директор роттердамской торговопромышленной фирмы «Вилльям Мюллер». Затем голландская группа, совместно с Вольфом, учредила в Гааге трест «Феникс», к которому, очевидно и перешло участие в немецко-акционерном обществе «Феникс»[1].

Самое замечательное в этой сделке то, что голландцы получили акции по номинальной их стоимости, то-есть по 100%, а старые акции «Феникса» котировались в то время на бирже по 70.000%. Таким образом, голландцы получили как бы в подарок кругленькую сумму в 1½ биллиона бумажных марок, или по курсу того времени 50 миллионов голландских гульденов, что составляло около 20 милл. долларов. Эта фантастическая сумма была передана голландской группе в виде компенсации за предоставленные «Фениксу» валютные кредиты, в которых это общество сильно будто бы нуждалось во время оккупации Рура и пассивного сопротивления. Но все же вся сделка носила странный характер. Неужели же за приобретенные кредиты, как бы они ни были необходимы, следовало отдать иностранцам наиболее крупное горное акционерное общество? Пресса энергично запротестовала.

Отто Вольфа обвиняли в том, что он открыто перекачивает капитал за границу. В конце концов социал-демократы внесли запрос в Рейхстаге, и соответствующее министерство обещало про-

[1] Концерны металлической промышленности. Изд. Германского союза металлистов, 2-е изд. Штутгарт, 1924 г., стр. 227.

извести расследование. Но из этого ничего не вышло, а через несколько недель вся история была забыта.

Приблизительно такая же история повторилась через несколько месяцев, осенью 1923 года, когда Отто Вольф, по предложению своих голландских друзей заключил с французскими оккупационными властями договор не только на поставку различных предметов, но и на сбор угольного налога.

Действия Вольфа вызвали большой шум в правой прессе, так как Вольф, не в пример Стинесу, был на дурном счету. Вольф, чистейший немец и католик, был об'явлен евреем. Печать метала громы и молнии, но вскоре сразу замолчала, когда Стинес, во главе почти всех горных предприятий Рура, заключил подобный же контракт с «Микумом» [1].

Рейнская сталь и «Ван-дер-Циппен»

Параллельно с приобретением «Феникса», развертывалась и другая крупная операция Вольфа: покупка акционерного общества Рейнских стальных заводов в Дюисбурге-Мейдерихе. После долгой подготовки зимой 1919/1920 г. Отто Вольфу удалось овладеть и этим крупным концерном горной промышленности, который в первый год войны слиянием с Аренсбергскими рудниками значительно увеличил свои горные владения. Вольф вначале предполагал слить «Рейнскую сталь» с «Фениксом», но впоследствии отказался от этой мысли. Эти оба звена концерна Вольфа были об'единены общностью интересов. Третьим большим приобретением Вольфа в Рейнско-Вестфальском промышленном округе были «Соединенные стальные заводы Ван-дер-Циппен» и «Виссенское акционерное общество железоделательных заводов», в Кельн-Дейце. Здесь Вольф мало-по-малу вытеснил прежнего главного акционера. Вольф связал интересы «Рейнской стали» и «Стальных заводов Ван-дер-Циппен», устроив в ноябре 1922 года между ними обмен акциями. В сентябре 1924 года влияние Вольфа на «Рейнскую сталь» было ограничено, так как «Анилиновый концерн», в целях расширения своей угольной базы, приобрел большой портфель акций этого общества. В руках Вольфа остался сбыт изделий завода.

Затем Вольф купил большинство акций «Дюссельдорфских дефризовых заводов», и приобрел полностью в собственность «Инструментальную фабрику» в Кельн-Эренфельде. Вместе с тем, благодаря «Фениксу» и «Рейнскому стальному концерну», Вольф является участником во многих предприятиях металлической промышленности. Таким образом, в течение нескольких лет, благодаря огромным военным прибылям и умелому использова-

---

[1] «Micum» —Mission Interaliée de Contrôle des Usines et de Mines.—«Союзная миссия для контроля заводов и рудников». *Прим. пер.*

нию кон'юнктуры рынка, в период инфляции, фирме Вольфа удалось из среднего торгового дома преобразоваться в мощный концерн, каких мало в Европе.

Как у большинства новых промышленных образований Германии, у концерна Отто Вольфа нет внутренней рационально-проработанной структуры. Несомненно, в последние годы Вольф стремился привести в возможное соответствие отдельные части своего концерна, и улучшить условия производства путем планомерного дополнения и переустройства отдельных частей. Частью ему это удалось. «Феникс», являясь смешанным предприятием, имеет угольные шахты и рудники и горных продуктов не обрабатывает. «Рейнский стальной концерн» построен таким образом, что на его заводах мы имеем все стадии горного производства, начиная от добывания угля и кончая тонкой отделкой фабрикатов. «Ван-дер-Циппен» и «Рейнская сталь» прекрасно друг друга дополняют. Так, «Ван-дер-Циппен» производит мартеновскую сталь, а «Рейнская сталь» — томассовскую. По примеру стиневского «Горноэлектрического треста» и об'единения «Сименс-Рейн-Эльба Шуккерт» Отто Вольф пытался также дополнить свое горнозаводское пердприятие электрическими заводами. В сентябре 1922 года представлялся удобный случай. При помощи стоящего в распоряжении Вольфа голландского капитала «Феникса», он предполагал приобрести акционерное общество саксонских заводов «Свет и сила», которое, в соединении с контролируемой Вольфом совместно с Ганиелем электро-технической фабрикой Рейдта, должно было бы образовать большой электрический концерн. Переговоры зашли уже довольно далеко, но в последнюю минуту были прерваны.

Отто Вольф и Северо-Германский ллойд

Успешнее были попытки Отто Вольфа принять участие в транспортных предприятиях и прежде всего в водном транспорте. При посредстве берлинского крупного маклера Гуго Герцфельда Вольфу летом 1922 года удалось приобрести большинство акций пароходного общества «Арго». Несколько недель спустя, «Арго» слился с бременской линией «Роланд», в которой руководящую роль играет «Северо-Германский ллойд». Этим самым Отто Вольф приобрел не только два места в наблюдательном совете «Линии Роланд», но проник также и в наблюдательный совет «Северо-Германского ллойда». В связи с этим он сумел выговорить себе у ллойда благоприятные фрахтовые условия. Вольф принимает участие также и в судостроении, приняв в свой портфель в 1920 году на 3 милл. марок акций «Гамбургской рейгерстик-верфи», и позднее на 4 миллиона марок акций «Акционерного общества зебергской корабельной верфи», в Гестемюнде.

Но, на-ряду с этими действительно полезными расширениями дела, мы видим в концерне Вольфа такие предприятия, которые никакого отношения к общей организации концерна не имеют и приобретались Вольфом только благодаря их дешевизне. Впрочем, такие приобретения немногочисленны, так как Вольф, в отличие от Гуго Стинеса, не набрасывался решительно на все то, что было выгодно приобретать, а сосредоточивал свои владения в области металлической промышленности. Еще один тип предприятий Вольфа — это приобретения его за границей. Здесь, подобно Стинесу и другим крупным германским концернам, приобретения делались без всякого плана. Существенно было только укрепиться в том или ином месте, а затем выждать, что будет дальше. Так, еще в 1921 году Вольф интересуется австрийскими предприятиями государственной промышленности, от приобретения которых пока воздерживается.

Несколько месяцев спустя Вольф организует новое акционерное общество в Вене «Железо и сталь» для снабжения Балканских государств и государств, образовавшихся из прежней Австрии, фабрикатами и товарами концерна Вольфа. Учредителями этого общества были «Феникс», «Рейнская сталь» с одной стороны, и крупная оптовая фирма для торговли железом Ланцмана в Вене — с другой. Отто Вольф предполагал также принять участие в «Венском акционерном обществе для снабжения железных дорог», которое в свою очередь являлось учредителем многих обществ в Сербии, Греции и Болгарии, но впоследствии эту мысль оставил. Он проник и в Венгрию, где раньше выступал в качестве крупного поставщика государственных железных дорог и старался обосноваться в «Венгерском вагоно- и машиностроительном заводе», в Будапеште.

Поход в Россию

Но самым большим из вольфовских предприятий был выход на русский рынок. Осенью 1922 года Отто Вольф, первый из немцев, добился торговой концессии в СССР. Советская республика заключила с фирмами Отто Вольф и Компания, акционерным обществом «Феникс», «Рейнскими стальными заводами» и «Ван-дер-Циппен», обычный для новой экономической политики договор. В результате учреждено было русско-германское общество «Русгерторг», с акционерным капиталом в 300.000 рублей золотом. Акции этого смешанного общества были распределены поровну между Советским правительством и группой Вольфа. Отто Вольф должен был предоставить на один год Советскому правительству товарный кредит в размере 7½ миллионов рублей золотом и в компенсацию получил право беспошлинного ввоза и свободного сбыта своих фабрикатов в СССР.

Но военная оккупация и пассивное сопротивление в Руре помешали точному выполнению договора. Новое общество ока-

залось в затруднительном финансовом положении и должно было прибегнуть к кредиту в германских банках в размере 1½ милл. рублей золотом. Когда же, после окончания пассивного сопротивления, Советское правительство стало настаивать на строгом выполнении Вольфом договора, возникли новые осложнения. Отто Вольф предложил Советскому правительству включить в кредитный консорциум другие фирмы, как: Манесмана, Сименс-Шуккерт и Фельтон Гильом. Но Советское правительство это предложение отклонило. Отто Вольф отказался от выполнения договора. Советская власть стояла на той точке зрения, что Отто Вольф совершил недопустимое нарушение договора.

Отто Вольф и общественность

Все эти аферы, в особенности комбинации с «Фениксом», и поход в Россию сделали Отто Вольфа одним из самых популярных хозяйственных деятелей в Германии. Слава Оттомара Штрауса быстро померкла с тех пор, как этот знаменитый компаньон Вольфа ушел с передовых позиций в Берлине и возвратился в Кельнское правление концерна. Стало ясно, что душой всего дела является Отто Вольф. Мнения о нем расходились. Открытым оставался вопрос — просто ли он глава большого дела, или принадлежит он к числу выдающихся, обладающих творческой инициативой организаторов хозяйства. Ошибкой было бы смотреть на Вольфа только как на нажившегося на войне и инфляции дельца. Все те люди, которые в последние годы необычайной наживы выдвинулись в первые ряды, все они — больше, чем авантюристы, которым улыбнулось счастье. Они несомненно более яркие фигуры, чем крупные коммерсанты довоенного времени, когда налаженные дела катились сами по себе. Умелое использование кон'юнктуры, оставив в стороне вопрос о ходячей морали, является не менее ценным качеством, чем способность постепенно накапливать богатство. Те, которые выскочили в два-три года и из ничего выросли в огромный концерн, конечно, люди не среднего десятка, хотя бы в основе их богатства и не лежали гениальные изобретения, как у Эдиссона, или гениальный метод работы, как у Форда.

Эти люди нестерпимы только в том случае, когда начинают разыгрывать из себя спасителей человечества и выдавать свою способность к легкой и быстрой наживе за особую добродетель. Следует признать, что Отто Вольф никогда не пытался облечь свои деловые интерсы в мантию морального общественного долга. Он вообще не старался себя афишировать, не выставлял своей кандидатуры ни в Рейхстаг, ни в Совет государственного хозяйства, не старался в союзах предпринимателей выступать как блюститель хозяйственной жизни. У него не было честолюбивого желания выступить в качестве единственного представителя про-

мышленности. Цель Вольфа из денег сделать больше денег, а не превращать деньги во власть. И если он когда-либо и вторгался в область политики, то только из чисто коммерческих побуждений.

Газетные предприятия

Так и только так мы должны рассматривать те приобретения Вольфа, которые могут с первого взгляда быть истолкованы, как стремление влиять на политику, а именно покупку газетных изданий. В духе своего времени Отто Вольф, действуя через своего компаньона при посредстве советника Шварца, принимает участие в захвате германской прессы тяжелой индустрией. В 1920 году он покупает 60% паев наиболее крупного в Германии бюро печати Даммерта, затем он приобретает «Центральное бюро германской печати Левина», имеющее задачей снабжать провинцию готовыми матрицами. Весной 1921 года, заключая ряд сделок, он заодно продает бюро Даммерта, за спиной его учредителя, Гугунберговской группе. Таким образом это наиболее крупное и важное после «W. T. B.»[1] германское бюро печати делается органом тяжелой индустрии. Вместе с тем Вольф и Штраус финансируют «Кельнскую народную газету» («Кельнерфолгсцейтунг)— рейнский руководящий орган центра, демократическую «Кельнскую ежедневную газету» (Кельнертагеблатт) и официальный орган германской народной партии (Фолькспартей) — берлинскую газету «Цейт» (Время). Уже из этого видно, что Вольф финансировал различные политические направления, так сказать, на паритетных началах. Заметного влияния на направление этих газет он, повидимому, не имел, хотя возможность прямого подкупа газет не исключена. С такими крупными средствами, какие имел Вольф, возможно было, конечно, производить давление на печать и без непосредственного вмешательства в дела редакции. Конечно, даже не принимая непосредственного участия в политике, будучи далеким от политики, Вольф отнюдь не из идеалистических побуждений вложил свои деньги в такие мало выгодные придприятия, как газеты после военного времени. Вольф стремился и здесь закрепить необходимые ему связи.

Вольф, Всеобщая компания электричества и Гуго Стинес

Следует различать два типа «selfmademan» (делец-самородок) — один бесцеремонный, ненасытный, упрямый, властолюбивый, другой — светский, ловкий, приспособляющийся, втирающийся в доверие. Характерным представителем первого типа является Рейнгольд Бекер, учредитель «Стальных заводов Бекер», представителем второго — Отто Вольф. В манере Вольфа вести

[1] Вольфовское телеграфное бюро.

свои дела, хоть она и подвергалась нередко общественной критике, всегда было нечто, внушающее известное доверие. Он никогда не стремился добивать до конца своего сраженного конкурента, его девизом было «жить и давать другим жить». В этом сказывается его прошлое торговца, когда он старался не портить своих отношений с крупными клиентами.

Вольф сумел войти в близкие деловые сношения со старинными королями рейнско-вестфальской промышленности без того, чтобы им подчиниться. Крепкими нитями связан он с концерном Ганиеля. В 1920 году об'единение Ганиельских рудников и «Феникс» заключают между собой договор для работы на началах взаимных интересов. Благодаря этому соглашению «Феникс» расширил свою угольную базу еще на два миллиона тонн. В компенсацию об'единение Ганиеля получило на 36 миллионов марок акций «Феникса», при чем эта сумма была удвоена в следующем году при увеличении капитала «Феникса». Таким образом, из немецких акционеров «Феникса» группа Ганиеля была наиболее сильной. Эта группа всегда выступала согласованно с Вольфом, имевшим, благодаря своим тесным связям с голландцами, большинство акций. До образования стинесовского об'единения «Рейн-Эльба» Ганиель был самым крупным представителем рурской угольной промышленности. Впоследствии с продажей обществу Рейнской стали горнопромышленного общества «Ясное утро», Ганиель лишился значительной части своих угольных владений. Концерн Вольфа через общество «Дюссельдорфских металлических и машиностроительных заводов», в котором также не малое участие принимала «Всеобщая компания электричества», вошел в тесные сношения с Круппом. В дальнейшем Вольфа связывает с «Всеобщей компанией электричества» их общее участие в «Металлическом банковском концерне», фирме Мансфельд в Эйслебене, пароходной линии «Роланд» и «Северо-Германском ллойде».

Не следует, однако, делать слишком широкие выводы из всех этих связей Вольфа, обычных для всех крупных концернов. Преждевременно говорить о том, что Отто Вольф, «Всеобщая компания электричества», Ганиель и Крупп представляют собою единую хозяйственную группу. Скорее это единый фронт против захватнического наступления концерна Стинеса. Несомненно, колоссальный рост концерна Стинеса в послевоенное время выявил стремление к об'единению и у других промышленных групп, которое при иных обстоятельствах может быть и не имело бы места. Условия военного времени и последовавшая затем инфляция вызвали одинаково во всех странах концентрацию капитала в пределах, не всегда соответствующих прямой необходимости и целесообразности.

В интересах наглядности и некоторого теоретического удобства можно было бы мысленно продлить указанные тенденции;

можно было бы разделить весь германский капитал на 2 или 3 правящие группы, а затем и эти группы включить в состав немногих международных финансовых об'единений; можно было бы, таким образом, рассматривать все явления в мире капитализма, как борьбу, например, между Морганом и Рокфеллером. Но для практического суждения о фактических и намечающихся финансовых комбинациях, это большого значения не имело бы. Оставим даже в стороне вопрос о том, что во всех странах, кроме тех «трех сотен» королей хозяйства, которые по выражению Ратенау держат в своих руках судьбу мира, существуют еще миллионы хозяйствующих суб'ектов, поведение и политика которых имеет определенное значение и для «королей». Но и помимо этого интересы самих же финансовых светил слишком сложны, слишком противоречивы, чтобы их можно было свести к простой дуалистической формуле. Правда, после крушения Дарвино-Спенсеровской теории единства процесса развития современная мысль во всем стремится открыть внутренние полярные противоречия, — однако, загадку капиталистического хозяйства нельзя разрешить парой остроумно притянутых антиномий.

Глава III

ИНФЛЯЦИОННАЯ ПРИБЫЛЬ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Гуго Стинес)

Когда в Германии говорят о лицах, нажившихся на обесценении денег, прежде всего имеют в виду Гуго Стинеса. Он служит как бы прототипом «королей инфляции». Любопытнее всего, что сам Гуго Стинес принадлежит уже к третьему поколению крупных предпринимателей, и до войны состояние его оценивалось в несколько миллионов. Но в то же время Гуго Стинес принадлежит и к числу лиц, обогатившихся за счет войны. Все же наиболее характерным в его деятельности являются приемы и способы, которыми он пользовался для извлечения выгод из инфляции. Обесценение денег имело решающее значение для всей его деятельности. Как бы высоко ни ставили мы коммерческий и организаторский талант Стинеса, все же образование его колоссального капитала было бы невозможно без краха германской валюты.

В Гуго Стинесе как бы воплощается полоса истории германского хозяйства, при этом самая печальная ее глава. В течение четырех лет, с 1920 года до своей смерти в апреле 1924 года, Гуго Стинес был самым популярным человеком в Германии. Его имя встречалось всюду. Во всей германской истории мы не знаем примера, чтобы простой промышленник занимал и возбуждал в такой мере общественное мнение. Еще при жизни он стал почти легендарной личностью. Не было ни одной газеты, ни одной хозяйственной дискуссии, ни одной политической речи, где хотя бы один раз не упоминалось имя Гуго Стинеса. Не удивительно, что о нем распространялись всякие ложные известия. Были, однако, и попытки серьезно и тщательно исследовать сферу господства Стинеса, так называемую «Стинезию». Хотя и нельзя было осветить все уголки этого царства и выяснить все предприятия и учреждения, на которые так или иначе влиял концерн Стинеса, но все же мы знаем о его деятельности больше, чем о деятельности других инфляционных королей. Но даже и в этих пре-

делах мы не можем сказать, как велико было личное участие Стинеса в различных предприятиях концерна и как велико было, значит, его собственное частное состояние.

Начало карьеры Стинеса

Корни капитала Стинеса восходят в далекое прошлое. Основатель династии Стинеса — Матияс Стинес, будучи молодым человеком, в 1810 году приобретает за 1.240 талеров в Мюльгейме на Руре рудник и баржу. Он является одним из первых предпринимателей, организующих транспорт угля по Рейну[1]. Дела идут хорошо, и в 1820 году мы уже видим на Руре и Рейне 66 судов Матияса Стинеса. Торговая деятельность все более расширяется, приобретаются и вновь открываются угольные шахты, и когда в 1845 году старый Матияс умирает, имя его уже достаточно известно в горной области, которая в это время развивается из крестьянской страны в промышленный округ. Из 13 детей Матияса Стинеса, три сына—четвертый, шестой и тринадцатый, по очереди перенимают наследство отца, но наследники далеко ему уступают. Предприятие продолжает работать, даже расширяется, но все же еще не может итти в ногу с крупными старинными и новыми фирмами, как Ганиель, Крупп, Тиссен. Гуго Стинес родился 13 февраля 1870 года вторым ребенком тринадцатого сына старого Матияса. Он вступает в предприятие своего деда, но оно его не удовлетворяет. За короткое время Гуго Стинес изучает горное дело: в теории—в несколько семестров в Берлине и на практике—совместно с Петером Клекнером в Бонне у Шпетера, владельца Ромбаха, а также в рудниках и шахтах родовой фирмы. Двадцатитрехлетним юношей он решает открыть собственное дело. Основной капитал новой фирмы «Общество с ограниченной ответственностью Гуго Стинес и К°» в Мюльгейме довольно скромен, всего 12.500 талеров. Даже к тому времени, когда Стинес становится крупным миллионером, этот капитал остается почти на том же уровне, дойдя до 50.000 талеров, разделенных на два пая, принадлежащих Стинесу и его жене. Мы видим, что уже в молодости Стинес ловко умел маскировать свой капитал.

Фирма Гуго Стинес не конкурирует с родовой фирмой, управляемой младшим братом Густавом Стинесом. Наоборот, Гуго Стинес продолжает принимать деятельное участие в шахтах Матияса Стинеса, расширяя и улучшая их. Согласно данным отчета по Дартмундскому горному округу добыча угля в этом округе возросла с 1904 до 1908 года с 67,5 на 82,7 миллионов тонн, то-есть на 22%. В управляемых Гуго Стинесом шахтах «Виктория-Матияс», «Граф Бейст», «Карл великий», «Фридрих-Эрнестина и Матияс Стинес», в которых занято 9.300 рабочих, добыча угля

[1] Герман Бринкмейер, Гуго Стинес. Мюнхен, 1921 г. стр. 16.

одновременно увеличивается с 1,95 до 3,7 миллионов тонн, при еще более значительном увеличении добычи побочных продуктов. Шахты, принадлежащие стинесовской семье давали чистой прибыли:

в 1904	году	1.710.000	марок.
» 1905	»	1.680.000	»
» 1906	»	1.680.000	»
» 1907	»	2.710.000	»
» 1908	»	2.940.000	»

Гуго Стинес, несмотря на свое официальное выступление из состава «Командитного общества Матияс Стинес», продолжает участвовать капиталом в старых стинесовских шахтах и получает таким образом значительные доходы, облегчающие ему возможность быстрого продвижения вперед. Но мало-по-малу деятельность Гуго Стинеса сосредоточивается на его собственных делах. В 1898 году Гуго Стинес принимает участие в учреждении общества «Рейнско-Вестфальских электрических заводов». Это общество под его руководством развивается в первое мощное предприятие смешанного характера, где частный капитал соединяется с муниципальным, для организации «Центральной силовой станции», обслуживающей весь промышленный округ. В 1902 году Гуго Стинесу, совместно с Тиссеном удается приобрести большинство акций указанного общества и установить таким образом тесную связь между «Рейнско-Вестфальскими электрическими заводами» и рудниками Стинеса. Правда, постепенно к местному хозяйству переходит большинство акций, но все же Стинес, как председатель наблюдательного совета, является фактическим хозяином всего предприятия.

Учреждение Германско-Люксембургского общества.

Гуго Стинес, еще в молодые годы, привлек внимание всего угольного района своим умелым устройством дел Общества германско-люксембургских заводов. Здесь сказались все организаторские таланты Стинеса. Современное Акционерное общество Германско-Люксембургских заводов горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, учрежденное в 1901 году, преобразовано из «Смешанного акц. о-ва железной и угольной промышленности Зифердинген-Даненбаум», основанного в начале 90-х годов минувшего столетия. В 1900 году дела общества сильно пошатнулись, угрожал полный крах. Посредством сложных финансовых комбинаций, увеличения и изменения капитала, а также при помощи ловких биржевых операций, в которых молодой директор Дармштадтского банка Бернгард Дернбург, неизменно помогал Стинесу, последнему удалось оживить общество, поставить его на ноги, поднять акции, сделав их наиболее

ходкой бумагой на бирже. Вместе с тем Стинес высоко поднял и блестяще развил техническую и организационную сторону предприятия. Вскоре после этого Гуго Стинес присоединяет к Германско-Люксембургскому обществу одно из самых крупных западно-германских обществ «Дортмунд-Унион» смешанного характера. При этом две акции «Униона», по состоявшемуся соглашению обменивались приблизительно на одну акцию Германско- Люксембургского общества.

Этим самым Гуго Стинес становится во главе крупнейшего горно-промышленного предприятия. Кроме того, в его собственность переходит еще ряд мелких предприятий. Позиция Гуго Стинеса еще более укрепляется в 1903 году вступлением в Наблюдательный совет Рейнско-Вестфальского угольного синдиката. Но главной сферой его деятельности все же оставалась торговля углем, для организации которой Стинес раскинул сеть своих отделений по всей Германии и широко за пределами ее. Так Мюльгеймская фирма Гуго Стинес и К° имела до войны следующие отделения: в Страсбурге, Мангейме, Майнце, Саарбрюкене, Дюисбурге, Висбадене, Кельне, Берлине, а также и в Генуе, Милане, Триесте, Цюрихе, Брюсселе, Париже, Руане, Кардифе, Гласго, Гулле, Нью-Кестле, Сванси и Риге. Шесть морских пароходов, три парохода и 30 барж на Рейне, 6 барж на Эльбе заняты были перевозкой угля из своего собственного царства. И всего этого Гуго Стинес достиг с основным капиталом в 50.000 марок! На вывеске фирмы Гуго Стинес в Берлине значились еще слова: «Покупка продуктов горнозаводской промышленности», а в Дюисбурге: «Работы по расширению гавани».

Гуго Стинес спекулирует участками. Крупный миллионер

Гуго Стинес не только занимается добычей и продажей угля, но и не брезгает никаким делом, на котором можно было бы заработать. Он ведет крупную спекуляцию земельными участками, приносящую ему не мало дохода, принимая во внимание строительную горячку Германии перед войной, когда ежегодно расходовалось 1½ миллиона марок на строительство. В северной части Эссена Гуго Стинес владеет огромными участками, но не застраивает их и не продает, несмотря на то, что городу эта земля необходима для нового строительства. В 1906 году в городской думе города Эссена разыгрывается на этой почве крупный скандал. Город вводит налог на прирост капитала и повышает налог с оборота. Постановление это известно под именем «Lex Stinnes» (Закон Стинеса). В 1911 году Гуго Стинес приобретает в Берлине 2.250 квадратных саженей земли в квартале Моабит по 700 марок за квадратную сажень и продает эту землю «Соединенному берлинскому акционерному

обществу угольной торговли», находящемуся под его контролем по 1.300 марок за квадратную сажень, а в 1913 году эти же участки городскому управлению Берлина всего по 1.250 марок за квадратную сажень: надо же итти навстречу городу. Таким образом, за два года Стинес выколотил из участков свыше миллиона марок прироста.

Еще до войны состояние Гуго Стинеса, благодаря наследству и собственным приобретениям, возросло до многих миллионов. Размер этого состояния может быть с некоторой точностью установлен по данным налоговой статистики. Гуго Стинес подавал свои декларации в Мюльгейме, городе особенно благословенном миллионерами. Первым налогоплательщиком был Август Тиссен, показавший свой годовой доход в 1910 году в три миллиона марок золота. Вторым плательщиком является Гуго Стинес, затем следует Фриц Тиссен и Густав Стинес. Согласно «Отчету управления прямыми налогами 1908 года» [1] Гуго Стинес обладал в 1905 году 15—20 миллионами, в 1908 году—25—30 миллионами марок золота. Эта сумма весьма значительна даже среди крупных западно-германских капиталистов, если принять во внимание, что десять лет назад состояние крупнейшего из них Круппа, согласно данных подоходной статистики, равнялось 18 миллионам марок.

Гуго Стинес показал свой годовой доход:

Годы.	Максимальный доход в марках.	Подоходный налог в марках.
1905 г.	500.000	19.800
1906 г.	526.000	21.200
1907 г.	640.000	33.000
1908 г.	820.000	25.600
1909 г.	950.000	38.000
1910 г.	965.000	38.400

Таким образом, в эпоху великого военного хозяйства Гуго Стинес вступил с весьма уже солидным капиталом.

[1] Стр. 294.

Хозяйство военного периода

Через четыре года после войны Гуго Стинес как-то сказал: «Я считаю, что едва ли кто-нибудь еще так сильно пострадал от войны, а тем более от проигранной войны, как я и связанные со мною предприятия. Вряд ли еще где-нибудь так уничтожалось крупное, распространенное по всему миру дело, как мое».

Это звучит несколько комически, но действительно Гуго Стинес сделал такое заявление 9 ноября 1922 года в Совете государственного хозяйства. И если бы у него потребовали доказательств, то, конечно, Гуго Стинес мог бы часть своих слов подтвердить. Несомненно, война весьма неблагоприятно отразилась на его торговле за границей. Но только на этой торговле. Гуго Стинес быстро приспособился и сделался одним из самых крупных немецких военных поставщиков, сумев использовать приобретенные им до войны огромные владения в области железной и стальной промышленности. Германско-Люксембургское акционерное общество, которое в течение 10 лет доставляло финансовые заботы Стинесу, приносило теперь значительные доходы. К этому обществу присоединились: железные заводы «Красная земля» в Дортмунде, Горстский стальной завод, Мегенские прокатные заводы, фабрики цепей Карла Шлаппера в Трюне у Изерлона [1].

С особенным рвением Стинес принимает участие в эксплуатации оккупированных бельгийских и французских горных заводов и рудников. Для «рационального» управления последними Рейнско-Вестфальская крупная промышленность, при содействии Германско-Люксембургского общества, организует в 1916 году промышленное общество, транспортное общество и общество для эксплуатации недр земли.

Но Стинес действовал и вне занятых немцами областей. Так он вступает в оживленные торговые сношения с нейтральными странами, в особенности со Швецией. В самый разгар блокады в 1917 году учреждается в Гамбурге «Акционерное общество Гуго Стинес для морской торговли и транспорта» с акционерным капиталом в 5 миллионов марок. Согласно уставу этого общества, деятельность его охватывает всякого рода дела промышленного, сельско-хозяйственного, транспортного и торгового характера. Одновременно увеличен капитал гамбургской и мюльгеймской фирмы «Гуго Стинес» с 50.000 марок на 5 милл. марок. Участвуя капиталом в обществе пароходных сообщений «Верман-Германия-Восточная Африка-Линия», а также вступив в Наблюдательный совет «Гамбург-Америка-Линия», Гуго Сти-

[1] Уферман и Гюглин Стинес и его концерны. Берлин, 1924 г., стр. 28.

нес укрепляет свои позиции в торговом флоте. Затем Гуго Стинес приобретает в Фленцсбурге старинную остзейскую корабельную угольную и лесную фирму «Гольм и Мольсон», в Гамбурге брикетную фабрику «Вестфаль и К°», в Кенигсберге «Кенигсбергские брикетные заводы», в Бремергафене угольные и коксовые заводы «Ганза», в Гамбурге брикетную фабрику «Эльба» и, наконец, крупную угольную фирму Гейдемана, располагающую большим количеством пароходов. Для правлений всех этих обществ Гуго Стинес покупает городскую гостиницу «Гамбургский Двор». Таким образом, вторжение Стинеса в морское дело осуществляется с полным комфортом.

Гуго Стинес не менее деятелен и внутри страны. Так, лесопромышленное общество «Виктория», главным пайщиком которого он состоит, приобретает в Оберлаузице, с целью добывания дерева для шахт, семь крупных помещичьих имений поверхностью в 6.000 гектаров. Огромные дела, проведенные Стинесом во время войны и полученная прибыль делают его, как и других крупных капиталистов, совершенно независимым от финансового капитала. Но Гуго Стинес слишком умен, чтобы разорвать совсем с банками, он продолжает оставаться крупнейшим должником банков. Занимаясь экспортом и импортом товаров, Гуго Стинес своевременно заметил падение германской валюты, и один из первых сделал правильные и выгодные для себя выводы. Он сразу учел, что при падающей валюте получать кредиты и работать чужими деньгами весьма прибыльное предприятие. Он берет деньги, где может. Весь фокус состоял в том, чтобы превратить занятые деньги в реальные ценности. Деньги у него не лежат ни одной минуты. Он находит для них применение еще раньше, чем они попадают к нему в руки. Но он применяет их не так, как это делали обычно промышленники в нормальное время: на улучшение и расширение предприятий. Стинес только покупает и снова покупает все, что можно только получить за дешевую цену.

Эту систему Стинес начал применять уже в последние годы войны и еще больше развил свою деятельность в этом направлении после революции. Все чаще начинают говорить об участии Стинеса в предприятиях всех видов и родов. Сначала на это не обращают особого внимания. Широкие общественные круги узнают впервые об имени Стинеса, когда газеты поднимают шум по поводу исключительной сделки. Летом 1920 года Стинес приобретает официоз германского правительства «Дейтше Алгемейне Цейтунг» (Всеобщая германская газета). Эту покупку он сделал после смерти Реймара Гобинга, владельца Северо-Германского издательства, издававшего старый орган Бисмарка — «Норд Дейтше Алгемейне Цейтунг» (Всеобщая северо-германская газета). Свое приобретение Стинес делает не только без ведома правительства, но также и без ведома редакции газеты. Общество встрепенулось, перед ним был человек,

который имеет свои особые задачи, который преследует какие-то тайные цели, который действует необычными средствами. Отныне к Стинесу зорко присматриваются и вскоре о нем говорят уже повсюду.

Учреждение горно-электрического концерна

В 1920 году Стинес продвигается в первые ряды королей трестов, а затем сразу делается величайшим из них. В течение нескольких месяцев он создает самый мощный концерн Европы «Сименс-Рейн-Эльба-Шуккерт Унион». Секвестр немецких предприятий в уступленных областях и за границей послужил для Стинеса толчком для создания концерна. Германско-Люксембургское общество сильно пострадало от секвестра, потеряв 60% базы для своего производства, что составляло один миллион тонн угля и 750 тысяч тонн железа. Такая же судьба постигла другие горнопромышленные общества. Акционерное общество гельзенкирхенских горных заводов потеряло все свои владения в Лотарингии и очутилось совершенно без руды. Это общество было родовой крепостью Эмиля Кирдорфа, который упорно сопротивлялся всякому слиянию с другими обществами. Критическое положение заставило старого Кирдорфа подчиниться Стинесу, который был моложе его на целых двадцать лет. Между этими двумя капиталистами состоялось соглашение сроком на 80 лет о совместной работе на началах взаимных интересов. Слияние обществ в полном смысле этого слова не произошло, но все же их прибыль по договору должна была поступать в общий котел и подлежала распределению по установленным соглашением нормам. Для управления совместными делами создано новое общество «Рейн-Эльба-Унион», это название составлено из имен рудников гельзенкирхенского общества «Рейн-Эльба» и от принадлежащего Германско-Люксембургскому обществу «Дортмундер-Унион».

В октябре 1920 года горный трест Стинеса начинает расширяться. Акции общества «Бохумское об'единение горнопромышленных и сталелитейных заводов», учрежденного еще в середине прошлого столетия, поступили на биржу. Это общество носило смешанный характер, имея заводы с разного рода продукции, но особенно славилось его стальное производство. Берлинскому биржевому маклеру Гуго Герцфельд удалось незаметно, подобно Отто Вольфу с «Фениксом», скупить большинство акций этого общества. Но в задачи маклера вовсе не входило стать промышленником, и он предложил свое приобретение Гуго Стинесу с большой надбавкой и после того, как цена на эти акции была сильно вздута на бирже одной голландской фирмой. Стинесу, работавшему на бумажные деньги, полученные в кредит, ничего не стоило уплатить лишние несколько миллионов марок:

предприятие было выгодно с технической и финансовой стороны. Бохумское об'единение соединилось на 80 лет, то-есть, до 2-х тысячного года с «Рейн-Эльба-Унион» для работы на началах взаимных интересов.

Слава Стинеса в германских промышленных кругах невероятно возрасла. Приобретение старейших и солиднейших горных обществ, сделанное Стинесом походя, без всяких усилий, завоевало ему уважение даже тех людей, которые крепче всего придерживались традиций и заботливо охраняли свои семейные владения. Через два месяца после приобретения Бохумского об'единения, Стинес одержал еще одну, самую блестящую свою победу на хозяйственном фронте. Концерн Сименса, на-ряду с Всеобщей компанией электричества, самым крупным электрическим предприятием Германии, добровольно сдался в его руки. Прежний руководитель концерна Арнольд фон-Сименс, умерший в последний год войны, вероятно, не допустил бы этого. Но младший брат его, Карл-Фридрих, ставший во главе концерна, решил вступить в трест с Стинесом. На общем собрании акционеров общества заводов Сименс Шуккерта, Карл-Фридрих фон-Сименс заявил, что, присоединяясь к Стинесу, «он следует основным принципам учредителя общества». Несколько искусственно звучит его заявление, когда он говорит: «В свободной хозяйственной борьбе используя все технические возможности», он желает провести дальнейшее техническое расширение и хозяйственное развитие предприятия.

С коммерческой точки зрения это соглашение, заключенное сроком тоже до 2000 года, для Гуго Стинеса представляло чрезвычайную, а для Сименса только умеренную выгоду. Являясь одним из звеньев концерна, Бохумское об'единение, где Стинес заинтересован своим личным капиталом, сохраняет свое право в пределах расширенных взаимных интересов на дополнительный в отношении других горных предприятий, входящих в новое об'единение, дивиденд в размере 10%. А концерн Сименса тесно связан с этим об'единением целым рядом договоров поставки. Для горнопромышленных предприятий Стинеса заводы «Сименс и Гальске» и «Сименс и Шуккерт» представляли огромное поле для сбыта фабрикатов. Для Сименса же западная германская угольная и рудная база вследствие транспортных трудностей имела лишь второстепенное значение. Для управления этим грандиозным горно-электрическим концерном было образовано общество «Сименс-Рейн-Эльба-Шуккерт-Унион», в Дюссельдорфе, в правление которого вошли: Стинес, директор-распорядитель Германско-Люксембургского общества, Альберт Фоглер, Эмиль Кирдорф и Карл-Фридрих фон-Сименс. Но истинным руководителем этого дела являлся Стинес.

Создание этого колоссального концерна с организационной и финансово-технической стороны было огромным достижением.

Сохранится ли это надолго, поведут ли все эти соглашения к внутреннему слиянию хозяйства отдельных звеньев, к развитию технических усовершенствований, к улучшению продукции — это покажет будущее. Но не следует при этом забывать, что стремление к концентрации промышленности в Германии, получившее свое завершение в стинесовском горно-электрическом тресте, не вытекало, как мы это видим в американских трестах, из постепенного параллельного развития предприятий, органически связанных между собой разного рода интересами. В Германии эти образования носили стихийный характер и выросли в болезненной атмосфере инфляции.

Частный концерн Стинеса

«Сименс-Рейн-Эльба-Шуккерт-Унион» — это все же определенная организация, которую можно назвать концерном. Это образование, которое представляет собой хозяйственное об'единение различных предприятий. Иначе обстоит дело с теми многочисленными производствами и предприятиями, в которых Стинес так или иначе за последние пять лет принимал участие. Все эти предприятия, которые с трудом поддаются исчислению и которые вряд ли мог бы исчислить сам Стинес, принято об'единять под именем «Частного концерна Стинеса». Но здесь слово концерн вводит в сущности в заблуждение. Характерным для этого об'единения является то, что отдельные звенья его, если и связаны юридически, с хозяйственной стороны абсолютно независимы друг от друга и общим для них является лишь персональная уния Гуго Стинеса. Называли этот конгломерат «универсальным магазином» Стинеса, но строго говоря универсальный магазин это — нечто организованное, продуманное и практически приспособленное в своих отдельных частях. В данном случае было скорее нагромождение случайных покупок без всякого организационного плана с одной лишь целью: спасти капитал от обесценения, вложив его в новое дело.

Достаточно взглянуть на далеко не исчерпывающий список всех стинесовских владений. Здесь рядом с производствами горной и металлической промышленности мы видим такие предприятия, как бетонные заводы, маргариновые фабрики, газеты, сахарные заводы, нефтяные промыслы, гостиницы, бумажные фабрики, наждачные производства, пароходные общества, кожевенные заводы, имения, папиросные фабрики и, наконец, производство кино-фильм. Согласно составленной незадолго до его смерти описи [1], Стинес участвовал своим капиталом в 69 самостоятельных производствах строительной промышленности, 66 химических, сахарных и бумажных заводах, 59 заводах для

[1] Уферман Гюглин. Стинес, стр. 87.

обработки руды, 57 банках и страховых обществах, 56 железоделательных, стальных и прокатных заводах, 81 разработке каменного угля, 49 разработках бурого угля, 37 производствах масла и нефтяных и керосиновых предприятиях, 389 торговых, транспортных обществах, отделениях и представительствах, 100 фабриках металлической промышленности, 83 железных дорогах и верфях и 88 прочих обществах. В общем 1.535 юридически самостоятельных предприятий с 2.888 отделениями, мастерскими и цехами, при чем повсюду участие Стинеса имело решающее для данного предприятия значение.

По мере того, как Стинес приобретал, у него накоплялись предприятия по отдельным отраслям промышленности и торговли, которые он потом старался органически связать. Таким образом, мало-по-малу происходил естественный отбор и об'единение их в отдельные группы и небольшие подконцерны. Стинес по возможности старался построить все эти группы на рациональных началах. С введением золотого исчисления Стинес вынужден был прекратить систему случайных покупок, без всякого плана. Внимание Стинеса теперь направлено уже на внутреннюю целесообразную организацию предприятий, и он энергично принимается за это дело. Это ему в некоторых случаях, как, например, в керосиновом деле вполне удается. Упорядочена была также организация центрального управления всех этих предприятий. Правда, если исходить из налоговых соображений, то создание ясной, открытой для внешнего наблюдения организации было менее выгодно, чем прежняя запутанная, туманная и замаскированная система.

В этой сети предприятий отчетливо выступают некоторые основные узлы и разветвления так называемого Стинесовского концерна. Во главе ряда торговых и промышленных предприятий этого концерна стоит «Общество Гуго Стинес» в Берлине, управляемое до осени 1923 года Фридрихом Мину. После разрыва Мину со Стинесом, управление обществом переходит к старшему сыну Стинеса — Эдмунду Стинесу. Еще более крупной группировкой является гамбургское «Общество Гуго Стинес», стоящее в тесной связи с гамбургским «Акционерным обществом Гуго Стинес» для морской торговли и судоходства. Во главе этого общества давно стоит второй сын Стинеса — Гуго.

Мы имеем интересные указания о размерах этих двух группировок частного концерна Стинеса, данные в июне 1923 г. директором Мину и молодым Стинесом в комиссии Рейхстага для исследования вопроса о поддержании курса марки. Потребность в девизах фирмы «Гуго Стинес» с 1 января по 31 мая 1923 года выразилась в сумме 2.000.000 фунтов стерлингов, то-есть, 8 миллионов марок золотом ежемесячно.

Указанные цифры характеризуют импортную торговлю Стинеса, так как речь здесь идет о платежных средствах в девизах.

Импортные операции заключались в закупках Стинесом в Англии, во время оккупации Рура, угля для государственных железных дорог; при этом Стинес заработал, конечно, кругленькую сумму. Как бы мы низко ни оценили прибыль Стинеса, но при годовом обороте в 100 миллионов марок золотом — на его долю выпало все же несколько миллионов марок золотом. А какое значение эта сумма имела в Германии в инфляционное время, легко себе представить, если взять котировку ценных бумаг и цены на земельную недвижимость того времени. Целые пакеты акций по самым вздутым курсам можно было приобрести за десятки или во всяком случае за сотню тысяч марок. За 35.000 акций Берлинского торгового банка, оцениваемых по среднему довоенному биржевому курсу в 50 миллионов марок, а по новому золотому исчислению в 10 миллионов марок золотом, Стинес в 1922 г. заплатил всего 1½ миллиона марок золотом.

Борьба за железные дороги и пароходные общества

Не все предприятия инфляционного времени были выгодны. Даже Стинес и тот иногда терял от обесценения денег. Гамбургский городской отель, приобретенный в 1917 году за три миллиона марок, продан Стинесом в 1920 году — за 5 миллионов марок. В крупных операциях тоже отмечается иногда неудача. Не всегда Стинес двигался вверх по прямой линии. Но наиболее сильное сопротивление на своем пути он встретил при попытке проникнуть в пароходные общества.

Эти попытки начались еще в 1920 году. Стинес, со свойственной ему продуманностью и последовательностью желал расширить и дополнить свой трест по вертикали завоеванием транспорта. В финансируемой и подчиненной ему прессе Стинес поднимает кампанию против управления государственных железных дорог, обвиняя его в бесхозяйственности. Впоследствии это выливается в открытое требование передачи железных дорог в частные руки, с целью рационального использования их для нужд промышленности. Хитро задуманный план завоевания железнодорожного хозяйства Стинесу не удался. Точно также стояло дело с его притязанием на крупные пароходства. Во время войны, как мы уже указывали, Стинесу удалось проникнуть в некоторые гамбургские морские пароходства, испытывавшие в то время финансовые затруднения, вследствие общего затишья дел в этой области. Он даже делается членом Наблюдательного совета в линии «Гамбург-Америка». Но на общем собрании акционеров «Гапаг» [1] 29 апреля 1922 года разыгрывается сенсационная сцена. Председатель банкир Макс фон-Шинкель заявил о том, что правление не поддерживает кандидатуры Сти-

[1] Гамбург-Америка-Линия. *Прим. пер.*

неса в Наблюдательный совет. И действительно Стинес выбран не был.

Так внезапно и необычно «выставили» Стинеса новые союзники этого общества — американская группа Гаримана, которая своим капиталами в предыдущем году оживила «Гапаг» и, конечно, не желала иметь в лице Стинеса столь опасного и сильного компаньона. Опасения американцев встретили поддержку со стороны немецких кораблестроителей, всегдашних сторонников свободной торговли. Чрезмерное стремление к концентрации, в которой они сами заинтересованы не были, вызвало в них сильное сопротивление. Как на повод к удалению Стинеса, правление указало на то, что Стинес, будучи членом Наблюдательного совета «Гапаг», ведет себя довольно странно и выступает в качестве конкурента общества. Так, Стинес, воспользовавшись первым представившимся после войны случаем, не считая нужным согласовать свои действия с правлением «Гапаг», открыл конкурирующую линию на Южную Америку. Последствием провала было то, что Стинес отказался от участия (в размере $^1/_3$) в обществе «Верман-Германия-Восточная Африка», а директор Куно из стинесовского общества «Мидгард» принужден был выйти из состава акционерного общества «Германский водный транспорт». Что касается общих предприятий «Гапаг» и концерна Стинеса и прежде всего учрежденного в 1919 году Гамбургского транспортного общества, то Стинесу, после долгих переговоров, удалось удержать свои позиции. Таким образом, Стинес сохранил неограниченный контроль над крупнейшими германскими отелями, как «Атлантик» в Гамбурге, «Эспланада» в Берлине, «Карл Тон отель» во Франкфурте-на-Майне, морской курорт в Травемюнде с кургаузом, шестью виллами и четырьмя гостиницами «Тюрингского общества для эксплуатации отелей» в Обергофе.

Стинес желал возместить себя за свое поражение в «Гапаг» вхождением в состав Северо-Германского Ллойда и в том же году напряг все свои силы для проведения в жизнь своего намерения. Он начал с «мирных переговоров» с Бременским правлением, не приведших, однако, несмотря на уступки Стинеса, ни к каким результатам. Тогда Стинес решил употребить силу. В сентябре 1921 года на берлинской и гамбургской биржах начинается грандиозная скупка акций Ллойда, за которой конечно скрывается Стинес. Собрав значительное количество акций в свои руки, Стинес поднял вопрос о вхождении в Наблюдательный Совет Северо-Германского Ллойда. Но и здесь ему не удалось завоевать командующей позиции. Оба тесно связанные между собой пароходные общества предпочли союз с менее опасной группой Рейнско-Вестфальской области, и в Наблюдательный совет «Гапаг» вошел Ганиель, а Совет северо-германского Ллойда включил в свой состав двух представителей концерна Отто Вольфа.

Стинес остался лишь при собственных предприятиях водного транспорта и в последующие годы сильно их расширил. «Гамбургское акционерное общество» для морской торговли и судоходства создало себе мощный торговый флот со стотысячным тоннажем. В любой гавани можно видеть корабли Стинеса с его фамильным гербом: скрещенные молоты шахтеров на красно-бело-черном фоне. В Фленсбурге основаны Остзейские верфи, в Гамбурге — верфи «Фрика», в Норденгаме — «Мидгард» («Германское акционерное общество для мореплавания»). К этому надо еще прибавить огромную гамбургскую верфь «Эльба» — в Вильгельмсбурге и верфь «Артус» в Данциге.

Но после поражения в «Гапаг» Стинес не отважился снова вступить в бой с крупным пароходством. Как судостроитель Стинес не поднялся над средним уровнем.

Бурый уголь

В других областях, где Стинес не встретился с такими силами, как в «Гапаг» и «Северо-Германский ллойд», его завоевания имели больше успеха. Наиболее организованным комплексом предприятий Стинеса после «Сименс-Рейн-Шуккерт-Унион» являются владения его в области бурого угля и нефти.

Разработка бурого угля в Германии и Чехо-Словакии имеют свое особое значение для вертикальной концентрации. Бурый уголь, как топливо, окупается лишь при транспортировке его на близкие расстояния. Расходы по перевозке уже на 50 километров от разработок делают невыгодным его употребление. Употребление каменного угля вызвало в свое время большой организационный вопрос, что выгоднее — транспортировать руду к углю, как это делается в Америке, или уголь к руде, как это имеет место в Германии. Что касается бурого угля, то тут вопрос ясен. При вертикальном построении треста, о буром угле можно говорить лишь в том случае, если он потребляется и перерабатывается тут же на месте.

Еще до возникновения в районах бурого угля в Саксонии крупной силовой станции Леуна, Гуго Стинес употреблял рейнский бурый уголь для приведения в действие Рейнско-Вестфальских электрических станций. С этой целью он заключил договор с акционерным обществом «Родеровских разработок», который в 1920 году был превращен в соглашение о работе на началах взаимных интересов. Этим соглашением Стинес, дедовская фирма которого всегда интересовалась разработками бурого угля, приобретает контроль над вторым по своему значению обществом в области бурого угля.

Следующим завоеванием Стинеса в этой области было приобретение концерном «Сименс - Рейн - Эльба - Шуккерт - Унион»

большинства акций Брауншвейгских угольных разработок в Гельмштадте. У шахты «Верность», принадлежащей этому обществу, должна была быть в последний год войны при участии правительства Пруссии, Ангальта и Брауншвейга, воздвигнута грандиозная силовая станция «Ганновер». Начало работ затянулось, и когда, наконец, хотели уже приступить к постройкам, члены Наблюдательного совета концерна Стинеса заявили, что они не считают себя связанными прежними обязательствами. Концерн решил предпринять сооружение крупной силовой установки своими собственными силами, без всякого участия правительства. Финансовая сторона вопроса была разрешена 50-миллионным займом.

Но господствующее положение в германской буро-угольной промышленности Стинес занял только благодаря контролю над Рибеккским горным обществом в Галле, которое в 1921 году об'единило: 32 разработки, с 17 надземными постройками, 14 брикетных фабрик с 72 прессами, 7 мокрых мельниц с 10 прессами, 15 мастерских для сухой перегонки с 740 печами, 11 электрических силовых установок, 5 кирпичных заводов, 4 завода по переработке горной смолы, 4 завода минеральных масел и 2 стеариновых завода.

Рибеккское горное общество ежегодно производило 640.000 тонн нефтяных и парафиновых продуктов. Это обстоятельство заставило Стинеса поставить это общество также во главе своих нефтяных владений. Организация керосинового треста была последним большим делом Стинеса.

Стинес — нефтяной король

Германии не суждено было стать мировой силой в нефтяной промышленности, значение которой в настоящее время преобладает над угольной. Почти вся мировая нефть до войны принадлежала Рокфеллеру и Ротшильду. В несколько измененной форме мы видим это двоевластие и в настоящее время. Рокфеллеровская «Стандард-Ойль-Компания», и Английско-Голландская «Рояль-Дутш-Шелл-Компания», совместно с Англо-Персидским нефтяным обществом владеют нефтью всего мира. Германия имела возможность завоевать себе только скромное место в этом нефтяном царстве. Границы для германских достижений в этой области еще более сузились после войны, когда Германия потеряла с одной стороны свои румынские нефтяные владения, с другой стороны Пехельбронские промыслы в Эльзасе, единственные источники нефти на территории Германии. Это надо иметь в виду при оценке размеров того нефтяного царства, которое создал себе керосиновый король Стинес. Международного значения нефть Стинеса не имеет. Но внутри страны Стинес, наряду со старыми керосиновыми обществами, как Германское кероси-

новое акционерное общество и Германское акционерное общество минеральных масел, завоевал себе видное положение.

Сейчас же после войны Стинес усиленно начинает приобретать все, что имеет какое-либо отношение к нефтяному делу. Ему удается приобрести нефтяные резервуары и суда-цистерны германского флота, которые имелись во всех гаванях. Он использовал их с торговой целью. К этому Стинес присоединяет покупку разных фирм торгующих нефтью в Дортмунде, Мангейме, Франкфурте, Гамбурге и Штутгарте. Чрезвычайно ценным было приобретение Стинесом в 1923 году у концерна Зихеля франкфуртских нефтяных и минеральных заводов (Oil Mineral werke). Но наиболее выигрышным козырем в руках Стинеса было приобретение «Апи»[1] (der Aktiengesellschaft für Petroleumindustrie) в Берлине, через это керосиновое общество Стинес обеспечил себе на долгие годы поставку заграничного сырья, а также получил весьма ценные патенты.

Параллельно с этими завоеваниями внутри страны развивается планомерное продвижение Стинеса на заграничный рынок нефти. Стинес покупает или арендует все нефтяные владения, которые только можно получить по приемлемым ценам. Нельзя точно проследить направление всех его заграничных операций с нефтью. С одной стороны, Стинес с 1918 года через германское Американское Керосиновое общество в Гамбурге, занимающееся сбытом продуктов «Стандард-Ойл-Компания», казалось, был связан с рокфеллеровским трестом. Совершенно в другом направлении лежат его попытки к получению нефтяной концессии в Чехо-Словакии, приобретение цистерн в Дании, наконец, договор с Всероссийским нефтяным синдикатом, предоставившим Стинесу монопольное право продажи русского бензина и смазочного масла в Германии, Чехо-Словакии и Скандинавских государствах. Во всех этих начинаниях Стинес выступил конкурентом «Штандарт-Ойл», а в Чехо-Словакии совершенно вытеснил рокфеллеровский трест.

То, что нефтяные операции Стинеса в Европе не стояли в связи с рокфеллеровской группой, а скорее, противопоставлялись ей, лишний раз подтверждается тем обстоятельством, что генеральным представителем Рокфеллера в Средней и Восточной Европе был избран Зигмунд Бозель, самый крупный конкурент австрийской группы Стинес-Кастильони. Впрочем, как мы уже указывали, международные и промышленные финансовые отношения строятся далеко не всегда по «логическим» и стройным схемам. Во всяком случае, нефтяная политика Стинеса направлялась стремлением обеспечить себе место между обеими великими нефтяными державами. Вследствие этого, он входит в близкие

[1] Акц. о-во керосиновой промышленности. *Прим. пер.*

сношения с независимым от Рокфеллера средним американским керосиновым трестом — группой Синклера. Осенью 1923 года Гуго Стинес-сын предпринимает своего рода научную экскурсию на американские нефтяные промыслы. Юркие американские журналисты сообщали, что между Стинес-Рибекским горным обществом и Синклером состоялось уже соглашение для учреждения новых предприятий.

Но до сих пор у нас нет подтверждения этого факта. Скорее можно заключить, что американцы, тресты которых строятся по принципу обслуживания однородных производств, не были склонны вступить в союз с германским об'единением смешанного характера. Успехи Стинеса в области нефти за границей ограничились приобретением аргентинских нефтепромыслов и цистерн, которые Стинес купил совместно с германским Керосиновым акц. о-вом несколько лет тому назад. Впрочем, концессии в Аргентине использованы Стинесом не в полной мере.

Завоевание прессы

Достижения Стинеса в области бурого угля и нефти должны были ограничиваться лишь случайными покупками. В некоторых других отраслях промышленности ему удалось стройно провести об'единение сверху до низу в одном концерне всех предприятий, принадлежащих к данному производству. Организаторский талант Стинеса наиболее ярко сказался на об'единении предприятий бумажного и деревообделочного производства. Здесь Стинес в последние годы имел возможность приобретать с разбором все то, что ему было необходимо как для улучшения качества продукта, так и для удешевления его себестоимости. Исходным пунктом здесь послужил спрос на крепежное дерево для рудников Стинеса. Для этой цели, еще во время войны, когда деньги стекались отовсюду и требовали немедленного помещения, Стинесом были приобретены большие лесные площади в Силезии и в Литве. Первый камень для фундамента будущего об'единения был заложен в те же годы. Целлулозное производство во время войны стало одной из важнейших отраслей производства суррогатов, и приносило необыкновенно высокие доходы. В 1917 г. Стинес, благодаря покупке рейнских электрических заводов в Кельне, занял и в этой области прочное место.

Но деятельность Стинеса достигла высшей точки своего развития в 1920 г., когда ему удалось сделать еще более значительные приобретения в Восточной Пруссии. Он скупает леса, приобретает Акционерное общество кенигсбергских целлулозных фабрик, Акционерное общество северо-германской целлулозной фабрики, затем бумажную фабрику Гальброка в Вестфалии и Германское о-во вильдермановских заводов. Все эти бумажно-целлулозные производства об'единяются в один концерн, и во главе

его Стинес ставит «Каолитное акционерное общество» в Берлине. Одновременно начинается захват высшей ступени в ряду этих производств — газетно-издательского и печатного дела. Следует при этом отметить, что Стинес, приобретая газеты, преследовал не только коммерческие цели, но, главным образом, исходил из хозяйственно-политических соображений. Поэтому прессу Стинеса нельзя рассматривать только как последнюю ступень развития дерево-целлулозно-бумажного треста. Печать прежде всего служила Стинесу для поддержания интересов его концерна, для пропаганды его планов дальнейших захватов на мировом рынке. Собственно говоря, эти предприятия следует рассматривать, как отдел рекламы концерна, а не как коммерческие начинания в строгом смысле этого слова.

Начало газетного концерна Стинеса положено было еще в военное время. Гуго Стинес состоял пайщиком общества «Дейче Иберзединст», основанного в 1916 г. группой крупных промышленников. Впоследствии Стинес приобрел общество в полную собственность и значительно расширил его. Следует отметить, что в учрежденном тяжелой индустрией агентстве «Ала» Стинес непосредственного участия не принимал. Но существенные приобретения Стинес сделал уже после войны. Самым важным из них следует считать приобретение издательства Реймара Гобинга, о котором мы говорили выше. С этим издательством к Стинесу перешли следующие издания: правительственный официоз — «Дейче Алгемейне Цейтунг» («Всеобщая Германская Газета»), некоторые другие мелкие официальные и полуофициальные газеты и листки, промышленная и торговая газета, журнал «Хозяйство и Статистика», «Рейхсарбейтсблат» («Правительственный вестник труда») и мн. др. Не влияя заметно на мелкие полуофициальные газеты, Стинес, несомненно, оказывал давление на «Дейче Алгемейне Цейтунг», сделав ее до известной степени органом своей фирмы и концерна. Впрочем, внешне это оставалось незаметным. Подобно тому, как это имеет место во всех газетных предприятиях тяжелой индустрии, и здесь старались замаскировать и скрыть перед обществом, кто является истинным руководителем и издателем газеты. В торговом реестре пайщиком издательства «Дейче Алгемейне Цейтунг» значились Шмидт и Дюмон — имена, совершенно неизвестные даже в издательских кругах Берлина. Точно также собственниками купленного в действительности тяжелой индустрией издательства «Локаль-Анцейгер» — официально значится Германский издательский союз (союз только по названию) в Дюссельдорфе.

Приняв издательство «Дейче Алгемейне Цейтунг», Гуго Стинес об'явил, что никаких перемен в редакции не будет. Но на самом деле вышло иначе. Газета стала самым решительным образом поддерживать интересы тяжелой индустрии. Единственное, что должно было остаться неизменным — это долгосрочный до-

говор с правительством, заключенный Бетманом-Гольвегом с Реймером Гобингом еще в 1917 г. Не совсем удачная редакция этого договора вынуждала правительство поддерживать Стинеса в той форме, что правительство для распространения между ведомствами получало 5.000 экземпляров газеты, распределяемые потом среди чиновников. Таким образом, как бы по предложению правительства, чиновники должны были черпать информацию из стинесовской прессы о грехах того же правительства! При покупке издательства Гобинга, к Стинесу перешло также издание старейшего немецкого политико-юмористического журнала «Кладерадатч». Соответственно изменению политики «Дейче Алгемейне Цейтунг» и здесь быстро произошли существенные перемены. К Стинесу перешло подчиненное издательство Гобинга, Германское общество железнодорожных об'явлений, которое до 1933 г. обладает монопольным правом об'явлений и реклам на всех железных дорогах. В 1922 г. Стинес покупает еще одну газету—«Франкфуртер Нахрихтен» («Франкфуртские Известия»), существующую около 200 лет. Стинесу приписывают еще целый ряд газет. Он это опровергал, но в такой форме, которая оставляла место для сомнений.

Для пропаганды интересов Стинеса гораздо большее значение, чем приобретение всех этих газет, имело его отношение к концерну печати. Этот концерн принадлежал промышленникам тяжелой индустрии и возглавлялся так называемой «Vera»—группой, в лице бывшего директора Крупповских заводов и депутата немецкой национальной партии — Гугенберга. Существовало мнение, что пресса Стинеса и Гугенберга являются конкурирующими предприятиями и ничего общего между собой не имеют. Разоблачения Фрица Вольтера [1] о печати, принадлежащей тяжелой индустрии, пролили свет на эти отношения. Альфред Гугенберг — глава «Vera» концерна, об'единяющего также издательство Августа Шерля и крупнейшее немецкое информационное агентство «Телеграфен Унион» (Союз Телеграфа) — является членом наблюдательного Совета Гельзенкирхенского и Германско-Люксембургского горнопромышленных обществ, включенных в концерн Стинеса. С другой стороны, стинесовское Рибекское горнопромышленное общество участвует своими капиталами в «Телеграфен-Унион» и в эрфуртском «Средне-Германском издательстве», входящих в «Vera» концерн, а директор правления концерна Стинеса Альберт Фёглер председательствует в наблюдательном совете последнего издательства. Мы видим, таким образом, что оба концерна друг с другом связаны довольно прочными нитями. Наконец, характер самой прессы, издаваемой обоими концернами, говорит за то, что это не простая финансовая связь, часто имеющая место между двумя совершенно чуждыми об'еди-

[1] «Продажная печать», «Вельтбюне», 1919 г. книга 22 и 23 «Концерн Vera» «Вельтбюне», 20 г., книга 5.

нениями. Печать эта преследует интересы хозяйственной и финансовой политики тяжелой индустрии, общие, как для одного, так и для другого концерна.

На-ряду с участием в пользующемся большой популярностью Бюро печати и в газетных предприятиях гугенбергской группы, Гуго Стинес покупает и учреждает собственные агентства печати, как например, «Вельтдинст», «Беклердинст». Это последнее Бюро, обслуживающее по преимуществу парламент, впоследствии соединяется с «Телеграфен Унион». Стинес владеет также крупным лейпцигским издательством журналов Фобаха. Выпускаемые этим издательством газетные приложения для немецких газет, имеющих сбыт за границей, пользуются большой популярностью и широко распространены. Кроме того, Стинесу принадлежит типография для заготовления ценных бумаг Бюксенштейна в Берлине и целый ряд типографий в провинции. Курьезно, что в последние дни инфляции, когда государственная типография уже не могла справляться с выпуском бумажных денег, Стинес, выигравший больше чем кто-либо в Германии на обесценении денег, принял и наибольшее участие в печатании их. В общем, газетные предприятия Стинеса вовсе не являлись прибыльным для него делом. Напротив, особенно в первое время, они требовали с его стороны крупной финансовой помощи. Так, баланс «Дейтше Алгемейне Цейтунг» в 1921 г. был заключен с дефицитом в 30 милл. марок, что по курсу того дня составляло от 2 до 3 милл. мар. зол. В организационном отношении отдельные части издательского хозяйства Стинеса довольно слабо связаны между собою. Здесь Стинес сознательно избегал открытой для наблюдения централизованной системы. Принцип маскировки проводился с особой тщательностью. Есть, правда, своего рода об'единяющее общество для некоторых из этих предприятий: Общество печатных и целлулозных материалов Стинес.

Скупка банков

Таким же побочным стинесовскому концерну делом, но на этот раз далеко не дефицитным, являются принадлежащие ему банки, а также участие в других банках. Вначале Стинес интересуется очень мало банковским делом; впоследствии, когда он начинает приобретать банки, мы не видим неограниченных стремлений к охвату, столь характерных для его деятельности. Об'яснение этому следует искать в особенностях инфляционного периода. Ограждая свои деньги от обесценения, Стинес стремился превратить их в реальные ценности. Банки же, сами осуществлявшие в период инфляции процесс перемещения капиталов, обладали этими ценностями лишь в незначительном размере. Реальной ценностью банков и было участие их в различных доходных предприятиях; последние же Стинес имел воз-

можность приобретать непосредственно. Самым главным для Стинеса было — работать чужими деньгами и получать для этого в возможно большем размере кредиты. Этой цели Стинесу труднее было бы достичь, оперируя только с одним банком. Поэтому выгоднее было использовать кредитоспособность своего имени в различных кредитных учреждениях.

Еще задолго до войны Стинес, совместно с Августом Тиссеном, создает собственный банк. Но учрежденному Стинесом «Рейнскому банку» не повезло, и впоследствии этот банк был передан в другие руки. Других попыток в этом направлении Стинес уже не делал, хотя концентрация банков в последнее время стала своего рода модой. Все же с некоторыми банками Стинес поддерживал более тесную связь. К таким банкам следует, прежде всего, отнести «Дармштадтский банк», с которым Стинес сблизился во время реорганизации Германско-Люксембургского общества, затем «Дисконтное общество», тесно связанное делами с Гельзенкирхенским акционерным обществом. Из слов Стинесовского финансового директора Кальверама, сказанных в специальной комиссии Рейхстага в июне 1923 г., явствует, что оба указанных банка были соединены с берлинской фирмой Гуго Стинес прямыми проводами. На-ряду с этим, Стинес работал с целым рядом других банков, в том числе и с мелкими банкирами. Деловой принцип Гуго Стинеса — это вообще поменьше разборчивости в выборе своего контрагента. Так, Стинес свое самое крупное банковское приобретение — 35.000 акций Берлинского торгового банка, получил из рук весьма сомнительного румынского биржевого спекулянта Эмиля Ципрута, выдвинувшегося в период инфляции.

Вторжение в 1922 г. Стинеса в этот Торговый банк, в одно из самых солидных и старинных банковских предприятий в Берлине, во главе которого стоял выдающийся банковский деятель Карл Фюрстенберг, произвело сенсацию. Этим самым Стинес как бы вторгся в лагерь своих самых сильных конкурентов. Торговый банк принадлежал концерну Всеобщей компании электричества, крупнейшему конкуренту Сименса. Кроме того, Вальтер Ратенау долгое время был председателем наблюдательного совета этого банка, а с Отто Вольф банк состоял в постоянных деловых отношениях. Несомненно, старому Фюрстенбергу сумели втереть очки. Но впоследствии Фюрстенберг, несмотря на то, что Стинес, обладая достаточным количеством приобретенных акций, получил право на место в наблюдательном совете, держал Стинеса в известных рамках. Таким образом, Торговый банк не только по своей внешней организации, но и по характеру своей работы остался далеко в стороне от концерна Стинеса. Конечно, участие в этом банке было для Стинеса делом доходным, но связывал он с ним более широкие планы. Он рассчитывал пережить старого Карла Фюрстенберга. Этим планам не суждено было осуще-

ствиться. Карл Фюрстенберг, которому было далеко за 70 лет, пережил Стинеса.

Операцией в более широком масштабе было приобретение акций Барменского союза банков. По соглашению с правлением Банка, Стинес в дальнейшем расширил свое участие в акционерном капитале приобретением большинства акций. Барменский союз банков об'единен с Всеобщим германским кредитным обществом в Лейпциге и с Баварским ипотечным и вексельным банком в Мюнхене в один синдикат. Таким образом, Стинес сразу приобрел влияние на три крупнейших германских провинциальных банка. Стинес еще более закрепил свои отношения с Дисконтным обществом, с которым Барменский союз банков состоял в тесной связи. Расширения оборотов Барменского банковского союза после перехода его к Стинесу не последовало.

Стинес за границей

В нарисованном выше очерке огромной державы «Стинезии» не хватает еще существенной части — заграничной экспансии (распространения) Стинеса. Будучи крупным экспортером, Стинес еще до войны широко раскинул за границей сеть своих отделений для сбыта товаров. И тогда уже Стинес начинает принимать участие в заграничной промышленности. Незадолго до войны, зимой 1913/14 г. Стинес приобретает на 5.000.000 франков привилегированные акции бельгийского Акционерного общества «Société anonyme des Charbonnages réunis d'Eregli». Это общество, имеющее право на разработки угольных месторождений в Турции на 50 лет, впоследствии продлило свою концессию, так называемую «концессию Рахиб-Паша», еще на 99 лет. После «Société d'Heraclé» — французское общество для эксплуатации горных богатств Турции, — общество, в котором принял участие Стинес, обладало самыми крупными угольными разработками этой страны. Так как капитал общества составлял 10.800.000 франков, Стинес, при покупке акций на 5.000.000 франков, имел в своих руках почти половину капитала. Возник проект сооружения гавани в Гераклее и проведения железной дороги от Ада-Базар до этой гавани, при чем германская машиностроительная промышленность должна была получить большие заказы. Война уничтожила все эти планы.

Во время войны Стинес завязал тесные сношения с нейтральными странами, возместив себя тем самым за утрату своих владений в неприятельских странах. Но крупные завоевания Стинесом иностранных предприятий начинаются только после войны. Финансовая сеть концерна Стинеса охватывает международный рынок. Вследствие присоединения ряда германских промышленных обществ, и в особенности концерна Сименса, к своему тресту Стинес приобрел также и отделения этих обществ, расположенные во всех странах света. Вместе с ростом экспортных и импорт-

ных операций развивается и деятельность собственных отделений фирмы Стинеса за границей. Но то, что называют обычно стинесовскими владениями за границей и что вызвало столько шуму в печати, это, конечно, не 300 заграничных отделений концерна «Сименс Рейн-Эльба-Шуккерт» и не все торговые представительства, конторы, склады, портовые сооружения, принадлежащие Стинесу. Общее внимание было возбуждено тем, совершенно необычным темпом, с каким Стинес захватывал различные отрасли промышленности за границей. В таких размерах не делал приобретений еще ни один промышленный и финансовый магнат в Германии, даже в самые блестящие времена ее экономического расцвета.

В дальнейшем мы более подробно коснемся его крупнейших приобретений в этой области и в частности отношений концерна Стинеса к концерну Кастильони, благодаря которому Стинесу удалось проникнуть на Юго-Восток Европы, а также его приобретений в 1923 г. в угольном районе польской части Силезии. Здесь идет речь о борьбе на почве конкуренции крупнейших капиталистов бывшей Австрии, нажившихся в инфляционный период. Гуго Стинес держится в стороне, принимая лишь на себя при случае роль влиятельного союзника и благожелательного патрона. Лишь иногда Стинес, подобно «deus ex machina» [1], активно вмешивается в эту борьбу. Делая свои крупные приобретения за границей, в особенности в Австрии и Венгрии, Стинес имел в виду планомерное и органическое расширение горно-электрического концерна. Точно так же, как в Германии, Стинес и за границей приобретал предприятия самого разнородного характера. Если какой-нибудь посредник желал сбыть с рук то или иное дело, он прежде всего обращался к Гуго Стинесу, который никогда не отказывался от новых предприятий, если они сулили хотя какую-нибудь прибыль.

В организационном отношении заграничные общества, принадлежащие Стинесу, подчинены Гамбургской фирме Стинеса или «Обществу с ограниченной ответственностью Гуго Стинес», основанному в мае 1921 г. в Вене с основным капиталом в 1.200.000 австрийских крон. Операции этого общества, по сведениям, внесенным в торговый реестр, были так же обширны, как и Гамбургского акционерного общества Гуго Стинеса.

Согласно вышеупомянутых данных Уфермана [2], заграничная собственность Стинеса и участие его капиталов незадолго до его смерти распространялись на 572 предприятия различных отраслей, в том числе: 35 в Чехо-Словакии, 89 в немецкой Австрии, 29 в Вен-

[1] «deus ex machina», в переносном смысле слова, означает неожиданную развязку. В дословном переводе значит—«бог с машины» и ведет свое происхождение от театра древних, где катастрофа часто благополучно предупреждалась внезапно появившимся (посредством машины) божеством. *Прим. пер.*

[2] Уферман-Гюглин, стр. 79.

грии, 47 в Балканских государствах, 41 в Польше и Данциге, 14 в северо-восточных европейских «буферных» государствах, 43 в Скандинавских государствах, 12 в Англии, 31 в Голландии, 17 в Бельгии и Люксембурге, 20 во Франции, 3 в Испании, 8 в Португалии, 31 в Италии, 17 в Швейцарии, 7 в Северной Америке, 48 в Средней и Южной Америке, 4 в Японии, 5 в Китае, 10 на островах Индийского и Южного океана, 8 в Малой Азии и в Персии, и 6 в Африке.

Откуда у Стинеса девизы?

Этот список, напоминающий любовный список Дон-Жуана, далеко не полный и не претендующий на точность, обнимает не только ряд мелких промышленных, сельско-хозяйственных и транспортных обществ, но также насчитывает значительное количество предприятий с миллионными капиталами. Так, Стинес участвовал в торговом обществе «Бейн, Майер и К°» в Батавии, в размере 2.000.000 голландских гульденов, что составляло половину всего капитала. Это общество владело обширными плантациями и горными концессиями в Нидерландской части Индокитая. Еще в ноябре 1920 г. Стинес заключил с правительством нидерландской части Индокитая договор о концессии. 1 января 1923 г., когда девизы почти исчезли с денежного рынка Германии, Стинес уплатил 200.000 гульденов за вновь приобретенные паи. Это плохо вяжется с заявлением директора-распорядителя фирмы Стинеса в Берлине Мину комиссии Рейхстага (в июне 1923 г.) о том, что фирма Стинеса в последние месяцы испытывала недостаток в иностранной валюте. Более правдоподобным можно считать невольное признание молодого Стинеса той же комиссии, что гамбургская фирма Гуго Стинеса освобождена от обязанности сдавать иностранную валюту.

На запрос коммунистической фракции в рейхстаге, министр Государственного хозяйства дал следующий, не лишенный пикантности, ответ: «Ведомство по урегулированию внешней торговли имеет право самостоятельно освобождать от обязанности сдачи иностранной валюты. По имеющимся данным, Общество морской торговли и судоходства Гуго Стинес в Гамбурге было освобождено ведомством Внешней Торговли от сдачи в казну девизов, полученных от экспортных операций. Это последовало по ходатайству фирмы на основании существующих правил, после обследования ее экспортных операций и поступающих девизов». 15 октября 1922 г. фирма Гуго Стинеса впервые возбудила ходатайство об освобождении от обязательства сдавать девизы, исходя из соображений, что платежи по импортным операциям превышают поступление девизов по экспортным. Ходатайство было удовлетворено после «установления достоверности предоставленных данных». По истечении срока полученного разрешения, фирма Гуго Стинес подала заявление о продлении его, но

вследствие неполноты документального обоснования, просьба была отклонена. И только после представления соответствующих доказательств фирму Гуго Стинес вторично освободили от обязанности сдавать валюту, сроком до 15 марта 1923 года. Дальнейшего освобождения не последовало. Между тем, Гуго Стинес-сын, который стоит во главе гамбургской фирмы и находится в курсе всех ее дел, еще через 3 месяца после этого должен был признать, что Стинес девизов не сдает. Это уже относится к области чудес. Таковы были постановления, так они проводились, и таковы были результаты.

Ущерб, нанесенный Германии

Результаты операций Стинеса с иностранной валютой не только сказались на обострении валютной катастрофы, но, что еще хуже, способствовали и дискредитированию Германии за границей. Какое представление о немецком народе и его правительстве могли получить за границей, когда видели, как немецкий промышленный капитал, и прежде всего Гуго Стинес, беспрерывно расширял свои заграничные операции в то время, как ежедневно раздавались жалобы о бедственном положении хозяйства Германии и о недостатках в платежных средствах. Абсолютная величина заграничных приобретений не играла при этом никакой роли. До войны германские капиталы составляли 26 миллиардов марок золотом, а в настоящее время, по данным второй комиссии экспертов (комиссия Мак-Кенна), — не более 6—7 миллиардов. Но все же получалось впечатление, что германская промышленность, не имея денег для платежей по репарациям, располагает достаточными капиталами не только для расширения своих производств и предприятий внутри страны, но и для промышленных завоеваний за границей. Получалось и не могло не получиться такое впечатление, что часть вины падает и на правительство, не сумевшее обуздать аппетиты крупных промышленников, нажившихся на инфляции.

Постепенно о Гуго Стинесе сложилось мнение как о типе алчного, ненасытного, нечестного дельца-хищника; в то же время Стинес олицетворял собой тип властного короля промышленности. Появление Стинеса где-нибудь за границей или даже распространение слухов о предстоящем его появлении, пробуждали в коммерческом мире чувства страха и надежды. Возникали самые дикие комбинации и предположения. Многое было преувеличено, но все же была и доля правды. До войны помещение германских капиталов за границей, доставляющее германской продукции новые пути для сбыта, считалось заслугой в хозяйственном отношении. Но в обедневшей после войны Германии вывоз германских капиталов ослаблял хозяйственный организм Германии и облегчал возможность иностранным капиталам завое-

вать германский рынок. Гуго Стинес, употребляя деньги, нажитые во время тяжкого инфляционного бедствия Германии, на заграничные приобретения, мог сколько угодно заявлять себя ревнителем германского хозяйства. В действительности же Стинес был дезертиром германского хозяйства, спасающимся от налогов. Какое же другое об'яснение можно дать действиям Стинеса, когда он, совместно с Кастильони, создал для управления Альпинским горным обществом «Общество промонтана» в Швейцарии? За границей зорко следили за Стинесом и отмечали все его новые начинания. Единственные, которые этого не замечали, или слишком поздно узнавали, — были представители германского правительства, не имевшие мужества жесткой налоговой политикой предотвратить отлив капитала за границу.

Стинес — аннексионист и Стинес — миротворец

Вторая область, где деятельность Стинеса нанесла существенный ущерб Германии, — репарационная политика. Гуго Стинес как-то в интимном кругу шутя выразился, что ничего не понимает в политике. Часто он подчеркивал, что желает быть только коммерсантом, фабрикантом и хозяйственником и ничем больше. Но это не мешало ему непрерывно вмешиваться в высокую политику, где он выступал с величайшей энергией, но и с величайшим дилетантизмом. При этом он и его друзья уверяли, что единственным стимулом для вмешательства в политику у Стинеса являлась его огромная любовь к отечеству. Может быть, и на самом деле он был убежден, что только патриотизм был побудительной причиной всех его действий. Но все же в своем подсознании он оставался частным хозяйственником, капиталистом, для которого личный интерес имеет решающее значение.

Это противоречие между показной стороной его деятельности на пользу отечества и действительной — на свою собственную пользу — наиболее ярко выступает в его отношении к репарационному вопросу. Подобно остальным рейнско-вестфальским представителям тяжелой индустрии, Стинес перед войной не слишком интересовался внешней политикой. В торговой политике тяжелая индустрия стояла за высокие покровительственные пошлины. Международной политикой тяжелая промышленность не интересовалась, хотя молодые представители ее иногда и избирали дипломатическую карьеру и своими браками укрепляли связь между аристократией и промышленным капиталом. В общем промышленники стояли за решительную империалистическую политику, которая обеспечивала германской индустрии новые рынки сбыта и даже в мирное время доставляла превосходные заказы для армии и флота.

Во время войны Гуго Стинес, само собой разумеется, был аннексионистом. Бриё и Лонгви, по его мнению, должны были

отойти к Германии, и некоторые другие земли подлежали «округлению», для того, чтобы поднять производительность германской промышленности, а также защитить ее от новых нападений. В выступлениях капиталистических союзов Германии в пользу крупных аннексий Стинес, правда, заметного участия не принимал, но зато в эксплуатации бельгийских рудников он участвовал с большим успехом. Его первое открытое выступление по вопросам внешней политики касалось мира, и в частности сепаратного мира с Россией. Гуго Стинес через свои влиятельные связи в Швеции думал найти возможность для мирных переговоров с «врагом на Востоке». О своих возможностях Стинес доложил правительству, однако министерство иностранных дел особого значения заявлению Стинеса не придало. Стинес, как дипломатический деятель, не внушал правительству особого доверия. Из дела ничего не вышло.

И этот человек, не пользовавшийся доверием имперского правительства, через три года является официальным уполномоченным Германской Республики! Кабинет Ференбах-Симонса посылает его, вместе с представителями горных рабочих Гюе, Пипером и Имбушем, как представителя горнопромышленников, на угольную конференцию в Спа. На этой конференции Стинес выступает с столь резкой и властной речью, что председатель вынужден призвать его к порядку. Недопустимый тон Стинеса почти срывает переговоры немецкой делегации о смягчении условий поставок угля в счет репараций. Этот эксперт со стороны рейнско-вестфальских шахтовладельцев с необыкновенным цинизмом заявил, что вовсе не необходимо во что бы то ни стало входить в переговоры с Антантой и лучше предпочесть оккупацию Рура, чем взять на себя непосильные платежи.

Соглашение с Люберзаком

С тех пор Стинес прославился за границей как типичный представитель националистической Германии, не желающий итти на мирные уступки и вести честную политику в принятых на себя обязательствах. И мы видим, действительно, что он совершенно открыто противится всяким попыткам прийти к соглашению. Так, он срывает предложение германской промышленности о предоставлении правительству в 1921 г. кредита в размере одного миллиарда золотом тем, что потребовал в компенсацию передачи государственных железных дорог в частные руки.

Гуго Стинес в самых резких выражениях выступает против Вальтера Ратенау, когда последний в октябре 1921 г. в Висбадене проводит соглашение с Лушером о договорах на поставки. Это, однако, ему не помешало через несколько месяцев вскоре после убийства Ратенау заключить с французами крупный договор на поставку разных предметов. Висбаденское соглашение устано-

вило, что договоры на поставку разных предметов для восстановления хозяйства Франции должны совершаться при посредстве правительства и контролироваться германскими профессиональными союзами с установлением твердых цен на об'екты поставки. По настояниям репарационной комиссии, новое соглашение Бемельмана-Жилет совершенно изменило висбаденский договор, уничтожив посредническую роль правительства и контроль германских профсоюзов. Зато германские предприниматели получили право свободного заключения с французскими властями договоров поставки за счет репараций. Таким образом, за германским правительством осталось только право платить по счетам. Французы и бельгийцы не скрывали своего убеждения в том, что репарационные платежи можно получить скорее и удобнее, если дать на этом заработать германским промышленникам, врагам репараций. Французы и бельгийцы не ошибались.

Первый, который этим воспользовался, был Гуго Стинес. Два года перед тем Стинес в письме к председателю союза штейгеров, Бернгарду, энергично отрицал слух об учреждении им, Стинесом, в Париже французско-германского центрального общества закупок, «так как при каждом случае подчеркивалось, что участие с германской стороны возможно лишь в горнопромышленных обществах и в угольном синдикате». Но времена изменились. 14 августа 1922 г. Гуго Стинес в своем имении Гаймбург, на Рейне, заключил предварительный договор с маркизом Люберзак, председателем союза кооперативов для восстановления разоренных войной районов Франции. Через три недели договор был оформлен. Гуго Стинес обязался доставлять французским кооперативным восстановительным товариществам различные материалы, по их требованию, общей суммой до 1.500 миллионов золотых марок. Стинес, или, вернее, строительное акционерное общество «Гута» в Эссене, незадолго приобретенное им, имели получить 6% комиссии, что составляло для них солидный заработок в 90 милл. зол. мар. Следует предполагать, что общество «Гута», которое должно было распределять заказы на эти поставки между другими фирмами, конечно, предпочитало это делать при помощи предприятий, входящих в концерн Стинеса. Последний, таким образом, на этом деле заработал дважды. При выполнении этого договора, Стинес сверх того выговорил себе свободное право на определенное количество угля, использование которого для целей репарации могло произойти лишь по обоюдному согласию Стинеса с Рейнско-Вестфальским угольным синдикатом. Стинес вследствие договора с Люберзаком получил фактический контроль над значительной частью германской промышленности. Из-за столь выгодного дела можно было сделаться и сторонником политики выполнения.

После оккупации Рура

После соглашения с Люберзаком политика Стинеса в репарационном вопросе изменилась, но не стала противоположной. К сторонникам безусловного выполнения репараций Стинес, конечно, не примкнул, но все же он больше не выступал открытым противником их и не устраивал больше политических обструкций в вопросах репараций. После оккупации Рура Стинес первое время скрывается в тени. Он не участвует, подобно Фрицу Тиссену, лично в пассивном сопротивлении, но зато прекрасно умеет использовать создавшееся положение для своих личных дел. Являясь посредником в репарационных платежах, Стинес получил огромную прибыль на различных поставках, теперь же, когда немецкие шахты бездействовали, у Стинеса был новый случай нажиться, импортируя уголь. Правление государственных железных дорог вынуждено было закупать уголь за границей, для чего обратилось к посредничеству Стинеса. Закупка угля в Англии требовала иностранной валюты, и Стинес стал скупать девизы на вольном рынке, игнорируя государственный банк. Показания комиссии Рейхстага о поднятии марки в июне 1923 г. с достаточной ясностью рисуют пагубное влияние, которое имели стинесовские операции с иностранной валютой на падение марки. Но, несмотря на колоссальные заработки, Стинес все же несколько пал духом при оккупации Рура. Правда, в принадлежащей ему прессе продолжали раздаваться боевые призывы, но сам Стинес прекрасно давал себе отчет в том, что в действительности означает оккупация Рура, на которую он так легкомысленно вызывал Антанту три года перед тем в Спа. И потому, после окончания пассивного сопротивления, Стинес усиленно способствовал скорейшему соглашению между оккупационными властями и промышленниками Рура. При переговорах, которые велись в Дюссельдорфе с генералом Дегутом в 1923 г., Стинес, конечно, не мог упустить случая, чтобы не попытаться извлечь для промышленников известную выгоду за счет рабочих. Убедившись в том, что французы непоколебимы в своих требованиях, он подчиняется тяжелым условиям, пред'явленным к германской промышленности Межсоюзной комиссией для контроля заводов и шахт (Микум), с которой главный директор концерна — Альберт Фёглер подписывает, от имени рейнско-вестфальской горной промышленности, договор на поставку. Некоторое время спустя, а именно 6 января 1924 г., Стинес не постеснялся заявить в интервью с одним репортером из «Журналь де Деба» («Journal des Débats») следующее: «Договоры с Микумом — начало исполнения репараций. Это шаг к урегулированию вопроса». Совершенно верно. Следует только отметить, что этим «урегулированием» на рурскую промышленность было возложено бремя, которое должна

была нести вся страна и которое, впрочем, она и взяла на себя впоследствии. Незадолго до своей смерти Стинес в этом интервью с французским журналистом дал картину репарационной программы в том виде, как он ее себе представлял.

«Я того мнения, — сказал он, — что правительства прежде всего должны условиться между собою относительно размеров ежегодных платежей. Они должны определить сумму годичных поставок. Эта сумма должна быть вычислена в золоте. Платеж по репарациям должен быть произведен посредством долгосрочных договоров (на 20—30 лет) между промышленниками заинтересованных стран. За свои поставки топлива, химических продуктов и проч. немецкие рудники и заводы получают возмещение от германского правительства. Поставки же фабрикатов и товаров производятся непосредственно германскими промышленниками, которые доставляют их потребителю, т.-е. промышленникам и сельским хозяевам Франции, Бельгии и Италии. А последние платят за полученные товары непосредственно своим правительствам. Эти суммы должны быть записаны на особый счет по репарациям. Во всяком случае я придерживаюсь того мнения, что долгосрочные договоры поставок должны быть заключаемы непосредственно между промышленниками, но отнюдь не между правительствами. Во избежание недоразумений, следует твердо помнить: установление размера ежегодных платежей есть задача правительства, а выполнение этого — задача промышленности и финансового аппарата».

Духовно-политическое завещание Гуго Стинеса в репарационном вопросе сводится, таким образом, к следующему: возможно меньше места государству, возможно больше свободы действия промышленникам. Конечно, было бы ошибкой заключить, исходя из характеристики репарационной политики Стинеса, что последнему всегда и всюду удавалось зарабатывать. Непримиримость, которую он в течение долгого времени проявлял в отношении политики выполнения репараций, не могла, понятно, завербовать ему симпатий Антанты. И если с ним все же продолжали считаться, то только потому, что Стинес был, действительно, всемогущ в своей стране. Но комиссия по репарациям нередко ставила Стинесу палки в колеса в его делах чисто коммерческого характера. Так, эта комиссия запретила Стинесу осенью 1921 г. вывоз рурского кокса в Австрию для Альпинского горного общества, приобретенного им незадолго перед тем. Весной 1924 г. Бергинское горнопромышленное акционерное общество (Бергина) в Мюнхене, входящее в об'единение группы Стинес-Кастильони, предполагало продать принадлежащие ему рудники и шахты в Тироле. И тут комиссия по репарациям наложила свое вето [1]. Но самый большой убыток Стинес потерпел от аннули-

[1] У ф е р м а н — «Короли инфляции». Берлин, 1924 г., стр. 74.

рования германским правительством после оккупации Рура его соглашения с Люберзаком, лишив Стинеса тем самым миллионных барышей. В общем и целом — и это есть одно из удивительнейших явлений периода инфляции: Гуго Стинес сумел извлечь для себя положительные выгоды даже из репарационной политики, в которой он между тем всегда олицетворял дух отрицания.

Хозяйские нравы Стинеса

Секрет необычайного успеха Стинеса в его частнохозяйственных предприятиях заключался в необыкновенном, — при властном, суровом и настойчивом характере, — умении применяться к новым обстоятельствам. Наибольшим колебаниям и переменам подвергались его социально-политические убеждения. Он всегда держал курс по ветру и действовал в духе кон'юнктуры данного момента. В некрологе Стинеса[1] Карл Фридрих фон Сименс вспоминает, что 9 ноября 1918 г. во время переговоров, происходивших под звуки ружейных залпов в гостинице Континенталь между предпринимателями и главой рабочих профсоюзов Карлом Легиеном, относительно центральной согласительной комиссии труда, Стинес выразился, что «он до сих пор почти не интересовался социальными вопросами. Своей прямой задачей он считал лишь заботу о том, чтобы заводские трубы не переставали дымиться».

Как это часто бывало, Гуго Стинесу тут память несколько изменила. Еще будучи молодым фабрикантом, Стинес уже интересовался социальными вопросами, правда, в отрицательном смысле, но зато довольно основательно. В 1905 г. вспыхнула забастовка рабочих в шахте «Брухштрассе», принадлежавшей к Дортмундским каменноугольным разработкам Стинеса. Поводом к забастовке послужило незначительное нарушение управлением шахты правил производства. Но причины лежали несравненно глубже. В то время Стинес слыл одним из наиболее антисоциальных работодателей, придерживавшихся правила «быть полным хозяином в своем доме». В данном случае он бросил подачку своим рабочим. После того, как забастовка прекратилась, Стинес пожертвовал в пользу нуждающихся шахтеров шахт: «Даненбаум» — 18.000 мар., «Принц-Регент» — 8.000 мар., «Константин» — 8.000 мар. Но в то же время заработная плата была понижена. Жалобы стинесовских рабочих на низкую зарплату и особо плохие условия никогда не прекращались, и неоднократно подавались петиции депутатам рейхстага и ландтага по этому поводу.

Отношение Стинеса к служащим было не менее строгим, чем к рабочим. Поведение Стинеса во время забастовки шахтеров

[1] «Почему я преклонялся перед Стинесом». Сообщения Сименса, июнь 1924 года.

было настолько вызывающим, что в течение нескольких недель о нем не переставали говорить по всей Германии, а в Рурской области рассказывали про него самые удивительные истории. Одна газета рассказывала о нем следующее [1]: «Гуго Стинес отличается неимоверным трудолюбием и железной энергией. Посещая рудники, он часто берет у рудокопа кирку и показывает сам, как следует работать. Всеми принадлежащими ему рудниками Стинес управляет непосредственно сам, имея лишь производителей работ. В каждой шахте имеется для Стинеса специальная одежда шахтера. Незаметно появляясь то тут, то там, Стинес переодевается и спускается в шахту. Горе тому, у кого он находит неисправности. Он не щадит никого, и даже служащих».

Гораздо более правдоподобен, чем эта легенда в духе Гарун-аль-Рашида, другой рассказ из этой же эпохи. Однажды Стинес приобрел шахту, управляющий которой пришелся ему не по нраву. Но прежний владелец шахты заключил с этим управляющим семилетний договор. Что же делает Стинес? Он переводит управляющего на должность директора-распорядителя, с повышенным окладом, но более коротким сроком договора. А затем этот директор вылетает вон.

Факт таков, что Стинес в то время чувствовал себя главой чисто семейного предприятия и совершенно не терпел вокруг себя людей, которые смели иметь свое суждение. Он особенно охотно ставил на ответственные места людей, начавших работу в молодости, с самых азов, так как знал по опыту, что такие люди являются наиболее энергичными и беспощадными начальниками. Теоретиков он не любил. Наиболее выдвинувшиеся в его концерне люди — «Selfmademen»'ы, — люди, всем обязанные только себе же. Один из них, сын мелкого чиновника, Альберт Фёглер, не имел даже средств для продолжения своего образования, а в 29 лет он является уже директором общества «Дортмундер Унион»; 9 лет спустя Стинес ставит его во главе Германско-Люксембургского общества. Другой выдвинувшийся на службе у Стинеса, Фридрих Мину, руководитель берлинской фирмы Стинеса, начинает свою карьеру в коммунальных предприятиях как средний чиновник. В 1910 г. Мину, будучи директором Эссенских газовых заводов, особенно рьяно действовал в пользу Стинеса при исполнении последним договора поставки. Это послужило для Стинеса достаточным основанием, чтобы переманить Мину к себе на службу.

Высокая зарплата — высокие цены

Как работодатель, Стинес не только 9 ноября 1918 г., но уже во время войны многому научился. Правда, он не исходил из этических мотивов Теобальда Бетмана-Гольвега, полагавшего,

[1] «Берлинер Цейтунг» (Берлинская Газета), 7 февраля 1905 г.

что народ, который так великолепно сражался и сильно страдал, достоин вознаграждения. Как военный поставщик, Стинес скоро сообразил, что нет лучшего способа поднять цены на товары, как увеличить заработную плату. Таким образом, в революционное время Стинес приобрел репутацию капиталиста, которому не чужды просвещенные социальные взгляды. Его талант приспособления давал ему возможность итти на вершок впереди других предпринимателей. При переговорах 9 ноября, Стинес советовал предпринимателям войти в немедленное соглашение с представителями рабочих. «Если во всех странах будет действительно введен 8-ми-часовой рабочий день», — сказал он, — то нам в Германии надо добиться того, чтобы мы и за 8 часов производили больше, чем другие страны. Непременным условием для сохранения в Германии способности конкурировать на мировом рынке является введение этого закона по всему миру, иначе весь жизненный уровень в Германии упадет нестерпимо низко». Эти рассуждения, однако, не помешали Стинесу дать свое согласие на введение восьмичасового рабочего дня раньше всего в Германии.

Его общественная деятельность не ограничивалась только участием в преобразовании условий труда, он так же активно выступал по поводу социализации, являвшейся вопросом дня в хозяйственной политике. Вместе со своим верным подголоском Сильвербергом, директором Рейнского синдиката для разработки бурого угля, Стинес пишет проект довольно своеобразной социализации. Германия, по этому проекту, подлежала в экономическом отношении разделению на ряд районов, организация которых сильно напоминала по своему хозяйственно-смешанному характеру учрежденное им же об'единение Рейнско-Вестфальских электрических заводов. Создание подобных «промышленных районов» единым взмахом доставило бы «Эрцгерцогам» [1], как называл Вальтер Ратенау всемогущих горнопромышленных магнатов, — ту власть, которой они могли добиться при других обстоятельствах лишь исподволь.

Конечно, из стинесовского проекта социализации ничего не вышло. Но Стинесу и без того везло. Время, несогласованность, беспринципность и бездействие новых правителей работали на Стинеса. И все-таки казалось, одно время, что Стинесу в революционной Германии как-то не по себе. В апреле 1919 года «Рейнско-Вестфальская Газета», принадлежавшая тяжелой индустрии, сообщала, что Гуго Стинес намерен переехать на жительство в одну из нейтральных стран. Но Гуго Стинес вскоре убедился, что не так страшен чорт, как его малюют, и что все эти ужасные планы всеобщего обложения и социализации в действительности не так опасны. Вместо военных барышей появились теперь инфляционные, да и в социально-политическом отно-

[1] Непереводимая игра слов. По-немецки Erz означает руда. *Прим. пер.*

шении Стинесу жилось не дурно в Германии, даже при господстве «красных». Так как система принудительного хозяйства, принятая во время войны, не только осталась и в послевоенное время, но даже еще сильнее укрепилась, — Стинес также остался при своем испытанном методе работы: высокая зарплата, но и еще более высокие цены. В государственном совете по делам угольной промышленности Стинес просто подбивал рабочих на требования более высокой заработной платы.

Борьба за восьмичасовой рабочий день

При этих условиях удалось довольно легко справиться и с 8-мичасовым рабочим днем. Вскоре после конференции в Спа, в июле 1920 года, в своем вышеупомянутом письме к председателю союза штейгеров Бернгарду, Стинес защищался против брошенного ему упрека в том, что он стоит за упразднение восьмичасового рабочего дня. Так было в июле 1920 г. А годом позже Стинес неоднократно заявлял, что Германия не в состоянии будет платить по своим репарационным обязательствам и не сможет упорядочить валютный вопрос до тех пор, пока не будет удлинен рабочий день.

Но только осенью 1922 г. Стинес решил, что поле для атаки подготовлено. 9 ноября 1922 года, ровно через 4 года после признания Стинесом целесообразности 8-часового рабочего дня, он в своей речи в совете государственного хозяйства выразился следующим образом: «В настоящее время Германия, вследствие своей малой производительности, имеет пассивный баланс. Продуктивность народного хозяйства может быть достигнута только при удлинении рабочего времени. Перед войной все хозяйственные предприятия были построены из расчета на более продолжительный, чем 8 часов, рабочий день. Вопрос о национальном использовании всех хозяйственных возможностей в целях повышения продукции, является вопросом жизни или смерти Германии. Потеряв войну, нельзя сокращать рабочее время на два часа. Это не рабочий вопрос, а вопрос продуктивности труда. Если вы не хотите, чтобы стабилизация рухнула в 2 месяца, то надо на долгий срок исключить всякие стачки».

Эти слова послужили сигналом для общего наступления всей тяжелой промышленности на восьмичасовой рабочий день. Отныне повсюду в печати, принадлежавшей тяжелой индустрии, и в особенности в прессе Стинеса, начинается усиленная борьба за 10-тичасовой рабочий день. Правда, Стинес в своей речи в совете государственного хозяйства предусматривал введение для всего народа исчисления заработной платы в золоте. Это должно было до известной степени компенсировать рабочих за дополнительную работу. Но эта оговорка была очень скоро забыта. Осталось только требование увеличения часов работы. Оккупация

Рура временно положила конец спору о рабочем времени. Нельзя было возбуждать и раздражать рабочих, выносивших на своих плечах всю тяжесть пассивного сопротивления. Но вскоре «бургфридену» (гражданскому перемирию) пришел конец. Стинес и его пресса пропагандировали неутомимо, что без продления рабочего дня до 10 часов ни о какой стабилизации марки думать нечего. Гельферих научился думать иначе, а Стинес все еще продолжал быть упорным защитником той теории, что без поднятия производительности труда всякие попытки стабилизации марки или введения новой валюты заранее осуждены на гибель.

Когда осенью 1923 г. пассивное сопротивление прекратилось и промышленники пытались войти в соглашение с оккупационными властями, Стинес решил, что настал момент для того, чтобы добиться удлинения рабочего дня во что бы то ни стало. 30 сентября шахтовладельцы, собравшись в кургаузе Кенигсбронн, постановили на собственный страх и риск, против всех законов, удлинить рабочий день. Соответственно этому они 8 октября об'явили на своих шахтах, что рабочее время определяется для подземных работ в 9 часов, а надземных работ — в 12 часов. Эти требования были так чрезмерны, что тут, очевидно, имелось в виду пойти на некоторые уступки. Днем раньше Гуго Стинес, от имени рейнско-вестфальской угольной промышленности, обратился к государственному канцлеру д-ру Штреземану со следующими словами: «Можем ли мы рассчитывать на благосклонную поддержку правительства в вопросах: 1) проведения удлиненного рабочего времени в оккупированных и неоккупированных местностях, 2) отмены постановлений о демобилизации и вызванных оккупацией Рура правил увольнения рабочих и служащих?»

Гуго Стинес, однако, не удовлетворился только испрашиванием поддержки правительства. Под предводительством старого друга Стинеса, Петера Клёкнера, с которым Стинес некогда вместе учился в Бонне, горнозаводчики обратились к главнокомандующему оккупационными войсками генералу Дегуту в Дюссельдорфе с просьбой разрешить удлинение рабочего дня. Французский генерал отклонил эту просьбу.

Гуго Стинес успел еще в последние месяцы своей жизни пожать плоды своей агитации. Фактически восьмичасовой рабочий день был отменен. Точно также был отменем семичасовой рабочий день для рудокопов. Как бы ни относиться к вопросу о необходимости удлинения рабочего времени, те приемы и способы, которые употребил при проведении этого вопроса Стинес — не мало усложнили общественную обстановку в Германии.

Один из учредителей центральной согласительной комиссии труда сделался к концу своей жизни тем самым нетерпимым работодателем, «самовластным хозяином», каким он был в дни своей молодости. Следствием политики Стинеса осенью 1923 г. было обострение отношений между рабочими и предпринимателями

в Рурской области, которое вылилось в мае 1924 года в забастовку горнорабочих, продолжавшуюся многие недели и стоившую германской угольной промышленности по меньшей мере 50 миллионов марок золотом.

Смерть Стинеса

Стинес умер 10 апреля 1924 года. Бесчисленные некрологи и воспоминания, посвященные ему, единогласно прославляли его личность. Любопытно, что уже в 1905 году, когда 35-летний Стинес еще только начинал свою карьеру, «Бохумская Газета» давала ему следующую характеристику: «Гуго Стинес имеет лишь одно горячее желание — стать королем горной промышленности. Одну шахту за другой приобретает Стинес, стремясь к об'единению под своим контролем всего угольного района. Все его мероприятия имеют целью укрепить его власть, сделать его угольным королем, задающим тон всей угольной промышленности. Выдающаяся работоспособность соединяется у него с неутомимостью духа, которому ни одна проблема не кажется трудной. Финансовый талант соединяется в нем с глубоким знанием дела; Гуго Стинес — человек трезвых взглядов; всякая чувствительность, если она только не касается его личной жизни, ему чужда. Несомненно, Гуго Стинес — одаренный способностями человек, выдающийся организатор. Но рабочие и служащие для него не люди, а только машины. Своей цели он приносит в жертву все. Гуго Стинес — тип американского угольного короля».

По существу эта характеристика молодого Стинеса подходит и к зрелому Стинесу. Два мотива играют руководящую роль во всех его действиях: необыкновенная жажда власти, непременное желание не только из денег сделать больше денег, как это было у Вольфа, но превратить деньги во власть. В тесном сплетении с этим хозяйственным империализмом у Стинеса сочетается его чисто семейный эгоизм. Это звучит неправдоподобно, но Стинес неоднократно утверждал, что главным побудителем его деятельности — была забота о семье. Корреспонденту одной голландской газеты Стинес, неодобрительно отзываясь о социалистическом экспериментаторе, Вальтере Ратенау, сказал, что безответственность этого деятеля вытекала из того, что ему не надо было заботиться ни о каком семействе. Его отношение к семье, напоминающее взгляды средневековых ремесленников, заставило Стинеса вовлечь в «ремесло» всех своих детей. У Стинеса — семеро детей — четыре сына и три дочери. Когда сыну исполняется двадцатый год, отец ставит его уже во главе какого-либо крупного предприятия концерна. Как только они достигают совершеннолетия, Стинес проводит их в десятки наблюдательных советов. Даже дочери работают в «деле» отца, часто уезжая в деловые поездки за границу, где они проявляют достойную Стинеса энергию. Жена Стинеса, Элла, урожденная Вагенкнехт, с самого начала была компаньоном мужа в «Обществе Гуго Стинес».

Работать, много работать, всегда работать, — было девизом Стинеса, который он и его сотрудники часто, с одушевлением, подчеркивали в обществе. Точно они не знали, что при создании крупных капиталов не работая—ничего сделать нельзя, но и одной работой ничего не добьешься. При всяком удобном случае Стинес старается показать всему миру, какой он неутомимый работник. Впрочем, это не было только позой и лицемерием, и в «неустанном работнике» отнюдь не укрывался сибарит. Гуго Стинес одевается скромнее любого среднего обывателя. До 40 лет он живет в тесном семейном доме в Мюльгейме. И великий предприниматель, виднейшая величина на мировом рынке, только с трудом привыкает к тому, чтобы занимать во время поездок аппартаменты в роскошных гостиницах, часть которых принадлежала ему самому. Он скромен, не курит, не пьет и не содержит гарема. Единственное, что он себе позволяет, это чрезмерное употребление чая и кофе, которым он возбуждает свои нервы во время ночной работы. Только однажды нарушает Стинес этот аскетизм. На смертном одре, когда хирурги тщетно боролись с его болезнью печени, Стинес устанавливает точный церемониал своего собственного погребения. Согласно последней воле этого человека, который при жизни с необыкновенной скромностью называл себя «купцом из Мюльгейма на Руре», похороны его устраиваются с чисто царской пышностью. Труп Стинеса был сожжен в Вильмерсдорфском крематориуме. Повидимому, перед смертью пришло к Стинесу сознание, что зарабатывать деньги, владеть деньгами и даже пользоваться властью денег — это еще не самое святое в жизни. Фантазия чисел покинула его; им овладела другая фантазия, примитивно-детская фантазия чудес, достойная помешанного короля Баварии Людвига II. Стинес завещал хоронить себя среди рощи распускающихся весенних цветов, стоивших 100.000 марок золотом. Вокруг стояли командиры собственного флота Стинеса и одетые в черное шахтеры собственного угольного царства.

Стинес-благодетель

Стинес при жизни всегда стремился придать своей хозяйственной деятельности высоко нравственный характер. Это было наиболее несимпатичной чертой в нем. Он сам заявлял, что вся его работа в конце-концов шла на пользу ему и его семье, и все-таки он никогда не упускал случая подчеркнуть, что вся его жизнь была направлена только на службу народу и отечеству. Коммерческие интересы Стинеса поглощали его настолько, что не оставалось места науке, искусству и даже обычной благотворительности. Тем не менее этот человек, несомненно, в глубине своей души считал себя величайшим альтруистом, неустанно заботящимся о благе человечества. И в этом отношении он был типичным промышленным монархом, который убежден, что делает все для народа, но который ничего не желает делать через народ.

Пожалуй, правы были те, которые называли мышление Стинеса кальвинистическим, указывая на происхождение матери Стинеса, рожденной Куприен, от гугенотов. Действительно, у Стинеса частный интерес отождествляется с общим благом. Все, знавшие близко Стинеса, могут подтвердить, что внутренно он был глубоко убежден в том, что все его деяния, все, что он сделал и как он сделал, — все служило также и для блага народа. Из сознания своего внутреннего превосходства Стинес занял боевую позицию в отношении государства. Отто Вольф полагал, что с правительством надо всегда уметь ладить, дабы извлечь возможно больше выгод. Для Стинеса государственная власть — соперник, которого надо устранить. На место этого «бесхозяйственного» государства, мешавшего Стинесу в его захватах, Стинес желал поставить новое государство: свое собственное.

Мы уже описали в отдельных чертах, какой вред нанес Стинес из своих мнимо-альтруистических, а на самом деле крайне индивидуалистических, побуждений государству, правительству и всему обществу. Но даже его заслуги в деле организации и рационализации частного хозяйства представляются в высокой степени спорными. Кроме образцовой организации Общества Рейнско-Вестфальских Электрических Заводов и создания треста «Сименс-Рейн-Эльба-Шуккерт-Унион», Стинесу не удалось ни одно организационное дело в крупном масштабе. Выиграет ли будущая промышленность от организации горно-электрического концерна, сколоченного Стинесом в течение нескольких месяцев, — это остается под сомнением. Будущее покажет, не перегнул ли тут Стинес палку в другую сторону, слишком углубив принцип вертикальной концентрации промышленности. Любовь к строительству — эта характернейшая черта всех истинно продуктивных предпринимателей, совершенно отсутствует у Стинеса. Единственному крупному строительному проекту — сооружению 10 новых шахт, которыми Стинес еще задолго до войны собирался обогатить Германско-Люксембургское Общество — не суждено было осуществиться. Вся полученная во время и после войны прибыль шла на приобретение новых предприятий, паев, обмен акций, и на разные другие финансовые операции. В сущности, Стинес, подобно другим героям инфляции, не был промышленником-предпринимателем, а оставался коммерсантом.

Наследство

Оценить с точностью в цифрах колоссальное наследие Стинеса почти невозможно. За несколько месяцев до его смерти, американцы оценивали состояние Стинеса в 100 миллионов долларов. Такие оценки лишены всякого достоверного обоснования. Учесть размер капитала на основании приносимого дохода невозможно до тех пор, пока распределение дивидендов не вернется к прежним нормальным методам. Балансы предприятий,

составленные в бумажных марках, конечно, не дают никакого действительного представления о капитале данного предприятия. И даже на основании первых балансов в золотом исчислении можно будет, повидимому, лишь с величайшей осторожностью судить о действительных размерах капитала. Но и тогда, когда можно будет внести ясность в дела отдельных акционерных обществ, входящих в состав концерна Стинеса, все-таки нельзя еще будет сделать определенного заключения о размерах личного, семейного капитала Стинеса, — до такой степени он замаскирован многочисленными различными финансовыми комбинациями. Обязанности определить наследственную массу для уплаты пошлины семья Стинеса избежала, так как Стинес все свое состояние завещал жене, с которой он с 1895 г. находился в законоустановленных отношениях раздельного владения имущества. Последнее распоряжение Стинеса относительно его имущества кажется весьма странным, если принять во внимание, что к моменту его смерти оба старших сына стояли во главе многочисленных обществ, входящих в концерн. Но это об'ясняется очень просто. Согласно действующему германскому праву (новелла к закону о наследстве, изданная в июне 1922 г.), наследство супругов не подлежит обложению наследственными пошлинами. Предложение социал-демократов о том, чтобы особым законом Стинеса (Lex Stinnes) отменить действие этой новеллы в отношении наследства Стинеса и обложить последнее соответствующими налогами, успеха не имело. Таким образом, государство осталось и тут с пустыми руками, и рухнула последняя возможность для государства возвратить хотя бы часть тех капиталов, которые Стинес приобрел, благодаря государству же, получением бумажных кредитов в государственном банке.

Смерть Стинеса не произвела существенных изменений внутри его концерна. Его старший сын, Эдмунд Стинес, управлявший после ухода директора Мину берлинской фирмой Стинеса, остается на своем посту. Второй сын, Гуго, попрежнему стоит во главе гамбургской фирмы Гуго Стинеса. Лишь спустя несколько месяцев отмечается изменение в составе правления. Так, Альберт Фёглер уходит из состава правления Германско-Люксембургского общества и назначается заместителем председателя совета правления Альпинского горного общества, игравшего важную роль в австрийских предприятиях. Альберту Фёглеру приписывают также и общее организационное руководство всеми предприятиями Стинеса. Но мы сомневаемся, чтобы столь активный гамбургский Гуго Стинес мог выпустить руководство делами концерна из рук семьи Стинеса.

В течение нескольких месяцев после смерти Стинеса в делах концерна наступает некоторое затишье, но с июня 1924 года они снова оживляются. Мы видим новые приобретения, продажи, реорганизации, создание трестов; новые щупальцы выбрасываются по всем направлениям. Из всех этих начинаний, мы считаем нужным

привести нижеследующее: устанавливается более тесная связь между шарлотенскими железоделательными заводами Фридриха Флика с концерном «Сименс-Рейн-Эльба-Шуккерт-Унион». Так, Фридрих Флик входит в наблюдательный совет гельзенкирхенского Германско-Люксембургского общества и «Бохумского об'единения», а Гуго Стинес и Альберт Фёглер за год до этого были избраны в совет шарлотенских заводов Флика. Значительно расширяется отельная собственность концерна благодаря приобретению «Акционерного общества курорт Мерентгейм», нескольких гостиниц в Мюнхене и гостиницы «Нассауэр гоф» (Нассауский двор) в Висбадене, принадлежавшей до того времени одному французскому обществу. В нефтяном деле концерн Стинеса также увеличивает свои владения. Развертывается деятельность принадлежащего всецело семье Стинеса Мюльгеймского акционерного общества для обработки железа. Последнее общество участвует значительным капиталом в фирме Альфреда Урбшейда в Мюльгейме и в Акц. о-ве проволочной промышленности Тениса. Кроме того, концерн пытается захватить власть в крупном обществе разработок бурого угля «Ильзе», правда, до сих пор безрезультатно. В последнее время концерн Стинеса продвигается в новую область — производство автомобилей легкого типа. Концерн, отказавшись от своего 15% участия в заводах Адлера, в Франкфурте-на-Майне, приобретает значительное количество акций Акционерного общества автомобильного производства (Ага) в Берлине. Таким образом, концерн Стинеса, вошедший в автомобильную промышленность еще ранее, благодаря участию в Акц. о-ве заводов Динос, получает твердые позиции в этой промышленности, имеющей, несомненно, блестящее будущее.

Таким образом, новейшие завоевания концерна Стинеса, как и прежние, имеют чрезвычайно пестрый характер. Наследники как бы желают продолжать путь, указанный Гуго Стинесом: приобретение материальных ценностей всех родов и видов, лишь бы их покупка была выгодной и они приносили бы значительные доходы. Имеет ли этот путь будущее—по меньшей мере сомнительно. Кризис, вызванный стабилизацией, правда, не сокрушил концерна Стинеса, хотя отдельные предприятия этого концерна и должны были на некоторое время закрыть или сократить до минимума свои производства. Мы полагаем, что без значительной концентрации многочисленных предприятий, входящих в концерн, невозможно сохранение этого крупнейшего из всех германских концернов инфляционного периода, на долгие годы. При проведении этой задачи, наследники Стинеса покажут, является ли колоссальное царство Стинеса только эпизодом или новой эпохой истории германского хозяйства [1].

---

[1] Банкротство концерна Стинес в июне 1925 г. и начало распада его дают ответ на этот вопрос. *Прим. пер.*

Глава IV

ПОТЕРИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НА РЕПАРАЦИЯХ

(*Братья Штумм*)

Одним из главных факторов перемещения капиталов в Западной Германии был Версальский мирный договор. Развитие железоделательной промышленности в последние десятилетия перед войной основывалось на лотарингской руде. Господствующее положение в железодобывающей и обрабатывающей промышленности Лотарингии, еще до перехода этой области в 1870 г. к Германии, занимала семья де-Вендель, которая и в настоящее время является самой крупной фирмой в восточно-французской тяжелой индустрии.

Семье де-Вендель еще в шестидесятых годах минувшего столетия принадлежали 15 доменных печей, в том числе в Хейанж 4, в Мойевр 4 и в Стиринген 5 коксовых и 2 работающих на древесном угле. Кроме венделевских заводов, к Германии после войны 1870 г. перешли в окрестностях Меца заводы Каршера, Вестермана, Дюпона и Дрейфуса, а в Эльзасе заводы Дитриха в Нидерброннe.

Первое время после войны эти заводы оставались еще во владении французов, но уже с 80 годов немецкий капитал начинает мало-по-малу пробивать себе дорогу в тяжелую промышленность Эльзас-Лотарингии и Люксембурга. Толчком к этому послужило широкое применение томассирования, сделавшего возможным использование лотарингской и люксембургской руды, так называемой «красной земли», для железоделательной промышленности.

С течением времени французские горные заводы переходят к немецким промышленникам, которые открывают ряд новых заводов, подобно тому, как это имело место в рейнско-вестфальской промышленности, где иностранный капитал вначале принимал значительное участие. Из работавших в 1913 г. 65 доменных печей во французско-бельгийском владении оставались только 14 печей; принадлежавших внукам Франсуа де Вендель, и 8 печей Бурбахского железоделательного завода. К этому еще следует приба-

вить значительное участие франко-бельгийского капитала в Акционерном обществе Союза лотарингских железоделательных заводов в Ометц-Фриде. Из 42.000 гектаров рудных месторождений в Лотарингии около одной трети принадлежало семье де-Вендель, 4.000 с небольшим — французским группам и 28.462 гектара составляли собственность немецких капиталистов.

Германская тяжелая индустрия распространилась также и за пределы Германии. Значительная часть горных концессий в Люксембурге находилась в немецких руках. К тому же, Гуго Стинес был основателем и самым крупным акционером наиболее значительного горного предприятия в Люксембурге — «Германско-Люксембургского акц. о-ва рудников и железоделательных заводов». Участие французского капитала в предприятиях, расположенных на территории германской части Лотарингии, уравновешивалось концессиями и участием немецкого капитала в горнодобывающей промышленности в Восточной Франции.

Версальский договор

Версальский мирный договор одним росчерком пера положил конец всем германским горнопромышленным владениям в юго-западной части Германии. Были восстановлены границы 1870 г., и все, что лежало вне пределов старой границы Пруссии, подлежало ликвидации. Французское правительство оставило за собой неограниченное право захвата или ликвидации всех владений, прав и претензий, принадлежащих германским подданным или обществом, зависящим от Германии. А на германское правительство была возложена обязанность компенсировать своих подданных за утраченные владения. Германские владения во французских областях подлежали секвестру. Произошло исключение Люксембурга из германского таможенного союза, и, кроме того, управление Саарской областью перешло в руки Лиги Наций, по существу — к тем же французам. При этом к Франции отошли все угольные немецкие шахты в бассейне Саар.

Вскоре после обнародования постановлений Версальского договора и еще до вступления его в силу, начался поворот в судьбах юго-восточной немецкой тяжелой индустрии. Собственниками рудных месторождений в Лотарингии, за исключением Штумма и Рехлинга, «эрцгерцогов» Саарской области, были преимущественно горнопромышленные магнаты Рейнско-Вестфальского округа. Самым крупными из них являлся концерн Штумма, имевший 4.575 гектаров, затем следовал Ганиель (завод «Добрая Надежда», вместе с «Фениксом», имевшим 3.800 гект.), Тиссен — 3.784, Шпетер (Ромбах) — 3.235, Кирдорф (Гельзенкирхен) — 1.546, Стинес (Германско-Люксембургское общество) — 975, и Крупп — 580 гектаров рудных месторождений. Кроме того, «Рейнская сталь», Хеш (совместно с «Фениксом» и Клёкнером) и «Бохумское об'единение» владели более мелкими месторождениями. Германские концессии

в Люксембурге были сравнительно невелики. Большая часть из них принадлежали Германско-Люксембургскому обществу и Гельзенкирхенскому. Среди германских концессионеров во Франции первое место занимал Август Тиссен, владевший 4.400 гектарами рудоносной земли; за ним следовали Гельзенкирхенское общество, Рехлинг, Штумм и Стинес.

Все это должно было перейти в руки французского правительства, которое пустило немецкие владения с молотка. Французская крупная промышленность не замедлила, конечно, захватить в свои руки эту добычу. Во избежание повышения цен на продаваемые немецкие предприятия, французские крупные промышленники об'единились в тресты. Таким образом, ценнейшие немецкие владения перешли из рук небольшого числа немецких концернов в руки еще меньшего числа французских. Покупная цена приобретаемых немецких предприятий была довольно внушительна, хотя и стояла ниже биржевой их стоимости. Крупные владения Тиссена перешли к французскому «Обществу потребителей металлургических продуктов» за 150 милл. марок золотом. Это общество об'единило ряд промышленных фирм Восточной Франции. Ромбахские горные заводы были приобретены за 120 милл. фр. об'единением горных заводов Марн и Номекур, Понт-а-Муссон и Мишевиль-Вильруп. Заводы Лотарингского горного союза перешли к концерну «Шнейдер-де-Вендель» («Participation minière et métallurgique d'Alsace Lorraine») за 110 милл. франков. Тот же концерн приобрел за 30 милл. марок Рехлингские железоделательные и стальные заводы и большинство заводов Аахенского союза горных заводов, входящих в Гельзенкирхенское Общество и расположенных в Лотарингии и Люксембурге.

Самопомощь и компенсация

В последние десятилетия перед войной мы видим поворот в германской промышленности, которая начинает больше интересоваться рудой, чем углем. Мы наблюдаем передвижение немецких капиталов из Рурской области в Лотарингию и Люксембург. Вследствие утраты своей рудоносной базы и обрабатывающих заводов в Лотарингии, германская горная промышленность вынуждена была коренным образом пересмотреть свои задачи. Как это часто имеет место в тяжелую минуту, германские промышленники сплотились, ища друг у друга помощи и защиты. Следствием этого сдвига была быстрая концентрация внутри германской горной промышленности. Наиболее важным событием в этой концентрации, после понесенных утрат в Лотарингии, несомненно, явилось слияние Германско-Люксембургского Общества с Гельзенкирхенским, о чем мы говорили выше. Влияние Версальского договора сказалось и на других западно-германских горных концернах.

Потеря крупных владений в Эльзас-Лотарингии и Люксембурге испытывалась большинством капиталистов как болезнен-

ная ампутация, несколько смягченная лишь теми компенсациями, которые германское правительство обязано было выплатить немецким промышленникам. Эти компенсации не всегда были одинаково равномерны в виду того, что они выдавались в бумажных деньгах на основании единовременной оценки. Чем больше затягивались переговоры с правительством, тем больше теряло общество на обесценении денег. Но, в общем, крупные промышленные предприятия гораздо легче перенесли свои потери, чем мелкие предприниматели и в особенности эльзас-лотарингские рантье, у которых дома, земля и сбережения подлежали французскому секвестру. Дело с компенсацией этих последних групп тянулось целые годы, и, когда, наконец, удавалось определить сумму, то ее хватало как раз на трамвайную поездку за получением денег. Средние классы Эльзас-Лотарингии и уступленных восточных областей (Остгебите) до известной степени предвкусили те потери, которые все население республики понесло затем на падении марки. Мелкие производства и предприятия, конечно, не могли, подобно крупным концернам, возместить свои потери на родине приобретениями внутри страны, они не имели возможности пользоваться широко кредитом для того, чтобы с помощью денег государства использовать инфляционную кон'юнктуру. Таким образом, здесь государство способствовало экспроприации целых классов населения и созданию новых колоссальных капиталов.

Возникновение капитала Штумма

Ни одно предприятие не пострадало так сильно от военной оккупации и уступок территории на западе Германии, как концерн Штумма. Утрата Лотарингии и политические изменения в управлении Саарской областью почти совершенно уничтожили старое предприятие, но зато вызвали с головокружительной быстротой к жизни новое.

Старый концерн Штумма возник очень давно. Штуммы принадлежат к старинной промышленной знати, хотя дворянство им было пожаловано только Фридрихом III в 1888 году. Уже в начале XVIII века они занимали первое место в производстве железа в Саарской области и Гунсрюке. В течение всего XVIII века они приобрели целый ряд рудников и заводов. В 1793 году французы захватили все железные заводы в Сааре, и Наполеон сделал их центром своего оружейного производства. Постепенно французское правительство отказалось от эксплуатации части реквизированных заводов, и Штуммы приобрели, таким образом, в 1806 году железоделательные заводы в Нейенкирхене, а в 1809 г. половину гальбергских и фишбергских заводов. Заводы в Нейенкирхене изготовляли преимущественно орудия и снаряды, а заводы Штумма в Асбахе, Абентейере и Вейлерсбахе — орудия и патроны. Благодаря наполеоновским войнам, заводы были всегда завалены работой.

В 1815 году по венскому трактату большая часть владений Штумма отошла к Пруссии, а некоторые заводы к Баварии. Мир для военных поставщиков — это, конечно, известный кризис, но ведь мир на то и существует, чтобы готовить новую войну: Штуммы поэтому сохранили свою клиентуру. В 1827 году им удалось путем финансового участия в Райслаутеринском заводе овладеть фактически этим заводом. Тогда это был еще не совсем обычный способ. Официально заводы были куплены Обществом Диллингеновских заводов, но в действительности за этим обществом стояли Штуммы. В середине прошлого века, когда с введением пудлингования поднимается производство железа, а с постройкой железных дорог усиливается спрос на него, дела фирмы сильно развиваются. В это же время в Саарской области начинают добывать новую руду, так называемую «красную землю» (минетту), которая вскоре совершенно вытесняет более дорогие и тугоплавкие сорта руды.

Король Штумм и его наследники

Полного расцвета предприятия Штумма достигают во второй половине XIX века при Карле-Фердинанде Штумме, знаменитом «короле Штумме». Карл-Фердинанд был вождем «свободных консерваторов» в рейхстаге и заклятым врагом не только социал-демократии, но и всех других партий и течений, подозрительных по части симпатий к социальным реформам. Принято считать, что Карл-Фердинанд был истинным основателем современного концерна Штумма. Действительно, из четырех братьев Штумм, Карл-Фердинанд до самой своей смерти являлся полновластным хозяином дела. После смерти «короля Штумма» в 1901 г., наследство его оценивалось в 38 миллионов марок. Общее же состояние «Бр. Штумм» в Нейенкирхене и других местах (заводы Гальберг, Диллинген и горнопромышленное общество «Министр Ашенбах» и др.) составляло до войны не менее 80 миллионов марок золотом.

Концерн Штумма носил чисто семейный характер, и Штуммы очень неохотно допускали чужой капитал в свои предприятия. Правда, капитал дробился вследствие браков и наследств, но все же он не выходил из рук семьи. Карл-Фердинанд, подобно Круппу, не оставил сыновей, и все наследство перешло к 4 дочерям. Муж старшей дочери, генерал-лейтенант Шуберт, принял управление концерном, так как братья Карла-Фердинанда и его племянники большей частью избрали военную и дипломатическую карьеры. Перспектива управления державой Штумма в Сааре их не соблазняла. Не обладая предприимчивостью Карла-Фердинанда Штумма, Шуберт все же не только сумел сохранить наследство, но еще значительно увеличил капитал.

Так, продукция чугуна заводов в Нейенкирхене и Лотарингии, принадлежащих основному предприятию концерна «Обще-

ство с огр. отв. Бр. Штумм», составляла в 1892 г. 157.000 тонн, а в 1909 г. возросла до 406.000 тонн. В том же году добыто 1,3 миллиона тонн руды и произведено 348.000 фабрикатов и полуфабрикатов. К этому надо добавить 100.000 тонн чугуна, изготовленного «Гальбергскими железоделательными заводами» в Бребахе, в которых четыре дочери Штумма участвовали капиталом в 2½ миллиона марок каждая. Кроме того, Дилленгеновские заводы произвели 250.000 тонн чугуна. В 1910 г. около 20.000 человек было занято на главнейших производствах концерна.

Внешняя организация концерна Штумма, в сравнении с другими об'единениями смешанного типа, чрезвычайно упрощена. Рудники, железоделательные и стальные заводы территориально были близко расположены друг от друга. Уголь поставлялся прусскими государственными шахтами. Только кокс выписывался из Вестфалии, так как местный кокс непригоден для употребления. Для обеспечения заводов коксом «король Штумм» приобрел в Дортмунде шахты «Ашенбах», добывающие ежегодно до 650.000 тонн угля. Концерн производил железо, сталь и полуфабрикаты. Каждый из крупных заводов имел свою специальность. В Нейенкирхене изготовлялись не только чугун, сталь, сортовое и фасонное железо, но также проволока и рельсы. Диллингеновские заводы изготовляли броню для военных судов, а на железоделательных заводах бр. Беклинг и Комп., принадлежавших концерну, вырабатывались трубы специальных размеров. За исключением предметов военного снаряжения, продукция имела сбыт в определенном кругу потребителей в Южной Германии. Для управления всеми этими предприятиями не требовалось сложного аппарата; коммерческий и технический директор были единственными посторонними людьми на ответственных постах фирмы.

Впрочем, Штуммам и не требовалось слишком активно работать, чтобы в порядке держать свое огромное состояние. Превосходные связи в военном министерстве и в высших кругах знати, «политическая благонадежность» и, наконец, холопство перед императором, как верховным главой армии, — все это служило надежной гарантией того, что при военных заказах фирма Штумм в тени не останется. Таким образом, война способствовала оживлению и расширению концерна; деньги стекались в кассу, предприятие расширялось, и Штуммы могли значительно увеличить свой капитал и без захватов в других областях.

Оккупация Саарской области

Неблагоприятный исход войны тяжелым ударом отразился на концерне Штумма. Предприятия в Саарской области очутились в таком же положении, как это имело место 125 лет тому назад, во время первой оккупации французами. Штуммы совершенно утратили свои лотарингские владения, а предприятия, расположенные в бассейне Саара, значительно пострадали от фран-

цузской оккупации и управления. В январе 1919 г. все владения, ценности, все движимое и недвижимое имущества, принадлежавшие обществу «Бр. Штумм» в Нейенкирхене или зависевшие от него, перешли в принудительное управление французов. Правда, этот декрет был вскоре отменен, но все же оккупационные власти продолжали держать в руках саарскую промышленность, так как к ним перешли прусские государственные шахты, снабжавшие углем все заводы Саарской области. Военные власти пока продолжали «играть в войну», и все население, равно как и промышленность, подвергались самым жестоким репрессиям. Штуммы соединились со вторым по значению в Саарской области концерном Рехлинга для посильного сопротивления оккупационным властям.

В остальном Штуммы считали более выгодным итти самостоятельно. Они не примкнули к союзу западно-германских промышленников, потерявших при уступке Эльзас-Лотарингии часть своих владений. Эти промышленники об'единились для совместной борьбы с правительством за компенсацию. Штуммы, утратившие в Лотарингии завод Юкинген с шестью доменными печами новейшего типа, три рудника с 4.575 гектарами рудоносной земли, предпочли вести переговоры с правительством о возмещении за свой собственный страх и риск. Коммерческая часть переговоров была поручена Теодору Мюллеру; с властями в Берлине разговаривал один бывший морской офицер, служивший ранее в дипломатическом ведомстве, прекрасно научившийся там обращаться с разными правительственными учреждениями. Дело увенчалось успехом. В 1919 г. Штуммы получили от государства значительные авансы, а в начале 1920 г. — все остальные суммы, что, в общем, составляло 112 миллионов марок. Конечно, при курсе доллара в 60 марок, эта сумма не компенсировала стоимости владений Штумма до войны, но, принимая во внимание покупательную способность денег и обесценение акций, стоимость которых составляла только незначительную часть довоенной, Штуммы все же получили довольно солидную сумму, с которой можно было уже начать новое дело.

Продажа Саарских предприятий французам

Вложить этот капитал в предприятия Саарской области было рискованно до тех пор, пока там господствовали французские военные власти, под давлением которых находилась немецкая промышленность. Наибольшие затруднения вызывала доставка угля. Французы запретили ввоз рурского угля, а потребление саарского угля было строго нормировано, при чем немецкая промышленность стояла на последнем месте. Рехлинги находились в несколько лучшем положении, чем Штуммы: у них есть в Фёлклингине большой газовый завод, и французы поэтому отпускали им уголь более щедро.

Снабжение углем Штуммов сократилось до $^1/_{10}$ и даже до $^1/_{15}$ нормальной потребности. В течение трех месяцев, за недостатком топлива, заводы стояли. Рабочие настаивали на открытии заводов, и возникала серьезная опасность конфискации заводов оккупационными властями.

Штуммы пришли к решению перенести центр тяжести своих предприятий внутрь страны. С согласия германского правительства, оба главных завода, «Нейенкирхен» и «Гомбург», были выделены из «общества бр. Штумм» и переданы двум вновь образовавшимся обществам: акц. о-ву Нейенкирхенских заводов и акц. о-ву Гомбургских заводов. Французское общество железоделательных и стальных заводов Севера и Лотарингии («Société des Forges et Aciéries du Nord et de Lorraine») приобрело 60% акций первого и 40% второго. Иностранный капитал проник в самые значительные заводы концерна Штумма, и представители этого капитала вошли не только в наблюдательный совет, но и в правление Нейенкирхенского общества. Штуммы сохранили в своих руках лишь управление Обществом Гомбургских заводов. Что касается остальных владений штуммовского концерна в Сааарской области, то 60% капитала акц. о-ва диллингеновских железоделательных заводов перешли к французскому обществу рудников и заводов Реданж-Диллинген (Société des Mines et Usines de Redange-Dillingen) и 60% капитала Гальбергских заводов к французскому обществу доменных печей и литейных заводов Понт-а-Муссон (Société des Hauts Fourneaux et Fonderie de Pont-à-Mousson) [1]. Эти продажи нанесли существенный ущерб германскому народному хозяйству, но для бр. Штумм они оказались весьма выгодны. Французские общества заплатили концерну около 200 миллионов франков, что по курсу того дня составляло около 10 миллионов золотых марок.

Новый концерн Штуммов

Таким образом, у Штуммов образовался свободный капитал, свыше одного миллиарда бумажных марок. На этот фонд они начали приобретать новые предприятия вне Саарской области. Это было время сильнейших перегруппировок в германской промышленности, когда Отто Вольф и Гуго Стинес создавали свои колоссальные владения. Штуммам также удалось в короткий срок составить и об'единить значительную группу железоделательных и сталелитейных заводов. Приобретение совершалось различными путями. Где было возможно, покупались целые портфели акций, составлявших если не весь акционерный капитал приобретаемого общества, то во всяком случае значительную часть его. Но Штуммы практиковали также скупку отдельных акций на бирже.

[1] Иозеф Легге. «Переход капитала и управления в промышленности к иностранцам». Из трудов семинария государственного права университета в Галле — Виттенберг. Гальберштадт, 1924, стр. 38.

Наиболее крупным приобретением была покупка Нижнерейнских заводов. Эти крупные заводы с доменными печами принадлежали раньше князю Генкель фон-Донерсмарк и были проданы последним непосредственно после войны голландской группе Крёллера. При новой продаже концерну Штумма Крёллер заработал 120% той суммы, которую сам заплатил 6 месяцев назад. Несмотря на это, приобретение концерном заводов все же было выгодным делом. Здесь, как и в остальных приобретениях Штумма, цена устанавливалась в бумажных деньгах, а Штуммы получили от французов за свои саарские владения французские франки. Благодаря обесценению марки, они получили возможность выиграть значительные суммы.

Кроме Нижне-рейнских заводов, Штуммы приобрели также северо-германские заводы в Бремене и железоделательный завод Крафт и Крацвик близ Штетина. Последний завод принадлежал ранее тому же князю Генкель фон-Доннерсмарк и был продан им впоследствии голландцу Крёллеру. Доменные печи Крацвика, правда, вскоре были проданы Штуммами Обществу «Любек» (доменные печи), но «Крацвик» и «Любек» об'единились для совместной работы. Штуммы тем самым захватили в свои руки оба крупнейших доменных производства Северной Германии. К этим приобретениям Штуммы присоединили ряд предприятий обрабатывающей промышленности, в первую очередь, Общество Гельзенкирхенских сталелитейных и железоделательных заводов. Через это Общество Штуммы приобрели Анненские сталелитейные заводы, Соединенные железоделательные и железопрокатные заводы в Дальгаузен-Билефельде и стальные заводы Окинг. Кроме того, Штуммы купили железоделательный завод в Мендене с прокатными мастерскими, сталелитейные заводы Виттен, акционерное общество Рейнско-Вестфальской строительной промышленности в Дюссельдорфе, корабельную верфь Фрериха в Эйнсвардене, Германскую фабрику грузовых автомобилей в Ратинген и Кельн-Эренфельдский литейный завод. Самыми значительными приобретениями были Вестфальские железоделательные и проволочные заводы в Верне близ Лангендреера, производившие ежегодно 150.000 тонн железа, а также Аплербекеровский союз акционерных горнопромышленных обществ, благодаря которому Штуммы получили угольные шахты «Маргарита».

Все это промышленное царство в Рейнско-Вестфальской и Приморской областях было создано Штуммами в течение нескольких месяцев, и образование его закончилось к июлю 1920 г. Во владениях Штуммов находилось все, что было необходимо для железоделательной и стальной промышленности. Только угольная база была еще мала. Но в следующем году она значительно расширяется вследствие об'единения с Эссенским союзом горнопромышленных обществ «Король Вильгельм», и концерн Штумма получает возможность вступить с 2.000.000 тонн угля в Угольный Синдикат. Хотя и после этого Штуммы стоят еще на последнем

месте среди больших западно-германских концернов, но все же они имеют возможность большую часть своей потребности в угле покрывать из собственных шахт. В производстве чугуна Штуммы стоят на втором месте после концерна Стинеса, а в союзе Стальных заводов занимают седьмое место, сейчас же после Ганиеля.

Организация нового концерна

Для управления и об'единения всех этих новых предприятий образовано в 1921 г. Общество с огр. отв. «Концерн Штумм» в Дюссельдорфе. Воздвигнут грандиозный дом для правления, который, однако, до сих пор пустует. Главное управление делами концерна попрежнему осталось в руках Общества с огр. отв. «Бр. Штумм» в Нейенкирхене. Подобно другим внезапно возникшим в инфляционное время концернам, штуммовскому концерну недостает рациональной организации всех входящих в него частей. Концерн представляет собой скорее смесь разнородных предприятий, чем органическое их соединение.

Это тем более заметно, что во главе концерна Штумма нет единой властной воли и нет выдающегося предпринимателя. Правда, весь наблюдательный совет находится полностью в обладании 4 нисходящих линий рода Штуммов. Наследников короля Штумма в совете представляет директор департамента иностранных дел Карл фон-Шуберт. Второго брата Штумма заменяет в совете его зять, бывший статс-секретарь фон-Кюльман, третьего брата представляет бывший посол Вильгельм фон-Штумм, а четвертый брат — барон Фердинанд фон-Штумм — сам заседает в Совете. Активно, однако, никто из них не работает. Предполагается, что двадцатилетний сын полковника Фрица фон-Штумма в будущем возьмет на себя управление концерном. Но все же и новый концерн имеет характер того же семейного предприятия. С внешней стороны он не так изолирован от влияния чужих капиталов, как прежний концерн в Юго-Западной Германии. Но Штуммы и теперь строго придерживаются старого правила: повсюду, где они участвуют капиталом, иметь за собой большинство акций. В последние годы им удалось провести этот принцип при всех новых формированиях.

Состояние Штуммов так же не поддается точному учету, как и других промышленных магнатов. Но, в общем, основной капитал нового концерна Штумма вряд ли меньше старого. Так как предприятия в Саарской области в некоторой части еще остаются в руках Штуммов, то круг их владений значительно расширился. Но и здесь произошло опять-таки только перемещение капитала, а не создание новых промышленных ценностей. На замене Нейенкирхена, перешедшего к французам, новым концерном Штумма, германское народное хозяйство понесло чувствительную потерю.

Глава V.

ФИНАНСОВЫЙ КАПИТАЛ

(Гуго И. Герцфельд)

Особенностью прежних войн было то, что благодаря им возникали крупные финансовые капиталы. А в мировую войну, где участвовали не только грандиозные человеческие массы, но и крупные материальные силы, мы видим, что больше всего выиграли не банкиры, а военные поставщики, доставлявшие эту материальную силу. Ведение мировой войны требовало денег, много денег и еще денег. Это колоссальное количество денег не могло быть взято у одного лица, а могло быть взято лишь у народа. Когда государство не могло уже больше ни давать, ни брать, оно деньги попросту «делало». Банкир, дающий для ведения войны деньги и получающий их потом обратно с большим барышом, не играет теперь никакой роли. Больше никто не финансирует государство — оно само себя финансирует, правда, самым несолидным образом.

Так складывалось с 1914 г. положение для германских банкиров и банков; под этим знаком шло образование финансового капитала в последнее десятилетие. Наводнение страны бумажными деньгами прежде всего затопило банки. Здесь наиболее ярко обозначались астрономические цифры все увеличивающейся денежной массы. Эти числа не представляли собою реальной ценности, а были лишь нагромождением нулей. Чем бурнее был поток бумажных денег, тем сильнее они обесценивались. Обороты банков номинально принимают гигантские размеры: обороты Германского банка (Дейтше банк) в Берлине в 1921 г. перешли биллионы, а в 1923 году — триллионы. Но при счете на золото, денежное обращение все сильнее и сильнее падает.

Инфляция банков

При возрастающем обесценении деньги быстрее оборачивались, и банки должны были от этого выиграть. Действительно, многие банки прекрасно использовали положение. Причины же

того, что обороты отдельных банков, и в особенности крупных, будучи исчислены в золоте, все время падали, надо искать в следующем. Весь оборот германского народного хозяйства уменьшился благодаря результатам войны на $^1/_3$ и даже временами и меньше. С другой стороны, после войны начинается колоссальный рост числа банков. С ростом денежной инфляции началась инфляция банков, а с ней и децентрализация банковского дела.

Для характеристики приведем несколько цифр. Только в один последний год инфляции, т.-е. в 1923 г., учреждено чисто банковских предприятий: в Берлине 35, в Гамбурге 7, в Франкфурте-на-Майне 4, в остальной Германии 53, — всего 99. Кроме того, специальных банков (для обслуживания различных отраслей промышленности, как металлической, пивоваренной, калийной, деревообделочной и т. д.) — 35. Сельско-хозяйственных банков также 35; 5 транспортных кредитных банков с участием министерства путей сообщения и государственных железных дорог, созданных для упрощения расчетов по фрахтам, просрочке грузов и др.; далее несколько профсоюзных банков; 5 банков для кредитования чиновников. При установлении твердого исчисления на основании фиктивной золотой марки или реальных ценностей, образовалось множество «Festmarkbanken», банков, принимавших вклады и выдававших кредиты в золотом или твердом исчислении. Причислив сюда же сотни частных банков, банкирских контор и прочих банковских образований, мы увидим, что деньги растекались по бесчисленным каналам и по всем направлениям. Хотя эти каналы были подчас весьма узки, но все же они отклоняли течение главной денежной реки, русло которой раньше проходило через крупные банки.

Стремление к концентрации в банковском деле поэтому не было так ярко выражено. Правда, в первое время после войны наблюдается усиленное слияние банков и их сближение для совместной работы. Крупные банки присоединяли к себе частные банки и даже всецело поглощали последние. Так, Коммерческий и Дисконтный банк в апреле 1920 г. присоединили к себе Среднегерманский частный банк в Магдебурге, а два крупных банка — Дармштадтский (для промышленности и торговли) и Национальный банк (Германии) соединяются в единый. Это слияние в организационном отношении компенсировалось с избытком массой новых мелких банковских образований. Некоторым исключением являются ипотечные банки. Лишенные вследствие обесценения ипотек своей основы, эти банки соединяются для того, чтобы спастись от окончательного краха. Во время инфляционного периода образовались три группы: «Об'единение Германских ипотечных банков», «Союз Германских земельно-кредитных обществ» и «Об'единение Южно-Германских ипотечных банков». Намечалось дальнейшее об'единение этих трех групп в синдикат земельных банков. Конечно, в ипотечном деле, где и старые банки едва держались, и для того, чтобы существовать, должны были

совершенно оставить свою специальность и заняться общей банковской деятельностью, — не было места для новых банковских образований.

Наплыв на биржу

Движущей силой для этого невероятного роста банков служила биржа. Мы уже описывали раньше, какую роль биржа стала играть при возрастающей инфляции, притягивая к себе не только деловых людей, но все более широкие круги населения. С каждым днем падения валюты возрастало значение биржи в глазах населения. Для спасения остатка своих сбережений от окончательного обесценения, население прямо-таки вынуждено было прибегать к биржевым спекуляциям. Фондовая биржа получила вид перманентной ярмарки. Биржевой оборот вырос во много раз, сравнительно с обычным оборотом немецкой биржи, но ценность бумаг, конечно, сильно упала. Фактически на бирже обращались бумаги ценою до фунта стерлингов и даже еще меньше. Это был результат обесценения доходных бумаг и растворения капиталов в бумажном потоке. Кончиться это могло только с возвращением акционерного капитала к золотой марке. До тех пор каждый, у кого было хоть немного свободных денег, мог выйти на биржу и там спекулировать. Конечно, отдельные граждане не могли участвовать в биржевых собраниях и должны были прибегать к посредничеству банков и банкирских контор. Вследствие этого с каждым днем увеличивается количество банковских клиентов и онкольных счетов. Уже во время войны наблюдался рост клиентов: так в Германском банке (Дейтше банк) в 1913 г. велось 290.000 личных счетов, а в 1919 г. их было 600.000. С увеличением инфляции стремление населения к банкам росло с неимоверной быстротой, так как банки были преддверием к бирже. Банки едва справлялись с ведением новых мелких счетов. Кончилось тем, что для новых мелких клиентов двери банков были закрыты, а в последний год инфляции банки исключили даже своих старых клиентов, если они имели в депозите менее 6 акций.

Вследствие чрезмерной нагрузки крупных банков и невозможности обслуживать всех желающих, ощущалась острая нужда в открытии новых банков и контор, и они росли, как грибы. Работы хватало для всех. Не только крупные акционерные банки, но даже некоторые старые средние и мелкие частные банки закрывали свои двери публике. В последний год инфляции считалось особой милостью, если какой-нибудь банк соизволил открыть онкольный счет новому клиенту. Соответственно росту клиентов аппарат банков болезненно распухал. Число банковских служащих в конце инфляционного периода в сравнении с довоенным увеличилось в 3—4 раза. Совершенно неподготовленные к работе, люди различных других профессий устремлялись на службу в банки. Они получали, правда, гроши за свою напряженную работу, но зато имели возможность, пользуясь близостью к банку

или краткосрочным кредитом, принять участие в биржевой спекуляции.

Но всего сильнее стремилась публика на самую биржу. Правда, попасть туда удавалось только весьма немногим, и все же число посетителей фондовой биржи в Берлине более чем удвоилось сравнительно с довоенным временем. Биржевые залы больше не вмещали публики, и Берлинская фондовая биржа вынуждена была заняться пристройками. То же самое наблюдалось и в банках: крупные акционерные банки надстраивают целые этажи в своих зданиях-дворцах. Для отделений и контор покупаются новые дома, открываются десятки депозитных касс. В то же самое время чуть ли не в каждую свободную лавку в'езжают мелкие банкирские конторы. 6-го декабря 1922 г. на Бургштрассе [1] открывается четвертый зал для операций с ценными бумагами. Намекая на вновь отстроенный зал на кладбище в Вайсензее, некоторые биржевики острили, что похоронные проводы биржевой горячки будут «исходить тоже из нового зала». Все же постройка нового биржевого зала себя оправдала. Круглый год шеститысячная толпа спекулянтов ежедневно переполняла четыре биржевых зала.

Эмансипация промышленности

Децентрализации банковского и биржевого дела не сопутствовала децентрализация капитала. Напротив, несмотря на многочисленность банков, крупным акционерным банкам все же удавалось собирать значительные суммы для финансирования некоторых дел. Конечно, нельзя сравнивать размер оборотного капитала того времени с довоенным. Наблюдалось полное смешение всех понятий о ценности; покупательная сила марки внутри страны была выше, чем на валютном рынке, и вследствие этого самые большие суммы, циркулировавшие в инфляционное время, казались тогда значительными, а в сущности, перечисленные в золотых марках они не были уж так велики. Не взирая на это, на рынке обращались гораздо большие ценности, чем в прежнее время. Крупнейшие промышленные предприятия покупались и продавались с такой легкостью, как будто дело шло о какой-нибудь мелкой партии шерсти, а банки были теми источниками, откуда большей частью черпались деньги для этих операций.

При этом все яснее обрисовывалась эмансипация промышленности от банковского капитала. Постепенно промышленники перестали обращаться к банкам, как это было в довоенное время, с просьбами о финансировании того или иного предприятия. В прежнее время за этим финансированием следовал контроль банков в предприятиях, а теперь, когда, благодаря военным инфляционным прибылям, промышленники стали господами положения, они сами диктовали банкам условия и имели решающее

[1] Берлинская биржа помещается на Бургштрассе. *Прим. пер.*

влияние на финансовый капитал. Если для какой-нибудь специальной операции требовалась значительная сумма денег, промышленники учреждали собственный консорциум банков, который и доставлял им требуемые средства. Банки постепенно перешли на роль посредников. Представители банков продолжали заседать в наблюдательных советах разных промышленных предприятий, но решающего значения там не имели, а были лишь советчиками, служили скорее для декорации в советах, чем для контроля.

Финансовый капитал отходит на задний план

Так как денежный капитал в значительной степени потерял свою власть в инфляционное время, сами финансисты постепенно отходят на задний план. Правда, еще до войны финансовый капитал уже не занимал в Германии первого места. Капиталы промышленников и крупных помещиков, участвующих также в промышленных предприятиях, превзошли своими размерами капиталы банкиров. В 1895 г. подлежащий обложению налогами капитал последнего франкфуртского Ротшильда составлял 204 миллиона зол мар., Альфреда Круппа — 119 миллионов, а князя Гвидо Генкель фон-Доннерсмарк — 71 миллион. Ежегодный доход этих трех лиц, согласно их деклараций, составлял: Ротшильда — 6,1 миллионов, Круппа — 7,1 миллионов и Генкель фон-Доннерсмарка — 2,7 миллиона. В 1899 г. состояние Ротшильда достигло своей высшей точки — 266 миллионов, состояние Круппа равнялось 148 миллионам, а Генкеля — 85 миллионам. Доходы же этих трех богатейших людей в Пруссии совершенно переменили свое соотношение. Так, доход Ротшильда составлял 7 миллионов, Круппа — 13 миллионов, а Генкеля — 5 миллионов. Дальнейшее сравнение этих трех капиталов невозможно, так как вследствие смерти владельцев, капиталы их раздробились и переменили свою физиономию. Но все же мы можем с уверенностью сказать, что перед войной капиталы промышленных магнатов превосходили во много раз капиталы самых крупных финансистов Германии. Капитал семьи Круппа в 1908 г. достигал уже 200 миллионов марок, а ежегодный доход составлял 17 миллионов марок, в то время как самый богатый житель Берлина — банкир Эрнст фон-Мендельсон получал доход в 3,2 миллиона марок при капитале в 43 миллиона. Точно также другие представители высшей финансовой аристократии, «Haute Finance» Блейхредер в Берлине, Шпейер во Франкфурте и Оппенгейм в Кельне, имели доход, в среднем, от 2 до 3 миллионов марок.

Во время и после войны капиталы промышленных и финансовых групп продолжали развиваться в том же направлении с неимоверной быстротой. Конечно, и тут нельзя в цифрах более или менее точно оценить отдельные денежные капиталы, судьба которых зависела от того, насколько своевременно владелец их учел все последствия инфляции. Но все же мы можем с точ-

ностью установить, что ни один финансовый капитал не увеличился в таком размере, какого достигли некоторые промышленные капиталы. Что касается новых денежных капиталов, то и они не могут равняться с новыми промышленными капиталами. Все же в последнее десятилетие и в области финансового капитала выдвинулись в первые ряды малоизвестные банкирские дома, и среди финансистов появились новые миллионеры.

Отто Маркевич. Начало и конец его карьеры

Чрезвычайного развития во время войны достиг берлинский банкирский дом Отто Маркевич. Основатель этого банка, Отто Маркевич, был сыном берлинского торговца мебелью Маркевича, положившего начало своего видного, хотя и не чрезмерно крупного, состояния в эпоху грюндерства.

Еще будучи совсем молодым, Отто Маркевич стал интересоваться крупными спекулятивными делами. Его первым начинанием было устройство пассажа в северной части берлинской Фридрихштрассе. Различные специальные фирмы на товарищеских началах должны были соединиться в один общий торговый дом в пассаже, при чем для связи этих фирм между собой Маркевич задумал учредить (также на товарищеских началах) банк. Это была новая и многообещающая идея. Но целый ряд неудач, и прежде всего отсутствие единения среди компаньонов, расстроили все дело: ожидания Маркевича не оправдались, и в 25 лет он уже пережил свой первый крах. Вскоре Маркевичу удалось сбыть здание пассажа Вольфу Вертгейму и тем самым отделаться от этой аферы сравнительно легко. Однако, и при новом хозяине дела шли не лучше, и после нескольких неудачных лет Вертгейм положил конец универсальному торговому дому в пассаже.

Тем временем Отто Маркевич занимался с переменным успехом спекуляциями земельными участками, продолжая со свойственной его уму смелостью и неугомонностью носиться с самыми экстравагантными идеями. Одно время он задумал воздвигнуть в центре Берлина, где им было приобретено несколько домов, большой центральный вокзал, затем он проектировал туннель между Потсдамским и Ангальтским вокзалами. Один из своих проектов по планированию улиц Берлина, связанный со спекуляцией земельными участками, Маркевичу, наконец, удалось осуществить. Проект заключался в том, чтобы проложить в юго-западной части Берлина, между Вильгельмштрассе и Кениггретцерштрассе новую улицу — Гедеманштрассе. Для проведения своего плана Маркевич скупил множество земельных участков, срывал старые дома и воздвиг на их месте 17 больших доходных домов. Когда вспыхнула война, строительство на Гедеманштрассе еще не было закончено, и Маркевичу опять угрожал провал. Но на этот раз Маркевичу повезло. Государство, вызвавшее своими

военными заказами к жизни не одно захиревшее предприятие, нашло применение и для нового строительства Маркевича. Вскоре все его дома заполнились разными учреждениями и обществами, работавшими на военное ведомство. Гедеманштрассе как бы представляла главный штаб военного принудительного хозяйства. Впоследствии государство, желая обеспечить нужные для своих ведомств помещения, откупило у Маркевича всю его улицу.

Огромные суммы, вырученные от этого дела, Маркевич вкладывает в новое, не менее блестящее для него дело. Маркевич становится посредником в коммунальных займах. Государство возложило на местное самоуправление бремя военных расходов, не снабдив их при этом соответствующими дотациями. Не имея возможности прибегнуть к внутренним займам вследствие выпуска военных займов, местное самоуправление очутилось в затруднительном финансовом положении. При таких обстоятельствах приходилось брать помощь, откуда бы она ни явилась, и платить гораздо более высокие проценты, чем прежде. Тут и появился Маркевич, предложивший муниципалитетам устроить негласный кредит. Уже в начале войны Отто Маркевич способствовал двум общинам предместий Берлина к размещению их займов. Не менее деятельное участие принимал Отто Маркевич и в помещении 140-миллионного займа города Берлина, выпущенного осенью 1914 года. По мере накопления бумажных денег, а также вследствие огромных военных прибылей, возрастало число людей, желающих поместить свои капиталы. Отто Маркевич очень ловко сумел заинтересовать этих людей в коммунальных займах. Маркевичу удалось также получить значительные суммы из нейтральной в то время Америки. Для ряда больших и средних городов Германии, в том числе для Гамбурга и Мюнхена, Отто Маркевич раздобыл крупнейшие кредиты, в сотни миллионов марок. С Мюнхеном, впрочем, ему не повезло, так как этот город, помимо 50 миллионов, полученных из Америки через Маркевича, получил еще непосредственно другие 50 миллионов. Американский денежный рынок был для Маркевича после этого закрыт, и ему лишь с величайшим трудом удалось разместить бумаги в Германии. В общем, дело все же шло гладко и оказалось весьма доходным.

Комиссионные проценты и полученная от курсовой разницы прибыль сделали Маркевича в течение нескольких лет одним из богатейших людей Берлина. К начинающейся инфляции Маркевич однако не сумел приспособиться. Момент его смерти, — он умер 40 лет, накануне нового, 1921, года — совпал с моментом начала его упадка: капитал его стал итти на убыль. Поместив свои деньги преимущественно в ренту и другие государственные ценные бумаги, а также имея земельные ипотеки, Маркевич при начавшемся обесценении денег, конечно, не мог сохранить своего капитала. Все же состояние его после смерти оценивалось

в 300 миллионов марок, что составляло по курсу доллара того времени около 18 миллионов марок золотом. Созданный им банк в дальнейшем значения не имел.

Разбогатевшие биржевики

Среди других выдающихся банкирских фирм инфляционного времени особенно выделяется берлинский банкирский дом Шварц, Гольдшмидт и К°. Со своими 500 служащих, этот банк с внешней стороны достиг размеров главной конторы банкирского дома Мендельсон. Глава банка Яков Гольдшмидт в 1919 г. вошел в правление Национального Германского Банка. Таким образом, банкирский дом Шварц, Гольдшмидт и К° дал одному из самых крупных германских банков наиболее предприимчивого руководителя. Среди банков инфляционного времени, в общем, нет значительно выдающихся капиталов, но зато из многих новых мелких банкирских контор выросла значительная средняя буржуазия.

На бирже дело обстояло иначе. Раньше биржа была местом, где вырастали новые случайные миллионеры, состояние которых, после нескольких удачных операций, дорастало до семизначных цифр, но до восьмизначных не удавалось достигнуть, со времени эпохи грюндерства, ни одному биржевому игроку. В инфляционное время мы наблюдаем другое явление. Правда, на бирже господствовал средний и даже мелкий капитал. С большим успехом на бирже подвизались разные мелкие спекулянты, которым повидимому суждено образовать почву для новой германской средней буржуазии. Однако не мало было и таких случаев, когда, в самое короткое время, вследствие удачных биржевых спекуляций, образовывались новые миллионные состояния. Так вырос капитал берлинского биржевика, румына по происхождению, Эмиля Ципрута, у которого Гуго Стинес в свое время откупил 35% акций Берлинского торгового банка. Но и другие спекулянты заложили на бирже фундамент своего миллионного состояния. На бирже возник один из самых крупных капиталов инфляционного времени, пожалуй, самый значительный из всех образовавшихся на берлинской бирже капиталов. Речь идет о капитале Гуго И. Герцфельда.

Гуго Герцфельд

В течение двух лет Гуго Герцфельд стоял в центре крупнейших биржевых сделок, самых больших, которые когда-либо совершались на Бургштрассе. Его звезда стала восходить довольно поздно. Гуго Герцфельд родился в том же 1870 году, что и Гуго Стинес, переживший его на два года. Хотя Герцфельд и был очень богатым человеком, видным банкиром, преуспевающим

финансовым посредником, но только в 50 лет он встал в ряды тех людей, о которых повсюду говорят.

Гуго Герцфельд изучил банковское дело в небольшом частном банкирском доме М. Блюменфельда на своей родине в Оснабрюке (Ганновер). Затем он переехал в Берлин и поступил в банк Мендельсона, но вскоре покинул его и начал самостоятельное дело в качестве маклера. Работа шла, как у всех средних маклеров, с переменным успехом. Герцфельд бывал и на коне и под конем — смена положений, при которой никогда неизвестно, умрет ли человек миллионером или состояние его поступит в конкурсное управление. В течение долгих лет Гуго Герцфельд искал счастья за границей, потом вернулся в Берлин, не сорвав ни одного значительного куша.

Первые лавры и — что, пожалуй, важнее — первые миллионы Гуго Герцфельд приобрел во время войны благодаря своей работе по финансированию общин и городов. Будучи еще за границей Гуго Герцфельд закрепил связи с нейтральными банкирами, и в особенности с голландскими банкирскими домами. За хороший комиссионный процент Гуго Герцфельд, подобно Маркевичу, доставлял германским общинам заграничные кредиты. Военную прибыль Гуго Герцфельда нельзя сравнивать с успехами Маркевича в этой же области, но все же Герцфельду удалось провести несколько крупных операций. Связи с местным самоуправлением открыли ему путь к центральным учреждениям сберегательных касс; Герцфельд также принимал деятельное участие в размещении военных займов.

Положение Герцфельда после войны настолько укрепилось, что он пользовался самым широким кредитом. При обесценении денег это являлось весьма важным фактором. Учтя все последствия инфляции, Гуго Герцфельд во-время оставил операции с ценными государственными и коммунальными бумагами и начал спекулировать акциями промышленных предприятий. Только через два года Герцфельду удалось совершить первую крупную операцию в этой области. Тем временем инфляционная кон'юнктура и непосредственные результаты договора изменили в основе прежние отношения собственности в сфере промышленности. Началась переоценка всех ценностей. Отто Вольф как раз в это время скупил большинство акций Феникса; Гуго Стинес организовывал Горно-Электрический трест; приобретения Штуммов вызывали на бирже повышение акций крупных предприятий, а публика с жадностью набросилась на биржевые спекуляции. При таких обстоятельствах Гуго Герцфельд отважился на решительный шаг.

Посредничества для Стинеса и Вольфа

Наиболее ходкой из всех обращавшихся на бирже бумаг были акции Бохумского об'единения, с которыми раньше ни один неискушенный оперировать не мог. В августе 1920 г., когда

доллар медленно поднялся с 40 на 50 марок, на берлинской бирже начался усиленный спрос на указанные акции, курсы которых повышались и были подняты, в конце концов, до неслыханной цифры — 4.000% номинальной стоимости. Полагали, что приобретателями были Штуммы, но вскоре, к удивлению всей биржи, выяснилось, что главным покупателем является малоизвестный в биржевых кругах банкир Гуго Герцфельд. Герцфельду удалось приобрести большинство акций. Через несколько недель началась новая горячка с этими акциями. На этот раз Герцфельд хотел сбыть свой бохумский портфель и на добычу Герцфельда покушалась одна голландская фирма. Бохуму угрожала опасность перехода к иностранцам. Тогда на сцену вышел Гуго Стинес в роли спасителя национальной собственности и принял от Герцфельда все имевшиеся у него акции Бохумского об'единения за 230 миллионов марок, что по курсу того дня составляло 15 миллионов марок золотом. Эта сумма была, как таковая, конечно, ниже биржевой довоенной стоимости акционерного капитала Бохумского об'единения, оцениваемого до войны в 70 милл. мар. зол. Кроме того, в военное и послевоенное время об'единение значительно расширило свои предприятия. Но все же, по условиям того времени это была совершенно неслыханная сумма денег.

Впоследствии выяснилось, что Гуго Герцфельд для закупки акций Бохумского об'единения прибег к кредиту под залог в Дармштадтском банке в размере 100 миллионов марок золотом. В октябре 1920 г. герцфельдский портфель акций Бохумского об'единения перешел формально к консорциуму банков, в котором состояли: Дармштадтский банк, Дисконтное общество и Национальный банк для Германии, то-есть фактически, к Гуго Стинесу. Поэтому предполагают, что Гуго Стинес с самого начала был истинным приобретателем акций, действуя через три дружественных ему банка, а те в свою очередь — через «мелкого» биржевого маклера Гуго Герцфельда. Таким образом, оказывается, что во всей этой операции Гуго Герцфельд был только комиссионером, и все, что сопровождало приобретение, включая таинственных иностранцев, не более как блеф. Как бы то ни было Гуго Герцфельд при этой операции заработал миллионы золотом, а его посредничество доставило ему настолько независимое положение, что он смог лицам, давшим ему поручение, а также банкам, предоставившим ему кредит, выставить цену, значительно превосходившую покупную цену акций.

Несколько времени спустя Гуго Герцфельду удается, опять-таки с биржи, проникнуть в крупное предприятие металлической промышленности. Он скупает на 10 миллионов акций «Акционерного общества бр. Болер и К°». Это общество имело в Нижней Австрии и Штирии доменные печи, стальные и прокатные заводы, литейные мастерские, железоделательные заводы в Дюссельдорфе и в Чехо-Словакии — угольные шахты. Этот пакет акций

Герцфельд также предлагает Стинесу, который, конечно, не упустил новую добычу и присоединил заводы Болера, так же как и Бохумское об'единение, к тресту «Сименс Рейн-Эльба-Шуккерт-Унион».

Приобретения Герцфельда не ограничивались одной какой-либо отраслью. Подобно другим героям инфляции, он набрасывался на все, что могло принести выгоды. Он приобретает значительное количество акций пароходного общества «Арго», а также Северо-Германского ллойда. Оба портфеля с акциями принял от Герцфельда Отто Вольф, которому, благодаря слиянию «Арго» с пароходной линией «Роланд», принадлежавшей Северо-Германскому ллойду, удалось проникнуть в наблюдательный совет ллойда. Таким образом, при образовании капиталов обоих крупнейших промышленников инфляционного времени Гуго Герцфельд играл немаловажную роль.

Биржевик — основатель концерна

Но у Гуго Герцфельда были и свои организационные успехи, поскольку таковые вообще возможны для маклера. Для своей организационной деятельности Гуго Герцфельд избирает калийную промышленность. Его первая заслуга в этой области — преобразование общества Мансфельд, приобретение которого подготовлялось им издавна. В течение целого года он скупал паи Мансфельдского общества медисто-сланцевых разработок. Скупив большинство паев, он предложил весь пакет группе Всеобщая компания электричества — Металлический банк — Отто Вольф. Эта группа совершенно преобразовала устарелое общество в акционерное общество современного типа.

Но еще большее значение имела другая сделка Герцфельда на калийном рынке, которую он закончил за неделю до своей внезапной смерти. Герцфельд вообще обнаружил не малое проворство, скупая исподволь, небольшими количествами, акции старинных крупных предприятий. Таким путем он добивался большинства. На этот раз он решился предпринять еще более сложную операцию: организацию на самой бирже четырех крупных калийных заводов в один большой концерн. Сделка совершалась шаг за шагом. Исходной точкой была попытка Герцфельда приобрести горнопромышленное общество «Людвиг II», основными предприятиями которого являлись «Соединенные химические фабрики в Леопольдсгале». Но прямым путем скупить большинство акций на бирже не представлялось возможным. Другие калийные заводы, в особенности «Вестерегельн», имевшие значительное количество акций «Леопольдсгаля», оказывали Герцфельду явное сопротивление. Тогда Герцфельд принимается за скупку акций общества «Вестерегельн». Вскоре Герцфельду удается привести в исполнение свой план завоевания этого общества, и, с финансовой помощью банкирского дома Дель-

брюк, Шиклер и К°, а также Коммерческого банка, Герцфельд приобретает большинство акций «Вестерегельн». Затем ему уже не трудно было добиться большинства в «Леопольдсгале». Теперь директор-распорядитель «Леопольдсгаля», д-р Файт, принимает на себя роль посредника при новых завоеваниях Герцфельда. Общества «Вестерегельн» и «Леопольдсгаль», в свою очередь, участвовали капиталом в Обществе калийных заводов «Зальцдетфурт». Собственными средствами, а также с помощью стоящих за ним банков, Гуго Герцфельд приобретает большинство акций и этого предприятия. Общество «Зальцдетфурт» было тесно связано с крупными калийными заводами «Ашерлебен», которые участвовали капиталом в «Зальцдетфурт». Гуго Герцфельду удается овладеть также Обществом «Ашерлебен», и он соединяет все четыре предприятия в один концерн, самый крупный в германской калийной промышленности.

Государство в роли дельца

Все эти операции вызывали повышение на бирже разных бумаг и живо интересовали не только профессиональных спекулянтов, но также спекулянтов-любителей, наполнявших биржу в 1922 г. Сделки Гуго Герцфельда подвергались обсуждению в широкой публике. Но самую большую сенсацию в публике вызвала покупка одного пакета акций Зальцдетфуртовского общества. Для Гуго Герцфельда это была второстепенная сделка и особого значения для образования концерна она не имела. Но пакет акций, о котором идет речь, принадлежал свободной республике Ангальт, и потому сделка эта приобрела политическую окраску. Согласно об'яснениям, данным ангальтским президентом Дейстом в закрытом заседании ландтага, директор «Леопольдсгаля» Файт обратился однажды к дессаускому министру финансов д-ру Кнорр с сообщением, что Гуго Герцфельд приобрел большинство акций «Зальцдетфурта». Но акции обошлись Герцфельду в слишком дорогую цену, и он, как и другие заинтересованные лица, хочет поднять доходность общества, а для этого надо об'единить «Зальцдетфурт» с другими калийными заводами. На это требуется согласие владельцев ¾ акционерного капитала. Если республика Ангальт не дала бы своих акций Герцфельду, последний угрожал продажей своих акций на заграничном рынке.

Правительство колебалось, советовалось со специалистами. Консультант по калийной промышленности в министерстве государственного хозяйства был против продажи, а консультант по горной промышленности, Ганте из Леопольдсгаля, стоял за продажу. Правительство сделало последнюю попытку — собрать хотя бы четвертую часть акционеров, но старания его не увенчались успехом. Ангальт имел 2.400 из 21.000 акций общества, и этот пакет правительство продало обществу «Леопольдсгаль».

то-есть в действительности, Гуго Герцфельду за 112,5 миллионов марок, запросив сначала 125 миллионов. В своих об'яснениях с ландтагом по этому вопросу, президент Дейст пытался доказать депутатам, каких блестящих результатов достигло правительство Ангальт этой продажей: 4½% на общую продажную сумму давали столько же, сколько давали бы 210% дивиденда. При этом мудрый государственный муж упускал из виду, что в инфляционное время всякая продажа материальных ценностей означала убыток, если только продажная сумма не употреблялась сейчас же на покупку других вещественных ценностей или иностранной валюты. Вся эта сделка возбудила толки далеко за пределами Ангальта. Особенно забили тревогу крайние левые, которые рассматривали операции Герцфельда не как простую хозяйственную сделку, а как символ того, что герои инфляции постепенно отнимают у государства власть и владения.

Чародей биржи

Как раз в то время, когда пресса негодовала по поводу продажи акций, принадлежавших Ангальту, получилось известие о внезапной смерти Герцфельда, последовавшей от разрыва сердца в «Белом Олене» (Вайсер Гирш) у Дрездена. Пресса забыла свое возмущение, и на страницах газет Гуго Герцфельд быстро превратился из экспроприатора государства в гениального финансового стратега. В сущности, и в одном и в другом утверждении есть доля истины. Несомненно, Герцфельд был биржевиком крупного пошиба. Но он был больше, чем смелый, преуспевающий спекулянт. Последняя комбинация с калийными заводами выявила уже известное творчество и имела некоторую общую хозяйственную ценность. Однако Герцфельд прекрасно сознавал пределы своих организаторских талантов, умел себя сдерживать и никогда их не переступал. Он не решался, подобно Отто Вольфу, Петер Клöкнеру и другим героям военного и послевоенного времени, на смелый переход — от коммерсанта-дельца к крупному промышленнику. Новым трестовым магнатам, несмотря на весь внешний успех, такой переход из одной отрасли в другую желательных результатов не давал, так как они оставались в сущности коммерсантами и никогда не превращались в смелых предпринимателей. Гуго Герцфельд довольствовался тем, что прокладывал путь к богатству для этих новых магнатов; играя роль посредника, он работал для них на бирже. Он довольствовался барышом комиссионера, но зато и ограничивался риском комиссионера.

Ограничив свою деятельность известными пределами, Гуго Герцфельд внутри их был одним из самых смелых и жестких спекулянтов. При проведении в жизнь своих крупных проектов — мелкими в последние годы он перестал интересоваться — Гуго Герцфельд не считался ни с какими суммами. Для приобретения

большинства акций тех или иных предприятий Гуго Герцфельд тратил такие суммы, которые в то время казались совершенно невероятными. Так, за паи Мансфельдовского общества он заплатил около полумиллиарда марок. Имея постоянные дела с заграничным рынком, Гуго Герцфельд рано научился оценивать свои приобретения в твердой валюте. Поэтому он никогда не смущался цифрами бумажных сумм, считая, что золотом он заплатил не слишком дорого за приобретаемые ценности, и даже сделал выгодную покупку.

Операции Герцфельда производили на бирже ошеломляющее впечатление. Начиная уже с покупки акций Бохумского Об'единения и в особенности после приобретения калийных заводов, слава Герцфельда настолько упрочилась, что он на бирже стал играть роль великого чародея, за которым тянулась вся армия спекулянтов и их приспешников. Когда Гуго Герцфельд покупал, другие биржевики бросались на те же акции, не имея представления о том, что затевает при этом Герцфельд. Точно такое же явление мы наблюдаем и у Гуго Стинеса. За его приобретениями тянулись и равнялись все, кто только мог. Эта популярность была для самого Герцфельда чрезвычайно невыгодна, так как курс акций, которые он желал приобрести, при этом всегда значительно повышался, как только становилось известным, что он является покупателем. Интерес к операциям Герцфельда возбуждался еще больше от того, что он, не в пример Штуммам, приобретавшим всегда только целые портфели акций, часто скупал одну акцию за другой. Поэтому Гуго Герцфельд старался по возможности скрыть от прочих спекулянтов свои намерения. Он сам никогда не посещал биржи на Бургштрассе и все свои операции совершал в своем бюро на Кенигин-Аугуststрассе, откуда он давал по телефону приказания своим агентам на бирже. Его главная квартира была более чем скромна в сравнении с теми колоссальными операциями, которые в ней совершались. Всего несколько служащих обслуживали Герцфельда. Преимущество этого маленького аппарата заключалось в том, что на его миллионные операции почти не падало никаких накладных расходов. Герцфельд не нуждался в сотнях конторщиков, занятых выписыванием нулей, без которых не могли обойтись другие банкиры инфляционного времени. Если проект в основе был правильно рассчитан, сходились все расчеты. А гениальные проекты Герцфельда всегда были правильно рассчитаны. Все его комбинации неизменно венчались успехом.

Наследство

Публика имела самое фантастическое представление о размерах капитала Герцфельда. Когда Гуго Герцфельд в начале 1922 г. умер, состояние его оценивалось публикой в один миллиард бумажных марок, что по курсу доллара того времени со-

ставляло 17—18 миллионов золотых марок. Эта оценка скорее преуменьшала капитал Герцфельда, чем преувеличивала его. По всей вероятности состояние было еще более значительным. Гуго Герцфельд все приобретаемые им ценности отдавал в другие руки, так как капитал постоянно нужен был для оборота и, поэтому, не превращался, как у Гуго Стинеса, в реальные ценности. Вследствие этого, состояние Герцфельда в бумажных марках, подобно другим бумажным капиталам, было подвержено всем опасным последствиям инфляции.

Правда, состояние Герцфельда перешло после его смерти в одни руки. Герцфельд завещал все свое состояние жене, Марии Герцфельд, урожденной Михельсон. Дочь его, Вера Гутман, доверенные фирмы Франц Эбштейн и адвокат Гуго Виктор вступили в качестве компаньонов в дело Герцфельда. Это чисто семейное предприятие не могло удержаться на должной высоте: ему не хватало руководителя. Фирма быстро увяла. 1 декабря 1922 г. оба прежних доверенных фирмы вышли из состава ее. Банкирский дом остался под руководством дочери Герцфельда, но слава фирмы Герцфельда закатилась. Таким образом, этот крупнейший из всех биржевых капиталов, созданных инфляцией, не справился с концом инфляции.

Глава VI

АГРАРНЫЙ КАПИТАЛ

Гельферих в 1913 г. оценивал всю земельную площадь, под сельским и лесным хозяйством Германии, в 40 миллиардов марок. В эту сумму не входила стоимость застрахованного от огня движимого и недвижимого имущества. Введенный в том же году налог на оборону исходил тоже из земельного капитала в размере 40 миллиардов.

Весь капитал, вложенный в германское сельское хозяйство был, конечно, несравненно больше, хотя он и не соответствовал пропорции сельского населения в общем населении Германии. Доходность сельского хозяйства и еще больше цена на землю постоянно росли, так как земельная рента крупных имений увеличивалась под влиянием пошлин на ввозимое зерно.

Но с увеличением покупной стоимости, росла и задолженность сельской земельной недвижимости, которая, однако, не превысила границ нормальной задолженности. Нормальной считается задолженность в $^2/_3$ капитализированной продукции при среднем качестве земли, обычном хозяйстве и необходимом оборотном капитале. Ипотечная задолженность составляла не более 40% общего капитала. Положение сельских хозяев улучшилось за последнее время еще вследствие хорошей организации сельско-хозяйственного кредита. Крестьяне начали приходить в себя и освобождаться от ига долгов, давившего их в течение всего XIX столетия. Так называемое освобождение крестьян на основе реформ Штейна — Гарденберга (при чем Гарденберг большей частью отменял то, что обещал Штейн) результатом своим имело не только образование сельского пролетариата, постепенно выросшего до 8 миллионов рабочих, но и постоянную угрозу пролетаризации лишенного капитала крестьянства. Политическая диктатура крупных ост-эльбских помещиков не допускала коренной земельной реформы. В восточных провинциях Германии сохранилось нелепое чередование латифундий и карликовых хозяйств. И все же среднее крестьянство крепло, и в общем жизнь сельского населения постепенно улучшалась.

Сельское хозяйство во время войны

Война оказалась выгодной для сельского хозяйства. Правда, хозяйство страдало от отсутствия рабочей силы, и на его производствах отражалась общая реорганизация всего народного хозяйства для нужд войны. Но, с другой стороны, блокада Германии и колоссальная потребность в продовольствии для армии создали германскому сельскому хозяйству то монопольное положение, которого оно прежде тщетно добивалось с помощью высоких ввозных пошлин. Отмена в начале августа 1914 года аграрных пошлин практического значения не имела. Хотя границы этим были открыты для ввоза сельско-хозяйственных продуктов, но импорт хлеба из наиболее крупных стран, конкурирующих с Германией на хлебном рынке, прекратился. От русского рынка Германия тотчас же была отрезана, но и заокеанские страны вскоре прекратили ввоз своих сельско-хозяйственных продуктов в Германию.

Опасение, что сельские хозяева и торговцы, пользуясь недостатком продуктов, поднимут цены на них и тем самым поставят в безвыходное положение беднейшие слои германского населения, вызвало введение в Германии, еще в первую зиму войны, карточек на хлеб. Правительство приступило к государственному регулированию сельско-хозяйственного производства. В начале пытались обойтись более мягкими мерами: государственные заготовительные учреждения скупали хлеб по вольным ценам у сельских хозяев. Но когда стала ощущаться острая нужда в продуктах питания, правительство прибегло к суровому проведению таких мер, как обязательные поставки, раскладка, и даже реквизиция. Но и новая система не была убыточна для сельских хозяев. Так, обороты «Центральной ссудной кассы для Германии», основанной союзом кредитных райфейзеновских товариществ составляли в 1913 г. 1,4 миллиарда марок, а в 1915 г. достигли 3½ миллиардов, при чем капитал увеличился на 87,7 миллионов, а долги уменьшились на 38,6 миллионов марок. Приток денег из союзов составлял 400 миллионов марок, а требования союзов не превышали 169 миллионов марок. Само собой разумеется, что эти новые оборотные средства не состояли целиком из сбережений сельских хозяев: значительная часть их падала на свободный капитал, искавший приложения. Все же приведенные данные служат достаточным доказательством того, что сельско-хозяйственные круги с самого начала воспользовались выгодами войны.

Борьба против принудительного хозяйства

Конечно, это не препятствовало сельским хозяевам оказывать самое энергичное сопротивление принудительному хозяйству, в какую бы форму оно ни выливалось. Наконец-то дожда-

лись высокой кон'юнктуры рынка; неужели же сельские хозяева не имели права использовать ее по своему желанию и должны были держаться предписанных им твердых цен? При всем патриотизме сельские хозяева не могли на это согласиться! С углублением принудительного хозяйства возрастало пассивное и даже активное сопротивление сельских хозяев, которое они проводили самым решительным образом. Статистические данные об урожае зерна, подлежавшем принудительной поставке, достаточно ярко характеризуют отношение сельских хозяев. Так, в 1913 г. общий урожай пшеницы в Германии составлял 4 миллиона тонн, в 1916 г. 3 миллиона и в 1917 г. сократился до 2,2 миллиона тонн. Такую же любопытную картину мы видим и с урожаем ржи, который сократился с 12 миллионов в 1913 г. на 7 миллионов в 1917 г., а урожай овса упал с 9,5 миллионов до 3,6 миллионов тонн. Один видный государственный деятель, занимавший во время войны высокое место в продовольственном ведомстве, выразился по этому поводу следующим образом: «Если бы эта система продолжалась еще в течение нескольких лет, в общей статистике исчез бы совершенно отдел сельского хозяйства».

Сельские хозяева давали явно неверные показания относительно своей продукции, а у правительства не хватало мужества более тщательно их контролировать. Оценка производилась представителями сельских хозяев, то-есть заинтересованными лицами. Точно также оценка военной прибыли сельско-хозяйственников была поручена общинным сельским советам, а не производилась из центра чиновниками. Но и самые тщательные методы оценки не привели бы ни к чему, пока для сельского хозяина открыта была возможность на нелегальном вольном рынке получить за зерно в несколько раз, а за масло и яйца в десять раз больше того, что ему предлагало государство и общины. Представители сельского хозяйства сваливали всю вину высоких цен вольного рынка на торговцев. Но в действительности сельские хозяева принимали одинаковое с торговыми посредниками участие в этом повышении цен. В последние годы даже в самых глухих углах прекрасно знали о состоянии цен вольного рынка в крупных городах и твердо их придерживались.

Высокая кон'юнктура и инфляционная прибыль

Конец войны и революция не вызвали в сельском хозяйстве тех существенных перемен, которые имели место в промышленности. Блокада Германии, а следовательно, и голод продолжались до подписания мирного договора, и даже после этого продукты питания очень медленно проникали в Германию. Германское сельское хозяйство сохранило свое монопольное положение, которое еще более укрепилось, вследствие отхода восточных провинций. А социальное законодательство революционного времени чрезвычайно считалось с интересами самостоятельных сельских

хозяев. Предварительный закон о сельско-хозяйственном труде от 24 января 1919 г. установил следующее рабочее время для сельско-хозяйственных рабочих: 4 месяца в году — 8 часов, четыре месяца — 10 часов и четыре месяца — 11 часов, но и эти часы не соблюдались строго, и фактический рабочий день был гораздо длиннее. В некоторых местах происходили забастовки сельских рабочих, но они существенного влияния на сельско-хозяйственное производство послевоенного времени не оказали. Рост организации сельских рабочих и их самосознания способствовал повышению реальной зарплаты, а выдача зарплаты в натуре, продуктами, ограждала их от бедствий инфляционного времени.

Хотя сельские хозяева и не могли извлекать выгод из пониженной оплаты рабочей силы, подобно тому как это удавалось представителям промышленности, в особенности экспортирующей ее части, но все же они достаточно поживились от обесценения денег. Торговля из-под полы приучила их к высоким ценам, и сельские хозяева гораздо быстрее, чем горожане, отбросили понятие о цене мирного времени. Таким образом в назначении цен они шли нога в ногу с обесценением денег и требовали за свои продукты не меньше того, что они стоили на мировом рынке.

Но в общей инфляционной сумятице для сельских хозяев были две трудные задачи. Первая заключалась в соблюдении твердого соотношения между ценой на готовый продукт и расходами по его изготовлению, т.-е. они должны были калькулировать цену согласно расходам по воспроизводству продукта. Но несравненно более трудной задачей было помещение денег, вырученных за продукцию в реальные ценности, чтобы предохранить их от обесценения. В 1920—21 г.г. (в сельском хозяйстве операционный год начинается 1 июля и заканчивается 30 июня), когда последствия инфляции начали ярко сказываться, цена на зерно, исчисленная в золоте, упала на 50% довоенной. Цены же на картофель и живой скот, также в золотом исчислении, держались даже выше расценок 1913 г. В то же самое время индекс цен на предметы первой необходимости отставал на 30—50% от обесценения денег, и, следовательно, покупательная сила марки внутри страны была выше, чем на рынке иностранной валюты. Сравнительно с ценами на необходимые для сельско-хозяйственного производства материалы, цены на сельско-хозяйственные продукты стояли также значительно выше. Но так как цены на часть продуктов были нормированы и продукты подлежали принудительной поставке, продажа зерна все же не доставляла возможности приобретать удобрения и сельско-хозяйственные орудия в таком об'еме, как это имело место до войны.

Но и это неудобство было устранено для урожая 1921 г. ослаблением системы принудительного хозяйства в отношении хлебов. К сельскому хозяйству был применен новый принцип раскладки. Следствием этого было значительное повышение цен на зерновые хлеба в 1921—22 г.г.; цены наиболее важных

продуктов сельского хозяйства стояли на 50% выше, чем цены на удобрения и в два раза выше, чем прожиточный индекс. Сельский хозяин, приехав в город, мог на продукцию своего урожая, а тем более на вырученные от продажи скота деньги, купить вдвое больше товаров, чем в 1913 г. Это благополучие продолжалось в отношении хлебов и скота еще в течение целого года, только цены на картофель стали понемногу падать. Если принять во внимание, что как раз в это время, начиная с лета 1922 г. и до начала 1925 г., когда марка неудержимо катилась вниз, городской рабочий получал в золоте не больше 20—30 пфеннигов в день, мы легко можем себе представить, что мог позволить себе сельский хозяин, когда цены на его продукцию стояли близко к довоенным. Даже самые завзятые аграрии должны были признать, что период от середины 1921 г. до начала 1923 г. принадлежит к лучшим временам современного сельского хозяйства Германии [1].

В погоне за реальными ценностями

В последние головокружительные минуты инфляции, последовавшие после провала мероприятия по поддержанию курса марки в апреле 1923 г., сельское хозяйство не могло удержать всех своих позиций. Промышленность перешла к золотому исчислению и в своем стремлении предохранить деньги от обесценения и свалить весь риск на покупателя, подняла цены не только выше довоенных, но даже выше уровня цен на мировом рынке. Вследствие этого, сельское хозяйство оказалось в невыгодном положении, тем более, что сельские хозяева не могли угнаться за ежедневной скачкой курса доллара и спасать свои деньги от обесценения.

До этого времени сельским хозяевам это прекрасно удавалось. Фантастические ящики и сундуки, наполненные бумажными деньгами, которые внушали горожанам долгое время зависть и уважение, в действительности если и существовали, то самое короткое время. Крестьянин гораздо раньше образованного горожанина учел, куда ведет постоянное падение марки. Еще во время войны и в следующие за ней годы, мелкий и средний сельский хозяин начинают обзаводиться разными вещами, о которых раньше они не смели помышлять. В первый раз в жизни у них оказалось достаточно денег, чтобы подражать горожанину и окружить себя известной роскошью. Эту возможность крестьянин использовал в полной мере. Из города в деревню потянулись ковры, пианино, буфеты и разные другие предметы, чуждые крестьянскому быту. Кроме того, скупались разные материи, и, в конце концов, крестьянин нашел путь и к ювелиру.

---

[1] Лотар Мейер. Германское сельское хозяйство во время инфляции и в начале дефляции. Тюбинген. 1924, стр. 17.

На-ряду с приобретением предметов потребления, сельский хозяин употребляет свои свободные деньги также на покупку инвентаря и на разные улучшения своего хозяйства. К сожалению, до сих пор мы не имеем достоверных статистических данных относительно расширения и обновления сельских хозяйств в инфляционный период. Несомненно, что строительство в деревне относительно было выше, чем в городе. Живой инвентарь, машины и орудия значительно увеличились, обновились и были приведены в надлежащее состояние. При введении системы раскладки для крестьянина известное затруднение в помещении капитала вызывало то обстоятельство, что продажа урожая была приурочена к известным срокам. Вследствие этого, крестьянин не имел возможности использовать в полной мере значительные колебания цен на промышленные продукты. Сельский хозяин очень рано убедился в том, как невыгодно было бы хранить деньги дома или в банке, пока упадут в золотой марке цены на калий и на железо.

И все же средний и даже мелкий хозяин нашел выход для того, чтобы держать деньги всегда в своем распоряжении, не подвергая их опасности обесценения. Такой исход давала биржа. С 1920 г. сельские хозяева все больше и больше стали принимать участие в спекуляциях с ценными бумагами, а в последнее время инфляции они начинают интересоваться валютой. Во время быстрого обесценения денег, когда каждый момент был дорог и должен был быть учтен, сельские хозяева много теряли в сравнении с городскими спекулянтами, вследствие отдаленности от биржи и банков. Впоследствии телефон, который сделался необходимой принадлежностью сельского обихода, предохранял крестьян во-время от больших потерь. Это не сказка, что в 1923 г. иногородний телефон, соединяющий Берлин с сельскими округами, в известные часы всегда был перегружен, так как крестьяне запрашивали Берлин о состоянии курса доллара и давали распоряжения своему банкиру о покупке тех или иных акций.

Перемещение капитала из города в деревню

Но самую большую выгоду для себя извлекли сельские хозяева от обесценения ипотек. По последним оценкам ипотечная задолженность сельской недвижимости до начала инфляции составляла 15 миллиардов марок. Эта сумма, несомненно, еще ниже действительной, так как в 1923 г., согласно статистике задолженности, закладные на прусскую земельную недвижимость составляли 12¼ миллиардов, при чем 5 миллиардов падало на кредитные учреждения, а остальные 60% находились в частных руках [1]. С тех пор еще больше увеличился заклад сельской недвижимости, и по всей вероятности деньги под заклад давались

[1] Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 4 изд., кн. 6 (гл. 31 и 32), стр. 93.

чаще частными лицами, чем кредитными учреждениями. В ипотечных банках только 6% ипотек относились к сельской недвижимости.

Если считать задолженность землевладения Германии в ее нынешних границах в 15 миллиардов, а выплату ежегодных процентов, самое меньшее, в 4%, то выйдет, что страна до войны должна была платить ежегодно 600 миллионов марок только одних процентов по ипотекам. Это равнялось урожаю в 4.000.000 тонн ржи, то-есть ровно третьей части всего урожая ржи в Германии. Сумма, уплаченная в виде процентов за этот 15-ти-миллиардный долг равнялась бы в 1921 г. только 200.000 тонн ржи. Но в действительности эта сумма была еще меньше, так как сельские хозяева во время войны еще раньше, чем городские домовладельцы стали погашать свои ипотечные долги. Поспешив ликвидировать долги, они только потеряли, так как, чем дальше, тем дешевле можно было отделаться от довоенных долгов.

Во всяком случае сельские хозяева, погасив свои долги обесцененными деньгами, сделали блестящее дело. Фактически, в настоящее время сельское хозяйство почти совершенно свободно от долгов. Сельские хозяева были в гораздо лучшем положении, чем городские домовладельцы, у которых одновременно с обесценением ипотек падала доходность вследствие принудительной низкой наемной платы. У сельских хозяев доходность нисколько не уменьшилась в сравнении с довоенным временем. Кредиторами по ипотекам сельской недвижимости большей частью были городские жители. Это относилось как к прямым кредиторам, так и к держателям закладных ипотечных банков и вкладчикам сберегательных касс. Вследствие этого, при погашении сельской ипотечной задолженности обесцененными деньгами, наблюдается, особенно в последние годы, сильное передвижение капиталов из города в деревню. Благодаря обесценению денег городской капитал лишился многомиллиардных сумм в пользу сельского.

Перемещение капиталов в сельском хозяйстве

На-ряду с перемещением капитала из города в деревню, мы не видим значительных изменений капиталов в самом сельском хозяйстве. Конечно, сельский хозяин, погасивший свою задолженность по ипотекам в 1918 г., был в худшем положении, чем тот, который своевременно поместил свои свободные деньги в материальные ценности или биржевые бумаги и погасил свои ипотечные долги в конце инфляционного периода несколькими золотыми марками. При продаже сельских продуктов и при покупке материалов, требующихся для производства, вследствие сильных колебаний цен шансы сельских хозяев не всегда были равны; одни зарабатывали больше, другие меньше. Кроме того, существовала возможность при принудительном хозяйстве делать «экономию», поставляя продуктов меньше, чем это требо-

валось. Таким образом, хитрый хозяин мог более или менее нелегальным способом скорее обогатиться, чем менее ловкий, совестливый и трусливый хозяин. Но в общем образование капитала и его сбережение в сельском хозяйстве в последнее десятилетие было гораздо равномернее, чем в городском.

Прежние причины для перемещения сельской собственности исчезли, как-то: обременение долгами, залог имений у ростовщиков, поглощение мелкой земельной собственности крупными землевладельцами, а также колонизация, образование новых хуторов. В общем земельная недвижимость гораздо меньше переходила из рук в руки, чем городская. Сельскому хозяину жилось относительно хорошо, и он не имел никаких побуждений к тому, чтобы продать свою собственность.

С другой стороны, сравнительно высокие продажные цены на земельную собственность мало привлекали спекулятивный капитал. В виду этого в последнее десятилетие не отмечается особенно больших изменений, на основании частных передач, в крупной, средней и мелкой земельной собственности, хотя точных цифровых данных по этому вопросу в послевоенное время мы до сих пор не имеем.

Однако, из-за территориальных уступок на основании мирного договора, соотношение между крупным, средним и мелким землевладением в нынешних границах Германии совершенно изменилось. В общем, Германия потеряла вследствие Версальского мирного договора 10% своего населения и 15% сельско-хозяйственной продукции. Уступленные Польше восточные провинции были богатейшими производящими районами для ржи, пшеницы и ячменя, а также поставляли картофель и лошадей. Они были также районами крупного землевладения. В то время как во всей Германии имения свыше 100 гектаров составляют 22% полезной площади, в Остэльбии (шесть восточных провинций Пруссии и Мекленбурга) процент крупных имений был вдвое больше. В Восточной Пруссии и в Познани есть округа, где крупные хозяйства занимают 60% земельной площади. Почти половина Верхней Силезии находилась в руках 54 помещиков; четверть страны принадлежала 6 магнатам, владевшим каждый более 20.000 гектаров.

Магнаты из Верхней Силезии

Владельцы латифундий в Верхней Силезии, Генкель фон-Доннерсмарк, Гогенлоэ, Плесс, Ратибор, Тиле-Винклер принадлежали к богатейшим людям в Германии. Впрочем, основой их богатства была не земельная собственность, а принадлежавшие им угольные шахты. Даже самые крупные землевладельцы, за исключением членов династии, о которых речь еще впереди, занимали бы только скромное место среди германских миллионеров, если бы они в то же время не были бы крупными горнопромышленни-

ками. Стоимость самого крупного силезского, и в то же самое время германского, частного земельного владения, площадью в 51.000 гектаров, составляла 30 миллионов марок. Это имение принадлежало князю Плесс; общее же его состояние составляло 100 миллионов марок. Земельные владения князя Христиана-Крафта Гогенлоэ-Оринген, герцога фон-Иест, занимающие площадь в 43.000 гектаров, составляли меньше $^1/_5$ всего его капитала, оцениваемого в 150 миллионов золотых марок. Имения графа Тиле-Винклер, считавшегося выскочкой среди верхне-силезских земельных магнатов, превосходили на несколько тысяч гектаров площадь земельных владений герцога фон-Иест. Тиле-Винклер в 1910 году приобрел у князя Штольберг-Вернигероде имение Оттовальд под Люблиницем, площадью в 26.500 гектаров за неслыханную сумму в 16 миллионов марок.

Князь Генкель фон-Доннерсмарк также интересовался имением Оттовальд и в свое время предлагал за него 15 миллионов марок. Эта цена тоже была на любителя, так как Оттовальд со своими колоссальными лесными угодьями, согласно данным о поземельном налоге, приносил доход всего в 51.000 марок, что составляло только $^1/_3\%$ на капитал. Князь Гвидо Генкель фон-Доннерсмарк хотел приобрести Оттовальд для своего младшего сына, Крафта. Впрочем, старый Генкель предпочитал свои чрезмерные доходы от земли вкладывать в промышленные предприятия, в то время как Тиле-Винклер на полученную им прибыль от промышленности приобретал дорого стоющие майоратные имения. Земельные владения князя Генкеля фон-Доннерсмарка в Верхней Силезии составляли 22.000 гектаров, а в Пруссии, России и Австрии — свыше 27.500 гектаров, общей ценностью в 15 миллионов марок. Единственный из верхне-силезских магнатов, не занимавшихся промышленностью, был герцог фон-Ратибор, майоратные имения которого имели земельную площадь свыше 33.000 гектаров.

Уступка Польше восточной части Верхней Силезии отчасти отразилась на расположенных в ней латифундиях. Имения князя Плесса всецело очутились на польской территории. Хотя поляки в отношении латифундий поступили решительней, чем германская революция, все же князь Плесс великолепно чувствует себя на своей новой родине и сохранил деньги и власть. Летом 1924 года князю Плессу, вернее «Ksiaze na Piszczynie» был оказан министром-президентом в Варшаве самый торжественный прием. Правда, далеко не все верхне-силезские магнаты так быстро и основательно акклиматизировались в Польше. Впрочем, другим и не было надобности применяться к польским условиям, так как, при уступке восточной части Верхней Силезии, большая часть их владений осталась на германской территории.

Провал землеустроительной политики

Законодательство послевоенного времени почти совершенно не коснулось германских латифундий. Князь Христиан Крафт Гогенлоэ-Оринген летом 1923 г. предоставил для новых поселений 750 гектаров и для расширения земельной собственности мелких крестьян еще 1.500 гектаров. До сих пор мы не видим никаких реальных результатов от об'явленного раздела крупных земельных владений в пользу крестьянских поселений. Согласно закону о поселениях, изданному в день Веймарской конституции, 11 августа 1919 г., все крупные имения должны были быть сокращены до 10% полезной сельско-хозяйственной площади в данной области. Там, где крупные имения, то-есть имения свыше 100 гектаров составляли больше, чем 10% полезной площади, что имело место в Восточной Силезии, должны были возникать сельско-хозяйственные кооперативные союзы, которым, путем свободной покупки или принудительного отчуждения, предоставлялось для поселения до $^1/_3$ площади крупного землевладения.

Мы имеем данные вплоть до 1922 г. о результатах по проведению в жизнь закона о поселениях и важнейшем районе крупного землевладения в Пруссии. Нижеследующие данные прусского статистического бюро достаточно ясно выявляют неуспешность землеустроительных работ.

Провинции.	Общая площадь крупных имений в гектарах.	% отношение к общей сельскохозяйственной площади.	Крупные имения.	
			Должны были передать гектаров.	Передали в гектарах
Померания . . .	1.021.850	51,12	340.617	17.576
Восточная Пруссия	1.033.296	38,02	311.099	9.769
Нижняя Силезия .	585.335	34,13	195.112	21.355
Бранденбург . . .	719.968	32,84	273.323	24.852
Пограничн полоса	193.806	31,65	64.602	3.229
Верхняя Силезия .	214.952	30,39	71.651	3.184
Саксония	445.792	26,05	148.597	4.366
Шлезв.-Гольштейн.	191.742	16,04	63.914	11.245

Таким образом, крупные имения не передали даже одной пятидесятой доли того, что предусматривал закон. Статистик Кюнерт, который делал эти вычисления в статистическом бюро,

приходит к следующему выводу: для осуществления закона о поселениях в том темпе, в каком это до сих пор производилось, потребуется в Бранденбурге 34½, в Померании 73½, в Пограничной полосе 76, в Верхней Силезии 86, в Саксонии 132 и в Восточной Пруссии 137 лет. Едва ли можно предположить, что проведение этого закона с 1922 г. пошло более быстрым темпом и будет более быстро проводиться в дальнейшем. Крупные землевладельцы могут быть спокойны: со стороны государства их латифундиям не угрожает никакой опасности.

Уничтожение фидеикомиссов[1]

Другое мероприятие аграрного законодательства, изданное на основании Веймарской конституции и касавшееся отмены фидеикомиссов, также мало коснулось крупных землевладений. Восточная Пруссия была настоящей Аркадией для родовых имений. Там вплоть до войны еще учреждались новые фидеикомиссы. Большинство родовых имений, и в особенности крупных, ведут свое начало только со второй половины XIX столетия. Но еще в первые 12 лет двадцатого столетия были основаны 203 новых фидеикомисса, закрепивших в руках отдельных семейств 30 тысяч гектаров земли. В 1912/13 г.г. прибавилось еще 20 фидеикомиссов. Когда защитники этих родовых имений говорят «о высоком значении исторических родов, сросшихся за долгие годы с государством», или «о крепкой, почвенной, земельной аристократии», то это не только устарелая, но и просто лживая романтика[2]. Даже среди лояльных профессоров вильгельмовской эпохи было много фрондирующих против фидеикомиссов. Несмотря на это, еще в начале 1914 г. прусское правительство внесло законопроект, по которому под фидеикомиссы отводилась территория величиной в любую прусскую провинцию. Война затормозила проведение этого проекта.

В 1917 г., когда у германского народа, казалось, были более существенные заботы, Бетман-Гольвег счел своевременным вновь внести этот законопроект. После того как рейхстаг вмешался в это дело, а комиссии прусской палаты депутатов внесли некоторые поправки реакционного характера, решение снова было отложено.

Революция положила конец этой реформе феодального права. Уже 10 марта 1919 г. прусское правительство издало постановление об отмене привилегий дворянских родовых имений, а Веймарская конституция отменила фидеикомиссы для всей

---

[1] Фидеикомиссами называются родовые владения, которые могут быть проданы только с согласия всех представителей рода. Владелец фидеикомисса при наследовании получает имение не в собственность, а только в пользование. *Прим. пер.*

[2] Отто ф. Гирке, «Фидеикомисс». Handwörterbuch der Staatswissenschaften. III изд.

страны. Прусское постановление было проникнуто далеко не революционным духом, хотя оно было издано через четыре месяца после революции. К вопросу подходили весьма осторожно, основываясь на том, что принудительная отмена привилегии родовых имений даст толчок к спекуляции земельными участками. Вследствие этого, было постановлено предоставить до 1 апреля 1921 г. владельцам имений право добровольного освобождения земельных владений от фидеикомиссов, а после этого срока родовые имения подлежали уже принудительному освобождению.

В ноябре 1920 г. издается новое постановление в Пруссии, которое практически привело к тому, что фидеикомиссы не только не были отменены, но могли продолжать свое существование еще в течение долгого времени. Согласно этому постановлению принудительная отмена неотчуждаемости имений применяется только после смерти настоящего владельца фидеикомисса, а в некоторых случаях даже после смерти наследника настоящего владельца. До того времени осуществляется лишь добровольное отчуждение, при чем государство имеет право известного контроля. При принудительной отмене имение в целом — в этом законодательство придерживалось старых принципов — переходит в руки ближайшего наследника, который из майоратного имения удовлетворяет претензии следующих за ним наследников, имевших до того времени лишь право на содержание до смерти. Добровольная отмена может последовать лишь по постановлению большинства в семейном совете. Большинство голосов и семейный совет — какое удивительное сочетание демократии с феодальным институтом! При добровольной отмене семья решает вопрос об удовлетворении претензий отдельных членов рода.

Это постановление было настолько выгодным для владельцев майоратов, что значительная часть их решилась на добровольное уничтожение фидеикомиссов: из крупных, майоратных имений в последнее время образовались новые свободные латифундии. Тиле-Винклер еще до уступки верхне-силезских провинций освободили свои имения от майоратов. Гогенлоэ-Иест сами провели отмены; также добровольно были освобождены крупный майорат Мускау и в Западной Германии большой майорат князя Гатцфельда. К тому же, поумирали некоторые родовые дворяне, благодаря чему имения их подверглись принудительному освобождению. Так, из 1.300 прусских крупных фидеикомиссов, составляющих в общем 2½ миллиона гектаров и 500 мелких крестьянских и денежных фидеикомиссов, до июня 1924 года были освобождены около 500. От этого, однако, уменьшения латифундий не произошло, так как претензии большей частью удовлетворялись деньгами, и только незначительная часть была покрыта из земельных угодий.

В других государствах, входящих в германский союз, не дошли даже до этого. В Баварии, вскоре после революции было

издано постановление, которое должно было значительно искоренить фидеикомиссы, но впоследствии это постановление было отменено, и сейчас положение в Баварии такое же, как и в Пруссии. Любопытное постановление мы видим в законодательстве Тюрингии, предоставившем женщинам решать судьбу родовых имений. Особенно реакционным является законодательство Бадена, предоставившее право путем завещательных распоряжений образовывать новые фамильные имения. В Саксонии и Вюртемберге в течение пяти лет после введения Веймарской конституции ничего не было еще предпринято для законодательной отмены фидеикомиссного права.

Таким образом по отсталости и реакционности в этом вопросе Германская Республика может смело претендовать на первое место на земном шаре. Из всех молодых республик она единственная медлила с изданием коренной аграрной реформы и не сумела привлечь на свою сторону крестьян и сельских рабочих. Следствием этого расшаркивания перед феодалами — был Reichslandsbund (государственный земельный союз), организация реакционных помещиков.

Глава VII

КАПИТАЛЫ ДИНАСТИИ

Изучая вопрос о перемещении крупных капиталов в Германии за последнее десятилетие, нельзя не остановиться на той группе лиц, капиталы которых подвергались изменениям вследствие не только хозяйственных, но и политических причин. Речь идет о капиталах бывшей императорской фамилии и владетельных князей Германии.

Не легко составить себе ясное представление о том богатстве, которое принадлежало до ноября 1918 года германским династиям. При определении размера частного капитала мерилом могут служить декларации по подоходному налогу. Только некоторые из германских монархов, как, например, члены королевской семьи в Саксонии, были привлечены к обложению подоходным налогом. Поимущественному налогу капиталы всех германских государей совершенно не подлежали. В налоговом обложении на оборону в 1913 году династия участвовала, после многих приглашений, «добровольно». Мы не имеем, однако, точных данных о результатах этого добровольного обложения. Определить размер капитала династии еще потому затруднительно, что в каждом мелком государстве, входившем в состав бывшей Германской Империи, были различные источники доходов, различные об'екты пользования и владения монархов. Самое ценное имущество монархов — их дворцы с драгоценным инвентарем — нельзя подвергнуть даже грубой оценке. Продажную цену дворца и их несоизмеримых сокровищ нельзя установить даже приблизительно. Оценка имущества короля Пруссии, составленная при обложении налогом на оборону, пытается дать более или менее ясную картину о ценности владений прусской короны. Обложению подлежали:

А. Земельные и лесные владения:

Кабинетские земли	47,5 милл.
Имение Кадинен	2,0 „
Королевский лен Эйлс	4,5 „
Владения боковых линий	54,0 „
Всего	108,0 милл.

Б. Земельные угодия:

В центральной части Берлина	34,0 милл.
„ Потсдаме	15,0 „
„ других местах	2,0 „
Всего	51,0 милл.

В. Дворцы и парки:

В Берлине	249,0 милл.
„ Потсдаме	202,0 „
„ других местах	143,0 „
Всего	594,0 милл.

В день введения налога на оборону, 31 декабря 1913 г., земельные владения прусского короля, включая и инвентарь, были оценены в 753 миллиона марок золотом. В этой оценке, произведенной придворными чиновниками «по совести», наиболее ценными оказались некоторые дворцы. Так, королевский дворец в Лустгартене в Берлине оценен в 105 миллионов марок, дворец и парк «Сансуси» в Потсдаме в 123,5 миллионов, мраморный дворец в 26 миллионов, дворец «Вильгельмсгое» у Касселя в 36 миллионов, дворец в Бреславле в 31 миллион и Георгиевский дворец в Ганновере в 20 миллионов. Но все же эти цифры далеки от истины.

400.000 гектаров земельных владений

Мы имеем лишь один фактор для определения капиталов династий — это их земельные владения, превосходящие своими размерами даже самые крупные из частных латифундий Остэльбии. Самые большие земельные владения принадлежали прусскому королевскому дому. Семьдесят четыре имения и лесные угодья составляли собственность прусской короны; они имели площадь в 100.000 гектаров, а земельные владения боковых линий — 50.000 гектаров.

Латифундии великого герцога Мекленбург-Стрелицкого почти равнялись по своим размерам земельным владениям Вильгельма II, но ценность их была несравненно больше. Герцог Мекленбург-Стрелицкий считался самым богатым из немецких монархов, с тех пор как капитал рода Шаумберг-Липпе был раздроблен при наследственных разделах. Великий герцог Адольф-Фридрих Мекленбург-Стрелицкий имел 90.000 гектаров земли; из них половину составляли леса.

Саксонский король и великий герцог Саксен-Веймар имели обширные владения в Силезии и Познани. Саксонскому королю принадлежали 23.000 гектаров земли, которые веттинская [1] династия унаследовала в восьмидесятых годах от брауншвейгской.

[1] Владетельный род в Германии, представители которого владели герцогствами Саксен-Веймар, Саксен-Кобург-Гота, Саксен-Мейнинге, Саксен-Альтенбург. *Прим. пер.*

Веймарский герцог имел 15.000 гектаров, дававших необыкновенно высокий оклад поземельного налога в 323.000 марок. Король вюртембергский владел в Силезии также 6.000 гектарами земли. Весьма доходными имениями в своем собственном герцогстве и в соседней Пруссии обладал герцог Ольденбургский. Не так богаты были Виттельсбахи [1]. Князь Шаумбург-Липпе имел в Мекленбургском герцогстве 12.000 гектаров земли. Имениями обладали и все остальные немецкие монархи, хотя и не в таком размере, как описано выше. В общем в руках правящей германской династии находилось до 400.000 гектаров земли.

Размер этого земельного капитала, как мы уже указывали, до известной степени поддается учету, но далеко не является наиболее ценной частью всего династического капитала. Кроме земельных владений, династия обладала еще дворцами, замками, городскими недвижимостями, участвовала в разных промышленных предприятиях, имела облигации, займы и прочие ценные бумаги, а также вклады в банках. Все эти ценности составляли многие сотни миллионов. Известный своими исследованиями о германских миллионерах, Рудольф Мартин оценивал весь капитал, принадлежавший до войны германским владетельным домам, в 700 миллионов марок золотом. Эта цифра, конечно, чрезвычайно преуменьшена. Разумеется, капиталы монархов не увеличивались в таком размере и темпе в довоенное время, как промышленные и финансовые капиталы, так как доходы у князей были меньше, чем у промышленных магнатов, а расходы значительно больше. Только некоторые из монархов, например Мекленбурги, обходились без цивильных листов, т.-е. без постоянных дотаций от государства, на свои текущие расходы.

Прусский цивильный лист

Только один монарх не имел ни собственного состояния, ни гарантированного государством дохода, по крайней мере до последнего времени перед войной. Этот государь — германский кайзер. Содержание кайзера, представительство его, вплоть до состоящих в его распоряжении личных средств, все покрывалось из сумм цивильного листа короля Пруссии [2]. Таким образом, прусские плательщики налога имели удовольствие одни оплачивать расходы императорского двора.

Прусский цивильный лист существовал с 1820 года. Доходы с известных доменов и лесничеств общей суммой до 2½ миллионов талеров с этого времени предназначались на содержание королевской семьи. Эта «рента майората прусской короны» впоследствии много раз увеличивалась из других фондов, и в конце концов, в 1910 г. поднялась с 15,7 милл. до 17,7 милл. марок. Кроме

[1] Боварский королевский дом.
[2] Император Германии одновременно являлся королем Пруссии. *Прим. пер.*

того, на содержание королевских театров ежегодно отпускалось 1½ миллиона марок. Эти 18—19 миллионов, если не формально, то фактически имевшие характер жалованья монарха, шли большей частью на содержание двора, придворного штата, побочных членов королевского дома, на содержание королевских парков, конюшен, придворных охот и театров. Кайзер на свои личные надобности получал 1.760.000 марок из так называемой «шкатулки», которые составляли как бы его «карманные деньги». Императрица получала на содержание побочных членов королевского дома 210.000 марок. Принцы, в зависимости от старшинства линий и многочисленности своих семейств, получали от 30.000 до 800.000 марок по цивильному листу и должны были из этих денег покрывать также часть расходов по своему двору.

Глава династии обычно содержал довольно строго свою семью. Вильгельм II, несмотря на всю любовь к блеску и пышности, не принадлежал к числу расточителей. Он любил строить, и постройки его обходились дорого, но только не ему. Никогда не считаясь с предположительной сметой, он постоянно изменял строительные проекты. По повелению кайзера, в Кайзерпфальдц в Познани выстроен был парадный крытый двор таких размеров, что в нем свободно оборачивался экипаж, запряженный четверкой. Вильгельм предоставлял министру финансов заботиться о средствах для подобных затей, а министр должен был изворачиваться перед парламентом, как умел. Иногда эффектного выступления Вильгельма, пожалования орденом или титулом было достаточно, чтобы достать необходимые средства для желательных построек. Так, в первые 12 лет своего правления, Вильгельм раздачей нескольких десятков орденов Красного Орла и возведением в чин коммерции советника собрал до 12 миллионов марок, которые пошли на знаменитый «счет К» и были употреблены по приказанию Вильгельма и императрицы на постройку церквей. Из сумм цивильного листа от одного до двух миллионов в среднем употреблялось на строительство, большей частью на обновление старых дворцов в вильгельмовском стиле.

Как заботливый отец семейства, — а Вильгельм всегда чувствовал себя pater familias, в патриархальном смысле этого слова, — кайзер не забывал откладывать на «черный день» некоторую часть своих государственных доходов. В 1888 г. он отложил впервые 180.000 марок из состоящих в его личном распоряжении средств. Регулярно откладывая каждый год, Вильгельм за тридцать лет собрал 18 миллионов марок. Эту сумму он целиком «с'экономил» по статье жалованья цивильного листа. Впоследствии Вильгельм откладывал до одного миллиона ежегодно. Если сбережения за какой-нибудь год были ниже этой суммы, королевское министерство двора вопило об увеличении цивильного листа, который неизменно, после некоторого настояния, увеличивался согласно желаниям кайзера. Все сбережения из личных, так называемых «шкатулочных», средств стали част-

ной собственностью Вильгельма. Но и по другим статьям цивильного листа получались избытки, и эти суммы поступали не в личную собственность Вильгельма, а становились фамильным капиталом правящего дома.

Имения Гогенцоллернов

Довольно полную картину о размерах состояния Вильгельма дает опись его имущества, составленная вскоре после революции для комиссии по расчетам между прусским государством и королевской фамилией. Согласно этой описи Вильгельму принадлежали 73 дворца, замки, бурги, усадьбы и т. д., при чем в это число не входило его частное имущество. На-ряду с этим, мало удобным для реализации имуществом, Вильгельм владел еще огромным количеством домов и городской земельной недвижимости преимущественно в Берлине и Потсдаме. В одном Берлине Вильгельму принадлежали помимо дворцов 24 дома, в Потсдаме и окрестностях—53, в Киле, Кенигсберге, в Пруссии, в Плене, Гросстабарце и других местах—25 домов. Из этих 93 строений большая часть были жилые дома. Двенадцать, подлежащих обложению застроенных земельных участков в Берлине, составлявшие собственность прусской короны, были оценены городом Берлином в 1919 г. в 50 миллионов марок, в то время как придворное строительное ведомство определяло их стоимость в 80 миллионов. То, что цифры были не фиктивны, а представляли реальную ценность, можно заключить из следующего. После революции в сентябре 1919 года государство приобрело у прусской короны два дома на Вильгельмштрассе, номера 72 и 73, вместе с соседним зданием, где раньше помещалось королевское министерство двора, за 40 миллионов марок, что по курсу того дня составляло 2 миллиона долларов. В настоящее время, дома 72/73 по Вильгельмштрассе отведены президенту Республики. Подобная сделка не имеет примера ни в одной истории сверженных монархов.

Перед войной такие сделки между казной и придворным ведомством встречались нередко, при чем придворное ведомство всегда умело соблюдать свои интересы. Так, в 1900 году Вильгельм II продал государству так называемый Академический квартал, между Унтер ден Линден и Доротеештрассе, где в настоящее время помещается государственная библиотека, за 8,3 миллионов марок. Кроме этой суммы Вильгельм получил еще от казны два очень ценных здания на Беренштрассе. Затем кайзер продал театр и сад Кролля на Кенигсплаце, тоже принадлежавшие ему, за 3 миллиона марок. Все это имущество считалось раньше государственной собственностью, но прусский министр финансов Микель внезапно решил, что оно является частной собственностью прусской короны. После этого Вильгельму выплатили всю сумму в 11,3 миллиона марок наличными.

Сельская недвижимость, принадлежавшая прусской короне, состояла из имений Шведт, Вильденбрух в Померании, Вустергаузен в Марке с колоссальными лесами, Рейнсберг, Граменц, Шмользин у Штолпа и ряда других владений в части Силезии, уступленной Польше. За эти последние имения управление имуществом королевской семьи требует от государства возмещения в общем порядке. По расчету прусского министерства финансов чистый доход всех этих управляемых придворным ведомством имений составляет 5,7 миллионов, в то время как управление делами королевского имущества оценивает этот доход в один миллион марок, что, конечно, говорит не в пользу управления делами.

В действительности эти имения раньше приносили многомиллионные доходы. Пятнадцать больших имений, непосредственно управляемых министерством двора [1], согласно данным, собранным в первое время войны, ежегодно приносили: 5.500 тонн хлеба, 17.300 тонн картофеля и свеклы, 2.200 голов скота, 1,7 миллионов литров молока, несколько тысяч центнеров масла и свыше полмиллиона литров спирта. Значительная часть этих продуктов шла на содержание двора, который поглощал совершенно невероятные количества. Гофмаршал Вильгельма II Цедлиц-Трюштлер сообщает, что на складах придворного ведомства всегда имелось продуктов на 1,2—2 миллиона марок. Правда, это было еще в довоенное время. Но и запасы, найденные в берлинском дворце осенью 1918 г. уже после голодных лет войны, превзошли все ожидания.

Кроме того, в распоряжении Вильгельма находились уже упомянутые нами латифундии королевской фамилии. К ним относятся имение Фрауендорф в Курмарке, Флатов-Кроянка в Восточной Пруссии, имения Дюппель-Дрейлинден и Коллин, находившиеся в пользовании принца Фридриха-Леопольда. Стоимость этих имений до войны составляла 40 миллионов марок. Далее, так называемый Нассау-Оранкен — голландская майоратная собственность, с имением Каменц и майоратом Опатов-Свиба, а также майорат, завещанный принцем Георгом, с замком Рейнштейн, находящийся во владении принца Генриха Прусского, брата Вильгельма. Затем, майорат «Принц-Александр», которым владел принц Оскар и, наконец, имение Эйлс, старый королевский лен, в котором проживал кронпринц.

Убытки Гогенцоллернов от инфляции

Согласно описи, произведенной в марте 1919 года, капитал Гогенцоллернов составлял 90 миллионов марок, из них 61 милл. марок относились к королевской казне, 1,8 миллионов к побоч-

[1] Доклад министерства финансов Пруссии. Изд. Прусского ландтага № 8.043 от 2 сентября 1924 г., стр. 21.

ным фондам, 10 миллионов составлял фидеикомиссный капитал, и аллодиальный фонд [1] определялся в 17,7 миллионов марок. Эта сумма, согласно установлениям дома Гогенцоллернов, должна была быть помещена в обеспеченных бумагах. Прочий капитал, составлявший собственность Вильгельма, превысил перед войной 50 миллионов золотых марок.

Опись, произведенная после революции, выявила, что у Гогенцоллернов было на 25 миллионов марок акций различных промышленных предприятий. Впрочем, решающего влияния на эти предприятия Гогенцоллерны не имели и не пытались иметь, хотя и ходил слух, будто Вильгельм вмешивается в дела Круппа. Весь капитал в 25 миллионов состоял из небольших пакетов акций по несколько сотен тысяч марок. Большей частью это были акции крупных германских промышленных предприятий и банков, как Всеобщая компания электричества, Людвиг Леве, Рютгерские заводы, Красочные заводы в Эльберфельде, Германский банк, Дисконтное общество, Дармштадтский банк и т. д. Кроме того, имелись облигации как германские, так и иностранного происхождения, в особенности русские ценные бумаги, как Курско-Харьковские, Лодзинской фабричной железной дороги, Московско-Рыбинской, Рязано-Уральской, Русской Юго-Восточной железных дорог. Имелись также заграничные ренты, как венгерская золотая кронная рента и на 7 миллионов закладных на берлинские дома. Из всего капитала Гогенцоллернов 24 миллиона были вложены в военные займы [2].

Из этого перечня видно, какие убытки должен был понести капитал Гогенцоллернов от обесценения денег. Акции, принадлежавшие прусскому королевскому дому, следует оценить гораздо ниже, чем в довоенное время, если даже не считать их по курсу дефляции. Из капитала, вложенного в облигации и ипотеки, потеряно $^{9}/_{10}$. А 25 миллионов военных займов, купленных в то время, когда курс марки был сравнительно высок, представляет в 1924 году 200.000 рентных марок. Такая же судьба постигла и другие ценные обеспеченные бумаги, в которые были помещены 90 миллионов золотых марок, составлявших собственность прусской королевской семьи.

Расчет с Гогенцоллернами

К убыткам, происшедшим от обесценения денег, надо прибавить еще уменьшение состояния Гогенцоллернов вследствие государственного переворота в ноябре 1918 года. Шесть лет прошло после революции, и все еще неизвестно, какие последствия она будет иметь для капитала Вильгельма II. Судьба капи-

[1] Древнее немецкое название для поземельных владений, составлявших полную наследственную частную собственность, не обремененную никакими феодальными повинностями. *Прим. перев.*

[2] Курт Гейниг, Гогенцоллерны. Берлин, стр. 43.

тала, принадлежавшего прусской королевской фамилии, еще не решена. У государственного переворота в Германии есть своя оригинальная черта: к вопросу о материальной ликвидации правящих династий новое правительство подошло не с государственной стороны, не на основании своего собственного нового права, а со стороны частно-правовой, как к обыкновенной тяжбе, которую надо разрешить, со всеми тонкостями юридической премудрости и диалектики. Для того, чтобы разобраться в правовом споре между прусскими государствами и прусской королевской фамилией, надо разбить все состояние Гогенцоллернов на различные группы. С юридической точки зрения различаются: 1) свободное частное имущество, 2) фидеикомиссы и ленные владения, 3) родовое имущество и 4) имущество короны.

Первая категория, частное имущество, большая часть которой составляла личные средства Вильгельма II, прусским государством не оспаривалась и была признана частной собственностью бывшего императора. Вторая группа, составлявшая фидеикомиссы и ленные владения отдельных членов королевской семьи, подвергалась оспариванию. Велись длительные процессы в Германии по поводу некоторых фидеикомиссов, в особенности тех, которые принадлежали принцу Фридриху-Леопольду, при чем все эти процессы оканчивались поражением для прусского государства. Если эта система компенсирования бывших правителей будет вестись и дальше в гражданском порядке, можно предположить, что все земельные владения королевской прусской семьи, составляющие десятки тысяч гектаров земли, будут совершенно потеряны для государства и признаны собственностью отдельных членов Гогенцоллерновской семьи.

Третья группа, родовое имущество, отличается от первых двух тем, что она является не собственностью отдельных членов семьи Гогенцоллернов, а составляет имущество всего дома Гогенцоллернов. К этой группе относится чрезвычайно большой в довоенное время, но теперь значительно обесцененный денежный капитал Гогенцоллернов, признаваемый юристами также частной собственностью. Иначе обстоит дело с земельной недвижимостью, входившей в родовое имущество. Эти земельные владения, обнимающие главную массу имений и угодий Вильгельма, являются частью фидеикомиссами короны, частью фидеикомиссами рода. К фидеикомиссам короны причисляются также знаки отличия королевского достоинства и бриллианты короны. В то время, как поверенные делами королевской фамилии настаивают на признании всего имущества рода частной собственностью Гогенцоллернов, государство требует оставления за собой большей части фидеикомисса.

То же самое можно сказать и о четвертой группе — имуществе короны. К этому, прежде всего, относится первоначальная фидеикомиссная рента прусской короны в 2½ миллиона талеров, за которую представители бывшей королевской семьи требуют

компенсации. При этом юристы ссылаются на то, что Гогенцоллерны после освободительных войн предоставили государству коронные домены под залог для займов и взамен получили гарантию на выплату ежегодно 2½ миллионов талеров, составляющих доход с этих доменов и лесничеств «для содержания нашей королевской семьи, нашего придворного штата и других дворов принцев, а также всех принадлежащих к ним учреждений и т. д.». Это сомнительное правовое основание дало повод придворным юристам заявить претензию о дальнейшей выплате этой ренты, или же компенсации ее капиталом. Прусская королевская семья требует компенсации даже за то, что она не осуществляет больше своего «коронного права» проживать в королевских дворцах, что, однако, не мешает требовать также и признания частной собственностью королевской семьи нижеследующих дворцов: дворец принцесс Бельвю, Ансабахский дворец на Вильгельмштрассе, замки Бабельсберг и Сакров (Бабельсберг был продан в 1862 году государством за 1.000 талеров Вильгельму I), охотничьи замки на озере Гримниц и Губертусшток, бург Гогенцоллерн, бург Зонек и бург Штольценфельс на Рейне и еще некоторые другие, более мелкие, дворцы.

Секвестр и переговоры

Все эти претензии пока еще не увенчались успехом. Прусское революционное правительство сначала наложило руку на имущество короны. По постановлению прусского правительства от 13 ноября 1918 г., были реквизированы все предметы, входившие в фидеикомисс короны, и переданы в управление прусскому министерству финансов. Но «собственное имущество короля и королевской фамилии» не решались затронуть даже в революционные дни. Только, когда при проведении в жизнь указанного постановления выяснилось, что точное разграничение между частным имуществом короля и фидеикомиссом короны не так просто сделать, прусское правительство было вынуждено наложить запрещение и на частное имущество короля. Это произошло 30 ноября 1918 года.

Однако, правительство, называвшее себя «чисто социалистическим», относилось с таким благоговением к принципу частной собственности, что немедленно же выразило полную готовность войти в переговоры с короной и заключить с ней сделку. Наиболее предупредительным в этом отношении оказался министр финансов Зюдекум, но и министр внутренних дел Вольфганг Гейне тоже боялся, как бы не обидеть чем-нибудь Гогенцоллернов. Наиболее энергично действовал министр земледелия Браун, благодаря которому колоссальные ценности все-таки не пропали для государства. Браун настоял на том, чтобы все попавшие под запрещение имения прусской королевской семьи находились под надзором министерства земледелия, в то время как Зюде-

кум еще в феврале 1919 года вернул управление прочих имуществ министерству двора, оставив за собой лишь некоторые права контроля. Восьмидесятилетний министр двора граф Эйленбург еще четыре года, вплоть до своей смерти, продолжал управлять имуществом и при помощи двух искусных адвокатов поддерживал интересы Гогенцоллернов в споре с государством.

Проекты возмещения

Вначале, при мягкосердечии прусского министра финансов переговоры о возмещении не вызывали больших споров. Только вопрос о компенсации за коронную ренту вызвал большие прения, так как представители интересов Вильгельма II потребовали не больше и не меньше, как 193 миллиона марок, что по курсу того дня составляло от 60 до 70 миллионов марок золотом. Но даже и в этом вопросе прусский министр финансов склонился к уступкам. Кроме того, первый проект о возмещении предусматривал еще право для Гогенцоллернов до середины 1922 г. вывезти из своих дворцов всю движимость, которую они пожелают. Конечно, с такими забавными проектами ни министр финансов, ни комиссия по возмещению, состоящая сплошь из юристов и чиновников управления имуществом двора, не могли добиться успеха в кабинете министров. Поэтому, возник ряд других компромиссных проектов.

В начале 1920 года был, наконец, внесен в прусский ландтаг законопроект по этому вопросу. Согласно этому законопроекту, прусская королевская фамилия отказывалась от 25 имений, дворцов, парков, руин-бургов, прежних королевских театров, но сохраняла за собой 8 замков, 83 виллы и земельные владения, большую часть имущества двора, майораты, ленные владения и все частное имущество. За отказ от земельной недвижимости, произведений искусств и других предметов, которые Гогенцоллерны, как гласил законопроект, «в общественных интересах», передавали государству, последнее должно было уплатить бывшим правителям 100 миллионов марок наличными деньгами, или 8 миллионов марок золотом. Впрочем, эта сумма не должна была быть выплачена Вильгельму, а подлежала зачету за недоимки по поимущественному налогу. Социал-демократическая партия предпочла выразить недоверие собственному министру, чем согласиться с таким законопроектом. Дело было передано в комиссию, и после долгих переговоров, длившихся многие месяцы, министр финансов Людеман, преемник Зюдекума, взял обратно законопроект. Это вызывалось еще тем обстоятельством, что принц Леопольд-Фридрих тем временем пред'явил иск к государству о возврате ему имений Флатов и Кроянки, что существенно изменяло требования, изложенные в проекте.

Дело долго оставалось без всякого движения. Социал-демократа Людемана заменил в министерстве финансов член народ-

ной партии фон-Рихтер, первой заботой которого было устранить того человека, который больше всего защищал интересы государства, а именно, видного чиновника Бахем, принадлежавшего, как это ни странно, по своим убеждениям к правым партиям. Но и при Рихтере переговоры с представителями короны не привели ни к каким результатам. В мае 1923 г. социал-демократическая фракция рейхстага внесла предложение предоставить отдельным государствам республики право не в обычном порядке, а на основании особых законов, разрешить все спорные вопросы с прежними правящими домами. Прусский министр финансов почувствовал, что его хотят об'ехать на кривой; произошло бурное заседание в парламенте, и дело снова застыло. В рейхстаге социал-демократическое предложение вообще не дошло до обсуждения, а с роспуском парламента в марте 1924 года оно окончательно потеряло силу.

Весной 1924 года, прусское министерство финансов снова возобновило переговоры с главным уполномоченным прусской короны фон-Бергом, предложив новую форму компенсации, по которой у королевской семьи оставались 110.000 моргенов земли, ряд дворцов и угодий. Таким образом, Гогенцоллернам обеспечивалась ежегодная рента в 1¼ миллионов марок золотом. Но представители интересов Гогенцоллернов, повидимому, ободренные исходами пред'являемых процессов, отклонили это предложение и оставались тверды в своем отказе и тогда, когда министерство финансов предложило уже 210.000 моргенов, то-есть, ровно половину земельных владений и еще к тому самые лучшие имения. Главноуполномоченный Гогенцоллернов требовал теперь уже все земельные и лесные владения, компенсацию за отказ от цивильного листа́ и возмещение за произведения искусства, яко бы составлявшие частную собственность Гогенцоллернов и находившиеся в прусских музеях, то-есть, фактически ⅔ из всех имевшихся в музеях картин, и между ними наиболее ценные из музея кайзер Фридриха в Берлине. Кроме того, требовали еще компенсацию за галлерею Шакка в Мюнхене, которую Шакк завещал Вильгельму в благодарность за возведение его в графское достоинство. Эти требования даже министру финансов фон-Рихтеру показались чрезмерными, и переговоры снова прекратились. Вместо этого возобновились иски короны к государству и в последнее время даже жалобы государства на корону.

Что Вильгельм II успел уже получить?

Вследствие затянувшихся переговоров о возмещении королевской фамилии, естественно, возникли затруднения в вопросе о текущем финансировании Гогенцоллернов. Республиканское правительство Пруссии продолжало содержать Гогенцоллернов на свой счет и даже не урезало им содержание, но только называлось это теперь не цивильным листом, а «расходами на нужды»

бывшего монарха. Только с 1 января 1919 г. вычеркнули «шкатулочные» деньги. Но с трогательной заботливостью излишки ренты (а в 1918 г. они составляли 1,8 миллионов марок) записывались на счет династии, то-есть, поступали в частную собственность семьи Гогенцоллернов. Само собой разумеется, что правительство приняло на себя заботу о придворном штате и содержании двора. Но и семья Гогенцоллернов также недостатка не терпела. По соглашению с министерством финансов, в первый же год революции Вильгельм получил наличными [1]:

В ноябре 1918 г. из кассы придворного ведомства	650.000 мар.
« январе 1919 г. из Аллодиального фонда короны один миллион	
« гульденов или около	8.000.000 мар.
« августе 1919 г. Аллодиальное имущество	1.183.535 „
« сентябре 1919 г. Аллодиальное имущество	6.000.000 „
« сентябре же. За продажу двух зданий государству	40.000.000 „
« сентябре. Аллодиальное имущество	10.000.000 „
1919/1920 г. За продажу двух яхт	3.230.000 „

Общая сумма всех этих выплат составляла, по курсу доллара того времени, 15 миллионов марок золотом, и если даже не считать несколько странную продажу теперешнего дворца президента Республики, все же получится круглая сумма в 8 миллионов марок золотом. С этой суммой можно было недурно устроиться даже в Голландии! До мая 1921 г. Вильгельму было переведено еще 7 миллионов марок. Потом наступил небольшой перерыв. В 1923 году бывший кайзер получил 24.000 голландских гульденов из излишков кабинетских сумм. А начиная с 1 января 1924 г., главный уполномоченный Гогенцоллернов получал ежемесячно 50.000 марок золотом на покрытие расходов по управлению имуществами и содержанию членов бывшей королевской семьи. Если считать даже, что на эти деньги надо было содержать всяких «обладающих законными правами» мелких принцев и принцесс, всего свыше сорока человек, то все же совершенно вздорными являются слухи, будто Вильгельм в изгнании терпит нужду.

Только незначительную часть из всех полученных сумм Вильгельм употребил, после своего переезда в Голландию, на покупку поместья Доорн. Это имение обошлось Вильгельму вместе со всем оборудованием и новыми постройками в 1.350.000 гульденов, что составляло 2¼ миллиона золотых марок. Из этой суммы 200.000 были выплачены в виде задатка, 400.000 гульденов при вводе во владение 31 октября 1919 года, а остальные деньги должны были быть внесены по окончании всех строительных работ. Всю меблировку для своего нового дворца Вильгельм получил из Берлина. Для Вильгельма были высланы сто переполненных фургонов с мебелью из дворцов Берлина и целый ряд драгоценнейших предметов, легко реализуемых, как серебря-

[1] Гейниг. «Гогенцоллерны» стр. 141.

ные сервизы и др. вещи и, между прочим, 1.000 серебряных тарелок. Монарх без трона совершенно явно заботился в данном случае не о том, чтобы окружить себя и в изгнании всем блеском королевской пышности, а о том, чтобы натащить для себя и для своей семьи возможно больше ценных вещей. Монархические свои чувства Вильгельм удовлетворяет тем, что строго блюдет в своей усадьбе Доорн весь старый придворный церемониал, и еще тем, что продолжает и теперь, после своей отставки раздавать верным своим слугам чины и титулы. Но в личной своей жизни, по свидетельству всех посетителей Доорна, Вильгельм соблюдает чрезвычайную экономию.

Капиталы принцев

Вильгельм II был довольно скуп в отношении членов своей семьи; в особенности туго приходилось кронпринцу во время его пребывания в Голландии. Но с момента переезда кронпринца в Эйлс, положение изменилось коренным образом. Временно это поместье предоставлено кронпринцу для неограниченного пользования. Но кронпринц пред'явил права собственности на Эйлс и возбудил соответствующий процесс с государством. Есть основание предполагать, что Эйлс окончательно останется за ним Это составит капитал в несколько миллионов марок, так как «княжество Эйлс» обнимает 10.000 гектаров земли, и оклад поимущественного налога в 1913 г. дал с этого имения 142.500 марок. Остальное имущество кронпринца незначительно. Весь капитал кронпринца, вложенный в акции и ценные бумаги, по показаниям управляющих, составлял не более 150.000 марок.

Огромные богатства, которые кронпринц якобы получил в приданое за своей женой, мекленбургской принцессой Цецилией, в действительности никогда не существовали. Колоссальное наследство, оставленное дедом кронпринцессы, великим князем Михаилом Николаевичем, только частью досталось матери кронпринцессы, великой герцогине Мекленбург-Шверинской. Герцогиня очень скоро это наследство промотала. В действительности кронпринцесса Цецилия получила в приданое не более 180.000 марок наличными. Другие сыновья Вильгельма имеют также незначительные состояния, за исключением Эйтель-Фридриха, который в 1919 году перевел свои капиталы в Голландию. Поведение этого принца вызвало в обществе далеко нелестное к нему внимание; дело дошло до суда, и Эйтель-Фридрих был осужден весьма снисходительной уголовной камерой Моабита к уплате 5.000 марок золотом в виде штрафа за преступление против закона о невывозе капиталов. Принцам предоставлено и впредь право пользоваться процентами со своих частных капиталов. Самым богатым из Гогенцоллернов в настоящее время считается принц Фридрих-Леопольд Прусский, которому суд во

всех инстанциях присудил поместье Флатов-Кроянка, имеющее до 26.000 гектаров земли.

Но Вильгельм превзойдет его своим богатством, как только будет снят секвестр с имущества, признанного безусловной частной собственностью бывшего кайзера. Соответствующее предложение внесено центром и германской народной партией в прусский ландтаг. Одного этого имущества было бы достаточно, чтобы сделать Вильгельма опять одним из богатейших людей Германии и наиболее богатым из немцев, проживающих за границей. Величина суммы, которая окончательно будет присуждена Вильгельму, будет зависеть от того, как высоко оценит государство все неуплаченные налоги, так как с наложением секвестра на королевское имущество, уплата поимущественного налога прекратилась.

Возмещение другим союзным монархам

В других германских государствах не ждали так долго с компенсацией, как в Пруссии. Скорее всего соглашение было достигнуто в Юго-Западной Германии. В Бадене уже в конце марта 1919 года депутаты Национального Собрания, включая и социал-демократов, единогласно утвердили закон о компенсации семье великого герцога. Первоначально предполагалось предоставить великому герцогу 6 миллионов марок, его дяде и наследнику принцу Максу Баденскому, последнему имперскому канцлеру — 3 миллиона марок. Впоследствии баденской герцогской семье в целом было предоставлено 8 миллионов марок, которые она могла разделить между своими членами по усмотрению. Таким образом фамилия баденского герцога, по курсу доллара того дня, получила 3 миллиона марок золотом и к тому еще несколько дворцов. В Вюртемберге бывший король получает с 1 января 1919 года ежегодную ренту в 200.000 марок, а вдовствующая королева — 100.000 марок.

В Ангальте пришли к соглашению со своим герцогом уже в первом году после революции. Земельные владения большей частью отошли к государству, и взамен утраченных имений герцог получил в августе 1919 г. 6½ миллионов марок, что составляло тогда 1½ миллиона марок золотом. За князем Липпе-Детмольд, помимо его дворца в резиденции и охотничьего замка Лонсгорн, остались еще имения в 3.500 гектаров, часть фамильных драгоценностей, один миллион марок наличными и некоторые другие фонды, оцениваемые до 900.000 марок. Денежный капитал, предоставленный этому князю, по курсу того дня, составлял 170.000 марок золотом. А земельные владения, которые остались у князя, оценивались тогда в 10.000.000 золотых марок.

Вскоре после этого, достигнуто было соглашение также в Ольденбурге. За великим герцогом был оставлен замок Эутин, и была обеспечена выплата цивильного листа до 1 апреля 1920 г.

Прочие владения короны перешли к государству, для которого сделка в общем оказалась сравнительно выгодной. Герцогу, впрочем, удалось обставить государство продажей драгоценных каратин из придворного музея. Он предлагал их сначала государству за 5 миллионов марок, а затем спустил по более высокой цене за границу. К началу 1920 года в большинстве государств Тюрингена также было достигнуто соглашение. В Саксен-Кобург-Гота герцог получил 21 миллион марок, или 1½ миллиона марок золотом. В Мейнингене династия запросила было 120 миллионов марок, а удовлетворилась 7 миллионами, т.-е. 500.000 марок золотом.

Сутяжничество монархов

В Шварцбурге-Рудольштадте владетельному князю предоставлена рента в 150.000 марок ежегодно и, кроме того, еще 400.000 марок ежегодно за то, что он одновременно являлся князем в Шварцбурге-Зондерсгайзене. Получаемая рента, однако, не помешала князю завести тяжбу с государством по поводу кабинетских имуществ. Бывший герцог Кобург-Гота также начал дело с государством из-за Шмалькальденских лесов и выиграл его. Герцог Саксен-Альтенбург в июне 1919 года заключил мировую сделку с государством, по которой кабинетские имущества отошли к казне, а взамен герцог получил замок «Веселое возвращение» с прилегающими к нему окрестностями, одно лесничество средних размеров, право проживания в Альтенбургском дворце, и еще 10 миллионов марок наличными. Правительство было так предупредительно, что предоставило герцогу безвозмездное пользование его ложей в Альтенбургском театре. Так как утверждение этого мирового соглашения тюрингенским ландтагом затянулось, то сумма денег, предоставленная герцогу, была обесценена, и герцог очутился в затруднительном финансовом положении, тем более, что он привык к веселой жизни и в это самое время развелся со своей женой и женился на бывшей актрисе альтенбургского придворного театра. Это до крайности огорчило бывших верноподданных герцога; печать забила тревогу, и германские националисты вместе с помещиками обратились в веймарский ландтаг с прочувствованной петицией о пересмотре сделки.

Дело однако не выгорело. Тогда бывший герцог возбудил процесс против государства, ссылаясь на «заблуждение», в которое он был введен. Дело в том, что он только 25 марта 1924 г., т.-е. через 5 лет после своей отставки, узнал поразительную новость: среди его имений, отошедших к государству, находятся 22 угольные разработки. Так трудно бывало заурядному немецкому князьку, погруженному с головой в государственные занятия, обозреть сразу все свои владения! Далее оставшийся без трона герцог доводил до сведения, что заключенный с ним договор противоречит добрым нравам, потому что заключен он был под давлением и угрозой. Признание справедливое, но несколько за-

поздавшее. Все революции и даже германская революция имеют скверную привычку грубейшим образом нарушать «добрые нравы» монархов. Судя по тому, как оканчивались до сих пор процессы с бывшими монархами, судьям и на этот раз будет довольно трудно устоять против столь убийственных аргументов.

В герцогстве Саксен-Веймар дело обошлось гораздо более мирно. Все кабинетские имущества перешли к государству. Великий герцог получил право пользования частью Веймарского дворца и ежегодную ренту в 300.000 марок, которая должна была перейти к его наследнику по мужской линии. Следует отметить, что в момент заключения сделки, осенью 1921 года, курс доллара равнялся 300 марок. За передачу государству ценных предметов искусства, герцог должен был получить от государства еще дополнительно 3 миллиона марок, но эта сумма была предоставлена государству в виде срочного займа на десять лет, и теперь вследствие обесценения денег больше не существует. Но так как у герцога были крупнейшие латифундии в Пруссии, он все же остался с многомиллионным состоянием.

Более сложный конфликт возник между государством и брауншвейгским владетельным домом. Герцог в необыкновенно резкой форме требовал от государства ценностей на 250 миллионов марок, что по курсу доллара того времени, составляло 15 миллионов золотых марок. В случае отказа, герцог угрожал, что удержит поступления с кабинетских имений. Возник длительный судебный процесс, в котором до сих пор шансы на победу были на стороне герцога. После того как в ландтаге обнаружился поворот вправо, возобновились переговоры о мирном соглашении, на основании которого герцог получает замок в Бланкенбурге, прежние придворные охоты, имения в Гаймбурге, Гессен и Лихтенберг и коннозаводство в Гарцбурге. В 1866 г., когда Бисмарк лишил трона и экспроприировал имущество династии Вельфов, родоначальников Брауншвейгского дома, Вельфы не нашли бы, конечно, подходящего окружного суда для жалобы на победившее государство.

В Гессене судебные процессы между герцогом и государством также продолжались долгое время и не привели ни к какому решению. Все-таки герцогу удалось в апреле 1923 года единовременно получить 30 миллионов марок, что по курсу того дня составляло 6.000 марок золотом. Результатом последующих переговоров было предоставление герцогу 4.000 марок золотом в виде ежегодной ренты.

Веттины и Вительсбахи

Переговоры о компенсации в Саксонии тоже носили длительный характер. При этом образовался своеобразный трест из членов саксонского королевского дома для защиты своих фамильных прав. В конце концов, в июле 1924 г. Веттинам удалось получить единовременно 300.000 марок золотом, и им была пре-

доставлена до 1928 года ежегодная рента в 39.000 марок. Все художественные ценности, так же как и в других странах, были выделены из частного имущества королевской семьи и переданы культурным учреждениям. За Веттинами остались их огромные земельные владения.

Компенсация Вительсбахов затянулась на долгие годы и окончилась победой бывшего королевского дома. С формальной стороны положение Вительсбахов было особенно неблагоприятным, так как баварский король в 1818 году имел неосторожность все движимое и недвижимое имущество королевского дома присоединить к государственному имуществу. Только благодаря изворотливости верных королевских юристов, среди которых был и депутат, профессор государственного права Бейерле, удалось признать за владетельным домом, вопреки всякому законному основанию, еще некоторые реальные ценности. Весной 1923 года нашли выход из создавшегося положения учреждением «фонда компенсации Вительсбахов», который фактически состоял в полном распоряжении бывшей королевской семьи. При продаже всех имений и имуществ, входящих в этот фонд, государство имеет только преимущественное право покупки. И лишь в случае прекращения всего рода Вительсбахов весь фонд переходит к государству. По этому фонду, Вительсбахи получили наличный капитал в 60 миллионов марок, что составляло по курсу того дня 12.000 золотых марок, 9.000 гектаров земельных владений, право рыбной ловли, право проживания в дворцах Вюрцбург и Нимфенбург, затем замок Гогеншванген, Фюрстенрид, театр на Гертнерплац в Мюнхене, и большое количество движимого имущества. По скромному расчету, ценность этой компенсации составляла не менее 15 миллионов золотых марок.

Герцоги мекленбургские

Особое значение имеет возмещение мекленбургских герцогов, которые являлись наиболее богатыми из всех немецких владетельных князей. Герцог Мекленбург-Стрелицкий считался перед войной даже богаче прусского короля. Уже в декабре 1919 года в Мекленбург-Шверине было заключено частичное соглашение между государством и герцогом, вследствие которого герцог получил четыре имения, три лесничества, дворец «Людвиглуст», два других дворца, четыре жилых дома и некоторые еще другие здания. Одна недвижимость была оценена в 30 миллионов золотых марок, но, кроме того, за герцогом остался весь инвентарь бывших его дворцов, и было признано частной его собственностью собрание художественных ценностей Мекленбургского музея. Возник только спор относительно выплаты наличного капитала, но и этот вопрос был улажен в августе 1924 года, когда великому герцогу была присуждена ежегодная рента в размере 628.000 золотых марок. Другие члены бывшего герцогского дома

получают ежегодно все вместе ренту в 1.500.000 марок золотом. Рента, получаемая шверинской династией, еще выше, чем нынешняя рента Гогенцоллернов.

В Мекленбург-Стрелице в декабре 1921 года пришли к окончательному решению. Так как в этом герцогстве не было писаной конституции, там не существовало и различия между собственностью короны и государства. Раздел этих имуществ носил произвольный характер. Государство получило имение Штольпе. Наследнику великого герцога, окончившему жизнь самоубийством вскоре после революции, были предоставлены имения Гогенциритц, Циппелов и также лесничества в Швангайде. Государство получило задачу выплатить 5.000.000 марок из недоплаченных сумм приданого черногорской кронпринцессы Милицы и должно было еще уплатить 200.000 марок судебных издержек. Под различными правовыми предлогами герцогскому дому было выплачено еще 9 миллионов марок, и помимо этого наследники получили и много других движимых и недвижимых ценностей.

Как поступал Бисмарк

В общем, все германские государи, подобно Вильгельму, потеряли значительную часть своего состояния вследствие обесценения денег и затянувшихся переговоров с государством о компенсации. Чем больше продолжались переговоры, тем значительнее были потери денежного капитала владетельных князей. Если же и выплата сумм, назначенных парламентами бывшим правителям, задерживалась на несколько месяцев, то деньги совсем превращались в нуль. Но, тем не менее, все эти бывшие властелины благодаря присужденным им земельным владениям, дворцам и т. п. остались миллионерами, а состояние некоторых из них оценивается во много миллионов. С другой стороны, от затяжки переговоров с государством, князья выиграли, так как чем дальше, тем больше им удавалось отстоять за собой имений и прочих недвижимостей. Подобное милостивое отношение к князьям вызывалось изменившимся политическим положением и укреплением реакции. Исходя из этого можно думать, что окончательный расчет с Гогенцоллернами будет весьма для них благоприятен.

Совершенно беспримерным в истории революций является этот выкуп германского народа у своих государей, выкуп, произведенный не в порядке осуществления суверенной власти государства, а на основе чисто-правовых отношений, при тщательном и бережном соблюдении всех прав контрагента, в лице бывших правителей. Оставалось лишь еще предоставить судам, монархическим по своему личному составу, решать вопрос о том, по праву или не по праву было поступлено в Германии с монархами. Если бы этим судьям было предоставлено право вынести такое реше-

ние, германская революция была бы об'явлена недействительной по приговору суда.

Нельзя даже оправдать тактику, примененную с 1918 г. к монархам, ссылкой на германские традиции. Отношение Бисмарка в 1866 г. к низложенному ганноверскому королю и курфюрсту гессенскому было в корне иное. Пруссия тогда попросту реквизировала все капиталы короля ганноверского и курфюрста Гессен-Кассель, оцениваемое в 16 миллионов марок. Эта сумма составляла затем так называемый «рептильный» фонд, секретные суммы для подкупа печати и для поддержки борьбы против приверженцев Вельфов [1]. Так поступил один монарх с другим. Германская Республика предпочла, исходя из чисто формальных соображений, предоставить свергнутым монархам все средства для занятия монархической пропагандой, так как очевидно, далеко не все бывшие правители удовлетворятся ролью беззаботных миллионеров.

---

[1] Династия Вельфов правила в Ганновере. *Прим. пер.*

Глава VIII

НАЧАЛО ДЕФЛЯЦИИ

Образование и исчезновение больших, а также средних и мелких капиталов находилось в последние годы в прямой зависимости или под решительным влиянием все возрастающего обесценения денег. С инфляцией дело обстояло так же, как и с войной: чем хуже становилось положение, тем больше к нему привыкали. В конце концов, исчезло всякое представление о том, как можно вести хозяйство в нормальных валютных условиях, и как надо подготовиться и приспособиться к предстоящей перемене. Валютному перевороту точно так же, как политическому осени 1918 г., предшествовали известные признаки и симптомы. В течение многих месяцев обсуждалась валютная реформа. Расчеты в золотом исчислении уже сами по себе как бы предвосхитили некоторые результаты стабильной валюты. Отпали приемы обогащения, характерные для периода инфляции: получение кредитов в бумажных марках. Все же, несмотря на это, стабилизация германской валюты для большинства населения в Германии явилась полной неожиданностью.

Стабилизация рентной марки была встречена с общим недоверием. Делались основательные указания на недостатки в конструкции новых денег. Вследствие этого, в первое время существования новых денег хозяйственная жизнь страны нисколько не изменилась и продолжала вестись по тем же способам, как в инфляционный период. В начале рентные марки были в обращении в ограниченном количестве, и население опасалось, что новые деньги достанутся только богачам, а бедные слои должны будут довольствоваться попрежнему плохой бумажной маркой. Затем, когда рентные марки перестали быть редкостью, их стали с легкостью тратить, так как население считало, что хотя рентная марка и лучше банкноты, но все же они обе из бумаги, а товар остается товаром. Кроме того, публика, привыкшая за последние годы к многозначным ценам, соблазнялась теперь низкой расценкой товаров.

Первое последствие стабилизации

Это состояние продолжалось только несколько недель. Радикальное изменение наступило тотчас же после того, как общество убедилось в «чуде», произведенном рентной маркой, то-есть фактически, когда стали сказываться благоприятные результаты упорядочения финансовой системы. Праздничное настроение и чувство освобождения от валютной нищеты скоро прошло, и население снова научилось ценить значение денег. Публика видела, что тот же товар можно купить завтра и послезавтра, может быть еще дешевле, и потому вовсе перестала покупать.

Этому, сравнительно, быстрому изменению в потреблении не соответствовало такое же быстрое изменение в промышленности и торговле. Фабрикант, банкир и купец, составлявшие ту группу, которую принято обозначать словом «хозяйство», более недоверчиво относились к стабилизации новых денег. Так как, этим лицам в инфляционное время жилось довольно хорошо, они с трудом отказывались от методов инфляционного хозяйства. Для большей безопасности кредиты, а также товарные цены, продолжали исчисляться в золотых марках, а не в рентных марках, или в «Билл. Марк» (Биллионные банкноты Государственного банка). Для предохранения от опасности нового обесценения денег, банкиры сохранили высокий учетный процент, принятый в инфляционный период и бывший тогда премией за риск дальнейшего обесценения. С введением золотого исчисления такой чрезмерно высокий процент уже не мог быть ничем оправдан. Вследствие этого товары, которые теперь уже не вырывались больше из рук продавца, а оставались продолжительное время на складах, значительно поднялись в цене. К тому же, фабрикант и купец с трудом могли отвыкнуть от излюбленной привычки ежедневно повышать цены на товары, соответственно обесценению денег.

Безработица

Таким образом, Германия на переломе 1923—24 года стала самой дорогой страной в Европе. Хозяйство, конечно, не могло долго оставаться в таком положении. Наступил полный застой в делах. Экспорт и без того уже значительно пострадал от введения золотого исчисления, теперь пострадал и внутренний рынок. Кризис стабилизации, которого ожидали и опасались, был на-лицо. Заводы не получали заказов, закрывали свои производства или сокращали их.

Кризис сбыта, как всегда, отразился тяжелее всего на рабочих. Безработица в Германии достигла небывалого в течение последних десятилетий размера и превзошла даже тяжелый кризис 1907 года. В последние месяцы инфляции число безработных, получающих пособие, возрастало в необыкновенно быстром

темпе, но безработица еще более усилилась, когда правительство, под давлением предпринимателей, отменило последние распоряжения о демобилизации. Первого августа 1923 года в неоккупированных местностях получали пособие 139.000 безработных, не имеющих абсолютно никаких заработков, первого ноября того же года их уже было 955.000, а 15 января 1924 года безработных было 1.590.000. К этому надо прибавить еще 1,8 миллионов рабочих, имеющих неполный заработок и поддерживаемых государством, а также 1½—2 миллиона безработных в оккупированных местностях. Таким образом, в это время, по официальной статистике, числилось от четырех до пяти миллионов безработных рабочих и служащих, имеющих неполный заработок или вовсе такового не имеющих. Если сюда прибавить еще членов семьи безработных, то общее число безработных составит ¼ часть всего населения Германии. Правда, уже в декабре того же года, опять-таки по официальным данным, сокращается ровно на один миллион число рабочих, имеющих неполный заработок. Но эти данные дают неправильное представление о безработице, так как в то же время, вследствие новых законов о безработице, круг лиц, получающих пособие, значительно сузился, и сотни тысяч рабочих с неполным заработком совершенно ушли из учета статистики.

С понижением цен в начале 1924 года оживился сбыт товаров и соответственно уменьшилась безработица. Понижение числа безработных шло почти таким же быстрым темпом, как и рост его. По официальной статистике, в неоккупированных местах 1 марта 1924 года числилось 1.169.000, в апреле 712.000, а 1 июня только 209.000 полных безработных, получающих пособие. Сокращение безработицы шло гораздо быстрее и лучше, чем предполагалось. В сравнении с кризисом сбыта в Америке и Англии, который, кстати, в этой стране еще до сих пор не ликвидирован, налаживание хозяйственной жизни в Германии и с точки зрения безработицы проходило, совершенно неожиданно, довольно гладко. Если же принять во внимание огромную «невидимую» безработицу, которая процветала в Германии во время инфляции и заключалась в том, что сотни тысяч людей совершенно непродуктивно работали в банках, в конторах, занимались комиссионерством и были как бы на содержании другой продуктивной части населения, мы должны будем констатировать еще более существенные результаты первого полугодия стабилизации валюты.

Банкротство

Любопытно отметить, что в начале кризиса стабилизации в Германии не отмечалось роста банкротств, подобно тому, как это имеет место при всех других кризисах. Обычно увеличение конкурсов, точно так же как и безработица, являются характерными признаками торгово-промышленных кризисов. Во время

инфляции число конкурсов все более и более уменьшалось, пока в ноябре 1918 г. не достигло своего минимума. В этом месяце отмечено всего 8 конкурсов для всей Германии. Причина этого явления ясна. До тех пор, пока существовали кредиты в бумажных деньгах, всякому должнику не трудно было через несколько недель уплатить полученные кредиты, так как к тому времени деньги были уже обесценены. В виду того, что не было затруднений в платежах, отсутствовали и конкурсы. В последнее время инфляции, в товарном обороте кредит совершенно перестал фигурировать, а там, где нет кредитов, естественно, не могут иметь места банкротства.

В начале стабилизации валюты и в кредитном деле продолжают оставаться в силе те же методы, которые были приняты в последние месяцы инфляции и в период золотого исчисления. По причинам, о которых речь будет еще впереди, кредиты выдавались очень редко, и потому должники не попадали в затруднительное положение при оплате их.

Когда же, наконец, хозяйство в первые месяцы 1924 года стало принимать формы довоенного времени, законодательство, которое все время инфляции притесняло кредитора и потворствовало должнику, пришло и на этот раз на помощь должнику. Несостоятельный должник вовсе не должен был теперь подвергаться сразу всем испытаниям конкурсного управления. В случае невозможности оплатить долги, должник мог, совершенно не придавая делу огласки, обратиться в суд и просить о назначении администрации, при чем нередко назначался собственный адвокат должника. Этим путем должник получал мораториум на несколько месяцев. Столь удобным случаем избегнуть платежей по обязательствам воспользовались до конца июня 1924 года свыше 2.000 фирм. Суды проявляли чрезвычайную снисходительность, и нет основания думать, что все 2.000 фирм, или даже большая часть, были близки к банкротству. Даже, если и было так, все же число банкротств в первое полугодие 1924 года еще не так велико для кризиса. Число конкурсов по всей Германии в первые шесть месяцев 1924 г. дошло до 1.184 , и только в июле количество конкурсов превзошло на 945 банкротств довоенное время, когда, в среднем, в Германии было от 700 до 800 конкурсов в месяц.

Сокращение банков

Банкротства в той области, которая при общих хозяйственных кризисах обычно страдала больше всего и где инфляция создала самые ненормальные условия, встречались удивительно редко и большого значения для хозяйственной жизни не имели. Банковское дело никакой дефляционной катастрофы до сих пор не пережило. Но спастись от катастрофы банкам удалось только потому, что они быстро сократили свои обороты. Сравнительно небольшое число банковских фирм закрылись добровольно, боль-

шинство новых банков, возникших во время инфляции, пытались удержаться на поверхности. Но лучшим доказательством дефляции банков, которая после стабилизации положила конец болезненному распуханию банков — служит сокращение штатов. Во время инфляции число банковских служащих в Германии утроилось в сравнении с довоенным временем. Из 250.000 служащих, занятых в банках к концу инфляции, уже в первом полугодии стабилизации половина была сокращена. В крупных акционерных банках сокращение штатов на 1 июля 1924 года представлялось в следующем виде:

Фирмы.	Наивысшее число служащих.	Число служащих на 1-е июля 1924 г.
Германский банк	34.000	23.000
Дармштадтский и Национальный банк	26.000	16.000
Коммерческий и Частный банк	26.000	16.000
Дрезденский банк	23.000	11.500
Дисконтное общество	17.400	11.000
Берлинский торговый банк на паях	1.400	780

Это сокращение штата, как бы оно тяжело ни отразилось на отдельных лицах, вызывалось экономической необходимостью. В сравнении с сокращением банковского оборота, в инфляционное время число служащих в некоторых крупных акционерных банках было во много раз больше довоенного. Если банки желали вернуться к рациональному ведению своего дела, они должны были оздоровление производить в лошадиных дозах. Правда, заходить далеко в этом направлении было бы тоже сопряжено с немалым риском.

Биржи пустеют

Полный застой в банковских делах после стабилизации вытекал из внезапного прекращения биржевых спекуляций. В банках сразу прекратились мелкие поручения на покупку тех или иных ценных бумаг, которые в инфляционное время давали ежедневно работу десяткам тысяч банковских служащих. Публика больше уже не нуждалась в покупке акций для того, чтобы сохранить свои деньги от полного обесценения. Затишье в банках было

лишь отражением того, что произошло на фондовой бирже. На бирже вдруг стало спокойно. В инфляционное время сотни и тысячи жаждали быть допущенными на биржу; с начала же стабилизации число членов биржи, и еще более число участников биржевых собраний, значительно сократилось.

В довоенное время на берлинской фондовой бирже в биржевых собраниях участвовало, в среднем, 2.333 человека. К концу инфляции это число возросло до 5.200, а с первого декабря 1923 года до 1 апреля 1924 года уменьшилось на 750 человек. На берлинской товарной бирже наблюдалось то же явление: в 1913 г. там было, в среднем, 551 посетитель, к концу инфляции — 900, а к первому апреля 1924 года одна шестая часть членов биржи не возобновила своих билетов. Так как число купцов, имеющих собственное дело, и банкиров, посещающих биржу, не особенно увеличилось во время инфляции, эта категория участников биржевых собраний с дефляцией не так сильно сократилась. На берлинской фондовой бирже эти лица посещали собрания в 1913 г. в количестве 1.108, в среднем, а в марте 1923 года число их, в среднем, не превышало 1.360. Главный контингент лиц, наполнявших в дни инфляции биржевые залы, были банковские чиновники: среднее число посетителей этой категории в 1913 году составляло 1.125 человек, а в октябре 1923 г. возросло до 3.823. Таким образом, требовалось 4.000 человек для того, чтобы выполнять на бирже все сотни тысяч поручений покупки и продажи ценностей, которые ежедневно давала публика банкам. Из числа биржевых представителей банков, их помощников и клерков уже в первые месяцы после стабилизации исчезла с биржевых собраний ровно одна пятая часть на фондовой бирже, а на продуктовой бирже одна третья часть. На металлической бирже посетителей из числа банковских служащих бывало в 1913 году 16 человек, а осенью 1923 года 226 человек. Это число сократилось к началу 1924 года больше чем наполовину.

Бумаги не повысились

Уменьшение банковского и биржевого оборота после стабилизации считалось неизбежным, но резкого перелома в основных тенденциях никто не ожидал. Публика и финансовые круги надеялись, что после стабилизации, подобно тому, как это было в Австрии, начнется повышение курсов ценных бумаг. Во время инфляции акции даже самых крупных предприятий, перечисленные в золото, потеряли известную часть своего довоенного состояния. Непосредственно перед стабилизацией, в первые дни ноября 1923 года, вспыхнула безумная повышательная горячка, в результате которой курсы многих ценных бумаг превысили даже довоенный их паритет. Но эта покупательная лихорадка быстро улеглась. Две недели спустя, когда марка успокоилась на биллионной части своей довоенной стоимости, по данным индекса

акций государственного статистического института, отмечается снова понижение процентных бумаг до 30% довоенной стоимости. В начале 1924 года спрос на бирже как будто оживился. Индекс поднялся до 40%, но вскоре наступило новое разочарование. Курсы акций упали ровно наполовину, а впоследствии на одну третью часть, то-есть на 15—20% их довоенного состояния. Таким образом, повышательное настроение, которого так ожидали, не наступило.

Причины этого понижения публика объясняла безденежьем. Если у хозяйства не было денег на поддержание необходимейших производств, откуда же могли взяться средства для игры на бирже? Весной и летом 1924 года повсюду раздавались жалобы на безденежье, недостаток капитала и нужду в кредитах. Чрезвычайно характерны для кризиса стабилизации в Германии эти жалобы; о безденежье гораздо больше говорили, чем о безработице и росте банкротств. Но еще больше характерны эти жалобы для современных антиобщественных настроений. Буржуазное общество очень мало интересуется вопросом о миллионах безработных; оно равнодушно к судьбе тех, кому начало дефляции принесло полный крах. Общественное мнение занято только теми, у кого, правда, появились снова деловые заботы, забытые во время инфляции, но у кого нет нужды сокращать свой бюджет и экономить на личных расходах.

Это в особенности бросается в глаза людям, возвращающимся из-за границы в Германию. Мы не хотим этим сказать, что со времени стабилизации в Германии не чувствуется так называемой «тесноты в капиталах». Выражение это неправильное, но явление такое есть, и оно дает себя чувствовать и в городской и в сельской жизни.

Теснота в капиталах и безденежье

Что собой представляет так называемая «теснота в капиталах»? На основании приобретенного во время инфляции опыта мы полагаем, что причину этого явления, прежде всего, надо искать в отсутствии достаточного количества денег и вообще платежных средств в стране. Действительно, непосредственно после стабилизации марки наступил такой денежный голод, что явилась опасность полного застоя хозяйственной жизни. Правительство и государственный банк не могли помочь этой беде способами инфляционного времени, то-есть прибегнув снова к печатному станку. Этим самым они нанесли бы смертельный удар стабилизации валюты. Катастрофы удалось избежать только потому, что население, привыкшее во время обесценения денег тратить свои деньги тотчас по их получении, продолжало еще по инерции и после стабилизации действовать так же. Таким образом, имевшиеся в обращении платежные средства нигде не задерживались и находились в постоянном обороте.

Особой заслугой правительства и государственного банка следует считать то, что они не поддались настойчивым требованиям известных хозяйственных кругов, которые видели в увеличении количества бумажных денежных знаков единственную для себя возможность избавиться от денежных забот. Очевидно для себя лично они не опасались последствий новой инфляции. В первые месяцы 1924 года положение государственного банка казалось не особенно устойчивым. Правда, количество рентных марок, установленное правилами о рентном банке, не было превышено, но государственный банк, идя навстречу требованиям кредита со стороны хозяйственников, значительно увеличил учет торговых векселей. На этом основании были выпущены новые банкноты государственного банка. Вследствие этого временами в обороте находилось такое же количество «Билл. Марок», как и рентных. К счастью, государственный банк своевременно учел ту опасность, которая угрожала стабилизации марки от этого нового способа увеличения дензнаков, впрочем вполне закономерного и безвредного в нормальное время. В начале апреля 1924 года государственный банк радикально сократил даваемые кредиты.

Общее количество обращавшихся дензнаков понизилось в инфляционное время до 10 миллионов золотых марок; во время стабилизации валюты общая сумма денежных знаков, за исключением находившихся в обращении за границей, составляла от 500 до 600 миллионов марок. Теперь в первые месяцы 1924 года удалось удержать общее количество циркулировавших денег в пределах от 3 до 3½% миллиардов золотых марок. Правда, в довоенное время оборот в стране металлических денег и банкнот составлял 5½ миллиардов золотых марок. Принимая во внимание, что сфера обращения марки сузилась на 10%, а оборот германского хозяйства сократился на 20—30%, а также то обстоятельство, что в последнее десятилетие заключение сделок в кредит существенно возросло, следует считать оборот денежных знаков в 3—4 миллиарда золотых марок если не совсем достаточным, то во всяком случае не таким уже малым. Хозяйственные круги постепенно убедились в том, что увеличение платежных средств является опасным для стабилизации валюты, и при этом никакого значения не имеет для устранения кажущегося безденежья.

Нужда в сельско-хозяйственном кредите

В сельском хозяйстве, где в последние десятилетия перед войной привыкли работать во все возрастающем об'еме при помощи кредита, особенно остро ощущался недостаток денег в банках и сберегательных кассах. Этот вопрос более, чем какие-либо другие события в 1924 году, возбуждал интерес как политических партий, так и прессы. К устранению кредитного кризиса в сель-

ском хозяйстве правительство предприняло очень много полезных мероприятий, в том числе сделало некоторые рискованные шаги, как, например, предполагаемое вновь введение ввозных пошлин на зерно. Нужда в сельско-хозяйственном кредите обусловливалась, главным образом, обессилением сельских кредитных организаций. Райфейзеновские союзы и другие сельско-хозяйственные кредитные товарищества не в состоянии были предоставить сельским хозяевам нужных для их производства кредитов. В виду того, что сельское хозяйство имеет возможность только раз в году реализовать свою продукцию, оно не может обойтись обычным для городского оборота четырех- или шестинедельным кредитом. Долгосрочные же кредиты, в виду высокого процента, ему не по силам.

К этому следует добавить сравнительно высокие сельско-хозяйственные налоги. В действительности, эти налоги не так уже высоки, как о них говорят заинтересованные сельско-хозяйственные союзы и даже правительство в меморандуме иностранным экспертам в феврале 1924 года. Но эти налоги являются новшеством и потому более остро ощущаются. Среди привилегий, которыми пользовались до войны в особенности прусские аграрии, были ничем не оправдываемые налоговые льготы сравнительно с городской пормышленностью. Наконец, определенную роль в обострении сельско-хозяйственного кредитного кризиса сыграло расхождение цен между сельско-хозяйственными и промышленными продуктами. В свою очередь и это расхождение цен являлось последствием кредитного кризиса, вследствие которого сельские хозяева вынуждены были отдавать свои продукты, в особенности скот, буквально за гроши. Но, с другой стороны, в настоящее время с сельского хозяйства отпадает тяжелое бремя ипотечных долгов, на уплату процентов по которым в довоенное время уходило ежегодно больше полумиллиарда золотых марок. Правда, освобождение от ипотек уравновешивается низкими ценами на сельско-хозяйственные продукты, повышением налогов и высоким процентом по ссудам, — даже по правительственным ссудам под урожай. Все-таки в конечном счете сельское хозяйство теперь значительно богаче, чем было до войны.

Фиктивные потери

В публичных выступлениях и в прессе вошло теперь в обычай устанавливать непосредственную причинную связь между дефляционным кризисом и потерями в капиталах и их перераспределением. Раньше считалось хорошим тоном подчеркивать всюду благополучие Германии, теперь после окончания войны принято рисовать положение германского хозяйства в самых черных красках, преувеличивая убытки, которые потерпела Германия. Конечно, это делается преднамеренно, с целью пропаганды, но кроме того, тут сказывается огромное непонимание того про-

цесса, который произошел за последнее десятилетие в германском хозяйстве.

Особенно характерен тот вывод, который делают при сопоставлении сумм довоенных депозитов и вкладов настоящего времени в сберегательных кассах и банках. При этом говорят, что все сбережения в настоящий момент уничтожены и что Германия только на этом одном капитале потеряла 45 миллиардов золотых марок. Совершенно упускается из виду, что капитал, утраченный вкладчиком сберегательных касс благодаря тому, что последние вложили свои деньги в ипотеки, вовсе не угерян, а переменил лишь своего хозяина и принадлежит в настоящее время домовладельцу, который раньше имел обремененный долгами дом, а теперь его дом чист от всяких долгов. То же самое можно сказать об облигациях промышленных и транспортных обществ, поскольку они, как напоимер пароходные общества, не понесли вещественных утрат в результате войны и мирного договора. В известной степени это также относится и к публичным займам, а именно муниципальным займам. Вследствие их обесценения кредиторы потеряли 8 миллиардов золотых марок, зато выиграли города, бюджеты которых освободились от долгов и даже увеличились вследствие прироста новых материальных ценностей. Союзы держателей бумаг, требующие их радикальной переоценки, смешивают понятие убытков частно-хозяйственного капитала, с уменьшением или увеличением народно-хозяйственного капитала, когда утверждают, что путем повышения на 100% стоимости старых ипотек, облигаций и публичных займов возможно вновь создать запасный капитал. Внутренними законодательными реформами можно только в лучшем случае создать условия для прироста народно-хозяйственного капитала. Вне этого законодательные акты в состоянии только переместить имеющийся в наличии капитал.

Нужна ли переоценка?

Конечно, перед лицом современного хозяйственного кризиса аргументация сторонников безусловного поднятия ценностей заслуживает самого серьезного внимания. Если даже нельзя будет, подняв ценность облигаций, сразу требовать от должников уплаты процентов по старым обязательствам, все же поднятие ценности ипотек и облигаций вызовет сильнейшее оживление и мобилизацию лежащего без движения капитала. На основании ипотечных претензий, представлялось бы тогда возможным выпустить новые закладные или повысить ценность старых. Частные кредиторы по ипотекам получили бы тем самым правовое основание, которое они могли бы превратить на рынке капитала в разные ценности. То же самое было бы с облигациями. Короче говоря, в застывшее кредитное хозяйство вдохнули бы новую жизнь.

Однако, кардинальная перемена сложившихся отношений, которая означала бы удовлетворение «союза гёзов» и всех хозяйственных и политических представителей интересов пострадавших кредиторов, была бы сейчас опасна. Изданные в феврале 1924 г. правила о частичном восстановлении ценности прежних обязательств, представляющие недостаточно продуманный и технически плохо выполненный компромисс, имеющий гораздо больше недостатков и пробелов, чем, например, польские правила о частичном восстановлении ценности — все же подводят известный фундамент под будущее строительство германского хозяйства. При всех своих устранимых и неустранимых недостатках они все-таки проводят заключительную черту под всем периодом инфляции.

Налог на инфляционную прибыль

Повидимому государству придется еще раз запросить своих граждан: что именно в последние десять лет вы выиграли или потеряли? Кто из вас наживался в такое время, когда миллионы других обеднели и терпели самую острую нужду? Необходимо будет немедленно ввести единообразный и настолько высокий налог на инфляционную прибыль, чтобы он носил характер конфискации. В противном случае, германская республика в глазах истории рискует прослыть царством буржуазных хищников, убежищем для бесстыдной и неограниченной наживы. Такой налог может быть только общегосударственным. Нельзя предоставлять обложение инфляционной прибыли, как это делалось до сих пор, отдельным областям и общинам. Местное законодательство вводит теперь высокие налоги на квартирную плату, налог на прирост ценности при продаже домов и т. п. Делается это в каждом месте по своему, в зависимости от нужды в деньгах и от состава местного парламента или муниципалитета. На такой манер, по усмотрению местных властей, «выправляется» величайший в истории Германии процесс перемещения капиталов. Так, например, в Берлине все домовладельцы, приобревшие свои дома после 1 апреля 1920 года, при продаже их должны уплачивать 30% налог на прирост капитала. В других городах такого рода обложения нет. Местные мероприятия при этих условиях служат тормозом для возможно быстрого восстановления постоянных цен не только на предметы первой необходимости, но также и на ценные об'екты, являющиеся составной частью капитала, а такое восстановление цен, как мы знаем, безусловно необходимо для правильной налоговой и народно-хозяйственной политики.

Отсутствие стабилизации цен, мы охотно допускаем, затрудняет всеобщее равномерное и справедливое обложение инфляционной прибыли. В правительственных кругах утверждают, что результаты обложения поимущественным налогом после стабилизации в феврале 1924 г. дали совершенно неясную картину. Никак невозможно, из сравнения суммы поимущественного налога

довоенного времени с современными суммами, сделать правильные выводы о происшедших за последнее десятилетие изменениях состояния. Допустим, что это так. В таком случае надо возможно скорее произвести новую оценку имущества. Тянуть с этим нельзя, потому что из опасения ожидаемого обложения инфляционной прибыли начнется вывоз капитала за границу, со всеми вредными последствиями для интересов фиска и народного хозяйства. Слишком долго откладывать этот вопрос не следует еще по той причине, что капитал, образовавшийся уже после инфляции, надо оценивать и облагать совсем по иному, чем чистую инфляционную прибыль. Возможно быстрое введение чувствительного налога на инфляционную прибыль помимо своего прямого назначения будет еще иметь побочное влияние на оживление денежного рынка вообще.

Этот налог может быть установлен в большинстве случаев только в форме долговых обязательств в пользу государства или же путем обременения недвижимостей ипотеками опять-таки в пользу государства. Ничего нового Германская Республика тут не изобрела бы, так как такой же метод применялся в широком масштабе еще в 20-х годах прошлого столетия в королевстве Пруссии, в особенности в Восточной Пруссии, при взыскании недоимок по сельско-хозяйственным налогам. В то время государство не постеснялось приблизительно половину помещичьих имений в Восточной Пруссии продать с молотка. Если даже государство и не прибегнет к крайним мерам воздействия и удовлетворится только процентами и постепенным погашением ипотек и облигаций, вытекающих из обложения инфляционной прибыли, все же в его руки попадут ценности и доходы, суммы которых, обращенные государством в кредиты, самым существенным образом повлияют на устранение кредитного кризиса.

Само собой разумеется, что подобное мероприятие затронет не только лиц, непосредственно нажившихся на инфляции, но и некоторых посторонних лиц. Однако, единый налог, при тщательном учете всех особенностей современного хозяйства, несравненно меньше повредит хозяйству, чем предоставление частным лицам права повышать по своему произволу долговые обязательства. Налог на инфляционную прибыль, быть может, в некоторых случаях разобьет покой отдельных граждан, но он разобьет также гот гробовой покой, который господствует на денежном рынке после инфляции.

Современное народное хозяйство

Без всесторонней пертурбации германское хозяйство все равно нельзя будет довести до состояния стабилизации всех ценностей, из которого оно было выбито последствиями инфляции. Стабилизация валюты была лишь предпосылкой к началу всеобщей стабилизации хозяйства. Валютные стены, которыми

разгородились между собой отдельные государства, за последние два года все больше разрушаются. В ближайшее время это должно привести к нивелированию всех ценностей. Необходимо восстановить действительные цены мирового рынка. Те цены, которые до сих пор мы привыкли считать ценами мирового рынка, в сущности, не что иное, как цены Америки и Англии. Эта международная оценка товаров должна быть изменена национальными условиями, путем издания внутренних законов, мероприятий по налогам и защитительным пошлинам. Так же как это было перед войной, возникнут естественные и технические разновидности и разницы в ценах между Европой и Америкой. Но эти различия в ценах, с точки зрения мирового хозяйства, не более как нюансы основных мировых цен.

Пока мы еще далеки от распространения на Германию международного масштаба ценности. Одной из самых удивительных экономических неожиданностей инфляционного времени, следует считать открытие того, как растяжимо понятие меновой ценности одного и того же предмета, без изменения его потребительной ценности. Сильнейшее расхождение между покупательной силой марки на внутреннем рынке и за границей часто приводило к тому, что весь германский национальный капитал, оцениваемый до войны в 75—80 миллиардов долларов, временами определяется даже менее, чем в пять миллиардов долларов. Общий германский промышленный капитал, акции которого обращались на берлинской бирже, судя по котировкам до войны, оценивался в 16—18 миллиардов марок. Во время инфляции тот же капитал временами оценивался менее, чем в два миллиарда марок золотом. Городское недвижимое имущество, определяемое до войны в 50 миллиардов золотых марок, в 1922 году по продажным ценам едва ли бы стоило 3 миллиарда золотом.

Почти такому же сильному во время инфляции понижению подвергался иногда весь национальный доход, но здесь колебания были еще значительнее. Случалось так, что после сильного прыжка доллара вниз или после стабилизации марки, на несколько недель вслед за ее понижением доходы увеличивались во много раз, хотя производство и основной капитал за это же время оставались на том же уровне. Недельная зарплата рабочего, определяемая в день расчета в 1 доллар, могла через три дня стоить 30 центов, но с таким же успехом она могла равняться полутора и даже двум долларам.

Многие экономисты, возглавляемые в Германии Гельферихом, на основании этих колебаний ценностей, пришли в агитационных целях к самым странным выводам о том, что германское народное хозяйство или доход народа, вследствие войны и репарации, понизился до $^1/_8$ или даже $^1/_{10}$ части своей довоенной ценности. Этими расчетами, в духе экономической мудрости торговок-молочниц, мы за границей ничего не достигли и только сделались смешными в глазах всего света. Этим расчетам, подтвер-

жденным, конечно, всеми статистическими цифрами с точностью до одной десятимиллионной, верили только в Германии. И до сих пор мы чувствуем то бедственное замешательство, которое вызвали в стране эти выводы.

Все материальные потери Германии вследствие войны можно определить в 10% для отошедших областей, в 5% для прочих потерь по мирному договору и в 3% на репарации, включая и издержки по борьбе за Рур. Конечно, сумма огромная. Из всех понесенных Германией убытков, самым значительным является утрата областей, но при этом нельзя забывать, что в уступленных провинциях проживали не только производители, но и потребители. Там не только работали, но и ели. Оставляя в стороне политическое и культурное значение этих утрат, в хозяйственные потери можно занести только те абсолютные излишки, которые получала Германия от этих областей. Другой существенной потерей была утрата тех организационно-хозяйственных связей, которые существовали между Германией и уступленными областями. Эта утрата может быть возмещена только постепенным возобновлением старых связей и возникновением новых.

Особенно существенных потерь народно-хозяйственное имущество не понесло от инфляции. Мы подчеркиваем это со всей решительностью в противовес распространенному ошибочному мнению, переносящему на народное хозяйство понятие о частном хозяйстве. В сравнении с состоянием народного хозяйства в 1919 году отмечается даже некоторый прирост вещественных ценностей. Вновь отстроено больше одной трети довоенного германского торгового флота. Подвижной состав государственных железных дорог увеличен и улучшен. По расчету одного из руководителей государственного союза германской промышленности, директора Ганса Кремера, промышленность в последние годы вложила 45 миллионов золотых марок на расширение своих предприятий и производств. Несомненно, увеличился и улучшился также и сельско-хозяйственный инвентарь. Таким образом, реальные ценности германского народа в течение последнего пятилетия не уменьшились, и репарации как денежные, так и материальные в большей части компенсированы.

Но это еще ничего не говорит о выраженной в цифрах золотой марки денежной оценке народного капитала. Эту величину приходилось всегда строить, исходя из некоторых условных положений. А теперь, при уничтожении всех масштабов ценности, ее и совсем нельзя определить. Можно только указать в общих чертах, что ценность некоторых об'ектов в настоящее время ниже или выше их действительной стоимости, и, следовательно, можно определить, какие ценности в ближайшем будущем имеют тенденции к повышению или понижению. Иными словами, какие капиталы или доходы, — так как капиталы составляются из излишков доходов, — имеют наибольшую возможность возрождения.

Возрождение средних классов

Со времени стабилизации валюты из всех доходов профессиональных групп, повысились больше всего, несомненно, доходы свободных профессий. Врачи, адвокаты и писатели, доход которых в последние годы инфляции, несмотря на полную нагрузку, в большинстве случаев был ниже дохода рабочего и только в некоторых случаях немногим превышал доходы последнего, — в течение нескольких месяцев стабилизации довели свой доход в среднем почти до его довоенного состояния. Причины этого удивительного явления весьма разнообразны. Материальный крах свободных профессий в инфляционное время об'ясняется тем, что работа этих профессий не вознаграждается непосредственно, а они получают гонорар только по истечении нескольких недель или месяцев. В инфляционное время отсрочка уплаты для врача, адвоката и писателя означала в большинстве случаев полное обесценение их гонорара. Когда эти профессии спохватились, какие убытки терпят они на таком способе расчетов, то было уже поздно. Свободные профессии были уже хозяйственно так ослаблены, что они не могли успешно бороться за свои интересы. Главным образом им недоставало твердой организации. Но даже там, где имелись организации, как например, у врачей больничных касс, при попытке защитить свои интересы свободные профессии почти всегда терпели поражение.

Другой причиной материального упадка свободных профессий было постепенное обеднение прежнего среднего класса. Средний класс поставлял клиентов свободным профессиям; представители среднего класса были пациентами огромной армии частных врачей; они же были клиентами адвокатов и нотариусов, покупали книги и газеты, ходили в театры и концерты. Получался заколдованный круг: свободные профессии обеднели от обессиления собственного класса.

Эти хозяйственные и денежно-технические моменты не могли бы иметь такого влияния на состояние свободных профессий, если бы к ним не присоединилась еще одна хозяйственно-психологическая причина, которая, однако, с введением стабилизации отпала. Инфляция повела не только к переоценке вещественных ценностей, но также последовательно и к недооценке всяких услуг. Характерно, что в 1922 и 1923 годах, когда погоня за вещественными ценностями достигла своей высшей точки, художникам, скульпторам, как производителям этих ценностей, относительно жилось хорошо. Имущие классы, желающие спасти свои деньги от обесценения, бросились покупать не только бриллианты, мебель и ценные материи, но также картины и произведения скульптуры. Так как эта категория покупателей искусством нисколько не интересовалась, она совершенно отпала с момента стабилизации, когда исчез стимул к подобного рода покупкам.

Вследствие этого в последние месяцы художники и скульпторы, за исключением особо выдающихся, не участвовали в общем под'еме материального благосостояния свободных профессий.

Другая профессиональная группа, пострадавшая в первое время стабилизации — чиновничество. Сравнительное благополучие чиновников вызывало зависть среди других групп даже в самый острый период инфляции, в конце лета 1923 года. Государство давало своим чиновникам если и небольшие, то все же достаточные оклады, которые выплачивались авансом, а по мере обесценения денег чиновники получали дополнительные надбавки. До тех пор пока финансирование шло при помощи печатного станка, государство при оплате своих чиновников затруднений не встречало. Но с момента стабилизации и перехода государственных финансов на определенный бюджет, кончилось благополучие чиновников. Оклады высших чиновников составляли в течение многих месяцев только 30—40% довоенного размера, а фактическая покупательная сила их понизилась до одной пятой части мирного времени. А низшие чиновники не имели даже прожиточного минимума. Необыкновенно быстрое оздоровление государственных финансов произвело и здесь благоприятную перемену. Уже в мае 1924 года большинство окладов были подняты до $^4/_5$ довоенного размера. Способ повышения этих окладов характерен для социального развития последнего времени. К «уравнительному принципу», превозглашенному революцией, больше не возвращаются. Влияние организаций чиновников на определение окладов ослабело. Оклады теперь назначаются начальством по его усмотрению, и директора учреждений строго следят за тем, чтобы надлежащая дистанция между начальниками и подчиненными соблюдалась также и в окладах.

Понижение ценности акции

Ценность акционерного капитала, обнимающего большинство крупных и средних промышленных производств, финансовых и торговых предприятий Германии, по общему мнению, в настоящее время значительно понизилась. Сравнение довоенных биржевых котировок с современными подтверждает это положение. Это понижение ценности в первые месяцы после стабилизации, принимая во внимание общее обесценение капитала, было вовсе уже не так велико и равномерно, как это предполагают. Предпринятое «Фоссише Цейтунг» в начале февраля 1924 года обследование котировок свыше ста обращающихся на берлинской бирже акций предприятий двенадцати различных отраслей, дало следующую картину. В сравнении с котировками в первой половине 1914 года курсы акций следующих предприятий повысились (+) в процентном отношении или понизились (—):

Акции.	%%%	Акции.	%%%
Банки	— 57	Машиностроительные заводы .	+ 50
Пивоваренные заводы	— 6	Металлические заводы	+ 90
Пароходные общества	— 25	Горнопромышленные общества	— 4
Железные дороги	— 18	Смешанные горнопромышленные общества	+ 33
Электрические предприятия .	— 17	Калиевые заводы	+ 64
Химические заводы	+ 1	Другие заводы обрабатывающей промышленности . .	+ 24

С тех пор курсы продолжали падать, дойдя до половины своей прежней стоимости и даже ниже. Это понижение котировок принято об'яснять недостатком в оборотном капитале. Несомненно, в отсутствии ожидаемого повышения котировок, а также в обострении весной и летом 1924 года понижательной тенденции ценных бумаг, известную роль сыграл также и недостаток в кредите. Однако, решающего значения это обстоятельство не имело, так как денег на бирже вполне хватало, если представлялся случай к хорошей наживе, как это имело место при повышательном движении рентных бумаг, вызванном ожидаемым поднятием ценности займов. Понижение котировок на рынке акций находилось в прямой зависимости от неопределенного положения с акционерным капиталом. Предстоящее ему преобразование в золотые марки до сих пор осуществлено не было. Откуда у мелкого капиталиста явилось бы мужество приобретать мелкие пакеты акций, когда он знал, что всемогущее правление, забронированное привилегированными акциями, в один прекрасный день могло принять решение о значительном сокращении акционерного капитала и тем самым выбросить за дверь мелкого акционера?

Доходы промышленности

У мелкого держателя акций не было уверенности в том, что он действительно ими владеет. У него не было, кроме того, уверенности в том, что эти акции принесут ему доход. Даже напротив, — у него была совершенная уверенность, что в текущем году никакого дивиденда не будет, а в будущем году — вероятно тоже не будет. Со времени стабилизации все яснее стало проявляться стремление акционерных обществ накапливать при-

быль предприятий и выдавать дивиденды только тогда, когда произойдет перечисление капитала в золотых марках и нежелательные мелкие акционеры будут удалены. Иными словами: добыча должна была быть разделена между своими, после удаления посторонних лиц. Акционерные общества при этом утверждали, что прибылей, вообще, сейчас нет и ожидать их нечего, а если и получатся излишки, то ими надо покрыть убытки по инфляции. Для целого ряда промышленных предприятий это верно. Конечно, не только одни рабочие и служащие, и не только те предприятия, которые подпали под конкурс или надзор, пострадали от хозяйственного кризиса, начавшегося в последние месяцы инфляции и продолжавшегося в усиленной мере и после стабилизации. Но на-ряду с пострадавшими предприятиями были и такие, которые в это время процветали, но считали более целесообразным дивидендов не выдавать.

Известные доводы, которыми промышленность старалась подтвердить свое стесненное положение и отсутствие дивидендов, явно несостоятельны. Так, например, утверждение промышленности, что она одна в оккупированных областях с декабря 1923 года несет тяжесть по исполнению договоров с Микумом, в корне неправильно. В действительности, эти договоры не обременили промышленность, или, вернее, тяжелую промышленность, так как уже с начала 1924 года выполнение договоров с Микумом финансируется правительством. Еще раньше, чем это стало официально известно, рурской промышленности были предоставлены правительством кредиты для выполнения договоров с Микумом. На возвращение этих кредитов никто не рассчитывает, да и требовать возврата было бы несправедливо. Поставки для Микума были особой формой репараций, выполнение которых является обязанностью всего германского народа и государства, но никак не задачей одной части страны или известной части промышленности. От поставок Микуму рейнско-вестфальская промышленность пострадала только косвенно, как, впрочем, пострадала и вся германская промышленность. Приходилось платить налоги, так как теперь уже не было источника для покрытия расходов в виде печатного станка.

Оккупация Рура, несчастные последствия пассивного сопротивления и будущие репарационные повинности еще долго будут ощущаться германской промышленностью, в особенности в Рейнских провинциях и в Вестфалии. Но это еще не основание для вывода, будто германская промышленность в будущем неспособна к конкуренции на мировом рынке и не будет прибыльной. Сильнейшая опасность угрожает ей не со стороны будущих и настоящих репарационных и налоговых повинностей, а лежит в ее технической отсталости, в особенности по сравнению с американской промышленностью. Известной части германской промышленности, в особенности экспортирующей, требуется модернизация производства и рационализации труда. Это преобразование будет

играть не последнюю роль в прибыльности промышленных предприятий.

В конечном счете, оценка капитала, а также оценка курсов акций зависит от доходности предприятий. Это основное положение капиталистического хозяйства совершенно было уничтожено, как многие другие принципы, во время инфляции. На бирже дивидендами никто не интересовался, важно было получить возможность к быстрой спекулятивной наживе. Созданный этим хаос еще не прошел. Конечно, нет еще возможности судить о предприятиях по их доходу в таком году, когда из ста различных бумаг еще ни одна не дала дивиденда. До поры до времени надо положиться на внутреннюю ценность предприятий и при оценке акций принять в расчет возможности будущих доходов.

Недооценка городской недвижимости

Все, что сказано выше о промышленных и других биржевых ценностях относится в равной мере и к сельскому и городскому землевладению. И здесь нынешняя оценка опирается на более или менее гадательное предвосхищение будущих возможных доходов. Оценка городских домов находится также под прямым влиянием принудительных законов о найме и высоких налогов на инфляционную прибыль, которые выражаются в обложении наемной платы и в налогах на прирост ценности при продаже домов. Эти налоги взимаются отдельными областями и общинами, получившими право использования этого источника, после того как германское государство в целом, под давлением южно-германских республик, входящих в его союз, отказалось от обложения инфляционной прибыли в свою пользу.

Если даже эти налоги на инфляционную прибыль в течение долгих лет будут ложиться бременем на доходы домовладельцев, все же уже и сейчас стоимость домовладения бесспорно не доценивается. Уже в июле 1924 года в большинстве городов домовладельцам было предоставлено право на взимание 40% наемной платы довоенного времени, при чем в расчет не входил налог на получаемую аренду. Если оценить все налоги, лежащие на домовладении, а также необходимый ремонт даже в 15—20%, домовладельцу, успевшему погасить свои ипотечные долги обесцененными марками, останется чистый доход в виде 20% наемной платы мирного времени. Казалось, можно было бы заключить из этого, что цены на дома достигли теперь одной пятой части довоенной расценки. В действительности же цены на городскую недвижимость в это время колебались между одной восьмой и одной десятой частью довоенной расценки, за исключением цен на виллы и особо выгодно расположенные дома. Причину этого явления следует искать в том, что в настоящее время лицо, приобретающее дом, должно сразу выложить крупную сумму наличными деньгами, в то время, как до войны покупка домов производилась боль-

шей частью в кредит, и за огромные берлинские дома-казармы уплачивалось наличными не более 5.000—10.000 марок.

Другая причина лежит в ненормально высоком учетном проценте, который господствует сейчас в Германии. Тот, кто имеет свободные деньги, предпочитает отдавать их взаем за огромные проценты. Однако кредитный голод начнет постепенно проходить, а вместе с тем понизится процент по ссудам. Есть все основания думать, что цены на свободные от ипотечных долгов дома значительно повысятся, тем более, что еще в течение долгих лет постройка новых домов будет слишком дорогим и малодоходным предприятием.

Доходность сельского хозяйства

Цены на землю и прочую сельскую недвижимость также находятся в прямой зависимости от дальнейшей судьбы учетного процента. Летом 1924 года в Германии за хорошо сохранившиеся и свободные от ипотеки имения, в среднем, платили половину или даже одну третью часть довоенной расценки. Это понижение цен не вызывалось только неблагоприятной кон'юнктурой для сбыта сельско-хозяйственных продуктов, но обусловливалось в гораздо большей степени тем высоким учетным процентом, который привлекал свободные капиталы в другие области. Если даже сельские хозяева несколько сгущают краски, когда утверждают, что чистый доход с сельского хозяйства составляет, в среднем, лишь 4% того, который был учтен в 1913 году при взимании налога на оборону, и при этом еще половина дохода идет на покрытие разных налогов, мы все же должны констатировать, что чистый доход сельского хозяйства значительно понизился в сравнении с довоенным временем. В настоящее время чистый доход с имений, за вычетом всех налогов, составляет не более 2—3% довоенного дохода, и, таким образом, вложенный в имения капитал, при современных ценах, давал бы только доход в 5%. В сравнении с обычными высокими учетными процентами — эта рента более, чем скромна.

Таким образом, за землю и теперь, как это было до войны, переплачивают, если судить о ценности земли по ее доходности. За последние двадцать лет перед войной, под влиянием политики аграрных пошлин и политики заселения восточных провинций, за крупные имения платились цены несоразмерно их доходности. Тогда учитывалось возрастание с каждым годом земельной ренты. Предстоит ли и нам период роста земельной ренты — определить сейчас невозможно. С возобновлением политики аграрных пошлин создается искусственное повышение цен на сельско-хозяйственные продукты. С потерей восточных провинций, площадь сельского хозяйства сократилась, и надо думать, что аграрная таможенная политика будет действовать еще сильнее, чем до войны.

Вторая стадия перемещения капиталов

Таким образом, Германии предстоит пережить значительное повышение всех ценностей. Для народного капитала в целом подобное повышение не имеет значения так же, как не имело значения понижение ценностей, равняясь по курсу доллара, в инфляционное время. Единственное преимущество с народно-хозяйственной точки зрения от этого повышения является усиление сопротивляемости Германии против вторжения иностранного капитала, который не сможет уже приобретать столько реальных ценностей, как это было раньше. Для национального дохода номинальное повышение ценностей роли тоже не играет. Имение не приносит больше зерна от того, продается оно за 100.000 марок или за 50.000 марок. Заводы вырабатывают одинаковое количество машин и фабрикатов, как при понижении, так и при повышении курсов акций на бирже. Если цены на реальные ценности растут при постоянном доходе, это означает лишь, что капитал приносит меньший процент или, наоборот, цены на вещи повышаются, когда падает процент доходности.

Но все это верно только по отношению к народному хозяйству в целом. Внутренней равномерности в отдельных его частях нет. Вследствие этого каждое повышение ценностей всегда связано с перемещениями внутри частно-хозяйственного капитала. Тот, кто своевременно концентрирует свой капитал на том рынке, где скорее всего сказывается повышательная тенденция, кто умеет затем быстро перебросить свой капитал в другую область, чтобы и там тоже принять участие в выигрышах от повышения, тот может увеличить во много раз свой капитал, — правда не с такой скоростью, как во время инфляции, но все же в очень короткий срок.

Начало карьеры Якова Михаэля

Перемещение такого рода для Германии еще все впереди, но началось оно уж с момента стабилизации. Самым характерным для него является образование концерна Михаэля, история развития которого не имеет себе примера в Германии. Основатель и руководитель этого концерна, Яков Михаэль, будучи всего 30 лет от роду, добился положения наиболее мощного финансиста в Германии и является одним из самых богатых людей своей родины. Его карьеру можно сравнить лишь с карьерой австрийца Зигмунда Бозеля. Яков Михаэль родился во Франкфурте-на-Майне 28 февраля 1894 года. Он был сыном мелкого купца, постепенно накоплявшего свой капитал. По окончании реального училища, Яков Михаэль был определен для стажа в старую франкфуртскую металлическую фирму «Беер, Зондгеймер и К°». Он оказался очень ловким малым. Еще юношей Михаэль попадает в Париж и в 18 лет уже проводит самостоятельную операцию с радием.

К началу войны, всего в 20 лет, Яков Михаэль был уже законченным коммерсантом.

Михаэль был призван на военную службу в начале войны, что, однако, не помешало ему продолжать свою торговую деятельность. Военное ведомство нуждалось в вольфраме, и Михаэль, не только берется за торговлю этим металлом со всем свойственным ему знанием дела, но и приобретает единственное в Германии месторождение вольфрама. В 1915 году Яков Михаэль в компании со своим отцом основывает общество с огр. отв. для разработки вольфрамовых руд, с капиталом в 600.000 марок. Это общество имеет монопольное право эксплуатации единственных в Германии вольфрамовых рудников в Саксонских рудных горах. До сих пор вольфрам только импортировался из-за границы. Будут ли выгодными эти разработки при нормальных обстоятельствах для Михаэля совершенно безразлично. Военная промышленность нуждается в вольфраме. Все сырые материалы, необходимые для войны, которые могут быть добыты в Германии, расцениваются военным ведомством на вес золота. Как военный поставщик, Яков Михаэль, получает еще особую премию: по предложению военного министерства в 1916 году он был освобожден от военной службы.

Теперь дело пошло полным ходом. Еще в 1916 году, Яков Михаэль, совместно со своим отцом, основывает сперва во Франкфурте, затем в Берлине фирму «Я. Михаэль и К°», дела которой развиваются быстрым темпом. Предметом торговли служат металлы и химические продукты, — дело и своевременное и выгодное. Уже во время войны открываются отделения в Стокгольме, Цюрихе и Амстердаме, и в фирму входит новый компаньон по металлической отрасли, Герман Штарк. Отныне фирма носит название «Штарк, Михаэль и К°».

Образование концерна Михаэля

Первый период расцвета окончился с заключением мира. Поставщики военного ведомства должны были найти для себя другую сферу деятельности. Продукция вольфрама в рудных горах не приносит уже доходов и потому прекращается. Общество для разработки вольфрамовых руд продолжает существовать по имени, но занимается уже не добыванием, а обрабатыванием руд и торговлей ими. Новые перспективы открывает распродажа военных запасов. Постепенно развивается оживленная торговля металлами и химическими продуктами. В 1920 году Яков Михаэль не поладил со своим компаньоном, и Штарк вышел из фирмы. Вскоре Штарк основал собственное дело для торговли металлами и химическими продуктами, которое сильно процветало в последнее время инфляции и сделало Штарка богатым человеком. Но карьера Михаэля была еще более блестящей. Фирма, которая носит теперь опять прежнее название «Я. Михаэль и К°» все больше

и больше посвящает себя химической торговле. Как это нередко встречалось в инфляционное время, Михаэль из торговли постепенно переходит и к промышленности. Он приобретает целый ряд химических заводов. В других химических предприятиях Михаэль участвует своим капиталом, а также занимается учреждением новых предприятий. Имея деловые связи за границей, Яков Михаэль рано учел сущность инфляции и ценность девизов, вследствие чего сумел своевременно превратить свои бумажные деньги в реальные ценности.

В 1923 году, когда инфляция достигла своего высшего развития, у Михаэля имелся уже целый концерн из тридцати крупнейших химических предприятий. Из них самыми значительными являются основанная в 1846 году химическая фабрика в Биллвердере, бывшее «Акционерное общество Гелл и Штаммер» близ Гамбурга. На фабрике было занято около 400 рабочих, и акции общества котировались на гамбургской бирже. Далее, химическая фабрика Эйдельштет, бывшее «Акц. о-во Иосиф Освальдовский», вырабатывающая продукты перегонки дерева; акционерное общество дегтярной промышленности в Гейденау у Дрездена, специальностью которого является нафталин; химическая фабрика Тетеров в Мекленбурге, учрежденная, так же как и гейденауское общество, только в 1921 году. Эта фабрика является одним из самых крупнейших предприятий в Германии для производства нашатыря. Кроме того, Михаэль приобрел еще ряд других фабрик в Осмарслебене, в Ангальте, Акен на Эльбе, в Нордгольце в округе Леге, в Ютерборге, а также химическую фабрику Виттекинда в Фольпригаузене и основанные в сороковых годах прошлого столетия металлические заводы, принадлежавшие раньше «Акционерному обществу И. Адер» в Магдебург-Нейштадте. На этих заводах, изготовляющих специальные аппараты для химической промышленности, занято свыше 600 рабочих. Затем, вместе с министерством путей сообщения, основан в Берлине завод для использования материалов прежних государственных предприятий.

Как это полагается концерну инфляционного времени, Михаэль заботится о его распространении и о захвате заграничного рынка. Целый ряд заграничных предприятий присоединяется Михаэлем к его концерну. Вместе с австрийским правительством Михаэль учредил общество химической промышленности в прежних государственных фабриках в Блумау под Веной. Далее, Югославское акционерное общество для производства и торговли химическими продуктами в Загребе, Акционерное общество югославской химической промышленности в Броде на Саве, Акционерное общество «Польфа» (польских фабрик для химических и фармацевтических продуктов в Чеховицах у Белица в Польше) и «Химическое общество с огр. отв.» в Колине, в Чехо-Словакии. На всех этих фабриках вырабатываются различные продукты органической и неорганической химии.

Управление всеми этими разновидными предприятиями сосредоточено в берлинской фирме «Я. Михаэль и К°», где работают свыше 350 служащих.

Как обычно для концернов инфляционного времени, правление раздуто до невероятных размеров. Михаэль окружен целым штабом инженеров и химиков. Он содержит экспериментальную и аналитическую лаборатории. Само собой разумеется, что нет недостатка и в юристах и экономистах. Фирмой собран целый архив по вопросам геологии и народного хозяйства. Наконец, фирма издает собственный периодический орган «Известия химической и металлургической промышленности». Огромная сеть отделений фирмы раскинулась по всему свету. В Дюссельдорфе, в Франкфурте-на-Майне и Гамбурге фирма имеет свои собственные отделения, а в остальных городах фирма представлена другими обществами, учрежденными Михаэлем. Так, в Вене имеется «Общество с огр. отв. Готеин, Михаэль и К°», в Праге — «Общество Я. Михаэль и К°», в Варшаве «Я. Михаэль и К°», в Цюрихе «Химическое и металлическое акционерное общество». Кроме того, фирма имеет постоянных представителей в Аграме, Прессбурге, Темешваре, Барселоне, Брюсселе, Париже, Милане и Лондоне. Таков приблизительный состав фирмы к концу инфляции. С внешней стороны — крупный промышленный усовершенствованный концерн. Конечно, не единственный в своем роде, а один из многих себе подобных.

Дальнейшее развитие дел концерна показало, что понятие промышленного предприятия к нему не совсем подходит. Промышленник инфляционного времени приобретает свои предприятия не для того, чтобы их удержать при всех обстоятельствах, и сбывает их при первом выгодном случае, приобретая взамен новые владения. Несколько месяцев спустя состав концерна Михаэля выглядел уже совсем иначе. В начале апреля 1924 г. Михаэль преобразовывает химическую фабрику Тетеров в «Акционерное общество для химической и металлургической промышленности Я. Михаэль» и ставит это общество во главе всех химических и металлургических предприятий концерна. Под наблюдением этого общества, находящегося в Берлине, стоят: Акц. о-во химической промышленности в Ахене, химические фабрики в Билвердер, Эйдельштет, Гезеке, Ютерборг, Нордгольц, Осмарсдебен, Функштат, Фольпригаузен, Акц. о-во «Сикко» в Берлине, металлические заводы «Адерс» в Магдебурге, Мюнхенская фабрика для производства электромоторов «Меваг», акционерное общество для автомобильного и экипажного производства в Мюнхене.

Прибыли от стабилизации

В период стабилизации Михаель меньше посвящает себя промышленной деятельности, и главный интерес его сосредоточен на финансовых операциях. Яков Михаэль принадлежал к числу тех

немногих немцев, которые еще осенью 1923 года верили в успех стабилизации валюты. Чутье подсказывало ему, что период инфляции окончился и что теперь надо применяться к новым обстоятельствам, когда девизы и материальные ценности не будут уже единственными реальными ценностями для помещения своего капитала. В тот момент, когда инфляция выражалась в самых диких скачках курса и когда за один доллар платили от семи до восьми биллионов марок, Михаэль твердо стоял за марку. В рейнских провинциях, где выше всего стояли курсы на иностранную валюту, Михаэль реализует свои девизы и валюту и сразу бросает на биржу большие пакеты бумаг. Это было в ноябре 1923 года. Таким образом, в руки Михаэля стекаются колоссальные груды бумажных марок. Он складывает их целыми кипами и выжидает. Конечно, это была самая рискованная игра ва-банк. Но расчеты его оправдались. Когда несколько недель спустя, наряду с рентной маркой, консолидировалась также бумажная марка, поток бумажных денег прекратился, и сразу наступил денежный голод. Яков Михаэль оказался крезом, располагающим какими угодно свободными средствами. С усилением кредитного кризиса и повышением учетного процента для Михаэля открывается широкое поле для новой деятельности и наживы. В то время, в виду премии за риск против дальнейшего ожидаемого обесценения денег, платили 10, 20 и даже 30% в месяц за предоставленные кредиты, и Михаэль широко развивает свои кредитные операции.

С мелкими должниками Михаэль поступал сурово, беспощадно расправляясь с ними, но там, где это было выгодно, он умел показать свое «благородство». Извлекая все выгоды из создавшейся кон'юнктуры и ссужая свои деньги только под очень высокие проценты, Михаэль выказывает чрезвычайную предупредительность к почтовому ведомству, попавшему временно в жестокую денежную нужду. Михаэль предоставил почте 30 миллионов золотых марок за очень низкий процент; по словам самого Михаэля, за 4—5% годовых. «Добродетель торжествует!» Когда дела почты через несколько месяцев поправились и почтовое ведомство располагало уже крупными наличными деньгами, оно, в свою очередь, предоставило кредит Михаэлю опять-таки по низкому проценту. А Яков Михаэль пустил полученные кредиты в оборот и отдавал их в ссуды по весьма высокому учетному проценту. И только, когда эти гешефты всплыли наружу и были подвергнуты резкой критике в прессе, правительство спохватилось. Председатель государственного банка д-р Шахт в апреле 1924 года вмешался в это дело, прекратил отпуск кредитов Михаэлю и направил свободные средства почтового ведомства в государственный банк, который кредитовал из этих средств сельское хозяйство.

Банковские операции Михаэля

Тем временем Яков Михаэль совершенно преобразовал свой концерн, придав ему новую соответствующую его финансовым операциям организацию. В «Акционерном обществе для химической и металлургической промышленности Яков Михаэль» было сосредоточено управление всеми промышленными предприятиями Михаэля. Банком концерна, и в то же время управлением для всех финансовых операций Михаэля служит учрежденный в феврале 1924 года Промышленный частный банк. Этот банк был преобразован Михаэлем из мелкой банкирской конторы Поле. Все дела, связанные с приобретенными Михаэлем по самой низкой расценке земельными участками во всех районах Берлина, он сосредоточивает в Обществе «Терра» (Земля). Для проведения своих кредитных операций Михаэль приобретает большинство акций Ганноверского земельного кредитного банка, который преимущественно финансирует недвижимую собственность концерна. Покупкой большинства акций Среднегерманского земельного кредитного банка Михаэль еще более усиливает свое влияние на ипотечном рынке. В то же время Михаэль расширяет свой концерн и в другой области присоединением к нему страхового общества «Германия» в Штетине вместе с четырьмя зависящими от него страховыми обществами. Он еще более укрепляет свои позиции в страховом деле, участвуя, начиная с сентября 1924 года, в «Концерне-Идуна».

Яков Михаэль пытался и вне Германии распространить свою финансовую мощь. Так, отделение фирмы в Вене «Готеин, Михаэль и К°» покупает у обанкротившегося венского крупного спекулянта Генриха Броннера большой портфель акций венского Учетно-ссудного банка. Всего было приобретено 2.600.000 акций по курсу в 50.000 крон за акцию. В этой операции Михаэля больше всего привлекала возможность войти в тесные сношения с другим крупным акционером Учетно-ссудного банка—с Banque d'Outre Mer в Брюсселе. Это удовольствие обошлось Михаэлю очень дорого, так как Учетно-ссудный банк в июне 1924 года обанкротился, не выдержав тех опустошений, которые произвел в его делах в свое время Броннер. Михаэль, что называется, сел, имея претензию к Броннеру в 70 миллиардов крон, или, по курсу того дня, в 1 миллион долларов. Михаэль получил взамен своего требования на 1,4 миллионов акций Ссудного банка и 80.000 акций керосиновых и винокуренных предприятий. За эти акции Михаэль впоследствии получил лишь 7,6 миллиардов крон, и таким образом, значительная часть убытка все же оставалась непокрытой. Предоставленный Михаэлем раньше кредит этому банку в размере одного миллиона золотом ему удалось спасти, благодаря реализации залогов.

Борьба за среднегерманский кредитный банк

После своего неудачного выступления в венском банковском деле, Яков Михаэль принял самые энергичные меры к тому, чтобы проникнуть в какой-либо из крупных германских банков. Уже с конца инфляции Михаэль поддерживал дружественные отношения с крупными банками, стараясь, однако, им при этом показать, что он представляет собой финансовую силу, с которой следует считаться. Когда во время тяжелого кредитного кризиса к Михаэлю обращались клиенты крупных акционерных банков с просьбой о ссуде, Михаэль им никогда непосредственно кредитов не предоставлял, а переводил в распоряжение банка, с которым проситель до сих пор работал, соответствующие суммы. К Михаэлю переходили права на жиро-конто клиента в банке, но банку он в то же время оказывал услугу, сохраняя ему клиента. Однако, попытки Михаэля таким мирным путем проникнуть в крупные банки не увенчались успехом. Правления крупных банков охотно принимали при случае финансовую помощь от Михаэля, но, сознавая, какую мощь представляет концерн Михаэля, опасались допустить тридцатилетнего креза в свои ряды.

Когда Михаэль убедился, что мирным путем ему не удастся осуществить свои намерения, он пустил в ход силу. Самой подходящей целью для своих достижений он считал Среднегерманский земельный банк в Франкфурте-на-Майне. В этом городе он был своим человеком, и здесь благодаря своим семейным связям (он недавно перед тем сделался женихом дочери своего старого патрона Зондгеймера из фирмы «Беер, Зондгеймер и К°»), он надеялся легче всего получить доступ в банки. Купив значительный пакет акций, Михаэль обратился в правление банка, в котором членом состоял также его тесть, с требованием предоставить ему место по праву крупного акционера в наблюдательном совете. Но наступление Михаэля на банк было отбито, и тогда Михаэль перешел уже к открытой борьбе. В общем собрании акционеров Среднегерманского кредитного банка Михаэль через одного акционера, имевшего основных акций на $87^1/_3$ миллионов марок из общего представленного акционерного капитала в 740 миллионов, то-есть обладавшего больше 10% всего представленного капитала, возбудил протест против всех постановлений собрания. Этот протест был занесен в протокол, и Михаэль через своего представителя грозил возбудить судебное дело.

Потерпев фиаско в этом банке, Михаэль не сложил оружия и добился участия в другом франкфуртском банке — Германском союзном банке, в преобразовании которого он участвовал совместно с Германским банком (Дейче банк). Но зная деловое честолюбие молодого Михаэля, мы можем с уверенностью сказать, что он не успокоится до тех пор, пока ему не удастся проникнуть в другие большие банки. Хотя до сих пор Михаэль в своей

быстрой карьере неоднократно терпел поражения, как, например, его несчастная сделка с венским Учетно-ссудным банком и биржевые спекуляции на понижение французского франка, — все же он считал достаточно мощными свои финансы для того, чтобы затеять борьбу с сильными мира сего. Это означает поворот в деятельности молодого германского миллионера, который до сего времени решался лишь на приобретение мелких и средних предприятий. Борьба за обладание Среднегерманским банком напоминает, как и другие черты характера Михаэля, борьбу Зигмунда Бозеля за венский союзный банк. Зигмунду Бозелю благоприятствовали обстоятельства, так как он начал свой поход на этот старинный и солидный венский банк в момент прекращения инфляции и после того, как Камилло Кастильони, являющийся антиподом Бозеля, расчистил почву для новых богачей. Яков Михаэль, нажившийся, главным образом, на дефляции, должен был начать свою борьбу во время консолидации, в тот момент, когда со всех сторон новым богачам грозила опасность пошатнуться, и старая финансовая аристократия стремилась к отвоеванию своих прежних позиций.

Конец трагикомедии

Попытка перейти одним скачком от финансиста-ростовщика к финансовому магнату высшего стиля, ясно показывает, к каким целям стремился Михаэль.

Михаэль больше всех в Германии в настоящее время нажился на дефляции, но среди крупных концернов дефляционного времени его концерн не единственный, получивший большие прибыли от дефляции. Уже сейчас намечается ряд концернов, которые со времени стабилизации валюты увеличили свой капитал во много раз. К ним относится и концерн «Бр. Бармат». Это есть лишь начало того перемещения капиталов, которое получит свое развитие с окончательной стабилизацией всех ценностей. Прибыли, полученные в острый период дефляционного кризиса, по своему характеру сходны с барышами других финансовых кризисов. Что касается убытков дефляционного времени, то это часто не новые убытки, а лишь признание потерь, причиненных инфляцией.

Первый акт исторической трагикомедии закончился. Она была трагедией для одной части населения, комедией для другой. Второй акт предстоит нам впереди. Было бы наивно думать, что история начнет теперь развиваться в обратном направлении и остановится на исходной точке, т.-е. на 4 августе 1914 года, когда впервые начал действовать печатный станок. Неудачники, потерявшие в тяжелые дни инфляции свое состояние, утешали себя надеждой, что скоро все изменится и герои инфляционного времени провалятся сквозь землю. Эта ребяческая вера себя не оправдала. Перемещение капиталов во время дефляции принесет

новые изменения своеобразного характера. Если эти перемещения будут происходить даже только внутри отдельных слоев капитала и не вызовут таких глубоких социальных переворотов, как при инфляции, все же эти изменения будут достаточно ощутительны, чтобы придать германскому народному хозяйству совершенно иную физиономию.

ЧАСТЬ II.

ДРУГИЕ ГОСУДАРСТВА

Глава IX

НОВЫЕ ГОСУДАРСТВА

Война совершенно изменила географическую карту Средней и Восточной Европы. Из старой Австро-Венгрии, из уступленных Германией областей, из бывших русских губерний, из частей Болгарии и Турции образованы новые государства, а границы некоторых прежних государств расширены. Таким образом, к востоку от Германии, Скандинавских государств, Италии и Швейцарии возникла совершенно новая система государства. На-ряду с изменениями политических границ, происходили также перемены в хозяйстве и в валюте, вызвавшие в этих странах сильнейшие перемещения капиталов.

Австрия — эта классическая страна валютных кризисов, валютных теорий и искусственных мер по оздоровлению валюты— была первым государством (за исключением России, где царские деньги были уничтожены сознательно), в котором валютная катастрофа разразилась в полной мере. Между падением кроны и падением марки существует любопытная параллель. Австрия всегда была впереди Германии ровно на один год. Основание к обесценению австрийской кроны было заложено уже во время войны. В роковой день 4 августа 1914 года, когда законодательным актом в Германии был отменен обязательный размен казначейских знаков на золотую валюту, в Австрии было издано постановление, которое в корне изменило устав Австро-Венгерского государственного банка. Финансирование войны в Австрии шло теми же путями, как и в Германии: безграничные кредиты государству и безграничное печатание бумажных денег. В Австрии поступали еще более легкомысленно, более деспотически и менее честно. В Австрии даже не считали нужным опубликовывать отчеты банка о выпуске бумажных денег.

Результатом этой финансовой политики была полная разруха денежного хозяйства к концу войны. Двадцать третьего июля, 1914 года, Австро-Венгерский банк располагал золотым запасом в 1,25 миллиардов крон и имел в обороте банкнот на 2,1 миллиардов крон. Тридцать первого декабря 1918 года, золотая на-

личность сократилась до ¼ миллиарда крон, а оборот банкнот возрос до 31 миллиарда крон. Актив банка состоял почти исключительно из долговых обязательств австро-венгерского правительства.

Раздел Австро-Венгрии

Сен-Жерменский мирный договор грубо схематически разделил золотой запас между вновь образованными государствами в зависимости от обращения в них банкнот. На немецкую Австрию пришлась четвертая часть. Но это не было еще самым страшным. Ужаснее были организационные и хозяйственные разрушения, вызванные разделом бывшей империи. Промышленные округа старой Австрии отошли к Польше и Чехо-Словакии; самые плодотворные сельско-хозяйственные области — к Венгрии; округа, где были курорты и куда ездили многочисленные туристы, вместе с Триестом — к Италии. Немецкая Австрия превратилась в жалкую альпийскую страну с 6 миллионами жителей и представляет собой слабое, высохшее тело с распухшей от водянки бесформенной головой в виде двухмиллионной Вены. Финансовый гений, вроде Алоиса Рашин в Праге, мог бы, по крайней мере, создать в расстроенном денежном хозяйствее некоторый порядок. Но Вена не имела своего Рашина. Она имела лишь несколько способных теоретиков и средних практиков, которые внесли наследственную австрийскую добродетель — распущенность в новое государство.

Последствия не заставили себя ждать. Поток бумажных денег все возрастал, а крона все больше и больше падала. Уже через год после окончания войны в Вене за один доллар платили 100 крон. В конце 1920 года платили уже 1.000 крон, в конце 1921 года — 5.000 крон и, наконец в 1922 году наступило полное банкротство. С марта до сентября этого года, курс доллара повысился от 7.000 до 70.000 крон. Нужда населения, которое до того спасалось от голода лишь продуктовыми посылками и небольшими заграничными займами, достигла крайнего предела. Начались голодные демонстрации на улицах. Антанта угрожала ввести в Вену свои войска.

Оздоровление финансов, предпринятое Зейпелем

При таких обстоятельствах союзный канцлер Игнац Зейпель предпринял круговую поездку в Прагу, Берлин и Верону. Он очень удачно использовал одну страну против другой. Всюду он рассыпал обещания и взамен получал обещания. Заручившись этой поддержкой, он предстал перед Лигой Наций, и Англия, которая еще так недавно холодно отклонила просьбы австрийского просителя, на этот раз не сказала «нет». Австрия получила крупный иностранный заем, который весь был размещен и принес 575 миллионов золотых крон. С своей стороны Австрия дала обязательство выпустить собственный золотой заем.

Но зато Австрия получила, в лице Роттердамского бюггермейстера Альфреда Циммермана, генерального комиссара для наблюдения над австрийскими финансами. Этот комиссар должен был отчитываться перед Советом Лиги Наций. Таким образом, Австрия вынуждена была отказаться от важнейших суверенных прав. Политическая и хозяйственная ориентация Австрии была всецело направлена в сторону Антанты. Но этим самым Австрия спаслась от валютного бедствия. Восемнадцатого ноября 1922 года, ровно за год до начала стабилизации в Германии, австрийский печатный станок был приостановлен, а бюджет снова перешел на налоги. Чудо совершилось. Курс доллара остался на 70.000 кронах, и, следовательно, крона стабилизовалась на одной пятнадцати-тысячной части своей довоенной стоимости.

Четырех лет войны и восьми лет инфляции было совершенно достаточно, чтобы перевернуть коренным образом все хозяйство Австрии. Разница между богатством и бедностью, которая с достаточной резкостью уже обнаруживалась во время войны, после нее приняла самые чудовищные размеры. Международная спекуляция уже давно набросилась на Вену. Разница между покупательной силой кроны внутри страны и ее ценой на валютном рынке дала возможность нажиться капиталистам, имеющим полноценную валюту. Многие крупные банки перешли к иностранцам. Но и для отечественных или полуотечественных спекулянтов, при известной ловкости, умении приспособиться и беззастенчивости, представлялось безграничное поле для наживы.

Камилло Кастильони

Лучше других использовал эту кон'юнктуру Камилло Кастильони, сын раввина из Триеста. Во время войны Кастильони был коммивояжером на востоке, а затем работал в Вене по автомобильному делу. В Вене же он начинает свою промышленную деятельность сначала в качестве незначительного служащего, а затем — директора фабрики резиновых изделий и автомобильных шин. Впоследствии эта фабрика была преобразована в Американско-Австрийское общество заводов Семперит. В этой области во время войны существовали большие возможности наживы, а для ловкого дельца также и возможности для быстрой карьеры. Из моторной и автомобильной отрасли Кастильони перешел к производству летательных аппаратов и своими организационными способностями и в этой промышленности добился значительных успехов. Кастильони приобретает большие пакеты акций заводов Семперит и австрийских заводов Даймлера «Фиат». Деньги для своих приобретений он большей частью получал в виде кредитов из Венского депозитного банка, членом правления которого он состоял. Переход от военных поставок к промышленности мирного времени для Кастильони был тем легче, что он по мирному договору как уроженец Триеста сделался

итальянским подданным. Он мог теперь, пользуясь всеми правами иностранца и всеми преимуществами итальянской лиры, продолжать в Вене свой путь к наживе. Как опытный коммерсант, Кастильони сделался посредником между австрийскими и иностранными промышленниками и финансистами.

Приобретение Альпийского горнопромышленного общества

Наиболее удачным выпадом в этой области была сделка с австрийским Альпийским горнопромышленным обществом. Сейчас же после войны Кастильони приобретает значительную часть акций этого крупнейшего и лучшего горнопромышленного обще- с большим для себя барышом итальянским заводам Фиат. Но попытки Кастильони и Фиат, за которыми стоял Итальянский кре- попытки Кастильони и Фиат, за которыми стоял Итальянский кредитный банк в Милане, оживить Альпийское общество ни к каким результатам не привели. Итальянские лиры не помогали, так как они не могли доставить обществу уголь. Топливо, которое общество раньше получало из Богемии, стало недосягаемо с тех пор, как Богемия превратилась в Чехо-Словакию. Доменные печи были потушены, а производство чугуна сократилось до одной десятой части довоенного.

Для группы Кастильони-Фиат было лишь два выхода: или продать совсем свои акции или найти такого компаньона, который располагал бы необходимым для производства коксом. Группа через агентов устроила своего рода тайный конкурс среди крупных промышленных концернов: «Беер Зондгеймер и К°» во Франкфурте-на-Майне, Отто Вольф в Кельне, Равак и Грюнфельд в Берлине и Шнейдер-Крёзо в Париже. Победителем вышел Гуго Стинес, который из 500.000 акций Альпийского горного общества купил 200.000, принадлежавших группе Фиат. Цена акции в 1.000 марок бумажными деньгами казалась в то время фантастично высокой, тем более, что расчет должен был быть произведен в итальянской валюте. Это было в марте 1921 года, когда за 1.000 марок можно было получить 430 лир, а Гуго Стинес имел уже тогда достаточно капитала, чтобы купить 80 миллионов лир. В руках Кастильони остались 50.000 акций Альпийского горного общества, которые он приобрел ранее совместно с Миланским коммерческим банком. Таким образом, группа Стинеса-Кастильони фактически имела большинство акций в предприятии. В организационном отношении Альпийское горнопромышленное общество было связано со стинесовским горно-электрическим трестом, то-есть с «Сименс-Рейн-Эльба-Шуккерт-Унион». Чтобы получше застраховать себя Стинес-Кастильони поместили свои акции в Швейцарии, учредив там об-во «Промонтана». Особой радости Альпийское горное о-во Стинесу не доставило. Вступая в связь с группой

Кастильони, Стинес прежде всего имел в виду поставку рурского угля и кокса в Штирию, где находились заводы Альпийского общества. Но комиссия по репарациям осенью 1921 года запретила Стинесу вывоз угля. После долгих усилий удалось получить уголь и кокс из Чехо-Словакии и тем самым наладить производство. Но, приобретая чехо-словацкий уголь, Альпийское общество увеличивало свои заграничные обязательства. Одна сумма долга за поставленный уголь выразилась в 81 миллион чехо-славацких крон, или 10 миллионов марок золотом, которые надо было уплатить чешским банкам и горным обществам. Выход из этого положения был найден путем установления тесной связи между Альпийским горным обществом и железоделательными заводами «Бисмарк», принадлежащими Фридриху Фликку и находящимися в верхней Силезии. Через Фридриха Фликка Альпийское общество наладило тесные сношения также с акц. об-вом Тиле-Винклер-Катовиц, имеющим горные шахты, рудники и железоделательные заводы. После этой сделки с верхнесилезскими обществами, Стинес в июне 1923 года вышел из состава Альпийского общества, и, таким образом, Кастильони в настоящее время является полным хозяином в этом крупнейшем австрийском горном обществе.

Союз с мощным германским промышленным концерном дал Кастильони ценную базу для его дальнейшей экспансии. Свои приобретения за границей Кастильони, главным образом, делал в юго-восточной Европе. В Венгрии Кастильони совместно с Британско-Венгерским банком приобретает акц. о-во железоделательной промышленности д-ра Липтака в Будапеште. Через это общество Кастильони получает доступ в Деуцеровское общество для производства моторов, а благодаря последнему обществу входит в тесные сношения с концерном Клёкнера. Кроме того, Кастильони учреждает в Будапеште общество для торговли металлами и железом, так называемое «Акц. о-во Ферро». Во время инфляции Кастильони приобрел большинство акций или значительные пакеты десятка других обществ в бывших австрийских государствах. Кастильони проникает также на Балканы и в румынскую деревообрабатывающую и керосиновую промышленность.

Австрийский Стинес

Трудно сказать, где выступал во всех этих делах Кастильони самостоятельно, а где был только агентом Гуго Стинеса. При тесном переплетении капиталов, здесь нельзя провести точной границы. Несомненно, было бы ошибкой считать Кастильони только исполнителем воли Стинеса и рассматривать владения Кастильони как провинцию «Стинезии». Действия Кастильони были большей частью совершенно самостоятельны. Осенью 1922 года внимание общества было возбуждено союзом между Нижне-австрийским учетным обществом, находившимся в тесной связи

с Кастильони, и Парижским банком «Union Européenne Industrielle et Financière», в котором решающее значение имели Шнейдер-Крезо. Нельзя рассматривать этот союз просто как связь Шнейдера и Стинеса.

Но еще более активно, чем в промышленных концернах, Кастильони развивал свою деятельность в контролируемых им банках. Долгое время банковская деятельность Кастильони сосредоточивалась в Венском депозитном банке, в правлении которого он председательствовал. Кастильони возглавлял также наиболее старинный и солидный из банков Вены — «Унион-банк». Но из этого банка его вытеснил Бозель. Кастильони имел решающее влияние, как мы уже указывали, и на Нижнеавстрийское учетное общество. Часть своих финансовых операций Кастильони проводил через «Банкирскую и комиссионную контору Камилло Кастильони» в Вене. Для управления всеми своими владениями Кастильони в марте 1924 года учредил в Вене «Акц. о-во Кастильони».

Подобно германскому Стинесу, австрийский Стинес, как называли Кастильони, также позаботился о включении в свой трест газетных предприятий. Благодаря приобретению акций издательства бумажной фабрики «Эльбемюль», Кастильони получил влияние на три венские ежедневные газеты: «Экстраблат», «Митагсцейтунг» и «Винер Алгемейне Цейтунг», кроме того, «Зонтагс и Монтагсцейтунг», выходившую по воскресеньям и понедельникам, и также один иллюстрированный журнал. Помимо этого, Кастильони финансировал газетные предприятия Бекесси, в которые входили ежедневная газета «Ди Штунде» (Час) и финансовый журнал «Биржа». Не из снобизма приобретал Кастильони влияние на общественное мнение, как это делают английские лорды и финансисты. Кастильони стремился использовать свою власть там, где это было выгодно. Газеты ему были нужны для защиты его интересов.

Как и Стинес, Кастильони примыкает к лагерю непримиримой социальной реакции. Попытка Кастильони в начале 1924 года удлинить рабочий день не имела такого успеха, как аналогичная попытка Стинеса.

И только в одном Кастильони существенно отличается от Стинеса. В своей личной жизни Кастильони был далеко не так скромен, как Стинес. Его блестящий дворец в стиле Ренессанс на улице Принца Евгения в Вене, великолепная картинная галлерея, наконец, его брак с знаменитой театральной звездой доказывают, что помимо денег и власти у Кастильони есть и другие интересы. Кастильони не отказывается от благотворительности там, где это выгодно или может составить рекламу. Чтобы получить возможность воздвигнуть на берлинской Тиргартенштрассе огромный доходный дом, Кастильони предварительно выстроил 15 домов для

рабочих. Само собой разумеется, что во всех его культурных начинаниях и общественной деятельности не было ни капли благородства.

Бозель, военный поставщик

Кроме Кастильони волны инфляции выдвинули в Вене еще одного креза, но совершенно другого типа. Зигмунд Бозель полная противоположность Кастильони, а путь его к богатству еще более быстрый и поразительный. Если Кастильони часто называли австрийским Стинесом, то Бозеля можно скорее всего сравнивать с Отто Вольф и Штраусом, или лучше еще, с Яковом Михаэлем. Те же приемы, те же принципы, те же характерные черты: изворотливость, вкрадчивость, ловкость, редкое умение использовать хозяйственную и политическую конъюнктуру. Бозель в своих отношениях с людьми был весьма обязателен; в нем совершенно отсутствовала надменная пренебрежительность богачей и его лозунгом было: «жить и давать жить другим».

Зигмунд Бозель, родившийся в 1893 году, был сыном мелкого мануфактурного торговца Вены. По окончании средней школы, он вступил в дело своего отца в качестве ученика. Начало войны застает Бозеля приказчиком в магазине готового платья. Инфляция с ее миллиардными барышами пробудила в нем, как и в других новых миллионерах, самые фантастические планы наживы. Бозель прежде всего старается проникнуть туда, откуда падает благословенный миллиардный дождь. Министерство войны и обороны предоставляет Бозелю подряд на постройку бараков и лагерных палаток для карпатских беженцев. Сначала Бозель покупает материалы по поручениям министерства, а затем становится самым крупным поставщиком текстильных товаров для австрийской армии.

Когда власть оказывалась в нужде, Бозель удивительно ловко умел во время прийти на помощь. Венская полиция, во главе которой тогда стоял будущий союзный канцлер, христианский социалист Шобер, нуждалась в провианте. Бозель вызывается поставить ей необходимые консервы. Само собой разумеется, что Бозель идет при этом не совсем прямыми путями. Любезный молодой Бозель становится любимцем начальников различных ведомств: он, не возбуждая внимания, берет на свой счет то, на что они сами не рискуют. В результате всех этих услуг двадцатипятилетний Бозель к концу войны обладал не только значительным состоянием, но имел еще вполне им заслуженный чин коммерции советника.

После войны требовалось повернуть фронт, сразу и политический и экономический. Бозель и здесь обделывает свои дела быстро и не без элегантности. Он заручается поддержкой нового социал-демократического правительства, уладив дела известного рабочего кооператива «Hammerbrot» (по снабжению рабочих хлебом), задолжавшего в Голландии 800.000 гульденов. Как коммер-

сант, Бозель, подобно другим военным поставщикам Германии, переходит от мобилизации к демобилизации. С большим успехом для себя он участвует в продаже и утилизации оставшегося после войны военного имущества. Бозель основывает экспортно-импортную фирму «Омниа» и вскоре после этого учреждает собственный банк.

Завоевания Союзного банка (Унион-банк)

Осенью 1922 года Бозелю удается операция, которая продвигает его сразу в первые ряды героев инфляции и делает его знаменитым не только в Вене, но и далеко за пределами ее. Бозель долго готовился к предстоящей схватке и затем решительным ударом он завоевывает венский союзный банк (Унион-Банк). Когда Бозель пред'явил свои права на этот консервативнейший и наиболее солидный венский банк, последний находился в руках консорциума, состоящего из Кастильони, Дрезденского банка, богемского союзного банка и Венгерско-Итальянского банка. Постепенно Бозель из 1.500.000 акций Унион-Банка приобрел 600.000 акций. Кроме того, Бозелю удалось приобрести значительный пакет акций Земельно-кредитного общества, являвшегося учреждением названного консорциума, который имел неосторожность выпустить из рук эти акции и продать их на бирже.

Когда правление Унион-Банка в октябре 1922 года узнало об угрожающей ему опасности со стороны Бозеля, оно озаботилось выпуском новых 500.000 акций по курсу 17.000 крон, которые были предоставлены консорциуму Кастильони, хотя акции Унион-Банка котировались на бирже в то время по 40.000 крон. Бозеля эта запоздавшая мера не остановила. Между молодым хищником и правлением Унион-банка, во главе которого стоял восьмидесятилетний Эуген Минкус, завязалась очень резкая переписка. Упреки Бозеля, но еще более невероятно высокая цена, которую он предлагал правлению за состоящие в его распоряжении акции, достигли своей цели, и после шестимесячной борьбы Кастильон очистил поле и выступил из состава правления Унион-Банка. Таким образом, Бозель приобрел в марте 1923 года 900.000 акций по курсу 85.000 крон, принадлежавших консорциуму Кастильони и этим самым сделался полным хозяином крупнейшего венского банка. Отныне молодой Бозель председатель правления Унион-Банка.

Покупка последнего пакета акций стоила Бозелю один миллион долларов, а в общем он истратил на приобретение Унион-банка около 8 миллионов швейцарских франков. Сумма сама по себе не так велика для 80% акций крупного банка, обладавшего до войны капиталом в 70 миллионов золотых крон и дававшего ежегодно чистый доход более 7 миллионов золотых крон. Эта же сумма, выраженная в кронах инфляционного времени, казалась

совершенно невероятной по своим размерам. Но Бозель, в противовес публике, совсем не нуждался в расшифровке колоссальных миллиардных сумм инфляционных крон, так как всегда сам считал только на золото. Еще в первой стадии инфляции, Бозель, рано поняв ее сущность, поместил свои средства в швейцарских банках.

Для Бозеля, как для крупного банкира, открылся теперь путь к промышленности. С приобретением Унион-Банка, Бозель получил контроль над целым рядом мелких и средних промышленных предприятий в немецкой Австрии и других государствах, входивших ранее в Австро-Венгерскую империю. Среди прочих контролируемых Бозелем предприятий находились также Крупповские заводы в Берндорфе. Однако маленькая Австрия не представляла ничего заманчивого для крупной предпринимательской деятельности. Самое большое горнозаводское предприятие, Альпийское горнопромышленное общество, было уже завоевано концерном Стинес-Кастильони. Государственные неудачливые заводы в Веллерсдорфе не соблазняли Бозеля. Подобно большинству новых богачей, Бозель расширил круг своей деятельности и пустился на захват иностранного рынка.

Бозель и Рокфеллер

В своих захватах Бозель так же, как Кастильони, пользовался поддержкой своих иностранных союзников. Еще с большей ловкостью, чем его сильный венский конкурент, Бозель умел войти в союз с иностранными группами, со стороны которых он не должен был опасаться никаких политических неприятностей, вроде тех, которые Кастильони через связь свою с Стинесом терпел от комиссии по репарациям. У Бозеля был тот же принцип, что и у Отто Вольфа. Он никогда не действовал против представителей правительства или государства, и всегда был в союзе с влиятельными государственными деятелями. Бозелю удалось войти в крупную промышленность и одновременно в тесное соприкосновение с международным финансовым и промышленным капиталом. Его первые завоевания шли по двум направлениям — угольная промышленность Верхней Силезии и галицийская нефть. Об его экспедиции в Верхнюю Силезию, которую он предпринял совместно с чехо-словацким магнатом по добыче бурого угля Вейманом и в тесном контакте с поляком Корфанти, мы будем говорить в дальнейшем.

Вступление Бозеля в восточно-европейскую керосиновую промышленность имеет особое значение для группировки европейского капитала на континенте и связи его с американской крупной промышленностью и финансовой аристократией. Основанием для многочисленных операций Бозеля в этой отрасли послужили тесные связи Унион-Банка с польско-галицийскими обществами по добыче нефти. Летом 1923 года Бозелю удалось приобрести

у группы Клерен 400.000 акций Французского керосинового общества в Даброве, в руках которого находились большинство источников нефти в Галиции. Вся операция обошлась Бозелю в 30 миллионов франков, которые в то время составляли ровно 2 миллиона долларов. Между франко-польским обществом и венским Унион-Банком установился благодаря приобретению этих акций союз для работы на началах взаимных интересов, при чем произошел обмен членами правления. Вследствие этой операции, Бозель вступает также в сношения с французским синдикатом, об'единяющим французские керосиновые предприятия в Польше, так называемым «Comité des Pètroles français de Pologne». Участвуя капиталом и в венских керосиновых обществах, имевших отношение к галицийским нефтяным промыслам, Бозель еще более расширил свои владения. Все это произошло в течение нескольких месяцев. Хотя публика уже привыкла считаться с предприимчивостью и силой капитала этого тридцатилетнего венского банкира, но все же казалось поразительным, как мог Бозель в такой короткий срок сделаться одним из самых мощных европейских нефтепромышленников.

Загадка вскоре разрешилась, когда стало известно, что Бозель вступил в тесные сношения с нью-иоркским банкирским домом «Кун, Леб и Комп.», который близко стоял к тресту Рокфеллера. Бозель свои операции с нефтью проводил явно с деньгами и в роли агента «Компании Стандард-Ойл». Эта комбинация интересна еще потому, что группа Кастильони-Стинес, в противовес Бозелю, стремилась захватить нефть там, откуда «Стандард-Ойл» уходил или куда он еще не проник. Так, например, было с чешскими нефтяными концессиями. Следовательно, и здесь Кастильони и Бозель являлись сильными противниками.

На-ряду с промышленной деятельностью развивались также захваты Бозеля в области коммерции. Первый после войны, Бозель учреждает новое австрийское «Пароходное морское общество», имеющее в своем распоряжении два парохода, вместимостью по 10.000 тонн каждый. В последние годы инфляции Зигмунд Бозель в Германии, среди прочих приобретений, купил также большинство паев коммандитного общества «Банк Альфред Фестер» в Дюссельдорфе. Это сопровождалось важными захватами в области политики: представитель демократической партии Гуго Прейс согласился принять председательство в наблюдательном совете банка Фестера.

Меценат

Подобно другим героям инфляции в Германии и Австрии, Бозель не только занимал общественное мнение, но и старался иметь на него влияние. Он не действовал при этом так неуклюже, как Стинес и Кастильони, которые покупали сразу целые издательские концерны, подчиняя их интересам своей фирмы. Бозель довольствовался тем, что давал деньги для вновь возникающих газет.

В Вене Бозель финансировал «Таг» («День») и «Морген» («Утро»), а в Берлине «Монтаг Морген» («Понедельник утром»). Впрочем, Бозель вовсе не преследовал с самого начала агитационных целей. В известной степени тут играло роль артистическое удовольствие оказывать содействие литературным начинаниям. Но благодарность поддерживаемых им журналистов разумелась сама собой.

Всего более отличает Бозеля от других новых богачей инфляционного времени то, что он не только умел делать деньги, но умел их и тратить. Когда венский университет зимой 1923 года нуждался в деньгах, Бозель пришел ему на помощь и пожертвовал больше миллиона золотых крон на различные университетские учреждения. Когда же Бозелю понадобилось воздвигнуть дворец для своего банка в самой аристократической части Вены между Баллгаусплатц и Миноритенплатц, он не только заплатил 3,3 миллиарда крон, или 50.000 долларов, австрийскому государству за участок земли, но еще обязался выстроить на собственный счет здание для центрального архива. Но Бозель не ограничивался филантропией, которая имела непосредственные выгоды для него самого. Бозель давал деньги и там, где непосредственной выгоды для него не ожидалось. Так, например, он давал деньги на содержание столовой для среднего класса населения, устроенной в Берлинском дворце уроженкой Вены госпожей Шварцвальд.

Рассматривая успехи Бозеля в хронологическом порядке, мы увидим, что все крупные операции большей частью имели место после стабилизации австрийской кроны или были начаты непосредственно перед стабилизацией. И все-таки мы не можем причислить Бозеля, подобно Якову Михаэлю, к лицам, разбогатевшим на дефляции, так как еще до стабилизации валюты Бозель обладал уже колоссальным капиталом, благодаря своим военным и инфляционным прибылям и своевременному помещению этих прибылей в иностранную валюту и материальные ценности. Таким образом, к началу дефляции Бозель был уже одним из богатейших людей Австрии. Стабилизация, как таковая, не умножила его капитала, как это было у Якова Михаэля. Но, несомненно, Бозель очень много выиграл от повышения ценностей, которое началось в Австрии непосредственно после стабилизации.

Повышение ценностей в Австрии

В то время, как в Германии после стабилизации наступила сильнейшая депрессия на бирже, в Австрии в первые же месяцы после стабилизации валюты мы видим, что курсы на ценные бумаги сразу повысились втрое и даже в четыре раза. Стабилизация валюты в Австрии протекала в совершенно других формах и была основана на совсем иных началах, чем стабилизация марки. В Австрии на стабилизацию валюты с внешней стороны повлияло вмешательство Лиги Наций и большой внешний заем, а в Герма-

нии бюджет и валюта были урегулированы собственными силами. В Австрии была стабилизована старая валюта и, как это всегда отмечалось в инфляционное время, когда цена денег одно время оставалась неизменной, все материальные ценности быстро равнялись по ней. В Германии же ввели новую валюту и сразу исчезли миллиардные и биллионные цифры. Этот внезапный переход от астрономических цифр к обычной таблице умножения сильно затруднил разумную оценку различных материальных ценностей. Но самое главное, что в Австрию, в отличие от Германии, вместе со стабилизацией притекли иностранные деньги в виде внешнего займа, или по крайней мере стало известным, что таковые деньги будут. Венская биржа учла иностранные миллионы еще прежде, чем они появились.

Кризис стабилизации

Правда, и в Австрии после стабилизации были моменты тяжелого кризиса: много месяцев третья часть промышленных рабочих была без работы и очутилась на улице. Нужда в кредите была велика, учетный процент непомерно высок, и это препятствовало развитию хозяйственной жизни и ложилось на нее тяжелым бременем. Но тем не менее, Австрия сравнительно быстро справилась с первым кризисом стабилизации и вскоре из Вены стали получаться известия о новом расцвете. Однако, радость была непродолжительна. Одновременно с германским кризисом стабилизации, в начале 1924 года, в Австрии началась сильная депрессия. Непосредственным поводом к этому послужила неудачная спекуляция с французскими франками. Ожидание того, что французский франк постигнет такая же участь, как марку и крону, побудило коммерсантов Германии и Австрии, в особенности в продуктовой торговле, заключать сделки на срок в французской валюте. Но богатые инфляционным опытом дельцы на этот раз ошиблись, и когда ожидания их не оправдались, потрясение было велико. Непосредственно пострадавшими от этой спекуляции оказались даже крупнейшие финансовые короли, как Михаэль в Берлине и Бозель в Вене, но больше всех потерпел убыток Кастильони. Некоторое время ему, впрочем, удавалось маскировать свое угрожающее финансовое положение.

В Берлине спекуляция с франками не затронула глубоко деловые круги, наступили лишь известные затруднения в платежах у некоторых банков и металлических предприятий. В Вене же эта спекуляция отразилась грозой на всей хозяйственной жизни. Отмечалось до 50 конкурсов в неделю, и кризис достиг своей высшей точки, когда обнаружился ряд банкротств крупных банков. Пострадал германский Земельный банк, венский Учетно-Ссудный банк, а также венский Депозитный банк, принадлежавший раньше концерну Кастильони.

Братья Броннеры

При этих банкротствах значительно пострадали братья Броннеры в Вене. Три брата Броннера, происходившие из Остpay, в Моравии, заложили основание своему капиталу во время войны спекуляциями со спиртом. После войны старший брат Жак Броннер переехал в Берлин, приобрел там Отель Кайзергоф и некоторые другие гостиницы, а также доходные дома. Одновременно, Броннер интересуется банковским делом, скупая акции банков большими пакетами. Два других брата обосновались в Вене и стали там заниматься рискованными банковскими операциями. Самуэль, второй брат, сначала работал с Международным торговым банком, затем с Союзным банком и, наконец, сделался заместителем председателя в Адриатическом банке. В Германском земельный банк вследствие неудачных спекуляций одного из членов ного кредита, при чем он ухитрился заложить акции одного австрийского общества по эксплуатации гостиниц, которые странным образом были изготовлены в двух экземплярах. Когда Земельный банк вследствие неудачных спекуляций одного из членов своего правления, очутился в критическом положении, оказалось, что его главный должник Самуэль Броннер несостоятелен и благодаря этому банк теряет 11 миллиардов крон, что составляло 700.000 золотых марок.

Не менее крупно вел свои кредитные операции и младший из братьев — Генрих Броннер. Он также поместил свой капитал, приобретенный им благодаря спекуляциям со спиртом в Чехо-Словакии, в акции разных банков и отдельных предприятий. Таким образом, он приобрел почти половину акций венского Учетно-ссудного банка. Другой большой пакет акций венских кредитных банков он купил через румына Ципрута. Кроме того, он приобрел несколько гостиниц в Вене и Земмеринге. Часть этих покупок была связана с запутанными кредитными операциями. Когда в начале нового кризиса банки, кредитовавшие Броннера, стали терять терпение и начали на него напирать, Броннер вынужден был с большими для себя потерями сбыть часть своих акций. Броннер еще надеялся поправить свои дела продажей Якову Михаэлю большинства акций венского Учетно-ссудного банка. Но было уже поздно. Неудачная спекуляция с франками повела к приостановке платежей в июне 1924 года, при чем выяснилось, что Генрих Броннер задолжал банку 80 миллиардов марок, что составляло свыше одного миллиона долларов. В конце-концов Генрих Броннер был арестован после того, как неудачно симулировал на одной из венских улиц припадок умопомешательства. На помощь пришел старший из братьев, берлинский Жак Броннер, который поручился за все обязательства Генриха Броннера в сумме полутора миллиона золотых марок. Генриха освободили. Но другому брату Жак Броннер отказал в своей помощи.

Этот скандал в семье Броннеров вовсе не является единичным случаем в последнем кризисе Австрии. Карьера многих других спекулянтов, нажившихся на войне и инфляции, закончилась так же плачевно и нередко требовала вмешательства прокурора. Много шуму наделало вторичное банкротство общества заводов Виллерсдорф, бывших австрийских государственных военных заводов. Всеобщей компании электричества не удалось реорганизовать эти заводы, и они были переданы одной финансовой группе, во главе которой стоял Леон Скларц, при участии также капитала австрийского государства. Кончилось тем, что в июле 1924 года прокурор должен был вмешаться и в это дело.

Крах Кастильони

Все описанные аферы, занимавшие в течение многих месяцев общественное внимание Австрии, совершенно побледнели перед банкротством Камилло Кастильони. Слухи о том, что финансовое могущество Кастильони пошатнулось, распространялись давно. И все-таки все были поражены, когда в последние дни сентября 1924 года банкротство Кастильони сделалось официально признанным фактом. Непосредственным поводом к этому послужило судебное следствие, начатое против обанкротившегося Депозитного банка в Вене, которое привлекло также к ответственности Кастильони, как бывшего председателя банка. Кастильони оказался замешанным в грязные спекуляции со спиртом, произведенные этим банком, и подлежал аресту вместе с доверенным банка Гобор Нейман и бывшим директором-распорядителем банка Пауль Гольдштейн. При этом обнаружилось, что Кастильони уже не в состоянии внести суду требуемый залог, так как вся недвижимая и движимая собственность Кастильони, вместе со всеми принадлежащими ему ценными бумагами, была уже заложена в миланском Торговом банке. Итальянский банк взамен принял на себя обязательство предоставить Кастильони кредит в размере 120 миллионов лир, что равнялось 20 миллионам марок, для уплаты его долгов. В счет этой суммы Кастильони учинил уже некоторые расчеты, уплатив Унион-Банку один миллион и Английскому банку два миллиона золотых марок. Но у Кастильони оставалось еще достаточно долгов; среди них наиболее крупными были кредит в Депозитном банке, составлявший 100 миллиардов австрийских крон, и обязательства, выданные Всеобщим учетно-промышленным банком, акции которого целиком находились в руках Кастильони.

Причина банкротства Кастильони не об'ясняется только стабилизацией кроны; здесь играла также роль стабилизация марки и французского франка. Кастильони, по обычаю инфляционного времени, брал колоссальные кредиты во всех странах с падающей валютой за очень высокие учетные проценты. При этом Кастильони не учел своевременно, что при стабилизации валюты

уплата этих процентов составляет тяжелое бремя. Когда же Кастильони попытался покрыть свои долги, оказалось, что вследствие кредитного кризиса и низких биржевых котировок, он лишь с большими потерями мог реализовать свой актив, который все же превышал еще пассив на 80 миллионов золотых марок. Таким образом, самый крупный австрийский герой инфляции обанкротился от последствий дефляции.

На-ряду с крахом новых богачей, нажившихся на войне и инфляции, начинает оживать старый финансовый капитал. Во время кризиса, старая венская высшая финансовая аристократия, как, например, Ротшильды, отвоевала многое обратно из того, что она потеряла в инфляционный период. Великое перемещение капиталов, вызванное в Европе войной, еще до сих пор не закончено в Австрии. Но все же там более ясно, чем в Германии, обрисовываются контуры того, что осталось после величайшей из финансовых революций.

Валютная реформа в Чехословакии

Из всех государств, образовавшихся из бывшей Австро-Венгерской империи, Чехо-Словакия первая упорядочила свое финансовое хозяйство и добилась сравнительно устойчивой валюты. Своего финансового благополучия Чехо-Словакия достигла, главным образом, благодаря талантам своего первого министра финансов. Известную роль при этом, конечно, сыграли прекрасные связи с Антантой молодого государства, которые оно уже использовала при своем образовании, при округлении своих границ и финансовых расчетах с Австрией. Алоис Рашин был раньше адвокатом. Во время войны его обвинили в государственной измене, и в австрийских тюрьмах он имел достаточно времени, чтобы изучать финансовые вопросы. После переворота Алоис Рашин принимает на себя управление финансами Чехо-Словакии. Рашин взялся за дело с эрудицией теоретика и с энергией закаленного в национальной борьбе политического вождя.

После двухнедельных бесплодных переговоров с Веной Рашин решил действовать самостоятельно. Национальное собрание в своем закрытом заседании от 25 февраля 1919 года уполномочило министра финансов произвести штемпелевание всех имевшихся в обращении банкнот. В ту же ночь все границы были закрыты, в банках введены государственные комиссары и издано постановление, что все банкноты свыше двух крон без штемпеля государства являются недействительными. В порядке всеобщей гражданской трудовой повинности были призваны все граждане, которые знали кассовое дело и которым можно было доверять, для производства штемпельных операций. В течение одной недели все денежные знаки свыше двух крон были снабжены штемпелем, при чем половина всех пред'явленных банкнот была удержана государством, в виде однопроцентного принудительного на-

лога, не подлежащего возврату. Так же было поступлено с текущими счетами и кассовыми ассигновками. Таким образом, весь денежный оборот был уменьшен ровно на 30%. Здесь произошла дефляция в строгом смысле этого слова, или, согласно прежней терминологии валютной теории — рестрикция платежных средств, то-есть условное из'ятие их из обращения.

Это мероприятие и общее упорядочение финансового хозяйства восстановило и укрепило доверие к чехо-словацкой валюте. Быстрыми скачками чехо-словацкая крона опередила австрийскую, сильно повысилась в курсе на доллары и стабилизовалась на одной восьмой части прежнего австрийского золотого паритета. Хотя чехо-словацкая крона еще в течение трех лет подвергалась довольно значительным колебаниям, все же в Чехо-Словакии не наблюдалось типичных для инфляции явлений, как это имело место в Германии и немецкой Австрии. Но тем не менее и в Чехо-Словакии за последние десять лет произошли существенные перемещения капиталов и доходов. Инфляцию Чехо-Словакия переживала еще при австрийской кроне, и это повело к обесценению капитала старой средней буржуазии. К тому же в Австрии еще во время войны, когда усилился выпуск бумажных денег, началось энергичное погашение ипотечных и других долгосрочных долгов.

Отчуждение крупного землевладения

Аграрное законодательство Чехо-Словакии после революции также имело не малое значение для перемещения капиталов. Нигде не ощущалось такой необходимости в аграрной реформе, как в Чехо-Словакии. Ни одна страна не была таким Эльдорадо для латифундий, как Чехо-Словакия.

Из 500 миллионов гектаров всей площади страны, около одной третьей части находилось в руках 150 семейств, из которых каждое имело более 2.000 гектаров земли. Четырнадцать крупнейших помещиков Богемии владели 11,3% всей земельной площади, при чем богатейшим из них был князь Шварценберг, обладавший 192.000 гектаров земли, что составляло 3,4% всей площади. Из других крупных землевладельцев можно назвать: владетельного князя Лихтенштейн, имевшего 161.000, Кобург-Когари — 159.000, Чаки — 76.000, Кинсли — 71.000, Черни — 59.000, Коллоредо-Мансфельд — 58.000, Клам-Галлас — 49.000, Лобковиц — 47.000, Турн и Таксис—45.000, Фридрих фон-Габсбург—42.000, Фюрстенберг—40.000, Гаррах и Циши — по 37.000 каждый; далее идут Баллестрем — 28.000, Левенштейн-Вертгейм — 22.000, Гогенлоэ-Ланген-бург и Шиллингсфюрст — 21.000, Сальм-Рейфершайд — 15.000, Гогенцоллерн-Зигмаринген — 14.000 гектаров. Но еще более крупными латифундиями обладали словацкие магнаты, во главе которых стояли: Шенборн, имевший 232.000 гектаров и Пальфи — 164.000 гектаров.

Согласно закону 16 апреля 1919 года о конфискации крупных землевладений, отчуждению подлежали все поместья, имевшие более 150 гектаров земли. Но изданное через год постановление о проведении в жизнь этого закона значительно смягчило его первоначальную редакцию. Все поместия, принадлежавшие Габсбургам и подданным бывших «неприятельских» государств, в том числе и австрийским, венгерским и германским подданным, а также все майораты аристократии, подлежали конфискации без выкупа в пользу государства. За остальные поместия государство выплачивало возмещение соответственно рыночных цен 1913 года. Но при наступившем обесценении кроны это возмещение составляло почти одну десятую довоенной стоимости имения. Кроме того, компенсация выплачивалась не в одинаковой мере за все поместия, так как по принятой шкале при выкупе поместий свыше 1.000 гектаров удерживалось 5%, а свыше 5.000 гектаров 40%. На основании этого закона были реквизированы в прежней Богемии 742 поместия, а в Словакии — 402. Из реквизированной земли 200.000 гектаров были распределены между прежними мелкими арендаторами, а 100.000 гектаров должны были быть сданы в аренду бывшим легионерам и инвалидам войны.

В общем, в течение первых трех лет земельной реформы, были раздроблены на мелкие участки 448.000 гектаров земли, а на 1924 год об'явлено к распределению еще 15—20 тысяч гектаров. Но все же предпринятым распределением земли существенных результатов до сих пор не достигли. Обещанная в 1919 году «раздача земли всем возвращающимся с войны солдатам» оказалась таким же блефом, как и все подобные обещания других воевавших стран. Самым существенным в аграрной реформе является не создание крестьянских хуторов, а ограничение свободы действий крупных землевладельцев. Прежние собственники латифундий не могут больше продавать и покупать землю без согласия государства и должны терпеть в своих управлениях комиссара от чехословацкого земельного ведомства. Но наиболее ощутительно для них установление высоких налогов. Конечно, о полной ликвидации крупного землевладения, как это имело место в Советской России или во Франции во время Великой Революции, во всяком случае речи быть не может.

Серьезно пострадали только некоторые крупные помещики, подданные Австрии, Венгрии и Германии. Собственно, этого и добивалась чехо-словацкая аграрная реформа. Целью земельного закона было политическое уничтожение прежних властителей страны. Лучшим средством для этого было отнятие у них материальной основы их власти, а именно их феодальных владений. С исторической точки зрения эта конфискация была своего рода возмездием за то, что произошло в Богемии триста лет назад во время тридцатилетней войны. Тогда, после битвы у Белой Горы, император Фердинанд не только казнил перед Пражской ратушей предводителей чешского восстания, но также обрушил

свой гнев на чешскую аристократию. Поместья последней, составлявшие две трети всего землевладения в Богемии, были конфискованы, а помещики подверглись изгнанию. Эти исторические воспоминания, выразившиеся в июне 1921 г. в грандиозных национальных манифестациях чехов, несомненно сыграли видную роль при экспроприации старой австро-венгерской земельной аристократии.

Национально-политические тенденции остались не без влияния и на другие хозяйственные изменения, происшедшие в Чехо-Словакии после войны. Это влияние не всюду было одинаково. Как и в других странах, наиболее сильное сопротивление национализму оказывал торговый и финансовый капитал. Так, еще в настоящее время находящийся в венгерских руках словацкий Всеобщий кредитный банк в Ковице (Кашау) фактически контролирует всю оптовую торговлю Словакии, а отделение этого банка в Ужгороде подчинило себе торговлю бывшей Карпатской Руси, которая формально автономна и фактически принадлежит Чехо-Словакии.

Национализация заводов Скода

Национализм легче всего проникал в промышленность. Крупнейшее промышленное предприятие бывшей Богемии, а именно заводы Скода в Пильзене, без особого труда перешли в чехо-французское владение. Эти самые крупные орудийные заводы бывшей Австрии представляли собою до войны любопытный пример переплетения международных капиталов. Они находились в тесной деловой связи не только с Круппом, но также с крупнейшим орудийным производством России — Путиловским заводом, в котором участвовал капиталом и французский «Крупп» — Шнейдер-Крезо. Это, однако, не препятствовало тому, что орудийные заводы Скода перед войной, и в особенности во время войны, считались национально-австрийским предприятием, а владелец заводов барон Карл фон-Скода пользовался особым расположением у Габсбургов. В благодарность за милости императора, от которого зависела величина военных прибылей, барон Скода неоднократно выражал свои верноподданнические чувства. Так, еще за год перед революцией барон Скода в общем собрании акционеров своих заводов, выразился следующим образом:

«С верноподданническим чувством взираем мы на нашего нового повелителя и защитника, его величество императора Карла I, который в разгар битвы народов вступил на славный престол своих предков. Мы торжественно обещаем в сознании непоколебимого нашего долга и впредь предоставить все наши силы на благо отечества, преисполненные надеждой, что вскоре наступит время благословенного мирного строительства на счастье нашего государства и возлюбленного императорского дома».

Чехо-словацкое правительство даже не подвергло испытанию вассальную верность бывшего габсбургского царедворца и

при помощи Шнейдер-Крезо провело национализацию заводов Скода. Барон Карл фон-Скода, сын Эмиля фон-Скода, основателя заводов, еще весной 1919 года вышел из состава правления заводов. Его акции перешли к Пражскому банку «Zivnostenskà banka» самому крупному банковскому делу в Чехо-Словакии. Новое правление заводов составилось из 6 чехов и 3 французов, а Евгений Шнейдер, глава фирмы Шнейдер-Крезо, сделался заместителем председателя правления.

Капитал Карла Скода

Замешанный в темную биржевую аферу, бывший барон Карл фон-Скода, ныне, волею судеб, просто доктор Карл Скода, должен был представить следственным властям данные о своем имущественном положении. По этим данным, Карл Скода получил в наследство от своего отца в 1900 году 65.000 акций заводов Скода, которые незадолго до войны представляли биржевую ценность около 50 миллионов золотых марок. При продаже этих акций Zivnostenská banka Скода получил только 7 миллионов чешских крон, что составляло менее одного миллиона золотых марок, и кроме того, несколько сот тысяч швейцарских франков. Эти убытки, происшедшие от понижения курса на акции Скода, несомненно превышали военную прибыль, полученную Скода за предшествовавшие несколько лет. Часть полученных денег Скода вложил очень неудачно в городскую недвижимость. Так, в 1919 году он купил на один миллион марок два здания в Мюнхене, два дома в Вене, один дом в Братиславе и два доходных дома в Мариенбаде. Остальные принадлежавшие Скода промышленные акции, как паи заводов Демлера, фишеровских жестяных заводов и пороховой фабрики Скода-Ветцлер, Карл Скода продал в декабре 1919 года Кастильони. Взамен Скода приобрел весной 1923 года одну шестую часть находившихся в руках Бозеля акций — «Унион-банк». Благодаря этому приобретению, Скода был выбран членом правления «Унион-банка» и принял также участие в операциях Бозеля в польской части Верхней Силезии. Стало-быть, «австрийский Крупп» не так уж обнищал, как сам об этом говорил. Кроме его новых финансово-промышленных владений и городской недвижимости, у Скода оставалось еще несколько имений в Чехо-Словакии. Но все же Скода, переселившийся после революции в Цюрих, потерпел больше убытков, чем какой-либо другой крупный промышленник довоенного времени.

Но и заводы Скода после войны потеряли значительную часть своего прежнего величия. Крупные военные прибыли приносили мало пользы, так как австрийское правительство, как известно, при военных поставках было не слишком исправным плательщиком. Еще в начале 1921 года по прежним австрийским счетам заводам Скода следовало более чем 100 миллионов крон, и эта сумма оказалась совершенно обесцененной. А новое чехо-словацкое го-

сударство успело задолжать полмиллиарда чехо-словацких крон, которые также нельзя было превратить в текущий капитал. Переход заводов на мирное производство, как изготовление машин, тракторов, локомотивов и т. п., налаживался очень медленно во время кризиса стабилизации в Чехо-Словакии. И только, когда летом 1922 года удалось получить английский банковский кредит в полтора миллиона фунтов стерлингов, дела заводов стали поправляться. Но несмотря на это, даже во время кризиса, к концерну Скода примкнули и некоторые другие предприятия, среди которых находилось акц. о-во об'единенных машиностроительных заводов в Праге. Правление все время кризиса продолжало выплачивать значительный дивиденд, под конец в 10%, на сильно поредевший капитал. Во всяком случае в настоящее время заводы Скода являются самым значительным предприятием в обрабатывающей промышленности и наиболее выдающейся фирмой в экспорте Чехо-Словакии.

Петчек и Вейнманн

За исключением некоторых предпринимателей, как Скода, которые по политическим причинам должны были лишиться части своих владений, крупный промышленный и финансовый капитал Чехо-Словакии пользовался благосклонностью правительства. Промышленность, правда, долгое время страдала от кризиса стабилизации, но тем не менее некоторым ловким промышленникам удалось и после войны значительно расширить свои владения. Особенно резких изменений частного капитала, как это было во время инфляции в Германии и Австрии, в Чехо-Словакии не отмечалось. В общем, старые промышленные магнаты остались на своем месте. Но в Чехо-Словакии мы видим те же две отличительные черты, которые так характерны для развития среднеевропейского капитала после войны: стремление к захвату заграничного рынка и международное переплетение капиталов.

Особенно ярко это проявилось в деятельности Петчека и Вейнманна, которые еще до войны достаточно были известны в Германии. Переход от коммерсанта к крупному промышленнику сделался возможным в Германии только во время инфляции; здесь это имело место еще задолго до войны. Оба аусигских коммерсанта по продаже бурого угля сделались, правда, не в такое короткое время, как Отто Вольф, крупными горнопромышленниками. От разработок бурого угля они быстро перешли к каменноугольной промышленности Верхней Силезии.

Из этих двух фирм более старой являлась фирма Вейнманн в Аусиге, в которой Игнац Петчек служил до 1880 года, когда обосновался самостоятельно. Благодаря своему браку, Петчек получил доступ в круги венской финансовой аристократии. Английский банк в Вене передал ему право на продажу угля, добываемого в шахтах Гвидо в Брюксе, принадлежащих банку. В се-

редине 90-х годов Петчек был уже в состоянии приобрести эти шахты в свою собственность, и с тех пор он присоединял к своим владениям одну шахту за другой. С 1906 года Петчек начинает интересоваться также разработками бурого угля в Германии. Помимо биржи, что тогда было совершенно невероятным событием, Петчек скупил большие пакеты акций и сделался крупным акционером Рейнского акционерного общества разработок бурого угля, а также шахты «Эйнтрахт» (Согласие) в Нидерлаузице. Петчек приобрел в полную собственность акц. о-во «Феникс» для переработки бурого угля, а также Рансдорфские заводы для переработки бурого угля в Саксен-Альтенбурге. Кроме того, Петчек купил также большие пакеты акций общества Вершен-Вайсенфельз. В правлении этого общества он участвовал вместе с дисконтным обществом и одним банком из Галле.

Брат на брата

В один прекрасный день вся группа взлетела на воздух благодаря вмешательству другого Петчека, о котором до того времени в Германии не имели никакого понятия. Кроме Игнаца Петчека из Аусига, имя которого в Германии до войны стало нарицательным для обозначения чужеземного засилья, имелся еще в Праге финансовый советник Юлиус Петчек, который также успешно принимал участие в разработках бурого угля в Богемии и за границей. Игнац и Юлиус были родными братьями, но враждовали между собою. После краха общества Вершен-Вайсенфельз еще долгое время в газетах встречались статьи под заголовком «Петчек против Петчека». Это означало, что в каком-нибудь общем собрании акционеров оба брата опять рассорились, затеяли процесс друг против друга, или иным способом желают потопить друг друга. Третий брат, д-р Исидор Петчек, умерший в 1919 году, тоже жил в Праге, но держал сторону аусигского Петчека.

Игнац Петчек из Аусига, наиболее воинственный из всей семьи, первый начал продвигаться в каменноугольной промышленности Германии. Так, в августе 1913 года он приобрел при посредстве Дейче-банк пакет акций Гогенлоэ, номинальной стоимостью в 15 миллионов марок, за 22 миллиона золотых марок. Князь Христиан-Крафт Гогенлоэ-Эринген нуждался в текущем капитале для покрытия убытков, происшедших от краха, так называемого, княжеского концерна, в котором участвовали Гогенлоэ и князь Фюрстенберг. Переговоры Гогенлоэ с берлинским угольным коммерсантом Фридлендер-Фульд остались безрезультатными; Петчек предложил большую сумму и оказался победителем.

Поход на Верхнюю Силезию

Считали, что в этой операции Петчек, главным образом, имел в виду забрать в свои руки торговлю углем в верхней Силезии, которая до того времени сосредоточивалась в двух фирмах — Фридлендер-Фульд и Цезарь Волгейм, тем более, что еще раньше Петчек занимался скупкой более мелких фирм, торгующих углем. В дальнейшем операции Петчека в верхней Силезии получили совсем другое направление. Верхне-силезские угольные магнаты постепенно стали заниматься также и продажей собственного угля, что заставило старые торговые фирмы по продаже угля стремиться к овладению угольной продукцией. Незадолго до войны Петчек приобрел у князя Гогенлоэ за 3½ миллиона марок рудники «Король-Лаура» в Верхней Силезии, а в Рейнско-Вестфальском округе он стал собственником каменноугольных шахт «Оспель». Во время войны Петчек продолжал свои завоевания в отрасли среднегерманского бурого угля. Он приобрел акц. о-во Леонард по разработкам бурого угля, гросспельндорфские разработки у Прашмара и—через свои угольные владения в Нидерлаузитце — разработки Фишер-Дроков. Стоимость этих новых приобретений осенью 1917 года составляла 10 миллионов марок. Все это были сделки, до инфляции необычайные для германской промышленности. В обществе и печати поднялся шум против засилья иностранного капитала в лице Петчека, что, однако, нисколько не удержало последнего от дальнейших завоеваний. Петчек первый ввел в Германии хитроумную систему анонимных обществ шахтовладельцев, на имя которых приобретались новые владения. Обнаружить чужеземное засилье с юридической стороны было трудно.

После войны Петчек еще более усилил свое влияние на заводы Гогенлоэ и попытался связать в единую организацию все принадлежащие ему предприятия. Пражский Юлиус Петчек также не бездействовал. В 1921 году он основал в Праге собственный банкирский дом и в том же году опять дал своему брату генеральное сражение в общем собрании акционеров «Общества Леонард по разработке бурого угля». Но в общем, в буроугольной промышленности за последние годы братья Петчек отступают на задний план и на их место выдвигается в этой отрасли промышленности Гуго Стинес.

Во всех этих пертурбациях в верхнесилезской каменноугольной промышленности еще гораздо большую роль, чем братья Петчек, играла другая аусигская фирма—Вейнманн. Главной сферой деятельности фирмы Вейнманн до войны была западно-богемская угольная промышленность. Семья Вейнманн господствовала в «Союзе Западнобогемской угольной промышленности» и в Германско-Австрийском горнопромышленном обществе. Далее Вейнманны принимали участие в угольных шахтах Брухера и в Дукс-

Боденбахской железной дороге. Фирма Эдуард Вейнманн участвовала также капиталом в среднегерманской буроугольной промышленности. Приблизительно в то же время, когда Игнац Петчек проводил свои операции с акциями Гогенлоэ, Вейнманн также стал твердой ногой в верхнесилезской каменноугольной промышленности, купив крупные угольные разработки в районе Ратибор и Рибник. Тогда же Вейнманн приобрел большие пакеты акций железоделательного завода «Лаура» и горнопромышленного общества «Катовиц».

После войны в верхнесилезском угольном районе отмечается сильное перемещение капиталов, в котором участие Вейнманна было решающим. В сложных и запутанных операциях принимали участие со стороны Германии — Стинес и директор Фридрих Фликк, от Австрии — Зигмунд Бозель, от Чехо-Словакии Фима Вейнманн и Скода и, наконец, с польской стороны — польский политический деятель Корфанти. Более подробно мы опишем эти события в главе о Польше. Мы ограничимся здесь констатированием факта, что группа Бозель-Вейнманн осталась победительницей в «Акционерном обществе соединенных заводов Лаура и Король». Союз между Бозелем и фирмой Эдуард Вейнманн из Аусига был закреплен тем, что компаньон фирмы Эдуард Вейнманн, Фриц Вейнманн, который до того времени был членом правления Нижнеавстрийского учетного общества, перешел в правление «Унион-Банка», принадлежащего Бозелю.

Взяточничество

На-ряду с этими легальными способами накопления капиталов, в Чехо-Словакии существовал еще, несмотря на упорядочение финансового хозяйства и валютной системы, незаконный способ обогащения, на котором можно было часто заработать большие суммы. О грязных спекуляциях и продажности властей можно судить по одному делу, наделавшему много шума осенью 1919 года. Министру Бенешу была предложена взятка в 20 миллионов крон за то, чтобы он не препятствовал заключению сделки с сахаром между Пражским кредитным банком и Роттердамским союзом банков. Под предлогом получения заграничных кредитов для покупки сырья и продовольствия предполагалось продать Франции все запасы чехо-словацкого сахара и к тому еще по удивительно низкой цене. За разрешение на вывоз сахара министру обещали дать пять сантимов за каждый килограмм, а так как речь шла о 300.000 тоннах, это составило круглую сумму в 20 миллионов чехо-словацких крон. Бенеш, однако, с благодарностью отклонил предложение и поставил об этом в известность полицию. Впрочем, вся афера окончилась весьма благополучно для ее участников: начальник отдела министерства Бенеша, принявший также участие в предложении взятки, отделался непродолжительным арестом, а 20 миллионов были конфискованы.

Другое крупное взяточничество было раскрыто в начале 1924 года благодаря энергичному вмешательству президента Массарика. Центральное место в этом скандале занимал председатель чехо-словацкого сената Карл Прашек, который начал свою карьеру в старой Австрии как музыкант в военном оркестре, а закончил ее как министр по чешским делам «его апостолического величества». Эта карьера способствовала и обогащению Прашека. Он имел много поместий с замками и состоял членом правления многочисленных предприятий. В Чехии Прашек председательствовал не только в Сенате, но и в Союзе винокуренных заводов. Для разных афер понадобился подкуп членов парламента, и Прашеку был предоставлен союзом на это фонд в 30 миллионов чехо-словацких крон. Сумма равнялась в то время 4 миллионам золотых марок. Вся эта афера, затронувшая широкие политические круги Чехо-Словакии, еще до сего времени не выяснена окончательно. Три миллиона крон были найдены в кассах национально-социалистической партии, судьба остальных 27 миллионов крон усталась неизвестной.

На-ряду с этими грандиозными скандалами, время от времени возникали более мелкие скандалы с подкупами, как, например, «бензиновый скандал», разыгравшийся в марте 1924 года. Здесь шла речь «только» о 800.000 крон, которые зато были даны и взяты с поразительной быстротой. Чехо-Словакия, впрочем, еще выгодно отличается от своих соседей. В ней коррупции все-таки выплывают иногда на свет, и даже бывает так, что виновные несут наказание. Но совершенно ясно, что во многих случаях дела о взяточничестве так и не доводятся до общественной гласности. Несомненно, целый ряд крупных состояний нажит на продажности властей.

Инфляционная прибыль в Венгрии

Из всех стран Средней и Восточной Европы, подвергшихся инфляции, Венгрия добилась стабилизации своей валюты позже всех. Только в конце 1924 года в Венгрии проведена валютная реформа, для чего Венгрия, по примеру Австрии, прибегла к международному золотому займу, и финансы ее находятся под контролем иностранного комиссара. Но полной стабилизации, какая наступила в Австрии осенью 1922 года, этой реформой достигнуто не было. Курс доллара, поднявшийся в Будапеште до 90.000 крон, стал падать, и кончилось тем, что венгерская крона сравнялась с австрийской. Колебания курса еще продолжаются, но все-таки можно сказать, что инфляционный период Венгрии закончился.

Происшедшее при этом перемещение капиталов во многом напоминает подобный же процесс в Германии и немецкой Австрии, но имеет также и свои специфические особенности. Основой для всех новых образований капиталов служит обеднение прежнего

среднего городского класса. Особенно тяжело пострадали рабочие и служащие, заработная плата которых даже еще в первое время стабилизации повысилась номинально в 6.000 — 8.000 раз, в то время как стоимость жизни повысилась в 20.000 раз. В отличие от Германии свободные профессии Венгрии при остром кризисе стабилизации не смогли так быстро оправиться от нищеты, в которую они впали во время инфляции.

Из имущих классов лучше всего пришлось помещикам. Крупное землевладение осталось попрежнему в руках отдельных помещиков, и только имения нелойяльного графа Михаэля Карольи были секвестрованы. Крестьяне во многих случаях получили возможность расширить свою земельную собственность и кроме того освободились так же, как в Германии, от тяготивших их долгов. Промышленность в Венгрии никогда большой роли не играла; теперь она попала еще в большую зависимость от финансового капитала, чем до войны. Иностранный капитал отвоевывает себе прочное место в венгерской промышленности, при чем здесь не малое участие принимают также германские герои инфляции.

Больше всего выиграли на инфляции банки. Биржевая спекуляция не создала крупных капиталов. Причина отчасти лежала в том, что биржевые спекуляции с иностранной валютой и ценными бумагами все время с особой остротой преследовались министром финансов Венгрии Тибором фон-Каллэй. Начиная с зимы 1921 года по 20-е февраля 1924 года—черный день будапештской биржи,—был издан ряд постановлений, застращавших биржевых спекулянтов. С другой стороны, биржевые спекуляции не могли развиваться из-за оказываемого банками давления. Концерн венгерских банков всецело держал в своих руках рынок финансового капитала и разными ловкими повышательными или понижательными маневрами отнимал у профессиональных спекулянтов-любителей то, что они в счастливые дни успели сорвать на бирже. Единственный биржевик, который прославился на будапештской бирже был Яков Гейм, виднейший деятель биржевого арбитража по девизам и ценным бумагам. Один знаток венгерской экономической жизни выразился метко: «В Вене сначала обогащаются, затем становятся директорами банков, а в Будапеште надо быть директором банка, чтобы обогатиться на инфляции» [1].

Симон фон-Краус

Какие же банковские деятели больше всего заработали в Венгрии? На первом месте, несомненно, стоит Симон фон-Краус, председатель Британско-Венгерского банка в Будапеште. Краус—Selfmademan. Он начал как маленький банковский служащий, пошел в гору за несколько лет до войны, но по настоящему раз-

[1] Бруно Гейлиг. Инфляционный баланс в Венгрии. Plutus. XXI.

вернулся уже после войны. Как многие из новых богачей, Краус принадлежит к числу политических гешефтмахеров, умеющих плыть по течению и ловко приспособляющихся ко всякой политической обстановке. Краус сумел зарекомендовать себя, как полезного монархии человека. Однако он не отказался взять на себя роль поставщика и для Венгерской советской республики. Он закупал в Вене для коммунистического правительства продовольствие и ткани. Когда советская власть пошатнулась, Краус предпочел не возвращаться в Будапешт. Он выжидал до тех пор, покуда власть красных не сменилась белым террором, и только тогда, когда выяснилось окончательно, кто стоит у власти, Краус стал прокладывать дорогу домой. Третейский суд очистил его от всех красных грехов. Теперь уже без всяких затруднений Краус мог стать государственным банкиром при Хорти и сослужить не малую службу для укрепления венгерской монархии без монарха. Проведение иностранного займа было отчасти делом его рук. Ничего нет удивительного, что «Симми» сделался одним из самых популярных людей Венгрии, и что в Будапеште не проходит ни один сезон без того, чтобы куплетисты не изощрялись на его счет.

Для Германии Краус представляет большой интерес вследствие его близких деловых отношений с Стинесом и Кастильони. До известной степени Краус является наместником «королевства Стинезии» в Венгрии. Для организации сбыта на Балканах продукции Альпийского горнопромышленного общества Стинес прежде всего обратился в Венгрию. Здесь, как мы уже раньше об этом упоминали, Стинесу совместно с Кастильони и Британско-Венгерским банком, удается завоевать весьма ценные позиции. Наиболее важным достижением Стинеса в Венгрии было присоединение «Акц. общества железоделательной промышленности д-ра Липтака» к Горно-Электрическому тресту Стинеса. Венгерский торговый банк, который впоследствии преобразовался в Британско-Венгерский банк, еще в 1911 году интересовался фирмой д-ра Липтака и способствовал акционированию ее капитала. Теперь же Британско-Венгерский банк пытался оживить, путем присоединения к тресту Стинеса, акционерное общество д-ра Липтака, обладавшее большими рудными месторождениями в Словакии и бывшее одним из крупнейших военных поставщиков Венгрии. До известной степени это ему удалось. Торговля железом, вследствие образования новых подчиненных обществу предприятий, значительно расширилась.

Юлиус Клейн.

Еще более недавнего происхождения, чем состояние Симона фон-Краус, капитал банковского директора Юлиуса Клейна. Многие отводят ему первое место среди дельцов, нажившихся на войне и инфляции. Клейн — руководитель Венгерского всеобщего

кредитного банка, являющегося конкурентом и в то же время победителем Венгерского коммерческого банка в Пеште, председатель которого, Лео фон-Ланчи, до войны слыл самым богатым финансистом Венгрии. Кредитный банк, под руководством старого барона Адольфа фон-Ульмана и предшественника его Корнфельда, считался самым консервативным и наиболее аристократическим банком Венгрии, поддерживающим тесную связь с венским Ротшильдом. Юлиус Клейн, который в 1907 году вошел в банк, сумел освободиться от старых, потерявших жизненность традиций этого банка и прекрасно примениться к новым обстоятельствам.

Карьера Клейна началась с того, что он женился на дочери крупного хлеботорговца, дело которого впоследствии слилось с Кредитным банком. Клейн стал во главе хлебного отдела этого банка и настолько развил его товарные операции во время войны, что Кредитный банк занял господствующее положение на рынках хлеба, сахара, жиров и шерсти в Венгрии. В военно-продуктовом акционерном обществе, бывшем монополистом по снабжению Венгрии зерном, Клейн был руководящим лицом. А такого рода служба вознаграждалась в Австро-Венгерской империи еще лучше, чем в Германии.

После войны «хлебный диктатор» быстро и ловко приспособился к другой области — к бирже. Подобно крупным героям инфляции в других странах, Клейн также непоколебимо верил в дальнейшее падение валюты. Зигзагообразные колебания венгерской кроны не ввели Клейна в заблуждение, и он заключал сделки на долгий срок, спекулируя на понижение. Своевременно Клейн нашел путь к сохранению капитала и начал приобретать материальные ценности. С большой ловкостью Клейн скупал большие пакеты акций, впоследствии сосредоточивая в своих руках большинство акций тех предприятий, в которых кредитный банк был заинтересован. Затем он начинает скупать акции самого Кредитного банка, и ему удается приобрести солидное количество их. Старый барон Ульман-фон-Бараниавар формально состоял еще председателем банка, но Юлиус Клейн был фактически руководителем дел всего банка. Теперь господство Клейна в этом крупнейшим из будапештских банков основывалось не на его личных качествах, а на его финансовом превосходстве.

Рядом с Юлиусом Клейном другие будапештские финансисты, выдвинувшиеся во время войны и инфляции, имеют гораздо меньшее значение. Таковы Пауль Мадьяр из Британско-Венгерского банка и Жозеф Бун из Учетно-Вексельного банка.

Андреас Миклош

Типичную для инфляции карьеру, и особенно характерную для Венгрии, сделал один будапештский газетный издатель Андреас Миклош, называвшийся до своей мадьяризации Герман Клейн.

Он начал свою деятельность до войны в качестве агента по об'явлениям старейшей будапештской газеты «Пести Напло». От этой работы он перешел в коммерческую часть редакции и впоследствии, благодаря прекрасным связям, стал сам издавать газеты. Один будапештский директор банка Элек, поднявший кампанию против Коммерческого банка, во главе которого стоял Ланчи, дал Миклошу необходимые средства для учреждения ежедневной газеты «Аз Ест», являющейся в настоящее время крупнейшей газетой Венгрии. При этом Элек имел в виду на страницах этой газеты вести свою борьбу против Ланчи. Таким образом, Миклош в 1909 году стал газетным предпринимателем.

В венгерской прессе установился обычай получать от банков и крупных промышленных предприятий ежегодную субсидию якобы за опубликование балансов и отчетов общих собраний. Миклош, однако, оставил эту систему и нашел лучшие способы для финансирования. С политической стороны его газетное предприятие было так же продажно, как и с хозяйственной. У Миклоша было верное чутье. Во время войны он поддерживал правительство, но успел во-время переменить фронт. При советской власти в Венгрии он поставлял бумагу правительству, а затем очень ловко и легко приспособился к режиму Хорти. Такой талант приспособляемости не замедлил окупиться. Миклош получил возможность приобрести еще две газеты, «Pesti Napló» и «Magyarország», и кроме того большую типографию в Атенеум. В последнее время он купил также одну типографию в Милане. Миклош участвует капиталом во многих бумажных и красочных фабриках. Блестящей карьерой этого венгерского газетного короля воспользовался и его брат, сделавшийся одним из крупнейших хлебных маклеров на будапештской бирже.

Политика и частное хозяйство

Во всех восточных и юго-восточных европейских государствах, а также и в некоторых западных государствах Европы существует тесная связь между политикой, финансами и промышленностью. В Венгрии это имеет даже, так сказать, богоугодный характер. В других государствах руководители политической жизни страны большей частью очень богаты; наиболее крупные финансовые и промышленные магнаты являются в то же время политическими деятелями. В Венгрии представители власти весьма довольны, если им дают приработать в качестве членов наблюдательных советов. Банковские промышленные предприятия охотно занимаются благотворительностью этого рода. Прежде правления акционерных обществ прикрывались в защитных целях именем какого-нибудь аристократа-магната. Теперь в правление принято также привлекать высшее офицерство для того, чтобы установить связь с армией. Эта предусмотрительность гарантирует

крупному капиталу без различия вероисповедания обеспеченное положение при режиме Хорти.

Балканские государства

Для крупного европейского капитала до войны Балканские государства в общем играли роль колонии. Так как помещение капитала в этих странах всегда сопровождалось известным риском, оно было выгодно лишь в том случае, если быстро приносило значительную прибыль. Из иностранных капиталов, вложенных в балканские предприятия, на первом месте стоят французские капиталы, затем английские. Финансовое влияние других стран на Балканах сравнительно невелико. Крупного земельного капитала почти не было. Из всех балканских государств только в Румынии встречаются такие значительные поместия, как в средней Европе и в бывшей царской России. Промышленность стояла на самой низкой ступени развития, за исключением румынской нефтяной промышленности, находившейся почти всецело в руках иностранцев. Крупные банки большей частью принадлежали французам.

При таких обстоятельствах обесценение денег на Балканах, конечно, не могло произвести того грандиозного перемещения капиталов, которое имело место в среднеевропейских государствах. На Балканах не имелось среднего городского класса, как в Германии и немецкой Австрии; следовательно он и не мог быть уничтожен. Последствия инфляции выразились, собственно, только в том, что крестьяне потеряли наличные деньги, которые они заработали во время войны и тщательно сберегали.

Аграрная реформа в Румынии и Юго-Славии

Огромное перемещение капиталов произошло только вследствие аграрной реформы, которая была проведена на Балканах после войны так же, как и в других восточно-европейских странах. Поводом к проведению этой реофрмы послужила аннексия бывших австро-венгерских областей, где во многих случаях, в особенности в Боснии и Герцоговине, продолжали еще существовать отношения крепостной зависимости между феодалом — «бегом» и крестьянином — «кметом». Аграрная реформа, заключавшаяся в разделе крупных поместий и в полном освобождении крестьян, на бумаге была очень решительна, а местами и проводилась в жизнь с необыкновенной строгостью.

Эта реформа раньше всего началась в Румынии, где крупные землевладельцы имели в своих руках больше половины всей земельной площади. Еще во время войны были изданы некоторые мероприятия по аграрной реформе, но окончательное проведение ее в жизнь затянулось до 1923 года. Максимальная площадь для частного землевладельца, в зависимости от почвы и плотности на-

селения, определялась от 100 до 500 гектаров. Все, что было свыше указанной нормы, подлежало отчуждению за известный выкуп. Это относилось также к имениям иностранцев и проживающих за границей румынских подданных. Выкуп и уплата ипотечных долгов производилась посредством 5% государственной ренты. Помещики при этом теряли значительную часть своих капиталов вследствие обесценения денег (лея до своей стабилизации осенью 1923 года упала до $^1/_{40}$ части довоенного паритета), а также потому, что отнятые имения расценивались очень низко Около 1½-миллиона крестьян были рассеяны по хуторам или освобождены от прежней арендной зависимости. Несмотря на все пессимистические предсказания, сельско-хозяйственная продукция после нескольких переходных лет опять достигла своей прежней высоты.

Такая же аграрная реформа была проведена в Юго-Славии. В областях, перешедших от бывшей Австро-Венгрии, крупное землевладение подверглось отчуждению, и больше одного миллиона гектаров земли было распределено между крестьянами. Помещикам было оставлено от 50 до 500 гектаров земли, а на долю новых колонистов, в среднем, пришлось по 5,75 гектаров. В Юго-славии помещики также получили компенсацию за отнятые земли. Государство истратило значительные суммы на этот выкуп. Так, 50.000 помещиков Боснии и Герцеговины получили ¼ миллиарда динаров. В виду не особенно сильного обесценения валюты (динар равнялся $^1/_{15}$ части своего довоенного паритета) помещики Юго-Славии меньше пострадали, чем в Румынии. В Хорватии Славонии раздел земли произошел революционным путем, при чем многие поместия были разгромлены и уничтожены. В Греции и Болгарии значительных изменений в сельском хозяйстве не произошло.

Банки и нефтяные промыслы

В городах инфляция больше всего оказала влияния на банковское дело, хотя и не в такой степени как в Германии, Австрии и Венгрии. Из всех балканских государств наибольшего развития достигло банковское дело в Румынии. В существенных чертах его структура осталась неизменной. Так же, как и до войны, во главе банковского дела Румынии стоит старый банкирский дом в Мармороше, Бланк и К°, управление которого находится в руках семьи Бланк, старого Морица Бланка и его сына Аристида. Во время войны банкирский дом в Мармороше основал торговое общество «Пакс», которое причинило банку значительные убытки. Тем не менее Бланки еще до сих пор являются богатейшими финансистами Румынии, и капитал их оценивается в 10 миллионов золотых марок. Благодаря правительственной поддержке сильно развился за последнее время Румынский банк, капитал которого определяется в 280 миллионов лей или около 5 миллионов золотых марок.

Летом 1924 года был издан в Румынии закон о горных промыслах, имеющий целью своеобразную «национализацию» румынской нефти. Отныне при получении новых нефтяных концессий и при увеличении капитала прежних концессионеров, свыше полобины акций должно оставаться в румынских руках. Значение банков вырастает еще больше, но не столько со стороны «национализации», сколько интернационализации румынской нефти. Уже сейчас иностранные капиталисты укрываются за фирмой румынских банкиров в целях удержания за собой своих нефтяных владений в Румынии.

В Сербии до войны банковское дело было слабо развито, и от присоединения австро-венгерских областей оно выиграло в своем значении. Постепенно значение Аграма (Загреба), как центра банковского дела Юго-Славии, бледнеет, и большинство кредитных учреждений переселяется в политический центр, то-есть в Белград. На юге Балканского полуострова, в Греции, заметно влияние английского капитала. Так, Ионический банк находится в руках англичан и конкурирует с Афинским банком, принадлежащим французам.

Только в 1923 г. балканская валюта стабилизовалась: турецкий фунт на $^1/_8$, греческая драхма на $^1/_{10}$, юго-славский динар на $^1/_{15}$, болгарский лев на $^1/_{25}$ и румынская лея на $^1/_{40}$ части своих довоенных паритетов. Хотя стабилизация на Балканах наступила довольно поздно, все же балканские государства благодаря своему слабому финансовому и коммерческому развитию, не представляли достаточного простора для наживы дельцов инфляции. Поэтому изворотливые и ловкие балканские дельцы, которых бог торговли и плутовства Меркурий богато одарил всякими талантами, предпочитали переселяться в столицы средней Европы, где инфляция и инфляционная прибыль развивались совершенно в ином масштабе.

Ципруты

Из гастролеров, котрыми балканские государства наградили берлинскую и венскую биржи, наиболее прославилась и выдвинулась семья Ципрут. Основатель этой семьи, Жак Ципрут, испанский еврей, жил в Констанце на Черном море, где некогда Овидий писал свои скорбные «Элегии», жалуясь на изгнание. Жак Ципрут на этот город отнюдь пожаловаться не мог; он приобрел там фабрику металлических изделий и вскоре составил себе порядочное состояние, хотя и не чрезмерно большое. Его три сына: Эмиль, Филипп и Марсель основали с помощью отца в Бухаресте банкирскую контору, дела которой необыкновенно процветали во время германской оккупации. Филипп Ципрут сумел войти в доверие к германским оккупационным властям, от которых получил разрешение раз'езжать между Германией и Румынией. Это разрешение он использовал для организации арбитражных сделок с ру-

мынскими ценными бумагами, которые в то время выгоднее было продавать в Бухаресте, чем в Берлине.

Кончилась война с ее возможностями наживы, но зато и с ее стеснительными барьерами между отдельными странами. Для ищущего наживы капитала Европа снова стала единой страной. Братья Ципрут, по примеру всех великих биржевых и банкирских династий, начиная с Ротшильдов и кончая Броннерами, рассеялись теперь по разным столицам Европы. Эмиль отправился сначала в Вену, но когда в Берлине началась биржевая горячка, переехал в Германию. Филипп переселился в Париж, а Марсель остался в Бухаресте, где совместно с одним кампаньоном учредил банкирский дом под фирмой «Ципрут и Семак». Кон'юнктура парижского рынка в то время была не такова, чтобы люди, подобные Ципрутам, могли найти там свое счастье. Зато Эмиль Ципрут преуспевал в своих делах сперва в Вене, затем в Берлине, где ему удалось сорвать большой куш в его операции с паями Берлинского торгового банка. По примеру Гуго Герцфельда, Ципрут постепенно скупил на бирже 35% всех паев и предложил их потом, как мы уже упоминали раньше, с большой надбавкой Гуго Стинесу. В Вене Эмиль Ципрут провел другую крупную сделку с банковскими акциями, работая в качестве посредника у обанкротившегося впоследствии руководителя Учетно-Ссудного банка, Генриха Броннера. Однако, значительного богатства братья Ципрут, несмотря на все свои удачные спекуляции, не достигли, отчасти потому, что Эмиль Ципрут вел очень широкую жизнь, содержал беговые конюшни и так же легко тратил деньги, как их зарабатывал. Тем не менее, эти ловкие румынские дельцы также принимали не малое участие в общем перемещении среднеевропейских капиталов.

Падение польской марки

Ни одному государству в мире, после Советской России, не пророчили такого быстрого конца, как Польше. Несколько лет под-ряд говорили, что польское государство погибнет от «польского хозяйничания[1]». Развитие польского государства в первые годы после войны, казалось подтверждало мнение этих пессимистов или оптимистов, — смотря по тому, с какой политической точки зрения оценивать события. Польская валюта — польская марка, падала еще быстрее германской марки. Молодому польскому государству не удалось, подобно Чехо-Словакии, быстрыми и своевременными мероприятиями упорядочить свои финансы и валюту. Государство продолжало страдать от несчастной валюты, навязанной ему уже при возникновении республики.

Несомненно, Польша получила самое тяжелое валютное наследство. Чехо-Словакия и новые государства, преобразованные

[1] Непереводимая игра слов: в немецком языке выражение «Polnische Wirtschaft,» употребляется для обозначения запутанного хозяйства. *Прим. перев.*

из бывших русских губерний, при своем возникновении имели, по крайней мере, единую валюту. В Польскую республику вошли области, где были приняты три различные валюты. Правда, во время германской оккупации русский рубль был вытеснен уже новой польской маркой, которую выпускали польские ссудные кассы, учрежденные немцами во время войны. Эта польская марка и послужила основой для единой польской валюты. В конце 1919 года польской республике удалось, наконец, провести закон, устанавливающий единую валюту по всей стране, при чем все другие валюты, полученные в наследство польским государством при его возникновении, были об'явлены недействительными. Но тут Польша не воспользовалась прекрасным случаем для проведения дефляции. Около 3 миллиардов австро-венгерских крон были превращены в 2 миллиарда польских марок, и поток бумажных денег продолжал дальше наводнять страну. Обращение бумажных денег до весны 1922 г. увеличилось до 250 миллиардов польских марок, которые не составляли даже 200 миллионов золотых марок, так как в это время в Цюрихе за одну польскую марку платили $^1/_{10}$ сантима.

После отделения восточной части Верхней Силезии от Германии и присоединения ее к Польше, польская марка освободилась от влияния берлинской фондовой биржи. До этого времени польская марка, последняя из всех валют соседних с Германией государств, подвергалась таким же колебаниям, как германская марка. Но это не означало еще стабилизации. Если до сих пор польская марка падала в соответствии с германской маркой, теперь она стала падать самостоятельно не менее быстро. В июне 1923 года государственная ссудная касса в Варшаве платила за один доллар 100.000 польских марок. Таким образом, польская валюта была еще более обесценена, чем германская. К середине 1923 года падение польской марки стало отставать от темпа обесценения германской, и последний кошмар обесценения валюты в Германии в конце лета 1923 года польской марке не пришлось пережить. Но все же Польша, подобно Германии, до конца вкусила все радости и горести инфляции. К концу 1923 года оборот бумажных денег в Польской республике составлял 100 биллионов польских марок, а за один доллар платили 8 миллионов польских марок.

Злотый

Только в январе 1924 года польское правительство снабдило диктаторскими полномочиями своего министра финансов Грабского для проведения валютной и финансовой реформы. Следует отдать должное Польше, что и она после долгих лет неудачного хозяйства, подобно Германии, упорядочила свои финансы и валюту собственными силами. В основу своей реформы Грабский положил всеобщий налог на имущество, который проводился с нобычайной строгостью. До тех пор в Польше поимуществен-

ный налог значился только на бумаге, и плательщики всеми правдами и неправдами уклонялись от платежей; теперь же обстояло иначе. В одной Лодзи, в течение января и февраля 1924 года, из 13.000 налогоплательщиков поимущественного налога — 12.000 подверглись принудительному взысканию. Когда имущие классы убедились, что Грабский, успешно содействовавший раньше организации польского крупного землевладения, с налогами не шутит, они стали добровольно платить наложенные на них повинности. Когда же успех финасовой реформы сделался очевидным и наступила стабилизация валюты, Грабский из ненавистного человека быстро превратился в глазах имущих классов в спасителя отечества. Польша перешла к новой валюте, основанной на небольшом золотом запасе, но обеспеченной торговыми векселями. День рождения «злотого» был не просто об'явлен, как в Германии, правительственным постановлением, но еще отпразднован исключительно помпезно, со свойственной полякам склонностью к внешним выражениям своих чувств, как национальный праздник с парадами и колокольным звоном. Однако, с барабанным боем или без него, — важно лишь то, что введением финасовой реформы достигнуто было равновесие в балансе государственной росписи, и печатный станок больше не работал. Стибилизация злотого удалась точно так же, как и рентной марки в Германии.

Польша в противоположность другим государствам, образовавшимся из бывшей Австро-Венгерской империи, и балканским государствам, не стабилизовала старую валюту, а ввела в обращение новую. Поэтому здесь возникают такие же задачи поднятия ценностей, как и в Германии. Городской средний класс, поскольку таковой существовал в Польше, совершенно разорился от обесценения денег и настаивал на поднятии ценности прежних долговых обязательств, которые должны были его компенсировать за понесенные убытки. Правительство пошло на уступки в этом вопросе, приблизительно в тех же пределах, как в и Германии, с той лишь разницей, что ценность ипотек не была поднята так грубо схематично, как в Германии. В Польше больше учли соотношение хозяйственных сил, и этим обеспечили возможность проведения поднятия ценности прежних обязательств.

Раздел земли в Польше

В Польше после революции перемещение капиталов в сельском хозяйстве происходило так же, как это было в Германии. Сельские хозяева избавились за гроши от своих ипотечных долгов. В общем, они разбогатели на инфляции. Правда, сельские округа в Польше, и в особенности в Галиции, сильно пострадали от войны, так что об абсолютных прибылях за последние десять лет говорить не приходится. В Польше, как и в остальных славянских государствах, после войны была задумана основательная аграрная реформа. Бывшим помещикам оставлена земля в сред-

нем не свыше 180 гектаров полезной площади; в промышленных округах — 60 гектаров, а в местностях с особо неблагоприятной почвой — не свыше 500 гектаров. Все, что принадлежало помещикам сверх этой нормы, подлежало отчуждению за выкуп по ценам, составляющим 50% рыночных. Впрочем, все это было лишь на бумаге. В действительности, парцелляция помещичьих имений произведена в настоящее время далеко не повсюду и не в полной мере. Правительство медлило с проведением этой реформы из опасения еще более запутать государственные финансы. Еще до сих пор сотни тысяч польских крестьян ежегодно уходят в Германию на летние заработки. Принимая во внимание усиливающееся влияние крестьян на варшавский парламент, мы полагаем, что польскому правительству не удастся увильнуть от аграрной реформы. Полное удовлетворение землей всех нуждающихся едва ли возможно. Аграрный закон от 15 июля 1920 года предусматривает максимально 1½ миллиона гектаров для парцелляции, а между тем в Польше насчитывается 700.000 совершенно безземельных крестьян и 700.000 малоземельных, имеющих карликовые наделы — меньше, чем в два гектара.

Полонизация Верхней Силезии

Самое большое перемещение капиталов произошло в польской промышленности. В других отраслях, землевладении, финансовом и биржевом капитале, инфляции больших изменений не произвела, внеся лишь известный беспорядок и перегруппировку. На бирже спекуляция протекала в средних размерах, и вновь образовавшиеся капиталы большого значения не имели. Старая устойчивая текстильная промышленность бывшей русской Польши, все эти короли лодзинского округа, сохранили свои владения и даже приумножили их правдами и неправдами, хотя и стал проникать сюда французский капитал. Значительные изменения произошли лишь в юго-западной части современной Польши, а именно в угольном районе Верхней Силезии, уступленной Германией, и в нефтяных промыслах Галиции.

Присоединение восточной части Верхней Силезии внесло существенную перемену в польское хозяйство. Перед поляками стояла твердая цель: по возможности скорей «национализировать» верхнесилезскую промышленность. Но эта «национализация» была возможна лишь с помощью международного капитала, и вместо полонизации произошла только дегерманизация промышленности. Это повело к сильной перетасовке капиталов. Главными действующими лицами при этом были уже известная нам группа Вейнман-Бозель-Скода-Корфанти с польской стороны, а противниками их выступали: Гуго Стинес и Фридрих Фликк.

Директор сравнительно небольшого Шарлотенбургского железоделательного завода Фридрих Фликк, в первые же годы после войны, путем удачной скупки акций, их обмена и слияния трех

акционерных капиталов угольных и железоделательных заводов, приобрел в Верхней Силезии следующее: летом 1920 года завод «Бисмарк», два месяца спустя Катовицкое горнопромышленное и железоделательное акц. об-во, принадлежащее раньше графу Тиле-Винклеру, и через год Акционерное общество железоделательной промышленности Верхней Силезии. Хотя Фридрих Фликк был старым горнопромышленником, все же в его намерения не входило удержать за собой эти приобретения. Подобно Гуго Герцфельду, он перепродавал купленные акции, довольствуясь полученной разницей в цене. Иностранный капитал через Фридриха Фликка получил возможность проникнуть в верхнесилезскую промышленность.

Борьба за Катовицкое акционерное общество

В апреле 1923 года, незадолго до провала мероприятий по поддержанию марки, изданных во время борьбы за Рур, на берлинской бирже отмечается ажиотаж с акциями Катовицкого общества. Загадка быстро выяснилась. Стало известно, что Зигмунд Бозель, совместно с ауссигской фирмой Вейман, которой еще до войны принадлежало большинство акций верхнесилезского завода «Лаура», вели переговоры относительно большинства акций Катовицкого общества. В ту же сделку должны были войти и акции завода «Бисмарк». Прежний владелец Пильзенских заводов Скода, Карл Скода, тоже участвовал в этой сделке. Вся операция должна была обойтись в 100 миллиардов марок, что по курсу того дня составляло 5 миллионов долларов. Переговоры по этой сделке зашли настолько далеко, что группой Бозель-Вейман, была уже оговорена неустойка в размере 50.000 фунтов стерлингов на тот случай, если Фридрих Фликк не сможет выполнить, согласно договору, свое обязательство передать группе Бозель-Вейман половину акций завода «Бисмарк» и Катовицкого общества.

Но тут на сцене появился Стинес и предложил Фликку такой куш, что последний не только смог уплатить 50.000 фунтов стерлингов неустойки, но ему еще, сверх того, осталась изрядная сумма. Таким образом, большинство акций железоделательных заводов «Бисмарк» и «Катовиц» попали в руки Стинеса. Правда, много удовольствия Стинес от этой операции не получил, так как польские власти и финансовые учреждения под предводительством Корфанти чинили ему столько препятствий, что он предпочел продать свое участие в заводах: «Бисмарк» и «Катовиц», Альпийскому горнопромышленному обществу, превратив таким путем формально германское владение в австрийское. Финансовое управление этими двумя верхнесилезскими предприятиями, перешло к нижнеавстрийскому Учетному обществу в Вене.

Активное участие в этой операции принял вождь польских националистов Войцех Корфанти. Когда Вейнман еще был главным акционером общества Соединенных заводов «Лаура» и «Ко-

роль», Корфанти не без успеха старался устранить главного директора завода «Лаура», горного советника Гильгера. Как только Корфанти стало известно, что между Бозелем и Вейнманом состоялось соглашение относительно верхнесилезских владений, Корфанти поспешил в Мариенбад, чтобы войти в переговоры с Бозелем. Целью его было совершенно устранить германский капитал от участия в обществе Соединенных заводов «Король» и «Лаура», учредить новое правление и перенести последнее в Варшаву или Катовиц. Этот план Корфанти в полной мере провести не удалось. Польское правительство, уполномоченным которого был Корфанти, продолжало действовать в том же направлении. В июне 1924 года, во время тяжелого кризиса сбыта в верхнесилезской горной промышленности, правительству удалось наконец получить 10% акционерного капитала названного общества от группы Бозель-Вейман. Последняя получила взамен значительные кредиты и заказ на 10.000 тонн железнодорожных рельсов. Согласно официальному заявлению в июле 1924 года, участие польского правительства в указанном обществе должно было в дальнейшем расшириться.

Польское правительство, применяя более или менее сильное давление, старалось проникнуть и в другие предприятия верхнесилезской промышленности. Так, правительство приобрело 15% акций заводов Гогенлоэ. Далее, между польским государством и «Горнопромышленным акционерным обществом наследников Георга Гиша» было заключено соглашение, по которому около одной четверти паев этого общества было передано польскому государству. Финансирование предприятий польского правительства, большей частью производится французским капиталом. На французские деньги было основано в феврале 1922 года, Горнопромышленное общество «Скарбоферма», которое об'единяло прежние государственные шахты. Капитал этого общества, в перечислении на золото, составлял до 8,2 миллиона золотых франков. Половина этого капитала находится в руках одного французского консорциума, имеющего соответствующее количество представителей в правлении, а другая часть принадлежит польскому правительству. Председателем наблюдательного совета является Корфанти. В общество «Скарбоферма» входят 7 угольных шахт, несколько заводов и земельные владения в 35.000 гектаров. В этом обществе занято от 15 до 20 тысяч служащих и рабочих, и следовательно оно является одним из самых крупных польских предприятий.

Французский капитал в Польше имеет и конкурентов. Так, в Верхней Силезии и смежных галицийских округах проявляют свою деятельность итальянские капиталисты. В нефтяной промышленности рядом с франко-австрийской группой под предводительством Бозеля, за которой в действительности стоит «Стандарт Ойль компания», т.-е. Рокфеллер, начинает усиленно развиваться влияние английского капитала.

Корфанти в тяжелой индустрии

Главным агентом агрессивного франко-австрийского капитала в Польше является Войцех Корфанти. Сын бедняка ремесленника из Лаурагютте у Катовица, Корфанти, будучи организатором польского движения в Верхней Силезии, не только добился поста министра-президента, правда в летучем кабинете, но является еще вождем польской промышленности. Корфанти считается одним из богатейших промышленных магнатов Польши. Сам Корфанти постоянно отрицает при всех случаях, а таковые не редки, свое участие в крупных промышленных предприятиях Верхней Силезии. В хвалебном гимне, который он сам себе воспел в августе 1923 года на столбцах варшавской газеты «Речь Посполита», Корфанти не постеснялся заявить, что за все свои хлопоты о предоставлении польскому государству участия в верхнесилезской промышленности, он не только не получил никакого гонорара, но ему даже не были возмещены путевые издержки. В действительности же Корфанти состоит членом наблюдательного совета целого ряда крупных частных обществ, и если он даже неподкупен, как Аристид, все же он не отказывается от получения обычных тантьем. Конечно, нельзя считать Корфанти мелким спекулянтом, для которого политика это только средство перехватить лишнюю пару тысяч. Корфанти принадлежит к числу людей, которые сделались руководителями хозяйственной жизни через политику и добились при этом положения крупных промышленников. Такого же влияния, какого достиг Корфанти в польской тяжелой индустрии, добился один из его коллег по министерству в сахарной промышленности Польши. Подобные карьеры в Германии кажутся подозрительными, так как в Германии обычным является путь от денег к власти. В Польше и в некоторых других восточных и юго-восточных государствах, а также во Франции, — путь ведет, напротив, от власти к деньгам.

Латвийский Стинес

Другие государства, возникшие из бывших русских губерний, гораздо лучше, чем Польша, сумели упорядочить свои финансы и валюту. В так называемых окраинных государствах, к северо-востоку от Германии, деньги тоже подвергались обесценению, но там это обесценение не приняло таких уродливых форм, как в обласканной Францией Польской республике. В то время, когда средняя Европа еще фаталистически смотрела на рост инфляции, эти государства собственными силами добились стабилизации своей валюты. Это удалось достигнуть в 1921 году Латвии и Эстонии; в 1922 году Финляндия значительно подняла курс своей марки и затем стабилизировала ее, а вскоре после этого последовала ее примеру и Литва.

Из всех окраинных государств самая замечательная валютная реформа была предпринята в Латвии. Своеобразность этой реформы заключалась в том, что она была проведена богатейшим человеком Латвии. Рингольд Кальнинг, стабилизовавший латвийский рубль и создавший новую обеспеченную золотом валюту — лат (равняется 50 латвийским рублям), до своего назначения министром финансов, был крупнейшим коммерсантом Латвии. Нажитый главным образом во время войны, капитал Кальнинга оценивался в 4 миллиона долларов. На эту сумму, помещенную частью в полноценную иностранную валюту, можно было приобрести в Латвии огромное количество всяких материальных ценностей в период падения валюты, когда цены на предметы повышались медленно и не в соответствии с обесценением денег. Играя на понижение, подобно Стинесу, Кальнинг мог бы совершенно уничтожить латвийскую валюту. Но латвийский Стинес, как только мир с Россией был заключен и печатный станок не должен был больше служить для финансирования разных военных авантюр, искал новых путей для быстрого оздоровления валюты своего отечества. Путем суровых налогов и пошлин, исчисленных в золоте, системой монополий, сокращением штата чиновников и, наконец, строго проведенным ограничением кредитов Кальнингу удалось добиться равновесия бюджета и прекратить выпуск бумажных денег. Только после этого были приняты меры к оживлению хозяйственной жизни при посредстве иностранных кредитов.

Отчуждение земель

Еще до оздоровления финансов в окраинных государствах повсюду были проведены самые решительные аграрные реформы. Так, в Эстонии, где 70% земельной площади принадлежало крупным землевладельцам, преимущественно немецко-балтийским баронам, максимальное владение землей было установлено в таком размере, который может быть обработан силами собственника и членов его семьи. Задумана была реформа почти по большевистскому образцу, но, конечно, она не была проведена так последовательно, как в Советской России.

В Латвии, где больше половины земельной площади находилось в руках немецких помещиков, по закону от 16 сентября 1920 года подлежали отчуждению все земельные владения свыше 100 гектаров. Здесь тоже еще не проведены в жизнь законы о поселении, предполагавшие создать 100.000 новых крестьянских хозяйств. Но сейчас правительство, под руководством молодого Зигфрида Мееровица, энергично взялось за проведение этой реформы.

Не столь радикально поступили в Литве, где половина земли принадлежала частным крупным помещикам, государству и церкви в то время как 17% крестьянского населения вовсе земли не имели, а 30% имели лишь карликовые владения, менее чем в 2 гек-

тара земли. Аграрная реформа, проведенная законом 1922 года, очень походит на польскую земельную реформу. Отчуждению подлежали все имения свыше 150 гектаров, в особых случаях эта норма могла быть снижена до 80 гектаров. Наделение землей скоро было налажено, и уже в течение первого года 100.000 гектаров земли были переданы участникам войны и безземельным крестьянам.

При проведении аграрных реформ во всех окраинных государствах, помещики хотя и получили выкуп, но гораздо ниже рыночной стоимости их имений. Наступившая ранее стабилизация обеспечивала им, по крайней мере, эту сумму от обесценения. Но, несмотря на это, прежние крупные помещики потеряли значительную часть своих капиталов. Возникшее вследствие этого перемещение капиталов завершило то движение в собственности, которое произошло от инфляции во время войны и в первые годы после войны.

Глава X

СТРАНЫ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦЫ

Довоенному историку-экономисту, занятому вопросом об обесценении денег, такое падение английской валюты, какое произошло за последние десять лет, показалось бы совершенно исключительным явлением. Долгое время английский фунт в отношении доллара стоял ниже на 30% довоенного паритета, что было бы невероятным событием даже в эпоху серебряной валюты. С германской же точки зрения английский фунт после окончания войны играл роль полноценной валюты. И такова же была его роль в средних и восточных европейских государствах.

Англия, единственная из всех воевавших европейских стран, держалась во время войны твердой финансовой политики. Конечно, нельзя сказать, что Англия финансировала войну исключительно доходами от налогов. Это было бы не по силам даже для самого богатого из европейских государств. Но Англия во время войны принимала все меры к тому, чтобы из'ять у населения путем высоких налогов выброшенные в обращение бумажные деньги. Руководители финансов Англии не боялись потерять своей популярности, проводя столь решительную политику в отношении налогов, благодаря чему Англии удалось приблизительно одну треть расходов покрыть налогами. Несмотря на это, во время войны Англия увеличила оборот своих банкнот с 30 миллионов на 120 миллионов фунтов стерлингов, и к тому же в обращении были краткосрочные свидетельства (Currency notes) на 320 миллионов фунтов стерлингов. Таким образом, весь оборот бумажных денег увеличился в 15 раз. Но если принять во внимание, что до войны в обращении находилось на 80 миллионов фунтов золота, мы увидим, что бумажный оборот увеличился лишь в четыре раза.

Англия поддерживает свою валюту

Тем не менее, Англия во время войны смогла, в общем, сохранить паритет своей валюты, хотя фунт временами в отношении валюты нейтральных держав и давал некоторое понижение.

Увеличившаяся денежная масса стала оказывать в качестве дополнительной покупной силы понижающее действие на цену денег лишь после того, как с окончанием войны отпал и усиленный спрос на деньги. К тому же Англия, подобно другим европейским государствам, после войны испытывала большой товарный голод и набросилась на американский рынок. Эти два обстоятельства повлияли на падение английского фунта, и во второй половине 1919 года фунт сравнительно с долларом упал более, чем на 20%.

В Англии, в противовес Германии, своевременно учли все опасности падения валюты и отнеслись очень серьезно к этому вопросу. Были приняты меры, и оборот бумажных денег подвергся сокращению путем из'ятия краткосрочных свидетельств. В то же время правительство пыталось массовой распродажей военного имущества понизить цены, чтобы уменьшить спрос на деньги в товарном обороте. Однако, английская промышленность воспротивилась этим мероприятиям. Капиталисты утверждали, что проектируемая правительством строгая дефляция приведет к тяжкому хозяйственному кризису. Вскоре, действительно, показались первые признаки наступающего кризиса: заметно возросла нужда в деньгах. Государство уступило и увеличило оборот банкнот. Была сделана еще одна попытка провести дефляцию, но и она не удалась. И все-таки правительство в конце-концов, после долгих усилий подняло курс фунта. Медленно, но настойчиво правительство уменьшало бумажную эмиссию и увеличивало золотой запас. Но главную роль сыграли упорядочение бюджета, который с каждым годом стал давать все большее превышение доходов над расходами, и соглашение Болдуина с Америкой о военных долгах. Конечно, фунт еще отстает на 10% от доллара. Стабилизация фунта не вполне закончена.

В сравнении с другими воевавшими европейскими государствами обесценение денег в Англии было так незначительно, что там совершенно не приходится говорить об инфляционном хозяйстве. А военное хозяйство протекало в сравнительно нормальных формах: чрезмерные военные прибыли своевременно были ограничены, а сохранение ценности валюты обеспечивало капитал от больших потерь — таких, как в странах, подвергшихся инфляции. Следовательно, перемещение капиталов, происшедшее в Англии после войны, не выходит из пределов обыкновенных изменений в собственности, имеющих место в течение одного десятилетия в странах с высоко развитым капиталистическим хозяйством.

Убытки крупных землевладельцев

Тем не менее, государственное хозяйство Англии решительно повлияло на сохранение и перегруппировку частных капиталов, но совсем в другом направлении, чем в странах инфляционных. В последних недостаточно энергичная налоговая политика при-

вела к обесценению денег и в дальнейшем—к перемещению частных капиталов. В Англии же, налоговая политика содействовала уменьшению старых крупных капиталов и ставила преграды к накоплению новых больших капиталов. Высокий подоходный и поимущественный налоги отразились больше всего на крупных землевладельцах, считавшихся до войны самыми богатыми людьми Англии. Пять — шесть герцогов и лордов, которым принадлежит лондонская земля, были привлечены к несению налогов в таком же размере, как и богатейший землевладелец Шотландии, герцог Сутерландский. В результате, землевладельцы в большинстве случаев вынуждены были продавать часть своей недвижимости, что повлияло на понижение цен на землю. Даже самый богатый землевладелец Англии, герцог Вестминстерский, которому принадлежит вся западная часть Лондона и земельная рента которого до войны составляла ежегодно 4 милл. м., для упорядочения своих финансов должен был прибегнуть к продаже своей картинной галлереи. Не все, однако, землевладельцы располагали такими резервами. В последнее время войны, и еще больше в первые годы после окончания ее, английские газеты были переполнены об'явлениями о продаже имений, замков, иногда даже целых городов.

Любопытно, что это произошло как раз в то время, когда сельское хозяйство Англии, вследствие военных потребностей, достигло наивысшей интенсивности. Площадь под пшеницей (известно, что в Англии ржаной хлеб не употребляется) повысилась на 60%, а цены на пшеницу возросли в 2½ раза. Выгоду из этого извлекли преимущественно арендаторы. Им удалось в последние годы войны приобрести в собственность арендуемые ими земли. Согласно английской налоговой статистики, доход с сельского хозяйства, подлежащего обложению налогами, повысился с 17,5 миллионов фунтов стерлингов в 1913 году до 100 миллионов в 1921 году. Но с этого момента и кончается благоприятная кон'юнктура в английском земледелии. Цены быстро падают, и продолжается начавшееся уже в 1919 г. сокращение посевной площади. Другими словами, от зернового хозяйства Англия снова возвращается к травосеянию и скотоводству. Интенсификация английского земледелия осталась только эпизодом. Ожила старая тенденция к превращению Англии в односторонне торговое и промышленное государство.

Как во всех промышленных странах, в Англии в настоящий момент, так же как и перед войной, земельные владения в сравнении с их относительно низкими доходами, расцениваются гораздо выше, чем промышленные владения. Но все же общая стоимость сельско-хозяйственного капитала в Англии, оцениваемого в настоящее время в 1,6 миллиардов фунтов, против двух миллиардов сороковых годов прошлого столетия, в противоположность аграрному капиталу Франции и Германии, постоянно

понижается. Имущественные потери и продажа земли крупными английскими землевладельцами послужили на пользу не только арендаторам; этим воспользовались также быстро разбогатевшие в последние годы промышленники, которые вложили часть своих капиталов в земельную собственность. Если вследствие этого и не произошло значительного перемещения капиталов, все же некоторые социальные перемены произошли. Старые английские феодальные владения во многих случаях перешли к новым богачам — промышленникам или лордам новейшей формации. Система хозяйства при этом не изменилась, и земельная рента попрежнему выколачивается из труда арендаторов и сельских рабочих. Типичной была продажа в последний год войны острова Левис, у шотландских берегов, лорду Левергэльму, крупнейшему фабриканту мыла в Англии.

Лорд Левергэльм.

Лорд Левергэльм является главой наиболее распространенной английской фирмы «Общество с огр. отв. Братья Левер», фабрикаты которой, знаменитое мыло «Sunlight» (Солнечный свет), пользуются мировой известностью. Лорд Левергэльм сам проложил себе дорогу в жизни. Он родился в пятидесятых годах прошлого столетия в Болтоне, Ланкашир, в малосостоятельной семье. Избрав своей специальностью мыловарение, Левер открыл небольшой мыловаренный завод. Благодаря прекрасному качеству товара, дела Левер пошли хорошо, и вскоре он значительно расширил свое предприятие. Уже перед войной Левер стоял во главе химического концерна, об'единяющего до 40 различных обществ.

Во время войны, когда химическая промышленность Англии избавилась от германской конкуренции, во всех отраслях химического производства отмечается большое оживление. «Братья Левер» также не мало выиграли от этой кон'юнктуры. Дивиденды концерна, составлявшие в 1913 году 8,3% поднялись в 1919 году до 16,7%. Высокая прибыль об'ясняется, главным образом, тем, что заводы Левер, при начавшемся повышении цен, обладали значительными запасами сырья. Цены же на фабрикаты концерна быстро были подняты. Когда впоследствии цены на сырье стали падать, братья Левер не спешили соответственно понизить цены и на свою продукцию. За свой образ действий лорд Левергэльм в 1921 году был привлечен к ответственности английской комиссией по ревизии трестов. Но Левергэльм выдержал испытание перед комиссией точно так же, как и другие трестовские магнаты, например, нефтяные короли Детерлинг и Колье из «Комбината Шелль» и владелец больших ниточных фабрик Коатс. Этот инцидент нисколько не повредил ни его славе, ни его богатству. Левергэльму приписывают капитал в 130 миллионов фунтов

стерлингов. Если это даже преувеличено, все же Лавергэльм принадлежит к богатейшим людям Англии и даже всей Европы.

Центральным предприятием его концерна являются заводы «Sunlight» в порте Левер, где работают около 15.000 рабочих. Подобно другим крупным трестам на континенте Европы, Левергэльм за последние годы расширил свой концерн по всем направлениям. Заводы, входящие в его концерн, принадлежат к разным отраслям промышленности; так, у него имеются угольные шахты, машиностроительные заводы, маслобойные заводы и, наконец, бумажные фабрики. Самым ценным владением Левергэльма являются кокосовые плантации в Африке.

Далее, лорд Левергэльм участвует капиталом в разных пароходных обществах, рыбных промыслах и банках. Кроме того, в его концерн входит также ряд предприятий, ничего общего не имеющих с основными заводами. В этом отношении Левергэльм походит на Стинеса. Отдельные части треста Левергэльма раньше были органически связаны; теперь же рационально построенный трест обратился в конгломерат различных промышленных и торговых предприятий, не имеющих никакой связи между собой, кроме финансовой. К началу 1921 года фирма «Братья Левер» об'единяла 140 обществ, т.-е. на 100 больше, чем перед войной [1].

Концентрация промышленности

Развитие концерна Левера имеет еще потому большое значение, что здесь наиболее ярко выразилась новая тенденция промышленности, совершенно чуждая до войны английскому хозяйству. В государствах европейского континента стремление к концентрации промышленности тоже колоссально увеличилось во время войны и инфляции. Но там это было лишь усилением и углублением ранее существовавшей тенденции. Понятие концерна до войны было абсолютно чуждо Англии, этой стране классического либерализма в хозяйстве. Даже горизонтальная концентрация, т.-е. об'единение предприятий однородной отрасли и той же степени производства, находилась в зачаточном виде. Правда, существовало около 100 картелей, «ассоциации» текстильной, химической и пищевой промышленности, а также некоторых отраслей металлической промышленности. Эти об'единения, регулирующие сбыт товаров и устанавливающие цены, имели своей целью победить и устранить конкуренцию отдельных предприятий. Война дала толчок к концентрации крупных капиталов и во время войны мы видим в Англии усиленное образование картелей и синдикатов.

Правительство и парламент покровительствовали концентрации и даже способствовали ее возникновению. В конце 1917 года

[1] Эдо Фиммен. «Соединенные штаты Европы или Акц. О-во Европа». Иена 1924 г., стр. 20.

образованная парламентом торгово-промышленная комиссия под председательством Барлея начертала основные положения для новой организации английского хозяйства. В этих положениях рекомендовалось для успешной борьбы с иностранной конкуренцией дополнить и заменить прежний экономический индивидуализм кооперацией и координацией. Образованный за год до этого союз предпринимателей, Federation of British Industries (союз британской промышленности), стал во главе английской крупной промышленности. В этот союз в настоящее время входят 2.000 фирм и приблизительно около 200 об'единений, в производствах которых занято около одной трети всех английских рабочих. Параллельно развивается союз небольших промышленных предпринимателей, так называемый National Union of Manufacturers (Национальный союз фабрикантов). Эта организация подобна германской организации промышленности, существовавшей до образования Государственного союза Германской промышленности. До того времени в Германии рядом с об'единением тяжелой индустрии — «Центральным об'единением Германских промышленников» — функционировал также Союз предпринимателей, при чем обе организации действовали параллельно, а иногда и друг против друга.

Развитие концерна

Мы упоминаем мимоходом об этих новых образованиях английской промышленности для того, чтобы показать то новое веяние, которое господствует в английском хозяйстве за последнее десятилетие. Манчестерский идеал индивидуального хозяйства теперь отставлен. После войны возник целый ряд больших концернов в тяжелой промышленности. Однородные предприятия об'единились для работы на началах взаимных интересов, или слились в одно целое. Крупные военные промышленники, прежде всего орудийные заводы Викерса и Армстронга, не могли так беспрепятственно зарабатывать в Англии, как их коллеги на континенте, но все же у них оставалось достаточно военной прибыли для того, чтобы расширить свои предприятия в горизонтальном и вертикальном направлениях. Викерсы присоединили к себе моторные и вагоностроительные заводы, а также участвовали в электрических предприятиях. Фирма Армстронг, Витворт и К° приобрела машиностроительные заводы и обеспечила себе угольную и рудную базу покупкой рудников. Несмотря на подводную войну, к лицам, получившим большие военные прибыли, принадлежали также владельцы пароходных предприятий. Крупнейшие кораблестроители Англии, лорд Инчкэп и лорд Кильсэнт, в настоящее время владеют $^1/_5$ частью торгового флота Британской империи.

Параллельно с концентрацией промышленности развивается также концентрация банковского дела в Англии. С 1914 года по

1921 год в Англии прозошло 48 соединений различных банков, при чем слияние произошло между большими и даже весьма крупными банками [1].

Из больших банковских учреждений самостоятельно существует только «Большая Пятерка»: Банк Барклея (Barclays Bank), Банк Ллойда (Lloyds Bank), Лондонский, графства Вестминстр и Паррский Банк (London County Westminster and Parr's Bank); Лондонский Соединенный Сити и Мидланд Банк (London Joint City and Midland Bank), Национальный Союзный банк для английских провинций (National Provincial and Union Bank of England). Традиционное в Англии деление банков на депозитные банки и на финансирующие банки сохранилось и после войны.

Кризис

Концентрационному стремлению по вертикали был положен до известной степени предел наступившим в 1920 году тяжелым кризисом сбыта, который достиг своей высшей точки, когда 5 миллионов рабочих очутились на улице. Большую роль сыграла также стачка горных рабочих, продолжавшаяся в Англии свыше 5 месяцев. Наступивший инфляционный кризис отразился даже на крупнейших предприятиях. Самые большие заводы, расширившиеся после войны и не сумевшие во-время учесть поворот в кон'юнктуре рынка, пострадали от кризиса. Английское хозяйство до сих пор чувствует последствия этого кризиса, и еще в 1924 году два известнейших английских предприятия, резиновые заводы Денлоп и фабрика фруктовых и овощных консервов «Кросс и Бэквель», оказались в тяжелом положении. Заводы Денлоп потеряли больше 10 миллионов фунтов из своего капитала, а фабрики Кросс и Бэквель — 5 миллионов. Во всяком случае повсюду торговые, промышленные и банковские предприятия соединяют свои капиталы для того, чтобы освободиться от последствий перепроизводства военного и послевоенного времени.

Концентрацию капиталов, происшедшую в Англии за последние 10 лет, было бы неправильно отождествлять так же, как и на континенте, с увеличением капитала отдельных капиталистов. Соединение больших капиталов в отдельных обществах, связанных между собой тесными интересами, создало столь многообразные формы перемещения капиталов, что уловить этот процесс сразу представляется почти невозможным. Но в Англии, так же как и в других странах, благодаря концентрации капиталов, в руках небольших групп сосредоточилось огромное финансовое могущество, имевшее сильное влияние и на политику. Крупная промышленность и финансы до сих пор поставляют Англии, если не считать рабочей партии, всех руководящих политических деяте-

[1] Адольф Вебер. Депозитные и спекулятивные банки. Мюнхен и Лейпциг 1922 г., 3 изд., стр. 89.

лей. Из выдающихся деятелей последнего времени бывший канцлер государственного казначейства, Мак-Кенна, состоит председателем Лондонского Сити и Мидланд-Банка, который по своим операциям является, быть может, самым крупным банком в мире. Болдуин, сэр Роберт Хорн и Чемберлены — крупные промышленники, а Бонар-Лоу тоже не малая величина в промышленном мире. Но все же связь между политическими деятелями и деловыми кругами в Англии далеко не так тесна, как в других странах европейского континента.

Падение французского франка

Инфляция во Франции была непохожа на инфляцию в средних и восточных европейских государствах. Впервые сильное падение франка началось после войны в 1919 году. В это время обессиленная войной страна, без соответствующей компенсации в вывозе и не имея долгосрочных кредитов, стала импортировать большие количества американских товаров. Впрочем, вскоре удалось стабилизовать франк на 35—45% довоенного паритета, что было еще терпимо. Правда, государственный бюджет постоянно заключался с дефицитом во много миллиардов золотых франков, но этот дефицит покрывался не выпуском бумажных денег, а внутренними займами. Франция получила через эти внутренние займы во время войны 50 миллиардов, и, что важнее, после войны 70 миллиардов, которые предназначались на восстановление разоренных войной областей. Это была героическая политика, связанная с большими убытками для держателей займов, так как начиная с 1922 года франк в течение целого года медленно, но беспрерывно падал.

Французы только тогда учли все последствия обесценения денег, когда франк, державшийся до начала 1924 года на 30% довоенного паритета, вдруг в течение нескольких недель упал до 20% и в соответствии с этим английский фунт, эта штандартная валюта для Парижа, вскочил с 80 на 120 франков. Испытанные инфляционными бедствиями, немцы удивлялись, как французы только через газеты узнавали о том, что такое инфляция. При этом до мельчайших подробностей были проделаны те же ошибки, какие имели место раньше в Германии. Повидимому, в вопросах изготовления снарядов и газовой войны соседние народы гораздо легче перенимают друг у друга, чем в вопросах денежного обращения.

Надо отдать справедливость французскому правительству, оно в острый момент гораздо энергичнее и быстрее, чем германское правительство провело налоговую реформу и всеми силами боролось против дальнейшего выпуска бумажных денег. Однако, из боязни за престиж французское правительство не имело достаточно мужества для того, чтобы перестроить свой бюджет и на-

логи на золотой франк и тем самым оградить себя от нового падения франка. Правительство Франции ограничилось технически блестяще выполненным мероприятием по поддержанию валюты, которое причинило многомиллионные убытки спекулянтам на понижение во Франции и за границей. С помощью Америки стабилизацию франка вполне удалось провести; но доверие к франку у французского населения, вкусившего от древа познания инфляции, было подорвано.

Это ярко выразилось в тех изменениях, которые произошли в течение первой половины 1924 года на французском денежном рынке. Прежде самой ходкой бумагой на бирже были облигации и государственная рента; теперь же лица, ищущие помещения своему капиталу, набрасываются на акции. Даже самые крупные промышленные предприятия, как Шнейдер-Крезо, не в состоянии больше разместить новые выпуски облигаций. Французский рантье, потерпевший раньше на русской ренте, а затем на отечественной, стал теперь более осторожен и предпочитает в настоящий момент приобретать материальные ценности. Но это вовсе не значит, что произошло массовое перемещение капиталов в материальные ценности, как это имело место в Германии за последние годы инфляции; во Франции даже и теперь об этом нет речи.

Высокие доходы

Обесценение денег во Франции действовало как плуг, который только бороздит, но не захватывает глубоко почву. Во Франции, как и в других странах с ухудшенной валютой, кредиторы по ипотекам и рентодержатели, несомненно, обеднели. А выиграли от этого в первую очередь сельские хозяева. Так как во Франции рента была большей частью в руках сельских хозяев, можно сказать, что нынешние сельские хозяева выиграли то, что прежние потеряли. Собственники городской недвижимости также выиграли от обесценения ипотек. Правда, во Франции цены на дома значительно понизились, но поднятие этих цен предстоит еще впереди.

Несомненно, что Франция, вследствие войны и хозяйственного развития после войны, потеряла свое место, как первого международного банкира, дававшего кредиты всем остальным государствам. Из этого положения Франция была вытеснена Америкой, а в самой Европе Англией. Но отсюда совсем не следует, что Франция, хотя бы временно стала страной бедняков. Еще до сих пор там существует не только широкий слой капиталистов, но и поразительное количество лиц с большими доходами. По официальным данным, опубликованным весной 1924 года в связи с бюджетной реформой явствует, что 15.180 французских граждан декларировали ежегодный доход свыше 100.000 франков. На общее количество взрослых жителей Франции, 8 — 10 миллионов,

приходится один миллион налогоплательщиков, ежегодный доход которых составляет 8 — 120 тысяч франков. А из этого миллиона доход 15.000 человек в сумме превышает 3½ миллиарда франков. Таким образом, избранные 15.000, эти «Quinze mille», имеют, в среднем ежегодный доход в 250.000 франков или 55.000 золотых марок.

Главный контингент этих счастливцев состоит из прежних богачей, но среди них также не мало разбогатевших на войне и репарациях. Периодически повторяющиеся репарационные скандалы в областях, подлежащих восстановлению, ясно показывают, сколько денег попадает в ненадлежащие руки. Это и не удивительно, так как после войны около 20 миллиардов золотых марок уже истрачено на восстановление разрушенных местностей. Даже в самой Франции в социалистических кругах утверждают, что пятая или шестая часть репарационных сумм прилипла к разным рукам. Сливки, конечно, сняли промышленники, заводы которых находились в разоренных местностях. Но самые большие барыши на репарациях возникли не от полученного возмещения, а от подрядов на поставку строительных и других материалов, хотя восстановление и было поручено «общественным» организациям, в виде кооперативов, во главе которых стоял известный по своему соглашению со Стинесом маркиз де-Люберзак. Больших капиталов из репарационных дел все-таки не возникло.

Братья-Камбон

Как и в восточной и юго-восточной Европе, за последнее десятилетие и во Франции в первые ряды промышленников и финансистов выдвинулись лица с громкими политическими именами. Из таких лиц следует, прежде всего, назвать братьев Камбон. Жюль Камбон, бывший посол в Берлине, и Поль Камбон, бывший посол в Лондоне, впоследствии заняли господствующее положение в промышленном и финансовом капитале Франции. Хотя обоим престарелым дипломатам далеко за 70 лет, но живучесть они проявили не меньшую, чем их сверстник Клемансо, и после войны пошли в правления различных выдающихся предприятий Франции. Так, Поль сделался членом правления Компании по эксплуатации Суэцкого Канала (Compagnie du Canal de Suez) и других транспортных обществ. Но еще более живую деятельность, чем Поль Камбон, умерший в 1924 году в возрасте 81 года, проявил его брат, Жюль, бывший посол в Берлине, занимавший во время войны важный пост генерального секретаря в министерстве иностранных дел. После войны Жюль Камбон был членом французской мирной делегации и председателем конференции послов. По окончании войны, в обществе все время утверждали, что Жюль Камбон оставляет дипломатическое ведомство и переходит в правление Парижско-Голландского банка (Banque de Paris et des Pays-

Bas). Жюль Камбон действительно в правление вошел, но и председательства не оставил. Очевидно, пост председателя конференции послов превосходно совмещается с местом вице-председателя Парижского банка.

Управляемый Камбоном банк после войны не только выдвинулся в первые ряды крупных французских банков, но стал еще самым влиятельным финансовым учреждением Франции на международном рынке. Этот банк, главным образом, поддерживает нефтяную промышленность, и благодаря ему Франция заняла в нефтяном деле особое место между обоими мировыми трестами: рокфеллеровским «Стандард-Ойл» и английско-голландским «Шелл Комбайн». Жюль Камбон является также председателем банка Центральных Европейских государств (Banque des Pays de l'Europe Centrale). Последний банк учрежден Парижским банком; главная сфера его деятельности—государства, образовавшиеся из бывшей Австро-Венгрии. Наконец, Камбон председательствует в Обществе Радио Франция («Compagnie Radio France»), также контролируемой Парижским банком. Общество Радио-Франция, имеющее монополию беспроволочного телеграфа во Франции и ее колониях, состоит в тесной связи с Обществом беспроволочного телеграфа Маркони (Marconi Wireless Telegraph Company Ltd), находящимся под управлением Годффрея Айзекс, брата вице-короля Индии лорда Ридинга. Общество беспроволочного телеграфа Маркони в свою очередь является учредителем Британско-Венгерского банка, управляемого Симоном фон-Краусом. А этот банк находится в тесных деловых отношениях с концерном Стинеса, имея с ним одинаковые интересы в Будапештском акционерном обществе д-ра Липтака. Таким образом именно Парижский банк является местом, откуда исходят важнейшие международные сплетения капиталов.

Шнейдер-Крезо

Из французских предприятий, которые за последние десять лет не только сохранили свой основной капитал, но еще значительно его увеличили, на первом месте стоят заводы Шнейдер-Крезо. В то время, как в потерпевших поражение странах, вынужденных разоружаться, фабриканты пушек всюду несли огромные убытки, переходя к другим производствам, в странах победительницах военная промышленность получила новый козырь в свои руки и, кроме того, могла еще приобрести то ценное военное имущество, которое подлежало ликвидации в побежденных государствах. Из всех королей пушечного производства на первое место выдвинулось Общество Шнейдер и Комп. в Париже, которое до войны своим капиталом, продукцией и числом рабочих стояло далеко позади Круппповских заводов, а сейчас находится в первых рядах международного промышленного капитала и по силе и широте своих захватов может быть сравнимо с концерном Сти-

неса. Фирма Шнейдер-Крезо является фамильным предприятием и уже при трех поколениях находится во владении семьи Шнейдер. Название Крезо происходит от местечка Ле-Крезо в департаменте Сены и Луары, где находятся самые важные орудийные заводы фирмы. Шнейдеры родом из Саарской области. В 1825 году Эжен Шнейдер в возрасте 21 года, не обладая никакими средствами, переселился в Париж. Там он через своего старшего брата Адольфа получил службу в одном из банков. После пяти лет работы в банке, Эжен Шнейдер добился места директора одного железоделательного завода у Седана. В течение следующих пяти лет он составил себе капитал, работая в Лотарингской железоделательной промышленности; затем он приобрел железолитейный завод в Ле-Крезо, находившийся в несколько запущенном состоянии. Этот завод уже во время наполеоновских войн служил мастерской для литья орудий. Благодаря коммерческой изворотливости, а также раннему применению парового молота, Шнейдеру удалось поднять это производство до значительной высоты. При этом он прекрасно учел, что такое политическое дело, как фабрикация орудия, может процветать лишь при хороших связях с руководителями политической жизни. Своевременно поверив в восходящую звезду Наполеона III, Шнейдер вошел в доверие Луи Бонапарта, который еще до государственного переворота решил его назначить министром земледелия. Шнейдер выдвинулся на пост председателя законодательного собрания, но, что еще важнее, во время второй империи сделался покровительствуемым военным поставщиком. После падения Наполеона III, Шнейдер сходит с политической сцены. Политической связи дело Шнейдера не теряет, так как зять Шнейдера, Делесеньи, после отставки Тьера, становится министром консервативного кабинета герцога Брольи.

Расширение концерна Шнейдера

Политика делается традицией в доме Шнейдера. Сын и наследник Шнейдера, Генрих Шнейдер, выдвигается как монархический депутат. Нынешний шеф фирмы, сын Генриха Шнейдера, родившийся в 1868 году Эжен Шнейдер, делается депутатом прогрессивной партии, так как республика за это время слишком укрепилась, и открыто стоять в рядах монархистов представлялось уже невыгодным. Эжен Шнейдер принадлежит к числу самых рьяных сторонников захвата Францией Марокко. Еще до войны предприятия Шнейдера расширились и раскинулись далеко за пределами родного Ле-Крезо. Так, в Гавре, в Гарфлере заводы Шнейдера вырабатывали, кроме артиллерийских материалов, также автомобили, в Шампань на Сене изготовлялись электромоторы и силовые установки, а в Шалон на Сомме выделывались разные строительные материалы и мостовые фермы. Но только

благодаря полученным во время войны прибылям, концерн Шнейдера получил возможность захватить иностранные рынки. Известные связи с заграничными предприятиями у фирмы Шнейдер были уже и в довоенное время. Так, Шнейдеры находились в тесной связи с Путиловским заводом, участвовали в Никополь-Мариупольском металлургическом обществе в России, а также в Обществе доменных печей в Чили. Во время войны Шнейдер-Крезо пытаются создать собственную угольную базу во вновь разрабатываемом бассейне Кампины в Бельгии. Непосредственно после войны, когда французские синдикаты начинают скупать секвестрированные германские предприятия в Эльзас-Лотарингии, Шнейдер-Крезо принимают самое деятельное в этом участие. Ими приобретаются заводы Лотарингского железоделательного союза и владения Гельзенкирхенского акционерного общества в Лотарингии.

Но самые важные захваты концерна идут в другом направлении. Шнейдер проникает еще до Стинеса в государства, образовавшиеся из бывшей Австро-Венгерской империи. Уже весной 1919 года Шнейдер принимает участие в австрийских горных и железоделательных заводах. В этом же году концерну Шнейдера удается приобрести заводы Скода у Пильзена, а также контроль над польскими заводами Гута-Банкова, которые уже ранее находились в связи с крупным французским банком — Лионским кредитом. Совместно с английским военным промышленником Викерсом, Шнейдер учреждает в Польше общество для изготовления военных материалов. Оставив на время приобретения в промышленности, Шнейдер начинает укреплять свои позиции в банках, усиливает свое влияние на Лионский кредит и становится во главе большого банковского концерна Union Parisienne. Весной 1920 года Шнейдер учреждает для финансирования своих заграничных предприятий новый банк Union Européenne Industrielle et Financière и уже после этого начинает снова кампанию по приобретению заводов в бывших владениях Австро - Венгрии. Быстро друг за другом следуют приобретения Панкраских рудников и стальных заводов Градеш-Кралове Пражской железоделательной индустрии и фейтских магнезитовых заводов в Штирии. В следующем году Шнейдер покупает горные и железоделательные заводы в Острау, в Моравии, а в 1922 году Шнейдер получает разрешение от Комиссии по репарациям на сооружение большой Дунайской гавани в Будапеште и на постройку в этом городе нефтеочистительного завода. Через свой собственный банк Union Européenne, Шнейдер в 1922 году получает также влияние на Нижне-Австрийское учетное общество, которое входит с Union Européenne в соглашение о работе на началах взаимных интересов. Таким образом, Шнейдер делается членом наблюдательного совета одного из крупнейших банков Вены.

Шнейдер и Стинес

Этим самым была установлена любопытная, хотя еще не совсем ясная связь между Шнейдер-Крезо и самым большим средне-европейским промышленным трестом Стинеса, так как в Нижне-Австрийском учетном обществе доминирующее положение занимает Камилло Кастильони. Говорили, что вообще между группами Шнейдер и Стинес образовалась непосредственная связь в различных предприятиях. Так, полагают, что при увеличении акционерного капитала Альпийского горнопромышленного общества, последовавшего после приобретения группой Кастильони-Стинес Катовицкого акц. общества, новый выпуск акций был передан Кастильони и Нижне-Австрийским учетным обществом в руки Шнейдера, при чем Кастильони и Учетное общество не мало заработали на разнице в цене. Но помимо этой прибыли на разнице Стинес выиграл от сделки с французскими капиталистами еще потому, что поляки не могут так легко отнимать в Верхней Силезии у германских промышленников их владения, если в них участвует французский капитал. В прессе неоднократно утверждалось, что Шнейер-Крезо и Стинес связаны взаимным участием в Акционерном Обществе железоделательных заводов Rima-Muranjer-Salgo-Tarjaner, в кораблестроительном и вагоностроительном обществе Гуго Ганца в Ратибор-Будапеште и в Акц. обществе заводов по обработке алюминия в Бухаресте. Впрочем, этот вопрос остается невыясненным. Совершенно неосновательным является мнение, что Шнейдер в согласии со Стинесом в 1919 году предпринял кампанию для приобретения заводов Скода.

Более правдоподобно предположение французского экономиста Делесси на столбцах «Манчестер Гардиан» [1], хотя к обобщениям такого рода надо относиться с большой осторожностью. «Последние два года, — пишет Делесси, — полны борьбой между Стинесом и Шнейдер-Крезо за господство в стальной промышленности Европы». Эта борьба существенным образом повлияла на все осложнения между Германией и Францией, включая сюда и оккупацию Рура.

Из французских промышленников, настаивавших на оккупации Рура, самое большое давление на кабинет Пуанкарэ по этому вопросу оказал Эжен Шнейдер, руководитель средне-французской тяжелой индустрии. Представители восточно-французской тяжелой промышленности, и прежде всего Франсуа де-Вендель, председатель Комитета Горнозаводчиков (Comité des Fordes), несомненно не были заинтересованы в военной оккупации. Их

[1] Посвященный восстановлению хозяйства № 26 этой газеты от 12 июля 1923 года.

интерес ограничивался регулярной поставкой кокса из Рурской области. Вскоре после оккупации Рура в Комитете горнозаводчиков, этой организации тяжелой индустрии, произошел открытый раскол. Эжен Шнейдер сложил с себя полномочия почетного председателя, а Жан Шнейдер, совладелец фирмы, и Оберен, директор-распорядитель фирмы Шнейдер и К°, вышли из комитета.

После ликвидации борьбы за Рур между Стинесом и Шнейдером как будто установилось своего рода перемирие, но нельзя сказать с уверенностью, что между этими двумя трестовыми магнатами существует постоянный союз для преследования общих интересов. Разговоры об образовании европейского стального треста во всяком случае не прекращаются, и, значит, такая тенденция есть. Как бы то ни было, в союзе со Стинесом или самостоятельно, Эжен Шнейдер, так же как Стинес и его наследники, отнюдь не собирается ограничиться произведенным захватом и остановиться на тех 200 обществах, которые уже находятся под его влиянием. Следует отметить, что Шнейдер-Крезо в своих захватах, в общем действовал планомернее Стинеса, стремясь об'единить однородные или органически связанные между собой предприятия, хотя во время инфляции в Юго-Восточной Европе и во Франции, французский трестовый король не мало приобрел предприятий, которыми при нормальных обстоятельствах он вряд ли бы заинтересовался.

Карьера Лушера

«Стинесом Франции» часто называют Луи Лушера. Но если уж сравнивать кого из французских промышленников со Стинесом, то это, конечно, скорее всего Эжен Шнейдера, а не Лушера. Уже по самому происхождению своему Лушер не походит на Стинеса. Гуго Стинес — и в этом тоже его сходство со Шнейдером — был представителем третьего поколения богатой семьи промышленников, в то время как Лушер — Selfmademan в полном смысле этого слова. Его дед был бедным ткачем из Рубэ, которому с большим трудом удалось послать своего сына в строительную школу. Этот сын — отец Луи Лушера — благополучно сделался добросовестным архитектором, но состояния не приобрел и должен был приложить большие старания, чтобы дать, в свою очередь, своему сыну Луи возможность получить образование в политехникуме. В 21 год Луи Лушер поступает в качестве инженера в Управление Северных дорог, а шесть лет спустя, в 1899 г., Лушеру представляется случай к самостоятельной деятельности. Его школьный товарищ Жиро приглашает Лушера войти компаньоном в свою фирму, работающую по сооружению водопроводов и электрических установок на севере Франции. Предприятие Жиро было довольно хорошо поставлено, но не превышало среднего уровня.

В этом частном предприятии Лушер проявил себя не только как техник, но и как коммерсант. Фирма Жиро и Лушер получает большие заказы по сооружению водопровода в Баргу, в Тунисе, и по постройке электрических заводов и станций на севере Франции. За этим следует заказ, полученный от железнодорожной линии Сен-Дени — Вилльe-ле-Бель, а также заказы по установке электрических станций во всей стране. Далее — постройка трамвайной сети в департаменте Виенн на сумму 20 миллионов франков, выполненная Лушером совместно с одной большой марсельской фирмой. И, наконец, Лушер добивается колоссальных подрядов на Балканах: фирма Жиро и Лушер получает концессию на улучшение дорог в Турции, при чем смета этого проекта выразилась в сумме 110 миллионов франков. В Румынии Лушер также принимает участие в постройке шоссейных дорог, мостов и силовых станций.

В начале войны, Лушер, сделавшийся тем временем полным хозяином фирмы, быстро сумел примениться к военным обстоятельствам. Когда рабочие с его заводов были призваны на военную службу, Лушер один из первых стал применять женский труд. В основанном Лушером Обществе электрического освещения (Société pour l'Illumination Electrique) работают преимущественно женщины. Это общество во время войны работало на военную промышленность, являясь одним из крупнейших французских предприятий по изготовлению предметов военных снаряжений. Фирма Жиро и Лушер превращается в Генеральное Общество об'единенных предприятий «Société Générale d'Entreprise», которое с успехом выполняет промышленные и строительные заказы на севере Франции.

Лушер — политический деятель

Во время войны военный поставщик Лушер выдвигается также в первые ряды как политический деятель. Альберу Тома, будущему председателю Международного бюро труда при Лиге Наций в Женеве, как «представителю рабочих» был предложен портфель министра военного снабжения. В 1916 году Альбер Тома приглашает Лушера в свое министерство в качестве товарища. Через год Лушер становится преемником Тома. Военные промышленники были не особенно довольны его назначением, так как Лушер слишком хорошо знал дело и, кроме того, понижал цены.

В кабинете Клемансо Лушер принимает портфель министра по восстановлению разрушенных областей и, с окончанием войны, настаивает на скорейшем хозяйственном соглашении с Германией, которое должно было принести Франции непосредственные выгоды. Эту цель преследует и то соглашение, которое Лушер, как

министр по восстановлению разрушенных областей, заключил с Вальтером Ратенау в Висбадене в октябре 1921 года.

В последние годы Лушер преимущественно занимался политической деятельностью, в то время как его шурин Жиро взял на себя руководство делами фирмы. Став министром, Лушер отказался от участия в наблюдательных советах 48 обществ, которые приносили ему ежегодный доход в 100.000 франков. Подобно другим промышленникам, достигшим командных постов в политике, Лушер, занимаясь политикой, заботился и о том, чтобы его предприятиям жилось не плохо. В 1920 году он был одним из сторонников оздоровления австрийского хозяйства, но с тем, чтобы проложить дорогу для французского капитала. Лушеру приписывают проект учреждения межсоюзного Общества, с капиталом в 200 миллионов франков для восстановления хозяйства Австрии. При этом Лушер имел в виду расширить и использовать те концессии, которыми он обладал в юго-восточной части Европы еще перед войной. Но эти проекты не осуществились. Группа Лушер за последние годы особенно больших приобретений за пределами Франции не сделала. Но среди концернов обрабатывающей промышленности Франции фирма Лушер играет руководящую роль, а на севере Франции занимает господствующее положение.

Эмиль Франки

На подобие Луи Лушеру, развивалась деятельность крупнейшего капиталиста Бельгии — Эмиля Франки. Франки, представлявший Бельгию в комиссии Дауэса, является не только многосторонним и преуспевающим капиталистом, но имеет еще огромное влияние на хозяйственную политику Бельгии. Он состоит заместителем председателя наиболее значительного бельгийского банка Société Générale de Belgique и председателем другого банка «Banque d'Outre Mer», который развил усиленно свою деятельность на Балканах и в государствах, образовавшихся из бывшей Австро-Венгрии. Далее, Франки председательствует в Crédit Mobilier de Belgique и входит в Правление Антверпенского банка (Banque d'Anvers), а также Бельгийского для Внешней торговли банка (Banque Belge pour l'Etranger). Через эти крупные банки Франки имеет возможность влиять на целый ряд банков промышленных районов Бельгии, как Сомбрский Центральный банк (Banque Centrale de la Sombre), Геннегауский банк (Banque du Hainaux), Главный банк центральных провинций (Banque Générale au Centre).

Но, кроме того, Франки и непосредственно влияет на промышленность, являясь администратором многих предприятий. Франки входит в правление различных каменноугольных обществ, стекольных фабрик, электрических заводов и т. д. Из этих обществ наиболее важное значение имеют «Мастерские электрических сооружений в Шарлеруа» («Ateliers de Construction Electrique de Charleroi»),

председателем которого состоит барон Ампэн. Последний вместе с Шнейдер-Крезо учредил банк Union Européenne, и таким путем образовалась связь между обоими крупнейшими промышленными концернами Франции и Бельгии. Далее, Франки председательствует в бельгийском Нефтяном банке (Gompagnie Financiere des Petroles), во многих железнодорожных обществах в Бельгии и Конго, а также в Бельгийско-Китайском железнодорожном обществе. Под его руководством находятся важнейшие колониальные банки и промышленные предприятия, как Бельгийский Конго-Банк (Banque du Congo Belge) и об'единение рудников в Катанге «Union miniere du Haut-Catanga». Несомненно, Франки является одним из самых значительных финансовых и промышленных капиталистов послевоенного времени.

Бельгийский франк

Падение валюты также и в Бельгии повлияло на ускорение концентрации капитала. Обесценение бельгийского франка в общем развивалось параллельно падению французского франка, точно так же, как бельгийское хозяйство после войны все более и более шло в ногу с французским. Но начало падения бельгийского франка было вызвано не общими, а местными причинами. К концу войны финансовое положение Бельгии было благоприятнее, чем во всех остальных европейских государствах, принимавших участие в войне. Бельгия не только получила мораторium для уплаты военных долгов, но Антанта предоставила ей аванс в размере 2,5 миллиардов золотых франков для восстановления разоренных областей и воссоздания хозяйства. Вследствие этого, бельгийский франк поднялся почти до своего довоенного паритета.

Но тут руководители финансовой политики Бельгии допустили большую ошибку. Идя навстречу хозяйству и населению, бельгийское правительство постановило произвести обмен находившихся в стране со времени германской оккупации германских марок в сумме 6 миллиардов по довоенному паритету, т.-е. за одну марку давали 1,25 франка. При этом совершенно не учли, что германские марки уже при выпуске их стояли ниже довоенного паритета, а на валютном рынке марка давно уже котировалась ниже бельгийского франка. Следствием этой операции было необыкновенное усиление оборота бумажных денег, без увеличения соответствующего хозяйственного эквивалента. Искусственно была поднята покупательная сила населения; страна наводнилась деньгами, и очень скоро обнаружилось начавшееся обесценение денег.

Сначала публика радовалась увеличению наличности в кассах и депозитов в банках, но когда в течение 1920 года убедились в том, что увеличение денег не означает еще роста капитала, было уже слишком поздно. Поток бумажных денег нельзя

было сразу запрудить. Была сделана попытка, путем выпуска большого внутреннего займа, прекратить до известной степени инфляцию, но эта попытка не удалась. Медленно, но беспрерывно бельгийский франк падал и в 1913 году составлял ¼ своего довоенного паритета. Таков же приблизительно был и курс французского франка. Стремительного прыжка вниз французского франка в начале 1924 г. бельгийский не проделал, но затем постепенно и он опустился до того же уровня.

Попытки основательной финансовой реформой создать условия для окончательной стабилизации франка остались пока безрезультатны. Даже бюджет на 1924 год заранее предполагалось свести с дефицитом в один миллиард франков. Бельгийское финансовое хозяйство, славившееся еще до войны своей несправедливой и отсталой налоговой системой, не обладает достаточной энергией для проведения реформы. Зная опыт государств Средней и Восточной Европы, мы можем смело сказать, что бельгийское народное хозяйство, поразительно быстро оправившееся после войны, имеет достаточно силы для того, чтобы собственными средствами стабилизовать свою валюту.

Кон'юнктура итальянского рынка во время войны

Ни одно из воевавших государств не пережило во время войны такого бурного развития хозяйства, как Италия. Слабая до войны тенденция превратить Италию из земледельческой в промышленную страну с огромной энергией была проведена в жизнь, как только Италия вступила в ряды воюющих государств. Старая итальянская промышленность, как шелкоткацкие фабрики в Верхней Италии и переработка серы, больше никого не удовлетворяла. Общее стремление было стать крупной промышленной страной по всем отраслям.

Началась грюндерская горячка, такая же, как в нейтральных странах, с той лишь разницей, что в Италии грюндерство не было основано на военных барышах, а создавалось чрезмерным напряжением скромных капиталов страны, выпуском бумажных денег и в незначительной степени иностранными кредитами. Общества увеличивали свои капиталы во много раз. До войны Италия имела 3.000 акционерных обществ, т.-е. много меньше других промышленных и торговых стран. Во время войны число акционерных обществ увеличилось на 50%, в особенности в горной и металлической промышленностях.

Стремление к развитию тяжелой индустрии

Промышленное честолюбие Италии требовало развития собственной тяжелой индустрии, хотя условия для этого были самые неблагоприятные. Италия не обладает ни рудой, ни углем. Для того, чтобы пустить в ход промышленность, необходимо было

импортировать все сырье из-за границы, что и было выполнено с большим рвением. Военная промышленность была создана, буквально, из ничего. Свыше 2.000 фабрик находилось под контролем государства, к 66 постоянным производствам военных снаряжений прибавилось еще 1.000 вспомогательных фабрик, в которых 400.000 рабочих и работниц были заняты изготовлением оружия и снарядов. Сверх того, 1.200 небольших производств и мастерских также работали на военную промышленность. Честолюбие Италии не удовлетворялось тем, что в стране производились те предметы, которые непосредственно нужны были для войны. Итальянцы стремились к тому, чтобы все этапы производства, начиная от угля и руды и кончая гранатами и патронами, были проделаны в самой стране. Необходимое сырье нельзя было, конечно, по щучьему велению раздобыть в стране. Но все же и на эту отрасль обратили внимание, и кое-что в этом направлении было сделано. Находившаяся в зачаточном состоянии буроугольная промышленность стала быстро развиваться. В районе Кунео в Пьемонте было открыто несколько рудников. Однако, сырье в преобладающих количествах приходилось и дальше импортировать из-за границы.

На этой непрочной почве выросла внезапно промышленность, и рост ее сопровождался всеми сопутствующими высокой кон'юнктуре явлениями. На бирже началась, совершенно невиданная раньше в Италии, грандиозная спекуляция с акциями. Несмотря на государственный контроль заводов и почти единообразную организацию военной промышленности, повсюду, и в особенности в импортной торговле, возникли совершенно неожиданные возможности для быстрого обогащения, которые и были использованы в полной мере. Люди, нажившиеся на войне, были прозваны и в Италии акулами, «Pesci Cani», и вскоре они получили весьма печальную славу. Но этими «акулами» были, само собой разумеется, только мелкие и средние промышленники. Крупные промышленники, отлично сумевшие нажиться на военных поставках, находились под покровительством государства и были «гордостью нации».

Правда, эта гордость долго не продолжалась. Переход военной промышленности на мирную оказался гораздо сложнее, чем это ожидалось, так как отпал тот рынок для сбыта, на который в Италии больше всего рассчитывали, а именно Россия. Рабочие выражали недовольство; возникали забастовки и обструкции. Падение лиры делало цены и заработную плату неустойчивыми. Нельзя было даже думать о том, чтобы рационализировать и планомерно сократить промышленность, болезненно раздутую во время войны. С помощью печатного станка можно было продержаться еще кое-как в течение года. Потом хозяйство начало трещать по всем швам. За банкротствами мелких предприятий последовали крахи больших и даже крупных фирм.

Банкротство общества «Ильва»

Весной 1921 года произошло банкротство одного из двух самых больших итальянских металлических трестов — треста «Ильва», которое давно предсказывалось в публике, но упорно отрицалось правлением. Общество доменных печей и сталелитейных заводов «Ильва» в Риме было учреждено еще до войны, и деятельность его развилась в мирное время. В 1905 году это общество было образовано из обществ Terri Savona, Elba и Liguria-Metallurgica с капиталом в 20 миллионов лир. В 1919 году к «Ильва» присоединился железоделательный завод Пиомбино, основанный семьей промышленников Бонди. В том же году «Ильва» испытала тяжелый кризис, который удалось преодолеть тем, что Итальянский банк (Banca d'Italia) дал обществу кредит в размере 65 миллионов лир. После того, как денежные затруднения были ликвидированы, настал новый период экспансии. Основатели общества были устранены, и началась спекуляция с покупкой акций других обществ. Отныне «Ильва» стремилась участвовать капиталом в самых разнородных предприятиях. Это новое направление общества достигло своей высшей точки во время войны. В течение короткого времени к «Ильва» были присоединены: пароходные общества, между ними Средиземный Ллойд, разные электрические заводы, машиностроительные фабрики, концерн «Свилуппо», об'единяющий предприятия самого разнообразного характера, и, наконец, газетные предприятия. Кроме того, внутри треста происходили перегруппировки и расширение производств и предприятий.

Общество преувеличило свои силы. Некоторое время еще удалось продержаться, втирая публике очки. Еще в 1921 году чистый доход от операционного года был об'явлен в размере 8 миллионов лир, но уже через 6 недель правление «Ильва» вынуждено было признать, что весь акционерный капитал, составлявший 300 миллионов лир, погиб и весь запасный капитал истрачен. Акции «Ильва», которые во время войны котировались в 400—500%, упали сразу до 20%. Банкротство было полное. Оба главных кредитора треста — Итальянский коммерческий банк и Итальянский кредит, все время содействовавшие расширению треста и отчасти повинные в его чрезмерном вздутии, волей-неволей должны были приняться за преобразование и оздоровление «Ильва». Основные железоделательные и стальные заводы были оставлены обществу, но только производства их значительно сократились; прочие предприятия были отделены и частью ликвидированы.

Братья Перроне

Другой большой трест тяжелой промышленности Италии, концерн Ансальдо, в первые годы после войны считался полной противоположностью «Ильва». Сведущие люди видели в «Ильва» необыкновенно смелое спекулятивное предприятие, а концерн Ансальдо казался им консолидированным солидным делом, крепостью, вокруг которой в будущем будет группироваться тяжелая индустрия. Кроме того, с именем Ансальдо были связаны и некоторые патриотические чувства, так как именно заводы Ансальдо, после поражения итальянцев у Капоррето, вновь снарядили артиллерию и сделали возможным дальнейшее ведение войны. Акционерное общество Ансальдо и К-о, также как «Ильва», сравнительно молодое предприятие, хотя уже во время русско-японской войны оно выполняло для Японии большие заказы по постройке военных судов. Основателями и главными акционерами общества были братья Марио и Пио Перроне, происходившие из весьма состоятельной семьи промышленников в Аргентине. Собственно, главой всего дела был Пио Перроне. Капитал общества Ансальдо, первоначально составлявший 35 миллионов лир, постепенно увеличился до 500 миллионов лир, и к тому еще было выпущено на 500 миллионов лир облигаций. Гораздо систематичнее, чем у «Ильва», к Обществу Ансальдо постепенно присоединялись разные другие предприятия по кораблестроению и выделке оружия. Специальностью общества было изготовление брони для военных судов. Но и другие предметы военных снаряжений, вплоть до летательных аппаратов и автомобилей, также производились на заводах Ансальдо, на которых, временами, работали до 50.000 рабочих. Из самых важных учреждений группы Ансальдо во время войны было Национальное Общество Навигации в Генуе, Società Nazionale di Navigazione, преобразованное из небольшого кораблестроительного общества «Трансатлантик». В течение короткого времени Национальное общество навигации увеличило свой капитал с 10 на 150 миллионов лир и выпустило облигаций еще на 50 миллионов.

Дела братьев Перроне, казалось, шли блестяще. Как в других государствах, военные промышленники Италии также искали связей с руководителями политической жизни страны, при чем придерживались всегда правых партий. Общественное мнение тоже надлежало обработать в свою пользу. Подобно концерну «Ильва», группа Ансальдо поддерживала готовую к услугам прессу, в особенности влиятельную газету тяжелой индустрии, «Вестник Рима» «Messagero», а также финансировала и фашистские газеты.

Банкротство Ансальдо

Но умелое финансирование и политические связи оказались бессильны, когда кончилась военная кон'юнктура и наступил тяжелый кризис сбыта. Через несколько месяцев после краха общества «Ильва», разразилась катастрофа и над концерном Ансальдо. Правда, до официального банкротства, так же как и в концерне «Ильва», дело не дошло, так как на помощь пришло государство. Но все же наиболее мощный итальянский промышленный трест был разделен на отдельные общества, а братья Перроне вынуждены были сложить с себя полномочия. Заводы, входившие в трест, были поделены между четырьмя самостоятельными обществами: горные заводы, и в том числе рудники в Кунео, вошли в Общество Аоста-Кунео, в котором итальянское государство участвовало капиталом в 72 миллиона лир. Над другим обществом, об'единяющим заводы по выделке орудий и снарядов, государство также приняло контроль, под гарантию определенного ежегодного дохода. Третье общество, в которое вошли кораблестроительные заводы и верфи, получило от правительства субсидии в виде строительных премий. Четвертому обществу, обнимающему небольшие предприятия концерна Ансальдо, государство обеспечило заказы по ремонту локомотивов и друг.

Эта политика государственной помощи не лишена привкуса пикантности, если принять во внимание, что проводил эту политику тот самый Муссолини, который открыл свою фашистскую эру широкой программой полного освобождения промышленности от государственного вмешательства. Вместо этого государство само теперь выступило в роли акционера, что было для Италии совершенно новым явлением. Главной целью Муссолини при этом было сохранить за государством самое большое предприятие по военным снаряжениям. Печать сильно критиковала приобретение государством акций различных предприятий, в особенности малообещающего горного общества, рудники которого в Кунео расположены на высоте 2.000 метров. В феврале 1924 г. большинство акций общества Аоста-Кунео было передано одному французскому консорциуму, во главе которого стоял Поль Жиро, руководитель Электростального промышленного общества в Угино. Таким образом, состоялся союз между французским и итальянским промышленными капиталами, идею которого уже давно пропагандировал «Messagero».

Банкротство Учетного банка

Непосредственным следствием краха треста Ансальдо было банкротство Итальянского учетного банка (Banca Italiana di Sconto). Этот банк, основанный во время войны, раздул свой капитал в те-

чение 4 лет с 15 на 315 миллионов лир. Банк предоставил концерну Ансальдо кредит в размере 700 миллионов лир, которые составляли третью часть всех полученных Ансальдо кредитов в сумме 2 миллиардов лир. Братья Перроне рассчитывали с помощью Учетного банка овладеть Коммерческим банком в Милане (Banca Commerciale). Но борьба с более сильным противником, каким был руководитель Миланского банка, австриец Теплиц. — тут играли роль и политические мотивы, — была напрасна и в конечном результате привела к краху как должника, так и кредитора.

Так же, как промышленные предприятия, Учетный банк — важнейшее учреждение по финансированию промышленности — до последней крайности старался скрыть истинное положение дел. Еще в сентябре 1921 года были выданы 25 миллионов лир в виде дивидендов, и правление, по собственному предложению, было уполномочено общим собранием акционеров на покупку акций банка на 30 миллионов лир для служащих банка, якобы для того, чтобы их заинтересовать в процветании предприятия В действительности, это была скрытая форма для поддержания банка. Через три месяца банк вынужден был просить о предоставлении ему моратория. Прекращение платежей вызвало чрезвычайное возбуждение во всех городах, где Учетный банк имел свои филиалы. Правительство вынуждено было вмешаться, и ему удалось достигнуть соглашения с кредиторами банка. Против руководителя Учетного банка был возбужден процесс.

На-ряду с этими колоссальными предприятиями. пострадали от кризиса и многие средние и мелкие итальянские фирмы. Отныне хозяйственная жизнь Италии должна была ограничить себя до последних пределов.

Преодоление кризиса

Хозяйственный кризис, главным образом, преодолели те отрасли промышленности, которые еще до войны в Италии находились в цветущем состоянии. К ним принадлежит обрабатывающая металлическая промышленность и автомобильная промышленность с побочными производствами, как изготовление резиновых шин. Наиболее выдающимся предприятием в автомобильном деле является общество Фиат в Турине, во главе которого стоит сенатор Аньели. Так как акционерное общество Сименс и Гальске, входящее в концерн Стинеса, участвует в заводах Фиат капиталом в 100.000 акций, общество Фиат, таким образом, вступило в связь с группой Кастильони-Стинес, выдвинувшись тем самым в первые ряды крупного международного капитала. С Кастильони общество Фиат связывали также непосредственные дела, которые, однако, прекратились после краха Кастильони.

Италии раньше других государств, входящих в Антанту, удалось стабилизовать свою валюту. С грандиозными планами промышленности пришлось на время проститься. Но и от честолюбивых планов довести свою валюту до довоенного паритета Италии, как и Франции и Бельгии, пришлось отказаться. Муссолини и министр финансов де-Стефани должны были удовлетвориться стабилизацией лиры на $^1/_5$ довоенного паритета, чего удалось им достигнуть благодаря новой организации государственных финансов. Но еще до сих пор, так же как во Франции, ежегодный дефицит государства, составляющий около одного миллиарда итальянских лио, покрывается внутренними займами. Таким образом, фашистская диктатура в экономике и политике может похвастать не большими результатами, чем конституционные и демократические режимы.

Глава XI

НЕЙТРАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА

Среди государств, принимавших участие в войне, было много таких, которые проиграли на войне, и были такие, которые на ней выиграли. Но народы, как целое, все проиграли на войне, — и народы Антанты, и народы срединной Европы. Военные расходы везде покрывались за счет уменьшения народного капитала.

Совсем иначе обстояло дело в нейтральных государствах. Здесь народы в целом имели огромные барыши от войны. Внешняя торговля получила сильнейший импульс; экспорт товаров в воюющие страны процветал. В нейтральных государствах началась генеральная распродажа всех залежавшихся товаров, при этом распродажа по повышенным ценам. В общем, нейтральные государства Европы: Голландия, Скандинавские страны, Швейцария и Испания получили во время войны приток золота в 3 миллиарда. Золотые запасы в государственных банках с 1914 года по 1918 год в Швейцарии увеличились в два раза, в Швеции в три раза, в Голландии и Испании даже в четыре раза. Если при этом увеличивался также оборот бумажных денег в нейтральных странах, то там это являлось лишь выражением наивысшего напряжения хозяйства, приносящего хороший доход, и служило признаком роста естественной дополнительной покупательной силы населения. Это яснее всего отражалось в международных котировках валют нейтральных государств. Валюты всех воюющих государств в сравнении с нейтральными повсюду показывали понижение против довоенного паритета. Испанская пезета, паритет которой до войны стоял ниже французского франка и английского фунта, в отношении фунта повысилась на 33% и даже доллар стоял на 30% ниже, чем испанская валюта.

Увеличение золотых запасов в государственных банках само по себе не является еще доказательством хозяйственного благополучия. Следует только вспомнить, что золотая наличность в государственном банке в Германии все время возрастала, даже когда инфляция была уже в полном ходу. Но в нейтральных государствах параллельно с притоком золота увеличивалось и бо-

гатство страны. Нейтральные страны выкупили свои ценные бумаги, находившиеся в руках иностранных государств, на 3 миллиарда марок, а 10 миллиардов было предоставлено в виде кредитов воевавшим странам [1]. Только в последний год войны высокая кон'юнктура несколько сдала в виду того, что транзит через нейтральные государства в воюющие страны был сильно стеснен и нейтральные государства вынуждены были ограничиваться экспортом товаров собственного производства. Кроме того, вследствие значительных расходов на защиту государственных границ и другие военные мероприятия, в нейтральных странах налоги были повышены. На эти чрезвычайные расходы Швейцария истратила один миллиард франков, а Голландия один миллиард гульденов. Это некоторым образом стеснило рост военной прибыли.

Военная прибыль и грюндерство

В первые два года войны военная прибыль нейтральных государств, поскольку ее можно было обнаружить, была самых невероятных размеров. В Голландии дивиденды главнейших пароходных обществ, составлявшие в 1913 году 10—20%, увеличились в 1916 году до 50—100%. В это же время в Швеции чистая прибыль трех пароходных обществ возросла в семь раз. В Норвегии валовой доход пароходств с 1913 по 1916 года увеличился ровно в 10 раз, а в Дании, в среднем, дивиденды пароходных обществ были в 16 раз выше, чем до войны. Все эти барыши нейтральные страны получили при почти неизменившейся ценности денег. Но рост биржевых котировок на акции еще превзошел повышение уровня прибыли и послужил причиной в Скандинавских странах для дикой спекуляции на повышение с бумагами пароходных обществ. Развитие банковского дела шло в таком же быстром темпе, как биржевая спекуляция и нарастание прибылей. Так, например, в Норвегии во время войны возникли 70 новых банков с акционерным капиталом в 150 миллионов крон. Во всех отраслях началось грюндерство, а существующие общества увеличивали свои капиталы. В Швеции, вследствие основания 3.000 новых обществ и увеличения капитала в 2.000 обществах, было выпущено новых акций на 2 миллиарда крон. В Норвегии было выпущено на 500 миллионов новых акций. В Испании только в 1916 и 1917 годах были учреждены 500 новых обществ с капиталом в полмиллиарда пезет, без участия иностранных капиталов.

---

[1] В. Прион. Военная прибыль нейтральных государств. «Лейпцигская Иллюстрированная Газета», 16 окт. 1918 года.

Кризис

За общим расцветом в нейтральных странах во время войны последовала по окончании войны общая хозяйственная депрессия. В то время как благоприятная конъюнктура сравнительно одинаково отразилась на всех нейтральных государствах, наступивший кризис оказал различное действие в разных странах.

Легче всего перенесла кризис Голландия. Эта страна, выигравшая на войне гораздо больше остальных нейтральных государств, смогла сохранить большую часть приобретенного во время войны богатства. Сумма налога на военную прибыль, ставка которого была, в среднем, 30%, дает нам возможность судить о тех военных прибылях, которые были получены в Голландии. Голландское государство собрало этим налогом 800 миллионов гульденов, что соответствует военной прибыли в размере 2,6 миллиардов. Правда, голландский капитал имел и потери, в особенности в русских займах и ценных бумагах, которые оцениваются в один миллиард гульденов. Другой миллиард был потерян в обязательствах, выраженных в германских марках и австрийских кронах. Но, несмотря на эти убытки, народный капитал и народный доход в Голландии значительно повысились вследствие войны. Прежде всего, увеличилось число крупных капиталов. Согласно налоговой статистике, за один год войны прибавилось 367 новых миллионеров.

Голландский Стинес

Из лиц, выигравших на войне в Голландии, лишь двое получили международную славу и могущество: А. Г. Креллер и И. К. Ван-Аалст. Наиболее мощным из этих двух конкурирующих капиталистов, несомненно, является Креллер, владелец фирмы Вильям Мюллер. Голландский Стинес—ровесник Гуго Стинеса, но в отличие от Стинеса начал свою карьеру с низших ступеней. В Голландии подобные карьеры никого не удивляют. Там привыкли к тому, что крупные хозяйственники не всегда происходят из патрициев, а прокладывают себе дорогу талантом и ловкостью, проходя суровую школу в больших торговых домах и впоследствии становясь во главе этих фирм.

Креллер начал свою карьеру в качестве служащего фирмы Вильям Мюллер и К-о., которая уже до войны имела крупные размеры. Фирма Мюллер образовалась из пароходного общества в Роттердаме, занимавшегося фрахтовыми перевозками, немного пассажирскими, и главным образом доставлявшего руду для Рурской промышленности. Постепенно предприятие расширилось и к его клиентам прибавлялись такие фирмы, как Крупп. Транспортное дело было, в конце концов, отделено от торгового, и были

основаны два общества: Пароходное общество Вильям Мюллер и К-о и Всеобщая компания для торговли рудой Вильям Мюллер и К-о. Последнее общество импортировало за свой счет руду из Марокко и Испании и впоследствии приобрело собственные рудники, из которых оно на своих пароходах доставляло руду для промышленности Рура. В этой сфере деятельности вырос Креллер. Рассказывают, что Креллер привлек внимание Мюллера, когда выиграл крупную сумму в венгерской лотерее. К счастливой случайности присоединились большая ловкость и коммерческий талант. Креллер женился на дочери Мюллера, а через несколько лет, когда Мюллер умер, сделался его наследником. Уже тогда Креллер развил свою деятельность в банковском деле и получил влияние на мощный Союз роттердамских банков.

Военная прибыль Креллера

Но самого большего расцвета фирма Мюллера достигла во время войны. Будучи официальным советником голландского правительства по хозяйственным вопросам, Креллер имел возможность уловить те хозяйственные нити, которые тянулись от воюющих стран к нейтральным и при этом, как умный купец, он сумел извлечь и свою пользу. Пароходное дело так же процветало, как и экспортное. Политическая ставка Креллера была неправильна. Он был германофилом, в то время как руководящие деловые круги Голландии тянули к Антанте. Это ему, однако, не повредило. Падение германской валюты во время войны на нем не отразилось, так как его сделки заключались на голландские гульдены. Колоссальные прибыли, которые Креллер получил во время войны, были им употреблены на укрепление позиций в Союзе роттердамских банков и других, связанных с ним экспортных банков. Таким образом, после войны Креллер оказался фактическим хозяином этой большой голландской банковской группы.

Под влиянием Креллера находятся в настоящее время Национальный Банк, Банк для торговли с Южной Америкой, Банк для торговли с Южной Африкой и Банк Средиземного моря, входящие в Роттердамский Союз банков. Так как в Голландии еще до войны промышленность и оптовая торговля в значительной степени находились в зависимости от кредитных учреждений, Креллер, благодаря своему могущественному положению в Союзе роттердамских банков, тем самым получил огромное влияние на торговлю и промышленность Голландии. Но роттердамский союз банков и вне Голландии играл большую роль, так что Креллер получил возможность влиять и на ряд промышленных предприятий в иностранных государствах. Наибольшую известность получили его связи с концерном Отто Вольф, о которых мы уже упоминали выше. Как крупный акционер Феникса, Креллер имел

большое значение в рейнско-вестфальской тяжелой индустрии, которое еще более усилилось от того, что в его руках находилось Голландское общество по продаже угля Рейнско-Вестфальского угольного синдиката. Под его контролем также стояло буксирное судоходство на нижнем Рейне, имеющее необыкновенно важное значение для рурской промышленности. У Креллера никогда не было единого технического или организационного плана в своих промышленных захватах. Если представлялся благоприятный случай, Креллер покупал промышленные предприятия так же, как и другие товары; когда же ему давалась возможность заработать на разнице, он, нисколько не задумываясь, сбывал этот товар или предприятие в другие руки. Так в 1919 году Креллер купил железоделательные заводы Крафт около Штеттина, у князя Генкеля фон-Доннерсмарк, а полгода спустя он продал эти заводы братьям Штумм за двойную цену. Креллер не задавался честолюбивыми замыслами создать свой собственный промышленный концерн. С особой гордостью Креллер, подобно Гуго Стинесу, называет себя только коммерсантом, и, действительно, его коммерческий талант дает тон всей его личности и его деятельности. Креллер принадлежит к числу тех новых крупных богачей, которые выросли за последнее десятилетие в странах, подвергшихся инфляции, но его ни в коем случае нельзя причислить к спекулянтам и авантюристам, выдвинувшимся за последнее время. Креллер — типичный коммерсант, умеющий использовать благоприятную кон'юнктуру, хотя карьера его, вне своеобразной обстановки войны и инфляции, была бы совершенно немыслима.

Потери на кризисе

В настоящее время в карьере Креллера, вслед за расцветом наступило затишье, и даже замечается известное умаление богатства и могущества голландского Стинеса. Некоторые из заграничных предприятий Креллера потерпели фиаско, как, например, его операции с Советской Россией. Основанная Креллером Аргентинская торговая компания для импортирования аргентинского зерна с основным капиталом в 12 миллионов гульденов также принесла большие убытки за последнее время. А находящийся под его влиянием Союз роттердамских банков сильно пострадал во время промышленного кризиса в Голландии и вынужден был даже уменьшить свой капитал. Несмотря на это, Креллер все же еще до сих пор является богатейшим человеком в Голландии. Внутри страны Креллеру принадлежит ряд промышленных предприятий, среди них большая фирма «Железосталь» в Гааге, а также огромные земельные владения в районе Аргейма. Подобно Кастильони, Креллер собрал очень ценную коллекцию картин, не будучи, впрочем, ни с какой стороны причастен к изящным искусствам.

В партийно-политической жизни Креллер, в противоположность немецким капиталистам, открыто не выступает и держится в тени. Это впрочем общая черта голландских капиталистов. Ближе всего стоит Креллер к умеренным консерваторам. Одно время Креллер, насчитывающий среди своих многочисленных предприятий несколько типографий, финансировал консервативно-либеральную газету «Отечество». Во время войны по его адресу сыпались упреки за германофильство. Особенно подозрительной казалась его фамилия. Две точки над o (Kröller) изобличали в нем немца; на этом основании в его хозяйственной политике усматривали немецкий национализм. Но Креллер всегда с особой отчетливостью подчеркивал, что он отнюдь не германо-голландец, а чистокровный голландец, сын старой протестанской нидерландской семьи. С коммерческой стороны, между прочим, его германофильство великолепно окупилось. До войны Креллер состоял румынским генеральным консулом. В этом звании он состоит и теперь после войны. Больше всех в Голландии коммерсант Креллер окружен богатством, властью и блеском.

Ван-Аалст

К нажившимся на войне в Голландии крупным промышленникам можно причислить также И. К. ван-Аалст, который, однако, за последнее время был несколько отодвинут на задний план благодаря блестящим успехам Креллера. Тем не менее, и ван-Аалст является одним из наиболее могущественных руководителей хозяйственной жизни в Голландии. Креллер царит на внутреннем голландском и других европейских рынках, ван-Аалст — завоеватель голландских колоний. Под влиянием Аалста находится Нидерландский банк Торгового флота («Nederlandsche Handel-Maatschappij») в Амстердаме, являющийся после Союза роттердамских банков наиболее важным банком в Голландии, Ван-Аалст господствует также в Твенском банке, который принадлежит к группе Нидерландского банка Торгового флота. Общества, контролируемые этими двумя банками, составляют могущественнейший нидерландский заокеанский трест.

Карьеры ван-Аалста и Креллера очень сходны между собой. Ван-Аалст сделался также руководителем той фирмы, где он раньше состоял мелким служащим: ван-Аалст начал свою карьеру на службе в Нидерландском банке торгового флота. В качестве уполномоченного этого банка, ван-Аалст отправился в Нидерландский Индокитай, и свои самые большие военные барыши он получил на выгодных торговых операциях с колониями, в особенности на сделках с явским сахаром.

В политическом отношении ван-Аалст имеет больше влияния, чем Креллер, так как основанный королем Вильгельмом I Нидерландский банк торгового флота еще до сих пор имеет тесные

связи с двором. Королева официально числится председатель-
ницей банка, большое количество акций которого принадлежит
короне. Зато, когда банк вследствие общего хозяйственного
кризиса за последнее время потерпел большие убытки, голланд-
ское правительство удостоило его существенной поддержкой.

Германские банкиры в Голландии

Выдающееся значение, которое голландский денежный ры-
нок, и в особенности амстердамская биржа, приобрела после
войны для среднеевропейских инфляционных стран, создало для
германских кредитных учреждений необходимость иметь свои
представительства в Голландии. Так, к началу 1924 года только
в одном Амстердаме было до 15 германских банков, которые
в большинстве случаев были основаны за последние годы или
преобразованы из голландских банков. Голландский капитал так
же участвовал в большинстве этих банков.

Из германских финансистов в Голландии самую видную роль
несомненно, играют руководитель Амстердамского отделения
банкирского дома Мендельсон и Комп., Фриц Мангеймер, и ге-
неральный консул Мартин Штернберг. Мангеймер принадлежит
к числу наиболее преуспевающих и ловких банкиров, которых
дала Германия за последние десять лет. Происходя из малосо-
стоятельной семьи, Мангеймер после изучения банковского дела
на родине, будучи совсем еще молодым человеком, отправился
в Париж и поступил там на службу в один банк для экспортной
торговли с Россией. Когда началась война, Мангеймер, которому
в то время было всего 30 лет, вернулся в Германию и поступил
на службу в Военно-Металлическое общество, директором кото-
рого он вскоре сделался. Благодаря этому обществу, Мангеймер
вошел в деловые отношения с Государственным банком, и послед-
ний командировал его в числе прочих, как знатока заграничного
банковского дела, в Голландию для проведения арбитражных опе-
раций Государственного банка. В Амстердаме Мангеймер в те-
чение короткого времени сделался правой рукой Гавенштейна по
скупке девизов. После двухлетней успешной деятельности на
амстердамской бирже, Мангеймер счел себя достаточно подго-
товленным для вступления в старый банкирский берлинский дом
Медельсон и Комп. и предложил ему свои услуги. Мендельсоны,
порвавшие еще до этого с традицией «семейного предприятия»,
признали выгодным для фирмы привлечь такую силу, как Мангей-
мера, и пригласили последнего для совместной работы. Действи-
тельно, банк Мендельсон и Комп. не обманулся в своем новом
компаньоне. Развитие обширных заграничных операций фирмы
Мендельсон и Комп. после войны было исключительно делом ру-
Фрица Мангеймера.

Благодаря Мангеймеру, банкирский дом Мендельсон и Комп. во время инфляции занял такое положение в Германской республике, какое прежде занимал Дом Блейхредера при Бисмарке и «братья Лазар» во Франции. Банк Мендельсон и Комп. стал доверенным банком правительства. Когда во время борьбы за Рур Гавенштейн и Гермес принимали энергичные меры для предотвращения дальнейшего падения марки, банкирскому дому Мендельсон было поручено провести кампанию по поддержанию курса марки. На германских биржах интервенцию проводил совладелец берлинской фирмы Мендельсон Леб, а стратегические операции на иностранных биржах всецело находились в руках Фрица Мангеймера в Амстердаме. Если мероприятие по поддержанию марки имело вначале значительный успех, это было достигнуто исключительно благодаря энергии и ловкости Мангеймера. Не случайно спрос на девизы снова усилился в тот самый день, когда Государственный банк в середине кампании по поддержке курса марки, в конце марта 1924 года, взял в свои собственные руки интервенцию на всех биржах вне Берлина. Само собой разумеется, что, зная так близко девизную политику Государственного банка, амстердамская фирма Мендельсон сумела извлечь из этого свои выгоды.

Успех другого германского банкира в Амстердаме, Мартина Штернберга, тоже был основан на военных прибылях. Штернберг, ровесник Мангеймера, во время войны также делал закупки за границей для германского правительства. В отличие от Мангеймера, который с самого начала работал исключительно в банковском деле, Штернберг занимался и разными другими делами. Начав свою деятельность в табачной торговле, Штернберг впоследствии перешел к производству фильм и способствовал слиянию кинематографических обществ Декла-Фильм и Уфа. После смерти Лингнера, Штернберг приобрел большинство акций общества «Фармацевтических заводов Лингнера» в Дрездене, изготовляющих, между прочим, знаменитый «Одоль». Затем, им было приобретено большинство акций общества Флендер по устройству мостов. Фильмы, Одоль и мосты — смесь довольно пестрая! Амстердамский банкирский дом Штернберг и Комп., основанный только в 1920 году, успел уже завоевать себе первое место среди крупных частных банков Голландии. Штернберг сделался посредником германской тяжелой индустрии для получения кредитов. Часть своих промышленных владений в Германии, впрочем, он снова продал. Но все же, через Акц. общество Викинг для финансирования промышленности, Штернберг имеет еще влияние на целый ряд германских промышленных предприятий. Капитал Штернберга оценивается в настоящее время в 40 миллионов гульденов, и, следовательно, он принадлежит к самым богатым людям Голландии [1].

[1] «Берлинская Вечерняя 8 час. Газета», 9 окт. 1924 г.

На-ряду с этими крупными финансистами, добившимися могущества и богатства в последние годы умелым использованием кон'юнктурных возможностей на бирже и вне ее, биржевая спекуляция в Голландии тоже выдвинула из своей среды некоторых новых богачей. Так как отделение амстердамской биржи, где совершались операции с французской валютой, посещались преимущественно выходцами из государств Юго-Восточной Европы, оно было названо публикой «Карпатами», а преуспевающие спекулянты получили почетный титул «карпатских князей». При значительных колебаниях на валютном рынке эти карпатские князья, в общем, были калифами на час. Больших капиталов в «карпатах» не возникло.

Хозяйство Швеции

Хозяйственная жизнь скандинавских стран после войны подверглась более существенным осложнениям, чем в Голландии. Вследствие войны здесь также образовались значительные состояния, и произошла концентрация колоссальных капиталов. С начала 1920 года Северная Европа находилась под давлением тяжелого хозяйственного кризиса. Цены стремительно падали. Шведский индекс оптовой торговли, достигший в июне 1920 года своей высшей точки — 366% в отношении довоенного состояния, упал в мае 1921 года на 218%, а в октябре того же года на 175%. Сбыт затормозился; производства стали закрываться; 150.000 безработных очутились на улице; пассив торгового баланса сильно вырос, а дешевая германская конкуренция привела шведских капиталистов в тревогу.

Несмотря на это, из всех северных государств Швеция легче всего перенесла этот кризис. Здоровая финансовая политика Швеции, которая, не взирая на хозяйственную депрессию, не допускала дефицита в государственном бюджете и сделала шведскую крону самой лучшей валютой Европы и, временами, даже лучшей в мире, — оказалась также верной опорой и для частного хозяйства. Уже начиная с 1922 года, кон'юнктура шведского рынка снова улучшается, хотя вывоз дерева, этого важнейшего предмета экспорта Швеции, был все же на одну треть меньше, чем до войны. В следующем году опять наступает некоторое ухудшение. Тем не менее, хозяйство Швеции сейчас находится в здоровом и цветущем состоянии. Заработная плата рабочих в 400 — 500 крон не является редкостью; средние и большие капиталы показывают скорее увеличение, чем уменьшение. Хотя еще со времени войны в Швеции осталось слишком большое количество банков, все же там крупных банкротств не отмечалось.

Особенность шведского финансового капитала состоит в том, что там банки, по крайней мере важнейшие из них, создавались большей частью промышленными предприятиями. Подчинение

финансового капитала промышленному, которое началось в Германии только в последние годы, в Швеции обнаружилось уже давно. Из главнейших стокгольмских банков Скандинавское кредитное акц. общество (Skandinaviska Kreditaktiebolaget) находится в тесной связи с добывающей промышленностью севера Швеции, в то время как Шведский торговый банк (Svenska Handelsbanken) является учреждение Шведского спичечного треста.

Деятельность Крегера

Шведский спичечный трест (Svenska Tändsticksaktiebolaget) занимает особое положение в хозяйстве Швеции за последние годы. Для того, чтобы подойти к началу концерна, надо вернуться к тому времени, когда в Швеции возникло производство спичек. В 1845 году Иоганн-Эдвард Лундштрем открыл на своей родине в Ёнчепинге первую фабрику шведских спичек. В следующее десятилетие возник ряд других спичечных фабрик, которые положили начало славы Швеции в этой отрасли промышленности. Внутри Швеции началась большая конкуренция между спичечными фабриками. К концу прошлого столетия отмечается стремление в экспортной торговле к концентрации шведской спичечной промышленности. Толчок к этому дало английское экспортное агентство Левенадлера. В 1903 году старая Ёнчепингская спичечная фабрика соединилась с акционерным обществом спичечной фабрики Вулкан.

Но первенство у этого концерна вырвал другой концерн. Незадолго до войны, в марте 1913 года, основывается новое Акционерное общество соединенных спичечных фабрик, об'единяющее 12 спичечных производств. Инициатором этого образования был молодой инженер Ивар Крегер, происходивший из распространенной семьи промышленников. Во время высокой кон'юнктуры рынка в военное время Крегер приобрел спичечные фабрики Ёнчепинг-Вулкан, и оба концерна, находящиеся под его руководством, соединяются в Шведское спичечное акционерное общество (Svenska Tändsticksaktiebolaget). Этим самым Крегер сосредоточил в своих руках все важнейшие спичечные фабрики Швеции, после чего он устремляется уже на захват заграничного рынка. Во время войны шведские спички оказались вытесненными с одного из важнейших рынков сбыта. Молодая спичечная промышленность Японии вырвала из рук Швеции индийский рынок, который до войны на треть снабжался шведскими спичками. Улучшив организацию сбыта, Крегер снова овладел индийским рынком, и с помощью американского капитала укрепился даже в Японии.

Борьба за мировую монополию

В 1923 году состоялось соглашение между концерном Крегера и американской финансовой группой, в которую входил также и Рокфеллер, и с того времени шведский концерн задался целью получить монополию производства спичек всего мира. Эта цель в значительной части уже достигнута. Шведская группа имеет решающее влияние на германскую спичечную промышленность, действуя через своего представителя А. Нау в Гамбурге, в руках которого находится ¾ акций Акц. общества Германской спичечной фабрики в Касселе. Кассельская фабрика и тесно связанное с ней Акц. общество Шталь и Нельке присоединили к себе за последние 3 года ровно дюжину германских спичечных фабрик; таким образом, они владеют больше чем 30% всей спичечной продукции Германии. Концерн Крегера приобрел также решающее влияние на польскую спичечную промышленность и господствует в латвийской промышленности. Через того же Нау концерн стоит в тесной связи с новой Данцигской спичечной фабрикой. Шведский трест Крегера контролирует в настоящее время больше одной трети всей мировой продукции спичек.

Мы имеем здесь дело с такой концентрацией, какой до сих пор еще не давала ни одна обрабатывающая промышленность. Самое замечательное при этом, что все сырье, требующееся для производства знаменитых шведских спичек, должно быть импортировано в Швецию. Даже шведское дерево, главный продукт местной промышленности, только в очень ограниченных размерах годится для спичечного производства. Шведские фабрики большей частью работают с финским, русским и польским деревом. Следовательно, спичечная промышленность не связана с естественными богатствами страны, и если Швеция сейчас имеет мировую монополию в производстве спичек, то это монополия качества продукта. Само собой разумеется, что шведский трест постепенно создал собственные базы сырья, приобретая большие леса на Востоке Европы. В трест входят также ряд машиностроительных заводов и других фабрик, вырабатывающих все, что необходимо для производства спичек. Таким образом, концерн Крегера вылился в форму органически построенного вертикального треста. Тем не менее, мощный шведский трест не брезгует иногда и чисто спекуляционными делами. Так, во время инфляции им приобретен за гроши в центре Берлина ряд доходных домов, которые осенью 1924 года трест продал с большим для себя барышом. Часть этих домов купил Яков Михаэль.

Норвегия и Дания

Подобно Швеции, Норвегия также успешно справилась с кризисом в последние годы, хотя население еще продолжало испытывать последствия обесценения денег. Рост бумажного обращения во время войны имел своим последствием падение норвежской кроны. Когда высокая кон'юнктура кончилась и хозяйственная жизнь снова вошла в обычные рамки, то уже в сентябре 1920 года в Стокгольме за одну норвежскую крону давали 0,70 шведской кроны. Так как правительство не было достаточно энергично для того, чтобы немедленно осуществить политику дефляции путем повышения налогов, валюта продолжала падать. Брешь в бюджете осталась открытой, государственный долг возрастал, а девизы на Христианию дошли до ½ своего довоенного паритета. Но все же частному хозяйству Норвегии удалось без особых катастроф перейти к производству мирного времени. Только один банк в 1924 году испытал большие финансовые затруднения, но был «санирован» (оздоровлен) при помощи правительства.

Иначе дело обстояло в Дании. Там, на-ряду с малодушной финансовой политикой государства, отмечалось легкомысленное ведение частного хозяйства. Огромные военные прибыли, полученные хозяевами пищевой промышленности, прозванными в шутку «генералами-от-консервов», были утрачены ими непосредственно или погибли при банкротстве банков.

Датский крез

Датское хозяйство потерпело самые большие убытки вследствие банкротства крупнейшего банка Дании. Сельскохозяйственный банк, Danske Landmannsbank, основанный в 1871 году, был кредитным учреждением для датского сельского хозяйства. Когда Эмиль Глюкштадт в 1908 году принял от своего отца управление этим банком, последний тогда уже был наиболее видным и солидным банковским учреждением Дании и имел капитал в 60 миллионов крон. Но полного расцвета банк достиг только при молодом Глюкштадте. Этот банк являлся центром для финансирования датской промышленности, укрепления связей с заграничным рынком и размещения государственных займов Дании. Честолюбивый Глюкштадт не удовлетворялся одними своими финансовыми успехами, он стремился также попасть в высшие сферы и приблизиться ко двору, что ему вполне удалось. Глюкштадт становится не только государственным, но и придворным банкиром.

Прилив больших капиталов и прибылей в Данию в первые годы войны побудили Сельскохозяйственный банк увеличить свой основной капитал и расширить круг операций. Руководи-

тели датского хозяйства желали использовать невольное бездействие Гамбургского торгового порта во время войны и сделать Копенгаген первым торговым городом Северной Европы. По инициативе и под руководством Глюкштадта, в 1916 году было учреждено Трансатлантическое общество для экспорта и импорта. Это общество должно было проложить дорогу для датской внешней торговли во всех концах света за границей. Было открыто более 50 отделений. Для правления общества Глюкштадт купил старый королевский дворец в Копенгагене. Несмотря на роскошный фасад и помпезное открытие общества, результаты его деятельности были далеко не блестящими. Хотя обороты заграничных отделений были довольно высоки, но большого значения они не имели в виду того, что в большинстве случаев это были сделки отделений между собой. Одна из таких сделок приобрела громкую известность: центральное правление в Копенгагене продало партию термометров своему филиальному отделению в Буэнос-Айрес. Оттуда термометры были перепроданы Калькуттскому отделению. Но так как этот товар и в Индии не нашел себе применения, он был направлен в Лондон, а из Лондона термометры благополучно вернулись в Копенгаген.

Только с Россией Глюкштадту удалось завязать настоящую экспортную торговлю. Однако, когда в 1917 году в России вспыхнула большевистская революция, Трансатлантическое общество вынуждено было прекратить свои операции, при чем оно потерпело большие убытки, о возмещении которых нечего было и думать. Для Глюкштадта это послужило поводом для открытого выступления против Советского Правительства: он принимает участие в финансировании похода генерала Юденича на Петроград. Но контр-революционное выступление было на голову разбито, и вместе с ним погасла надежда Сельскохозяйственного банка на получение своих денег обратно из России.

Вообще, Глюкштадт во время войны и инфляции обнаружил мало хозяйственного и политического чутья. Он совершенно не предвидел тех последствий, которые могла иметь неограниченная подводная война для датского торгового мореплавания, точно так же, как не угадал впоследствии предстоящего падения марки. Эмиль Глюкштадт твердо держался за марку и побуждал своих клиентов играть на повышение германской валюты. Полагают, что банк Глюкштадта выиграл на этих валютных операциях около 40 миллионов крон, клиенты же банка проиграли до 1921 года не менее 30 миллионов. Но всемогущий Сельскохозяйственный банк относился крайне милостиво к некоторым привилегированным клиентам. Когда спекуляция с акциями пароходных обществ на копенгагенской бирже потерпела поражение вследствие развившейся деятельности германских подводных лодок, Эмиль Глюкштадт в своем банке открыл особый счет для возмещения убытков своих аристократических друзей и родственников. Этот счет

носил таинственное название: «Счет 1-го февраля 1917 года». Убытки любимых клиентов Глюкштадта, происшедшие от неудачной спекуляции, были компенсированы за счет Сельскохозяйственного банка. Таким образом, для Сельскохозяйственного банка возникли потери во много миллионов крон. Но зато у Глюкштадта была репутация самого любезного и благородного банкира Дании. Тот, кто встречался с ним более или менее близко в обществе или был принят в его роскошном доме, всегда имел возможность заработать и выиграть. Это знал каждый ребенок в Копенгагене.

Но Эмиль Глюкштадт был не только неизмеримо богатым крезом, он считался также финансовым гением страны. Когда государству необходимо было иметь представителя по финансовым вопросам, оно всегда уполномачивало на это руководителя Сельскохозяйственного банка. Эмиль Глюкштадт был представителем Дании на конференции в Генуе и в Лиге Наций, когда последняя предприняла оздоровление австрийских финансов.

Банкротство Сельско-хозяйственного банка

Когда Глюкштадт занимался оздоровлением финансов Австрии, его собственный банк не менее нуждался в подобной же операции. Но Глюкштадт старался замаскировать истинное положение вещей до последней возможности. Перемена кон'юнктуры, наступившая в 1920 году в Англии, Голландии и скандинавских странах, казалось, совершенно не отразилась на Сельскохозяйственном банке. Еще в следующем году акционеры получили дивиденд в размере 10%, а правление банка официально заявило, что, хотя им использовано ¾ резервного капитала, основной капитал банка остался совершенно не затронутым.

Когда в ноябре 1921 года акции Сельскохозяйственного банка стали падать, Глюкштадт предпринял своеобразные меры для поддержания их курса. Совместно с вторым директором банка, Рингбергом, Глюкштадт организовал консорциум под названием «Эргор» (Эмиль Р. Глюкштадт — О. Рингсберг), который приступил к восстановлению ценности акций Сельскохозяйственного банка. Под залог акций Глюкштадт и Рингберг получили в датском Национальном банке кредит в размере 30 миллионов крон. Государственный банк на этой операции потерял свыше 20 миллионов. Уже в то время, когда Сельскохозяйственный банк трещал по всем швам, Глюкштадт в Дании и за границей продолжал выступать в роли финансового магната, заключая огромные сделки и являясь посредником государства в его займах. Глюкштадт находился большей частью в раз'ездах, а банком в это время управлял Рингберг, уже тогда проявлявший признаки умопомешательства и вскоре умерший. Когда Глюкштадт возвращался на время в Копенгаген, он попрежнему принимал короля и прочих членов ко-

ролевской семьи и двора в качестве гостей у себя дома и в качестве клиентов в своем банке.

Но самые высокие протекции не были в состоянии предотвратить беду. В июле 1922 года возникли первые затруднения в платежах Сельскохозяйственного банка, которые временно были ликвидированы. Через несколько месяцев наступили новые финансовые затруднения, и для того, чтобы соблюсти декорум, Глюкштадт, уже устраненный от управления банком, предоставил весь свой частный капитал, за исключением наследованного его женой личного состояния, в распоряжение банка. Однако, сокровища бывшего копенгагенского креза к этому времени уже значительно поредели, а обязательства банка были слишком высоки. Убытки Трансатлантического общества составляли в 1922 году свыше 200 миллионов крон, из которых на долю Сельскохозяйственного банка приходилось 165 миллионов крон. Катастрофу более нельзя было предотвратить. К началу 1923 года банк приостановил платежи. Датскому государству, принявшему на себя полную гарантию перед кредиторами банка, этот крах обошелся в 300 миллионов крон. Акции банка, котировавшиеся за год до этого в 110 крон, упали до 6 крон. Все население страны, начиная от придворных кругов и кончая самым мелким лавочником, так или иначе пострадало от этого банкротства. Потребовалось вмешательство прокурора, Глюкштадт был арестован и заключен в тюрьму. За финансовым крахом последовал душевный и физический крах. Глюкштадт умер в июне 1923 года в тот момент, когда дело о его злоупотреблениях слушалось в Копенгагенском суде. Суду оставалось только осудить других директоров Сельскохозяйственного банка, которые, впрочем, отделались очень низкими денежными штрафами.

Кризис в Швейцарии

Из всех нейтральных государств самый тяжелый кризис, несомненно, пришлось пережить Швейцарии. Правда, там дело не дошло до таких резких катастроф, как в Дании. Но зато хозяйство Швейцарии, начиная с 1920 года, постоянно находилось под очень тяжелой депрессией, от которой только в последнее время она начинает постепенно освобождаться. Государство, которое самым тщательным образом оберегало свою валюту и все эти годы удерживало свой франк на довоенном паритете, больше всех других стран Европы потеряло на инфляции. Более 7 миллиардов швейцарских франков были помещены за границей, причем большая часть из них находилась в Германии и Австро-Венгрии. Происшедшие от этого убытки тяжело отразились на стране, тем более, что Швейцария не имела таких больших военных прибылей, какие выпали на долю других нейтральных государств. Географические условия Швейцарии лишили ее самого прибыль-

ного во время войны дела — морского транспорта, а транзитное сообщение через страну вскоре подверглось строжайшему контролю обеих воюющих сторон. Промышленность Швейцарии мало была приспособлена для военных целей.

Когда политические затруднения были устранены, начались хозяйственные. Швейцария оказалась как бы островом, где господствовала благородная валюта, между странами с обесцененной плебейской валютой, которые не могли позволить себе роскоши приобретать товары в дорогой Швейцарии. Наиболее развитое в стране дело по обслуживанию туристов также переживало большой кризис, так как немцы со своими бумажными марками не могли посещать Швейцарию. Вследствие этого, вскоре после войны наступили затруднения в платежах некоторых швейцарских банков, и многие фабрики должны были прекратить свои производства. Швейцарский союзный совет разрешил акционерным обществам распределить в балансах понесенные от обесценения иностранной валюты убытки на 20 лет. Таким образом, до открытого банкротства дело не дошло, но все же нельзя было спасти положение замаскированием балансов. Не было никаких дивидендов; курсы биржевых бумаг падали; число безработных возросло в 1921 г. до 150.000. Это означало для страны, где всего 2½ миллиона жителей, что каждый четвертый отец семейства и каждый третий промышленный рабочий остались без работы.

Среди обществ, наиболее пострадавших от кризиса, находилось самое большое электрическое предприятие и в то же время наиболее распространенный промышленный концерн Швейцарии— заводы Броун, Бовери. Акционерное общество Броун, Бовери и Комп. в Бадене (Швейцария), увеличившее свой капитал во время войны с 32 миллионов до 56 миллионов, в последние годы потеряло почти половину своего капитала. Основанные фирмой заводы в Германии, на которых временами было занято до 16.000 рабочих, также не были в состоянии прийти на помощь Обществу Броун, Бовери и Комп.

Застой

Испания — единственное нейтральное государство южной Европы — во время войны, вследствие своего географического положения, имела другое хозяйственное развитие, чем остальные нейтральные страны—чем Голландия, скандинавские государства и Швейцария. Последние находились между воюющими державами. Испания же лежала в стороне, вклинившись среди государств, входящих в Антанту. Все значительные военные прибыли Испании происходили, таким образом, исключительно от поставок и других услуг, оказанных союзниками.

Сохранение политического нейтралитета спасло Испанию от судьбы соседней Португалии, валюта которой упала до $^1/_{40}$ довоенного паритета. Но тем не менее испанское хозяйство не су-

мело извлечь никаких длительных выгод из того под'ема, который оно пережило во время войны. По французскому образцу испанское правительство покрывало дефицит государственной росписи не повышенными налогами, а казначейскими обязательствами. Вследствие плохой финансовой политики, пезета понизилась на 30% против довоенного паритета, а частное хозяйство почти ничего не выиграло. Правда, с внешней стороны испанское хозяйство сохранило тот вид, который оно получило в годы грюндерства. Повсюду в городах мы видим роскошные новые здания, блестящие дворцы, где помещаются банки, обширные промышленные сооружения. Но за этой внешностью не кроется никакой действительной силы. Возникновение тяжелой индустрии в районе Бильбао, так же как в Италии, не оправдало возложенных на нее надежд. Высокие покровительственные пошлины, которыми промышленники старались обезопасить себя от иностранной конкуренции, ожидаемых результатов не принесли. Правда, после окончания военной кон'юнктуры, в Испании не отмечалось больших банкротств, но повсюду замечался застой в промышленности, а торговый баланс этой неизмеримо богатой страны увеличился в пассиве более чем на 2 миллиарда пезет.

Соответственно застою в промышленности и торговле, в непомерно раздувшемся банковском деле также наступило ухудшение. При этом обанкротились Кастильский банк (Banco de Castilla) и Барселонский банк (Banco de Barcelona), последний вследствие легкомысленных спекуляций своего руководителя, испанца германского происхождения Климша. Некоторые старые финансисты, в том числе семья Урвихо, смогли увеличить свой капитал и существенно расширить сферу своей деятельности. Но, в общем, хозяйственная структура страны и распределение капиталов между различными классами населения, несмотря на войну и обесценение денег, остались без изменения. Если испанская статистика оценивает народно-хозяйственный капитал в 200 миллиардов пезет, эта цифра основывается не на активном капитале страны, а на ее естественных нетронутых богатствах.

Америка и Европа

Огромный кризис дефляции, разразившийся в последние годы в нейтральных государствах, постепенно ликвидируется. В инфляционных странах этот кризис еще не изжит, а некоторым странам он еще предстоит в будущем. Только тогда, когда хозяйственная жизнь придет в полное равновесие, можно будет судить, в какой мере Европа пострадала во время войны, какие убытки она понесла и что ей удалось сохранить. Материальный ущерб, нанесенный войной европейским государствам, может быть без преувеличения оценен в 50 миллиардов золотых марок [1]. К тому же имело

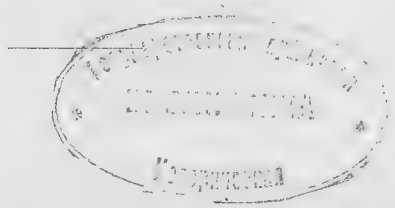
[1] Таблицы по репарациям. Ассоциация итальянских банков. Милан.

место огромное перемещение капиталов между Европой и Америкой. По американским данным, народное состояние Северо-Американских Соединенных Штатов увеличилось с 1912 года по 1920 год по меньшей мере вдвое, а именно с 188 миллиардов до 375 миллиардов долларов. Даже принимая во внимание прирост населения за этот период в 10 миллионов жителей, народное состояние на одного жителя определяется в 2.000 долларов в 1912 году и 3.600 долларов в 1920 году. В это же время все участвовавшие в войне европейские государства потеряли значительную часть своего состояния или в лучшем случае только сохранили его в прежнем виде. По исчислению директора Миланского банка и эксперта в Комиссии по репарациям, Марио Альберти, состояние наиболее важных стран, принимавших участие в войне, составляло:

Государства.	В миллиардах долларов.	
	1912/13 г.	1920/21 г.
Соединенные Штаты	188	375
Англия	73	73
Германия	83	58
Франция	58	51
Италия	22	20,5
Бельгия	11,5	10,3

Сюда не входит задолженность союзников и обязательства Германии по репарациям. При покрытии союзниками военных долгов Америка обогатится еще на 10 миллиардов долларов.

Таким образом, за последние десять лет финансовое соотношение между Европой и Америкой совершенно переменилось. Соединенные Штаты являются теперь мировым банкиром, а европейские государства, и прежде всего те, которые находятся на континенте Европы, превратились из стран-кредиторов в страны-должники. Величайшая из всех войн не смогла до основания разрушить европейское хозяйство, и большая часть того, что в настоящий момент кажется утраченным, в действительности не потеряно, а только перешло в другие руки. Как ни велики уничтожения, произведенные войной, все же не разрушение хозяйства, а перемещение капиталов является характерной чертой для экономики Европы и Америки за последнее десятилетие.



ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие 3

Часть I.

Германия.

Глава I.—История инфляции 9

Государство подписывает векселя 11
Ошибка Гельфериха 12
Бумажный поток начинается 13
«Никаких военных налогов» 15
Население ничего не знало . . . . . —
Влияние революции 16
Открытие американского доллара 18
Репарационные платежи 19
Толки о стабилизации 20
Финансирование борьбы за Рур 21
Последние месяцы инфляционного периода 23
Хозяйство без мерила ценности 25
Кредиты в бумажных деньгах 26
Открытое государственное банкротство 27
Ипотечные долги 29
Экспроприация домовладельцев 30
Облигации и вклады в сберегательных кассах 32
Развитие биржевых операций . . . . . —
Публика спекулирует 34
Имущество средних классов 36
Крупные состояния 37

Глава II.—Военная прибыль промышленности (Отто Вольф) . 40

Рост дивидендов . . . . . —
Программа Гинденбурга 42
10 миллиардов об'явленной прибыли 43
Отто Вольф—Военный поставщик 44
Тайный советник Штраус 45
Приобретение «Феникса» 47
«Феникс» становится голландской собственностью 49
Рейнская сталь и «Ван-дер-Циппен» 50
Отто Вольф и Северо-Германский ллойд 51
Поход в Россию 52
Отто Вольф и общественность 53
Газетные предприятия 54

стр.

Глава III. — Инфляционная прибыль промышленности (Гуго Стинес) 57

Начало карьеры Стинеса 58
Учреждение Германско-Люксембургского общества 59
Гуго Стинес спекулирует участками. Крупный миллионер 60
Хозяйство военного периода 62
Учреждение горно-электрического концерна 64
Частный концерн Стинеса 66
Борьба за железные дороги и пароходные общества 68
Бурый уголь 70
Стинес—нефтяной король 71
Завоевание прессы 73
Скупка банков 76
Стинес за границей 78
Откуда у Стинеса девизы? 80
Ущерб, нанесенный Германии 81
Стинес—аннексионист и Стинес—миротворец 82
Соглашение с Люберзаком 83
После оккупации Рура 85
Хозяйские нравы Стинеса 87
Высокая зарплата—высокие цены 88
Борьба за восьмичасовой рабочий день 90
Смерть Стинеса 92
Стинес—благодетель 93
Наследство 94

Глава IV. — Потери промышленности на репарациях (Братья Штумм) 97

Версальский договор 98
Самопомощь и компенсация 99
Возникновение капитала Штумма 100
Король Штумм и его наследники 101
Оккупация Саарской области 102
Продажа Саарских предприятий французам 103
Новый концерн Штуммов 104
Организация нового концерна 106

Глава V.—Финансовый капитал (Гуго И. Герцфельд) 107

Инфляция банков . . . . . —
Наплыв на биржу 109
Эмансипация промышленности 110
Финансовый капитал отходит на задний план 111
Отто Маркевич. Начало и конец его карьеры 112
Разбогатевшие биржевики 114
Гуго Герцфельд 114
Посредничества для Стинеса и Вольфа 115
Биржевик—основатель концерна 117
Государство в роли дельца 118
Чародей биржи 119
Наследство 120

Глава VI.—Аграрный капитал 122

Сельское хозяйство во време войны 123
Борьба против принудительного хозяйства . . . . . —
Высокая конъюнктура и инфляционная прибыль 124
В погоне за реальными ценностями 126

стр.
Перемещение капитала из города в деревню . . . 127
Перемещение капиталов в сельском хозяйстве . . . 128
Магнаты из Верхней Силезии . . . 129
Провал землеустроительной политики . . . 131
Уничтожение фидеикомиссов . . . 132

Глава VII.—Капиталы династии . . . 135

400.000 гектаров земельных владений . . . 136
Прусский цивильный лист . . . 137
Имения Гогенцоллернов . . . 139
Убытки Гогенцоллернов от инфляции . . . 140
Расчет с Гогенцоллернами . . . 141
Секвестр и переговоры . . . 143
Проекты возмещения . . . 144
Что Вильгельм II успел уже получить? . . . 145
Капиталы принцев . . . 147
Возмещение другим союзным монархам . . . 148
Сутяжничество монархов . . . 149
Веттины и Вительсбахи . . . 150
Герцоги мекленбургские . . . 151
Как поступал Бисмарк . . . 152

Глава VIII.—Начало дефляции . . . 154

Первое последствие стабилизации . . . 155
Безработица . . . —
Банкротство . . . 156
Сокращение банков . . . 157
Биржи пустеют . . . 158
Бумаги не повысились . . . 159
Теснота в капиталах и безденежье . . . 160
Нужда в сельско-хозяйственном кредите . . . 161
Фиктивные потери . . . 162
Нужна ли переоценка? . . . 163
Налог на инфляционную прибыль . . . 164
Современнное народное хозяйство . . . 165
Возрождение средних классов . . . 168
Понижение ценности акции . . . 169
Доходы промышленности . . . 170
Недооценка городской недвижимости . . . 172
Доходность сельского хозяйства . . . 173
Вторая стадия перемещения капиталов . . . 174
Начало карьеры Якова Михаэля . . . —
Образование концерна Михаэля . . . 175
Прибыли от стабилизации . . . 177
Банковские операции Михаэля . . . 179
Борьба за среднегерманский кредитный банк . . . 180
Конец трагикомедии . . . 181

Часть II.

Другие государства.

Глава IX.—Новые государства . . . 185
Раздел Австро-Венгрии . . . 186
Оздоровление финансов, предпринятое Зейпелем . . . —
Камилло Кастильони . . . 187
Приобретение Альпийского горнопромышленного общества . . . 188
Австрийский Стинес . . . 189

стр.
Бозель, военный поставщик 191
Завоевания союзного банка (Унион банк) 192
Бозель и Рокфеллер 193
Меценат 194
Повышение ценностей в Австрии 195
Кризис стабилизации 196
Братья Броннеры 197
Крах Кастильони 198
Валютная реформа в Чехословакии 199
Отчуждение крупного землевладения 200
Национализация заводов Скода 202
Капитал Карла Скода 203
Петчек и Вейнманн 204
Брат на брата 205
Поход ва Верхнюю Силезию 206
Взяточничество 207
Инфляционная прибыль в Венгрии 208
Симон фон Краус 209
Юлиус Клейн 210
Андреас Миклош 211
Политика и частное хозяйство 212
Балканские государства 213
Аграрная реформа в Румынии и Юго-Славии . . . . . —
Банки и нефтяные промыслы 214
Ципруты 215
Падение польской марки 216
Злотый 217
Раздел земли в Польше 218
Полонизация Верхней Силезии 219
Борьба за Катовицкое Акционерное общество 220
Корфанти в тяжелой индустрии 222
Латвийский Стинес . . . . . —
Отчуждение земель 223

Глава X.—Страны-победительницы 225

Англия поддерживает свою валюту . . . . . —
Убытки крупных землевладельцев 226
Лорд Левергэльм 228
Концентрация промышленности 229
Развитие концерна 230
Кризис 231
Падение французского франка 232
Высокие доходы 233
Братья Камбон 234
Шнейдер-Крезо 235
Расширение концерна Шнейдера 236
Шнейдер и Стинес 238
Карьера Лушера 239
Лушер—политический деятель 240
Эмиль Франки 241
Бельгийский франк 242
Конъюнктура итальянского рынка во время войны 243
Стремление к развитию тяжелой индустрии . . . . . —
Банкротство общества «Ильва» 245
Братья Перроне 246
Банкротство Ансальдо 247
Банкротство Учетного банка . . . . . —
Преодоление кризиса 248

стр.

Глава XI.—Нейтральные государства 250

Военная прибыль и грюндерство 251
Кризис 252
Голландский Стинес . . . . . —
Военная прибыль Креллера 253
Потери на кризисе 254
Ван-Аалст 255
Германские банкиры в Голландии 256
Хозяйство Швеции 258
Деятельность Крегера 259
Борьба за мировую монополию 260
Норвегия и Дания 261
Датский крез . . . . . —
Банкротство сельско-хозяйственнного банка 263
Кризис в Швейцарии 264
Застой 265
Америка и Европа 266

Цена 2 р. 20 к.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки". Телеф. 545-77

Москва: Московское отд. изд-ва „ПРИБОЙ" Лубянский пассаж, №№ 47, 48, 49. Тел. 2-24-09